· ISSN 2541-7509 ·

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

№5, 2020

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

(по материалам международной научной конференции
29-30 мая 2020 года, Смоленск, Россия)

Сетевое издание
Электронный научный журнал

2020·№5 **ISSN 2541-7509**

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Сетевое издание
Электронный научный журнал

Издание основано в 2016 г.
Периодичность – выходит 12 номеров в год.
Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-66175 от 20.06.2016, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Редакционная коллегия

Баринов Д.Н., (*главный редактор*) д-р филос. наук, доц.; *Гавриленков А.Ф.,* д-р истор. наук, доц.; *Гаранина О.Д.,* д-р филос. наук, проф.; *Далингер В.А.,* д-р пед. наук, проф.; *Итунина Н.Б.*, канд. филос. наук, проф.; *Кондрашихин А.Б.,* д-р экон. наук, проф.; *Микерова Г.Г.,* д-р пед. наук, проф.; *Океанова З.К.,* д-р экон. наук, проф.; *Счастливцева Е.А.,* д-р филос. наук, проф.; *Тужба Э.Н.,* д-р социол. наук, доц., *Вестов Ф.А.*, канд. юр. наук, доц., *Казданян С.Ш.*, канд. психол. наук, доц.; *Степанов А.Г*, канд. филол. наук, доц., *Фоменков А.И.*, канд. пед. наук, доц., *Шошин С.В.*, канд. юр. наук, доц.

.

Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Редакция не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Адрес редакции:
214038, г. Смоленск, ул. Кловская, 23-а, 63.
Официальный сайт: naukavestnik.ru.
Тел.: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

2020·№5 **ISSN 2541-7509**

HUMANITARIAN SCIENTIFIC BULLETIN

Network edition
Electronic scientific journal

Publication was founded in 2016.
Schedule – 12 issues in a year.
The certificate of registration EL no. FS 77-66175 of 20.06.2016, issued by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Editorial Board:
Barinov D.N., (*Editor–in–chief*) Doctor of Philosophical sciences, Assoc. Prof.;
Gavrilenkov, A.F., Doctor of Historical sciences, Assoc. Prof.;
Garanina, O.D., Doctor of Philosophical sciences, Prof.; *Dalinger V.A.*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof.; *Itunina N.B.*, Candidate of Philosophical sciences, Prof.; *Kondrashihin A.B.*, Doctor of Economical sciences, Prof.; *Mikerova G.G.*, Doctor of Pedagogical sciences, Prof.; *Okeanova Z.K.*, Doctor of Economical sciences, Prof.; *Schastlivtseva E.A.*, Doctor of Philosophical sciences, Prof.; *Tuzhba E.N.*, Doctor of Sociological sciences, Assoc. Prof.; *Vestov F.A.*, Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof.; *Kazdanyan S. Sh.*, Candidate of Psychological sciences, Assoc. Prof.;
Stepanov A.G., Candidate of Philological sciences, Assoc. Prof.;
Fomenkov A.I., Candidate of Pedagogical sciences, Assoc. Prof.;
Shoshin S.V., Candidate of Juridical sciences, Assoc. Prof.

The materials are published in the author's edition and reflect the personal position of the author. The Editorial board is not responsible for the materials published in the journal. The authors are responsible for the content and reliability of the articles. Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors. When using and borrowing materials reference to the publication is required.

License type supported CC: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Address of the editorial office:
214038, Smolensk, Klovskaya str., 23-a, 63.
Official site: naukavestnik.ru.
Phone: +7 905 696-6338.
E-mail: info@naukavestnik.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ **1**
Костюков Ю.В.
Фарфоровые тарелки в «этрусском стиле» из Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко 1
Котломанов А.О., Чикова Т.В., Чикова Д.В.
«Здесь был Бродский»: об идентичности искусства в городской среде 7
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ **16**
Мальцев Н.К.
История архивного дела в Республике Коми в трудах современных исследователей 16
Прошутинская А.О.
История развития рисоводства на Кубани в 30-е гг. XX века 20
Пустовойт Г.А.
Организация химических исследований на Северо-Востоке России в 1930-е-1940-е гг. 24
Роговой А.С.
Современное этническое мифотворчество: историография вопроса 36
Хазан Е.В.
Использование фондов Магаданского областного краеведческого музея в обучении истории Северо-Востока России 44
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **54**
Алдакимова О.В., Волобуева Н.А., Костенко А.А.
Анализ зарубежного опыта кросс-культурной адаптации иностранных студентов 54
Ветров Ю.П., Проказин Е.С.
Роль гуманитарного образования в формировании профессиональных компетенций у курсантов военных вузов 60
Воробьева М.В., Канарская М.
Дистанционное обучение: характеристики, преимущества и недостатки 65
Иванова А.В., Митющенко Е.В.
Проектирование дисциплины «Визуализация информации» в подготовке бакалавров педагогического образования 70
Муравьева Е.В., Князькина Е.А.
Образовательный кластер как инструмент развития технического творчества 77
Лосева И.И., Миронова Е.Н., Миронов А.В.
Современные технологии формирования ранней профориентации у детей в условиях ДОО 83

Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф.
Тьюторское сопровождение инклюзивного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в организациях среднего профессионального и высшего образования 89
Мельцаев Д.М.
Формально-содержательные и контекстуальные основы изучения литературного произведения в начальной школе 95
Меркулова О.Р.
Литературоведческие основы анализа художественного произведения в начальной школе 100
Динь Тхуй Нган
Использование аутентичных текстов в обучении аудированию русской речи вьетнамских студентов-филологов: теоретический аспект 105
Рябова Т.В., Торосян С.Г.
Мультимедийные технологии как средство повышения эффективности обучения иностранному языку 109
Сезонова Т.В.
Использование практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики (на примере вуза МВД) 115
Стуколова Е.А., Хромова Е.В.
Креолизованный текст как способ развития иноязычной коммуникативной компетенции старшеклассников 123
Сысолятина Л.В.
Роль родителей в формировании словаря у детей раннего возраста с задержкой речевого развития 129
Уйманова Н.А.
Педагогическое саморазвитие преподавателя в электронном образовательном пространстве колледжа 134
Церюльник А.Ю.
Функционирование университета в условиях дистанционного формата обучения в период пандемии COVID-19 139
Чермошенцева Е.Г., Тухватуллина А.В., Залиева Г.И.
Дистанционное обучение: как сократить дистанцию? 144
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ **148**
Nguyen Linh Khieu
Coping with negative impacts of non-traditional security in ethnic minority areas in Russian Federation and experience for Vietnam 148
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **156**
Боровских С.Э, Осницкий А.К.
Устойчивость психологических показателей игроков, как предпосылка успешного командообразования 156

Леденцова С.Л., Чатырбаева Н.Х.
Нарушения интимно-личностных отношений в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями 163
Осницкий А.К., Калинин А.А., Шмаров В.А.
Диагностика уровня социальной фрустрированности ВИЧ-положительных мужчин 171
Плюснина М.А.
Исследование феномена прокрастинации у студентов первого курса обучения 177
Соснина А.А.
Особенности и причины экстремизма в молодежной среде 182
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ 189
Гермашева Т.М., Гречишная В.В.
Особенности взаимосвязи экономики и политики в международной деятельности КНР 189
Goya B.
Pricing on the Global Gold Market 194
Калянова Г.С.
Особенности рациональности экономического человека (на примере отдельного административно-экономического района) 198
Михайлова Е.М.
Категоризация информационных источников HR-аналитики в контексте управления эффективностью персонала 203
Найденко И.С., Величко О.А.
Проблемы и перспективы развития внедрения цифровых технологий в высшем образовании 209
Костина Е.Ю., Сивцев А.М.
Проблемы организации деятельности по обеспечению социальных проектов для молодежи в Приморском крае 215
Соина А.С., Ченгарь О.В., Шевченко В.И.
Общество через призму больших данных социальных сетей: современный зарубежный опыт 220
Тулина Т.М.
Количество среднего класса в России и Вологодской области по параметру доход в соответствии с различными методиками в 2019 г. 228
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 235
Баранцева О.А., Кузнецова К.Э.
Проблема определения и систематизации академического вокабуляра 235
Бармина Е.А., Местанко Н.А., Москаленко О.А., Скидан О.Г.
Окказиональные преобразования фразеологизмов англоязычного политического медиадискурса как средство достижения его динамики 240

Бутенко Е.Ю.
Лексикографический аспект концепта Eeyorishness (Пессимизм) в британской лингвокультуре 245
Кабанова Н.Е., Селиверстова М.О.
К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы 251
Топоркова Ю.А.
Коммуникативно-прагматический аспект испаноязычных рекламных текстов 259
Шевченко Т.С.
Духовный потенциал пушкинского текста как прецедентного (на примере русской эмигрантской публицистики) 265
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 270
Апухтин А.Н.
Терминологическая неопределённость понятия личности в богословии 270
Бухалова Н.А., Игнатьева Н.Н.
Современная семья: кризис или трансформация? 278
Гомбоева Н.Г.
Особенности духовной сферы современного общества 285
Кожевникова О.Н.
Влияние философии Платона и Аристотеля на интерпретацию семейной проблематики представителями казанской школы духовно-академического теизма (конец XIX – начало XX веков) 290
Меньшикова А.А.
«Лингвистическое кантианство»: независимость концепции 295
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 302
Босык О.И., Куликова А.А.
Пути решения проблемы очередей в детские сады в субъектах Российской Федерации 302
Литвина В.С.
Некоторые вопросы определения и согласования условий о вознаграждении по агентскому договору: российское право и зарубежный опыт 306
Nguyen Trung Thanh
Accountability - theoretical and practical issues in Vietnam 313
Погарцев В.В.
Правовая и социальная природа международного консьюмеризма 323
Саушкин С.О.
Становление и перспективы дальнейшего развития уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации 328

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF ART **1**
Kostyukov Yu.V.
Porcelain plates in the «etruscan style» from the Kovalenko art gallery 1
Kotlomanov A.O., Chikova T.V., Chikova D.V.
«Brodsky was here»: about the identity of art in urban environment 7
HISTORICAL SCIENCES **16**
Maltsev N.K.
History of archives in the Komi Republic in the works of modern researchers 16
Proshutinskaya A.O.
The history of the development of rice farming in the Kuban in the 30s. of XX century 20
Pustovoit G.A.
Organization of chemical research in the North-East Russia in the 1930s-1940s. 24
Rogovoy A.S.
Contemporary ethnic myth creativity: a historiography of the question 36
Khazan E.V.
Funds of the Magadan regional museum in teaching the history of the North-East of Russia 44
PEDAGOGICAL SCIENCES **54**
Aldakimova O.V., Volobueva N.A., Kostenko A.A.
Analysis of foreign experience in cross-cultural adaptation of foreign students 55
Vetrov Yu.P., Prokazin E.S.
The role of humanitarian education in the formation of professional competencies among cadets of military universities 60
Vorobyeva M.V., Kanarskaya M.
Distance learning: characteristics, advantages and disadvantages 65
Ivanova A.V., Mityuschenko E.V.
Projection of discipline «Visualization of information » in the training of bachelors of teacher education 70
Muravyova E.V., Knyazkina E.A.
Educational cluster as a tool for the development of technical creativity 77
Loseva I.I., Mironova E.N., Mironov A.V.
Modern technologies for the formation of early career guidance in children in pre-school settings 83
Martynova E.A., Romanenkova D.F.
Tutor support for inclusive education persons with limited health possibilities and persons with disabilities in organizations of secondary professional and higher education 89

Meltsaev D.M.
Formal-substantive and contextual foundations of the study of literary works in elementary school 95
Merkulova O.R.
Literary research bases of analysis of artwork in elementary school 100
Dinh Thuy Ngan
The use of authentic audio texts in teaching listening skill of Russian language to Vietnamese students-philologists: theoretical aspect 105
Ryabova T.V., Torosyan S.G.
Multimedia technologies as a means of improving the effectiveness of foreign language teaching 109
Sezonova T.V.
Using a practice-oriented approach in teaching criminology (on the example of the University of the Ministry of internal Affairs) 115
Stukolova E.A., Khromova E.V.
Creolized text as a way of developing foreign-language communicative competence of high school students 123
Sysolyatina L.V.
The role of parents in forming a dictionary in children of early age with delay of speech development 129
Uimanova N.A.
Teacher's pedagogical self-development in the electronic educational space of the college 134
Tceryulnik A.Yu.
Distance learning at the university during the COVID-19 pandemic 139
Chermoshentseva E.G, Tuhvatullina A.V., Zalieva G.I.
Distance Learning: How to Shorten the Distance? 144
POLITICAL SCIENCES 148
Nguyen Linh Khieu
Coping with negative impacts of non-traditional security in ethnic minority areas in Russian Federation and experience for Vietnam 148
PSYCHOLOGICAL SCIENCES 156
Borovskikh S.E., Osnitskiy A.K.
Stability of player's psychological indicators as a prerequisite for successful team building 156
Ledentsova S.L., Chatyrbaeva N.H.
Violations of intimate-personal relations in families with women with gynecological diseases 163
Osnitskiy A.K., Kalinin A.A., Shmarov V.A.
Social frustration level diagnosis of HIV-positive men 172

Plyusnina M.A.
Research on the phenomenon of procrastination in first-year students 177
Sosnina A.A.
Features and causes of extremism among young people 182
SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES 189
Germasheva T.M., Grechishnaya V.V.
Features of the relationship between Economics and Politics in China's international activities 189
Goya B.
Pricing on the Global Gold Market 194
Kalyanova G.S.
Features of rationality of an economic man on the example of a separate administrative and economic district 198
Mikhailova E.M.
Categorization of HR Analytics information sources in the context of personnel performance management 203
Naydenko I.S., Velichko O.A.
Problems and prospects for the development of the introduction of digital technologies in higher education 209
Kostina E.Yu., Sivtsev A.M.
Problems of organizing activities to ensure social projects for youth in the Primorsky Territory 215
Soina A.S., Chengar O.V., Shevchenko V.I.
Society through the perspective of big data and social networks: modern foreign experience 220
Tulina T.M.
The number of the middle class in Russia and the Vologda region by the income parameter according to various methods in 2019 228
PHILOLOGICAL SCIENCES 235
Barantseva O.A., Kuznetsova K.E.
The problem of defining and systematizing academic vocabulary 235
Barmina E.A., Mestanko N.A., Moskalenko N.A., Skidan O.G.
Promotion of English political media discourse dynamics by means of its phraseological units occasional transformations 241
Butenko E.Yu.
Lexicographic aspect of the concept Eeyorishness in the British linguistic culture 245
Kabanova N.E., Seliverstova M.O.
To the issue of the speculative fiction genre peculiarities 251
Toporkova Yu.A.
Communicative and pragmatic aspect of Spanish-language advertising texts 259

Shevchenko T.S.
The ethical potential of the Pushkin text as a precedent (based on Russian emigrant journalism) 265
PHILOSOPHICAL SCIENCES **270**
Apukhtin A.N.
Terminological uncertainty of personality concept in theology 270
Bukhalova N.A., Ignatyeva N.N.
Modern family: crisis or transformation? 278
Gomboeva N.G.
Features of the spiritual sphere of modern society 285
Kozhevnikova O.N.
Influence of the philosophy of Plato and Aristotle on the interpretation of family issues by representatives of the Kazan school of spiritual and academic theism (late XIX – early XX centuries) 290
Menshikova A.A.
The linguistic Kantian tradition: its independence 295
JURIDICAL SCIENCES **302**
Bosyk O.I., Kulikova A.A.
Ways to solve the problem of queues in kindergartens in the regions of the Russian Federation 302
Litvina V.S.
Some issues of determining and agreeing on terms of remuneration under an agency agreement: Russian law and foreign experience 306
Nguyen Trung Thanh
Accountability - theoretical and practical issues in Vietnam 313
Pogartsev V.V.
Legislative and social nature of international consumerism 323
Saushkin S.O.
Formation and prospects for the further development of authorized bodies for the protection of the rights of personal data subjects in the Russian Federation 328

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3889914
УДК 069.514

Костюков Ю.В.

Костюков Юрий Владимирович, научный сотрудник, ГБУК Краснодарского края «Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А. Коваленко», 350063, Россия, г. Краснодар, ул. Красная, 13. E-mail: compactrcircumflex1@mail.ru.

Фарфоровые тарелки в «этрусском стиле» из Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко

Аннотация. Коллекция Краснодарского художественного музея имени Ф.А. Коваленко разнообразна по составу и дает представление о русском декоративно – прикладном искусстве XIX века. В фондах художественного музея хранится шесть тарелок в «этрусском стиле». Выдвигается гипотеза о том, что это предметы из «Этрусского сервиза». Они поступили в конце 1920-х годов от государства, а также в середине 1940-х годов от частных лиц. На основании изучения научной литературы и сравнительного анализа предметов из Краснодарского художественного музея и других музейных собраний произведено атрибутирование данных фарфоровых тарелок.
Ключевые слова: Императорский фарфоровый завод, фарфоровая тарелка, атрибуция предмета, Краснодарский художественный музей имени Ф.А. Коваленко, «этрусский стиль», «Этрусский сервиз», орнамент.

Kostyukov Yu.V.

Kostyukov Yuri Vladimirovich, scientific worker, The Kovalenko art gallery, 350063, Russia, Krasnodar, Krasnaya st., 13. E-mail: compactrcircumflex1@mail.ru.

Porcelain plates in the «etruscan style» from the Kovalenko art gallery

Abstract. Collection of the Kovalenko art gallery is varied and gives researchers an idea of the Russian decorative and applied art of the XIX-th century. In the funds of the art gallery are kept six the porcelain plates. Perhaps these are items from the «Etruscan service». They came in the late 1920s from the state, as well as in the mid-1940s from individuals. Based on the study of scientific literature and comparative analysis of objects from the Kovalenko art gallery and other museum collections, these porcelain plates were attributed.
Key words: the Imperial porcelain factory, porcelain plate, item attribution, the Kovalenko art gallery, etruscan style, Etruscan service, ornament.

В 1830-х годах в оформлении русского фарфора получил распространение т.н. «этрусский стиль». В это время практически все памятники древнегреческой керамики приписывались этрускам. В связи с этим за художественным направлением, использующим формы, сюжетных мотивов и колористических приемов античной вазописи, закрепилось обобщающее название «этрусский стиль».

О распространении «этрусского стиля» в оформлении русского фарфора в 1830-х годах свидетельствует несколько сервизов и письменных наборов, изготовленных на Императорском фарфоровом заводе (ИФЗ). Среди них можно назвать: «Этрусский сервиз» (1830-е), «Этрусский сервиз» (1844 – 1847), Письменный набор (1844) и др.

Сервизы создавались специально для императорских резиденций, а некоторые из них для конкретных царских особ. Так, например, «Этрусский сервиз» (1830-е) хранится в Петергофе [3, с. 401], «Этрусский сервиз» (1844 – 1847) – в Царицыне павильоне (Петергоф) [6, с. 33].

Представление об ассортименте предметов подобных комплектов дает «Этрусский сервиз» (1844 – 1847). Он был рассчитан на 48 кувертов (персон). В его состав входили как предметы для завтраков, так и предметы для полдников, например: тарелки, приборы для завтрака, полоскательницы для рта с поддоном, чашки с блюдцами, солонки, корзины, сливочники, молочники, сухарницы, чайники, кофейники, сахарницы и др.

Моделям посудных форм в «этрусском стиле» были присущи строгие прямолинейно очерченные линии. Сервизные формы имитировали древнегреческие сосуды. Как полые, так и плоские изделия отличались гладкими ровными поверхностями.

При оформлении сервизных предметов использовались приемы, позаимствованные из античной вазописи в различных ее исторических вариантах – чернофигурной, краснофигурной и белофонной керамики. Причем в одном произведении иногда соединялись все эти приемы. Несмотря на многоцветие фарфорового декора в «этрусском стиле» внешние поверхности предметов почти всегда сохраняли белый фон, за исключением «Этрусского сервиза» (1844 – 1847).

Сюжеты росписей были исключительно разнообразны, но все они связаны с античной мифологией. Поиски мастерами ИФЗ универсальных образов приводили к условности изобразительного языка, что прослеживается в компилятивном соединении отдельных элементов. Так, Ашарина отмечала, что «в русском фарфоре «этрусский стиль» являлся художественным симбиозом отдельных элементов готического и античного искусства на базе форм классицизма и ампира» [1, с. 155]. Все это вело к тому, что в одном произведении могли сочетаться неоготический рисунок орнамента на бортах, а на зеркале античные сюжеты.

Фарфор хрупкий материал. Многие предметы из первоначальных составов сервизов утрачены. Однако существовала практика доделок. В государственных и частных коллекциях сохранились тарелки к «Этрусскому сервизу» из Царицына павильона в Петергофе (1844 – 1847) изготовленные на ИФЗ во времена Александра II и Николая II.

Со стороны Придворной конторы не поступало заказов частным фарфоровым заводам на изготовление доделок для «Этрусских сервизов». Однако в 1830 – 1840-х годах несколько купеческих предприятий, подражая изделиям известных фарфоровых заводов, изготавливали посуду в «этрусском стиле» на рынок. Например, в Государственном историческом музее хранятся две фаянсовые тарелки (Инв. №557фс; Инв. №558фс) в «этрусском стиле» завода Тереховых и Киселева. Они не являются точными повторениями изделий ИФЗ, но сохраняют их живописную схему: на зеркале мифологический персонаж, а борт украшен антиковизированным орнаментом. Сохраняются также цвета и их комбинации. В Эрмитаже есть сервиз – дежене (небольшой сервиз для завтрака) завода Поскочина. На его оформление большое

влияние оказала посуда фабрики «Этрурия» Дж. Веджвуда [5, с. 18]. Но частные заводы, связанные с традициями народной керамики, сильно адаптировали эти влияния, так как источником их художественной стилистики являлась традиция местной народной росписи.

В собрании Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко (КХМ) хранятся шесть тарелок в «этрусском стиле», которые могут быть связаны с «Этрусским сервизом». Первые две тарелки (Пр-89) (Рис. 1) и (Пр-90) (Рис. 2) были переданы из Государственного музейного фонда в 1926 году [4, с. 282].

Тарелки (Пр-289) (Рис. 3), (Пр-290) (Рис. 4) и (Пр-291) (Рис. 5) поступили в 1929 году из Государственного музея фарфора (Москва) [4, с. 283].

В 1946 году из комиссионного магазина г. Краснодара в результате закупки у частного лица в коллекцию музея попала тарелка (Пр-454) (Рис. 6) [4, с. 282].

Рис. 1. Тарелка глубокая (Пр-89)

Рис. 2. Тарелка глубокая (Пр-90)

Рис. 3. Тарелка глубокая (Пр-289)

Рис. 4. Тарелка мелкая (Пр-290)

Рис. 5. Тарелка глубокая (Пр-291)

Рис. 6. Тарелка глубокая (Пр-454)

У всех без исключения тарелок черепок высокого качества, его цвет – белый без оттенков. Глазурь прозрачная, без дефектов.

Изучение тарелок по виду используемых красок показало, что преобладают такие цвета как светло или темно – коричневый (терракотовый) и черный. По

соотношению цвета борта и зеркала можно выделить две группы тарелок: темный (терракотовый) борт – белое зеркало; белый борт – темное (терракотовое) зеркало. Мастера ИФЗ пытались имитировать краснофигурные, чернофигурные и белофоновые росписи античных ваз, но полностью достичь этого им не удалось. Росписи тарелок с белым бортом, терракотовым зеркалом и черными фигурами, как например, тарелки (Пр-289-291) по соотношению цветов на зеркале сходны с чернофигурными росписями аттических ваз, но у последних поля с росписями окружены черной краской, а не белой как у тарелок или, вообще, без полей.

Больше параллелей можно найти с белофоновой античной керамикой. Росписи тарелок с терракотовым бортом, белым зеркалом и черными фигурами, как например, тарелки (Пр-89-90, Пр-454) сходны с белофоновыми росписями античных сосудов. При этом хронологических различий между этими группами разделок нет, т.е. изначально на ИФЗ использовали все виды разделок. Широко использовался цвет самого фарфора (белый фон). Нет позолоты.

Все без исключения тарелки декорированы надглазурной полихромной росписью. Однако анализ технологии декорирования показывает, что узоры на бортах и рисунок на зеркале был выполнен в разных техниках. Орнаментальные мотивы на бортах в силу своей правильности и стандартности, возможно, выполнены механическим способом. Что касается изображенных на зеркалах фигур и композиций, то ввиду их совмещения при сравнении, вероятно, они получены с помощью трафарета доработанного вручную.

Тарелки из музея по таким показателям как форма и емкость представлены двумя видами – мелкие и глубокие. При этом ширина борта и диаметр зеркала во всех случаях постоянные. Диаметр предметов колеблется в границах 21 см–23 см. Все предметы высокого качества. Дефектов формы нет.

Стилистический анализ изображений на тарелках из КХМ показывает, что их зеркала были украшены сюжетами, связанными с циклом мифов об Олимпийских богах и героях. Так, на терракотовом фоне тарелки (Пр-290) была изображена фигура Гефеста, создающего шлем для доспеха Ахилла. Роспись тарелки (Пр-454) представляет многофигурную композицию – Танат, Орфей и Эрот. Мастеру ИФЗ вероятно был знаком миф об Орфее и Эвридике, сюжет которого он использовал при декорировании тарелки из музея. На черном фоне – царство Аида, изображены фигуры Орфея, музицирующего на лире, с предстоящим перед ним Эротом. Танат – фигура, стоящая перед входом в Аид, изображен в духе античной традиции в виде черного мальчика с крыльями за спиной. Зеркало тарелки (Пр-89) украшает одиночная фигура киммерийца (?) идущая влево. Сюжеты всех этих росписей довольно редки. Однако среди росписей на тарелках в «этрусском стиле» есть те, которые встречаются довольно часто. Например, одиночная фигура сидящей Афродиты влево украшающей зеркало тарелки (Пр-90) и плакальщица, у надгробного памятника изображенная на зеркале тарелки (Пр-291).

Тарелка (Пр-90) из КХМ имеет множество аналогий с фаянсовой тарелкой Веджвуда (марка WEDGWOOD вдавленная, 1775 – 1780). Изображение фигуры сидящей женщины на тарелке Веджвуда – вероятно позаимствовано с фигуры Афродиты на гидрии Мидия из Британского музея. Оно относится к верхней зоне гидрии, иллюстрирующей миф о похищении дочерей Левкиппа Кастором и Полидевком. Афродита – центральная фигура в нижней части сцены. Веджвуд использовал ее в качестве образца для некоторых из его проектов, в том числе и для данной тарелки. Мастер ИФЗ позаимствовал не только сюжет росписи – фигура сидящей женщины, но и прием декорирования тарелки – борт из «бутонов лотоса» и белый фон с сюжетной росписью на зеркале. Причем на тарелке из КХМ повторяется не только веджвуд-

ский сюжет, но и его иконография, и стилистический язык оригинала.

Тарелка (Пр-291) представляет группу изделий с терракотовым фоном. В качестве образца для подражания мастерами ИФЗ, вероятно, были использованы Южно – Италийские (Апулия) сосуды V – IV вв. до н.э. с часто повторяемым сюжетом – плакальщики у надгробного памятника, которые широко были представлены в собрании Эрмитажа. В коллекции нашего музея есть тарелка (Пр-289) с аналогичным сюжетом.

При декорировании бортов тарелок и переходов от борта ко дну мастера ИФЗ широко использовали античные орнаментальные мотивы. В основном это растительные узоры. Одним из наиболее часто встречаемых растительных мотивов является «лотос». Стилизованные изображения лотоса украшают борта и переходы от борта ко дну тарелок – (Пр-89), (Пр-90), (Пр-291), (Пр-454). Изображение лотоса встречается в комбинации с изображением пальметт (Пр-89), лавра (Пр-90) и (Пр-454). Встречаются и другие орнаментальные мотивы и комбинации. По борту тарелки (Пр-289) изображена орнаментальная лента из «лавровых и оливковых ветвей», а на переходе от борта ко дну тарелки изображена орнаментальная лента из «лавровых венков» (?). Борт тарелки (Пр-290) украшает орнаментальная лента из «стеблей папируса(?)», а переход от борта ко дну – орнаментальная лента из «ветвей плюща».

Рассматриваемые четыре тарелки – Пр-89, Пр-90, Пр-291, Пр-454 из музея Коваленко представляют собой подписные изделия – на их дне стоит синяя марка «HI» и дата 1831. Справочные указатели марок помогли определить эти экспонаты. Так, синие марки «HI» на дне тарелок полностью идентичны с марками ИФЗ 1830-х годов, а дата 1831 указывает время, когда они были расписаны [2, с. 139-140].

Среди тарелок в «этрусском стиле» из нашего музея есть две с инвентарными номерами Пр-289 и Пр-290 без марок. Выявленные специфические признаки тарелок, расписанных в «этрусском стиле» на дно которых, помимо марки «HI», нанесена дата 1831 помогают атрибутировать эти предметы.

Расписной декор тарелки с инвентарным номером Пр-289, состоящий из изображения мифологического персонажа, выполненный надглазурными красками терракотового цвета, по своей стилевой манере и цветовой схеме – близкое повторение декора подписного изделия Пр-291. Это позволяет считать его продукцией ИФЗ, как и указанный сравнительный образец.

Тарелка (Пр-290) с мифологическим рисунком на зеркале и с орнаментальным поясом по борту соответствует описанию фарфоровых тарелок с подобным декором ИФЗ 1830-х годов.

В результате проведенного исследования были атрибутированы и введены в научный оборот шесть тарелок в «этрусском стиле» из фондов Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко. Все они датируются 1830-ми годами и были изготовлены на Императорском фарфоровом заводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашарина Н.А. Русское стекло XVII – начала XX века. М.: Галарт, 1998. 312 с.
2. Дулькина Т.И. Марки российского фарфора и фаянса 1750 – 1960. М.: Издательство Ирины Касаткиной, 2003. 430 с.
3. Императорский фарфоровый завод 1744 – 1904. СПб: «Глобал Вью», 2008. 768 с.
4. Искусство России XVI – XIX веков: каталог / Краснодарский краевой художественный музей имени Ф.А.Коваленко. Краснодар: ООО «Типография № 1», 2008. 358 с.
5. Новикова О. Фаянс Завода Поскочина // Антиквариат. 2008. №6 (58). С. 14-23.
6. Носович Т. Фарфор. Фаянс. Из собрания Петергофа. Альманах «Сокровища России». Выпуск 11. СПб.: Изд-во «Абрис», 1998. 40 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Asharina N.A. Russkoe steklo XVII – nachala XX veka. M.: Galart, 1998. 312 s.
2. Dul'kina T.I. Marki rossijskogo farfora i fajansa 1750 – 1960. M.: Izdatel'stvo Iriny Kasatkinoj, 2003. 430 s.
3. Imperatorskij farforovyj zavod 1744 – 1904. SPb: «Global V'ju», 2008. 768 s.
4. Iskusstvo Rossii XVI – XIX vekov: katalog / Krasnodarskij kraevoj hudozhestvennyj muzej imeni F.A.Kovalenko. Krasnodar: OOO «Tipografija № 1», 2008. 358 s.
5. Novikova O. Fajans Zavoda Poskochina // Antikvariat. 2008. №6 (58). S. 14-23.
6. Nosovich T. Farfor. Fajans. Iz sobranija Petergofa. Al'manah «Sokrovishha Rossii». Vypusk 11. SPb.: Izd-vo «Abris», 1998. 40 s.

Поступила в редакцию 18.05.2020.
Принята к публикации 21.05.2020.

Для цитирования:
Костюков Ю.В. Фарфоровые тарелки в «этрусском стиле» из Краснодарского краевого художественного музея имени Ф.А. Коваленко // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 1-6. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Kostyukov.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3889957
УДК 73.03 + 73.05 + 7.011.3

Котломанов А.О., Чикова Т.В., Чикова Д.В.

Котломанов Александр Олегович, кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, 191028, Россия, Санкт-Петербург, Соляной переулок, 13. E-mail: kotlomanov@yandex.ru.
Чикова Татьяна Валентиновна, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 17. E-mail: chikova@yandex.ru.
Чикова Дарья Валентиновна, педагог, Санкт-Петербургская школа искусств № 10, 194214, Россия, Санкт-Петербург, пр. Энгельса, 74. E-mail: dapat@yandex.ru.

«Здесь был Бродский»: об идентичности искусства в городской среде

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы художественной формы и внутреннего содержания произведений современного искусства в открытом (общественном) пространстве. Выбранные авторами примеры и тенденции анализируются и с точки зрения традиционного подхода (монументальное искусство), и с позиции их понимания в системе новейших течений в современном искусстве (паблик-арт, стрит-арт).
Ключевые слова: монументальное искусство, русское искусство, современное искусство, паблик-арт, стрит-арт.

Kotlomanov A.O., Chikova T.V., Chikova D.V.

Kotlomanov Alexander Olegovich, Candidate of Art history, Associate Professor, Stieglitz State Art and Industry Academy, 191028, Russia, Saint Petersburg, Solyanoy lane, 13. E-mail: kotlomanov@yandex.ru.
Chikova Tatiana Valentinovna, Senior Lecturer, Repin St. Petersburg State Academy Institute of Painting, Sculpture and Architecture, 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 17. E-mail: chikova@yandex.ru.
Chikova Daria Valentinovna, Teacher, St. Petersburg School of Art No. 10, 194214, Russia, Saint Petersburg, Engels Avenue, 74. E-mail: dapat@yandex.ru.

«Brodsky was here»: about the identity of art in urban environment

Abstract. Considered the actual issues of form and concept of contemporary art works in open (public) space. Selected examples and trends are analyzed both from the point of view of the traditional approach (monumental art), and from the position of their meaning in the system of the newest trends in contemporary art (public art, street art).
Key words: monumental art, Russian art, contemporary art, public art, street art.

24 мая 2020 г. в день 80-летия Иосифа Бродского на улице Пестеля в Петербурге появилось цветное изображение поэта – лауреата Нобелевской премии, задумчиво, с сигаретой в руке, всматривающегося в окна знаменитого дома Мурузи, где прошли его детство и юность… Смотрел Бродский с фотографии, сделанной уже в эмиграции, где-то в Венеции, но, тем не менее, эффект его присутствия, точнее, «возвращения» в родные стены был вполне убедителен. Как же обидно было многочисленным поклонникам таланта поэта, когда его задумчивый образ был в тот же день замазан каким-то равнодушным рабочим, по чертам лица которого было ясно, что человек он приезжий, скорее всего с юго-востока бывшего СССР… А еще стало известно, что этот «вандализм» был осуществлен по приказу завхоза школы, к которой эта бесхозная стена оказалась приписана, и что тут началось…

Проступивший сквозь стену светлый образ поэта местные журналисты именовали то произведением стрит-арта, то граффити, а другие, более продвинутые, говорили, что это пиар и в общем-то обман, и что нашу культурную, но слишком доверчивую публику вводят в заблуждение: «Автор настенного Бродского – Олег Лукьянов, бизнесмен, бывший военный, родом из Тамбова, не новичок в уличном арте, свои изображения на стенах домов называет «урбан-фресками». На улице Радищева он уже устроил галерею с сомнительной концепцией: Боттичелли, Никас Сафронов, лубочный лебедь. <…> Лукьянов печатает в своей фирме иконостасы, состоит в группе «Сорок сороков», но говорить предпочитает не о политике, а об искусстве. Чтобы приблизить искусство к народу, обращался к депутату-единороссу Денису Четырбоку – просил поддержать его работы на Радищева. Свой творческий жест Лукьянов охарактеризовал просто: «Что-то нахлынуло». Говорит, идея была такая: выходит человек на балкон поэта в доме Мурузи – и встречается с ним взглядом на стене… Но руководство школы, фасад которой послужил холстом для акции, как и Комитет по градостроительству и архитектуре (КГА), не оценили его творческих планов. Сам Лукьянов уверяет, что не знал, чья это стена. <…> И хотя многие горевали об утраченной красоте, в художественной среде еще громче заговорили, что у Лукьянова репутация производителя китча и «фотообоев»» [2].

Так уж получилось, что г-н Лукьянов не впервые стал (наверное, невольно) инициатором дискуссии о границах искусства и китча, а также о том, что же все-таки следует считать «уличным искусством». И хотя эта дискуссия, в основном идущая в формате блогосферы, пока ни к каким определенным результатам не привела, все же нельзя не отдать дань уважение человеку, без которого, наверное, обмен профессиональными, научными и аналитическими мнениями не имел бы той остроты, которая всегда украшает любой дискурс. Впрочем, как нельзя не помянуть добрым словом и выдающегося поэта Бродского, чьи стихи, чьи черты и чья интонация остаются актуальными даже сейчас, в столь сложное для всех время. А речь у нас пойдет, во-первых, о терминологических аспектах самодеятельного городского (уличного) искусства, а во-вторых, об истории с увековечиванием памяти Иосифа Бродского в Санкт-Петербурге в 2000–2010-х гг.

«Терминология» нелегального городского искусства может показаться сложной и даже запутанной, притом что она состоит из слов количеством не более чем словарь легендарной Эллочки-людоедки. Проблемность этой квази- или мета-терминологии коренится в ее происхождении. Практики «искусства» раскрашивания стен с помощью баллоничка аэрозоля, трафарета, сооружения уличных инсталляций сами по себе сознательно и даже принципиально дилетантские, не- и даже анти-профессиональные, поэтому опыт их научного осмысления должен строиться по принципу своеобразной антропологии, как бы со стороны, и во всяком случае с критическим отно-

шением к этой неграмотной «терминологии». Например, в чем существенное различие слов «граффити» и «стрит-арт»? Если отнестись к смыслу этих слов серьезно и объективно, то граффити это скорее техника, а стрит-арт, наверное, более широкое понятие, которое, вероятно, должно включать в себя и граффити, и другие «техники» стрит-арта, то есть, буквально, уличного искусства… Но – «теория» нелегального городского искусства вовсе не так проста.

Процитируем опыт систематизации термина граффити, опубликованный в сборнике «Эстетика стрит-арта» (СПбГУПТД, 2018): «Граффити на сегодняшний день – это глобальная молодежная субкультура, способ коммуникации внутри сообщества, цель которой – тиражирование своего имени или названия команды для маркирования урбанистического пространства и утверждения своего присутствия. Художник или граффити райтер (от англ. to write – писать) не ограничен в выборе материалов и инструментов и может использовать при создании граффити весь имеющийся или еще неизвестный технический потенциал (краска, аэрозольный баллончик, маркер и др.)» [12, с. 7].

То есть, принцип граффити – это «маркирование» пространства, индивидуальное заявление, манифестирование? Тогда что такое стрит-арт?

Обратимся к тому же источнику, вполне авторитетному, тем более что его авторы пригласили в качестве группы поддержки экспертов – и художников, и искусствоведов, и журналистов, и даже филологов. Посмотрим расшифровку понятия стрит-арта, который, как оказывается, сложен не только в своем противоречии с термином граффити, но также и в неожиданном «кофликте» со своим русским переводом, то есть с «уличным искусством»:

«Эксперты сошлись на том, что понятия уличное искусство и стрит-арт дублируют друг друга [эксперты, наверное, долго дискутировали на тему трудностей перевода на русский язык слов Street и Art, и даже о невозможности достоверной передачи их смысла…], но все же существуют разночтения в нюансах [!]. Стрит-арт как широко распространенное и используемое в прессе понятие включает в себя по формальному признаку все виды активности на улице, производимые «художником». Из-за формального использования и моды на него для многих специалистов это понятие было дискредитировано, они стараются его не употреблять. Уличное искусство – это скорее коннотация, то есть термин включает все возникающие, дополнительные элементы, устойчиво связанные с основным значением. <…> Поэтому понятие уличное искусство более широко по спектру и включает в себя любые формы уличной активности, в том числе и политический активизм, коммерческую рекламу и народный жэк-арт. Но со стороны художника уличное искусство – это художественная практика, включающая в себя различные формы творческой активности в городском и общественном пространстве (граффити, стрит-арт, городские интервенции и пр.) Основные критерии, отличающие уличное искусство: нелегальность производства, яркий социально-критический посыл, партизанинг (отражение и популяризация идеи свободного высказывания или действия, направленного на переосмысление и перестройку городской среды и общества в целом), низовые гражданские инициативы с максимально широким спектром используемых изобразительных и медийных средств. Понятие уличное искусство подчеркивает место происхождения и место реализации этих практик» [12, с. 8].

Оказывается, «стрит-арт» – это понятие, которое себя дискредитировало и его использовать нежелательно, а его русский перевод – «уличное искусство» – с одной стороны, включает в себя все что угодно, вплоть до уличной рекламы, но с другой стороны, надо помнить, что «уличное искусство» – это именно художественная, пусть и маргинальная, и дилетантская, но все же «практика». Которая великодушно включает в свой небогатый арсенал в том числе и граффити, и

стрит-арт (!!!), и некие «городские интервенции» и кое-что еще, о чем, наверное, лучше умолчать: мало ли что маргинальные, но креативные умельцы могут сделать на улице…

В общем, из всего этого следует, что мы вполне можем использовать термин «стрит-арт» (который вовсе не требует перевода ни на русский, ни на немецкий, ни на французский или какой-либо другой язык) для обозначения всех появляющихся на стенах домов, на заборах, тротуарах и прочих общедоступных поверхностях «произведений», вне зависимости от их художественной ценности. Возникает резонный вопрос, а как в таком случае быть с термином «паблик-арт», который на протяжении нескольких десятков лет сохраняет актуальность и популярность в среде современного искусства? Чтобы не усложнять и без того несовершенную и запутанную (как бы заблудившуюся в трех соснах) терминологическую ситуацию, мы можем вполне обоснованно утверждать, что между паблик-артом и стрит-артом есть одно существенное различие. Которое состоит в том, что паблик-арт является следствием общественного консенсуса или хотя бы стремится к диалогу с обществом (социумом или комьюнити, то есть локальной «общиной»), а стрит-арт продуцируется уличной субкультурой вне конвенциональных критериев. Проще говоря, паблик-арт профессионален, стрит-арт – нет.

Еще проще, паблик-арт – искусство, стрит-арт – нет. Не искусство, но, так сказать, околохудожественная или околокультурная (почти что оккультная) деятельность, критерием которой могут быть скорее не художественные термины, а понятия «материальной культуры», своеобразной «археологии» или «антропологии» городского организма и процессов его жизнедеятельности.

История с увековечиванием в Петербурге памяти Иосифа Александровича Бродского началась в далеком 1999 г., когда группа известных деятелей культуры, среди которых были Д. С. Лихачев, А. П. Петров и М. М. Козаков, обратились к тогдашнему петербургскому губернатору В. А. Яковлеву с предложением создать музей поэта. (Старожилы вспомнят, что раньше, в 1996 г. мэр Петербурга А. А. Собчак обещал перезахоронить на родине тело поэта, а еще ранее анонсировалось, что Бродский вот-вот приедет в родной город выступить с лекцией.) Губернатор Яковлев идею поддержал, появился «фонд создания музея», один из крупнейших российских банков пожертвовал средства на выкуп первой комнаты в коммуналке, где когда-то жил Иосиф Бродский и его родители… Шли годы, в течение которых «фонд создания музея Иосифа Бродского» с помощью спонсоров приобрел, одну за другой, пять из шести комнат квартиры. Последнюю комнату выкупить никак не получалось, и, тем не менее, проект медленно, но верно двигался, и уже готовилось открытие, и музей вроде бы даже открыли, в январе 2020 г. [1; 9]. Короче говоря, спустя двадцать лет, после стольких трудов, обсуждений и, что немаловажно, после стольких финансовых вливаний проект «Музей Иосифа Бродского в Санкт-Петербурге» так и остался проектом. Хотя и с некоторой определенностью в виде реального пространства, где когда-то обитал будущий нобелевский лауреат.

Через некоторое время после запуска проекта музея, в Петербурге стали обсуждать установку памятника поэту, наверное, в контексте подготовки к 300-летию города, когда «северную столицу» украсило рекордное число бронзовых и гранитных изваяний, от статуи казахского акына Джамбула до 22-метровой Колонны-маяка в Парке 300-летия СПб. Казалось бы, что в этом особенно сложного, поставить монументальную фигуру Бродского в одном из городских скверов, или мемориальную стелу, но оказалось, что это весьма проблематично. Почти так же, как и создание музея в квартире, где он когда-то жил.

Был объявлен международный конкурс (почти одновременно с печально известным архитектурным конкурсом на строительство новой сцены Мариинского

театра), в котором, впрочем, в основном участвовали российские скульпторы, в том числе Зураб Церетели, который предлагал «гибридный» образ поэта – наполовину нобелевского лауреата, наполовину заключенного, одетого в половину лауреатской мантии и половину ватника. Проект Церетели до финала не дошел (хотя и был отлит в бронзе) и теперь, по словам одного классика советского/российского искусствознания, «стоит в музее на Пречистенке в Москве рядом с Владимиром Высоцким, рядом с десятками других интересных, дорогих Церетели людей, известных и неизвестных, запечатленных им в скульптуре. Он удостоил их памятника – не на городской площади, не на кладбище, а там, где они всегда остаются рядом с ним, куда ежедневно приходят на встречу с ними сотни людей – в своем музее, в непреходящей, вечной ЖИЗНИ ИСКУССТВА» [14].

В действительности для Церетели не вполне удачная инициатива с памятником Бродскому была лишь одной из его последовательных упорных попыток «осчастливить» Петербург своим монументальным искусством. Вот что по этому поводу писал известный журналист Михаил Золотоносов в статье с замечательным названием «Крошка Ц.»:

«…Первый намек сорвался с уст Церетели 14 августа 2001 года на церемонии открытия памятника Тургеневу. Зураб Константинович вдруг сообщил о проектируемой им аллее монументов, отражающих 300-летнюю историю Петербурга и России в целом. Для аллеи Церетели присмотрел улицу Турку, известную своей бескрайностью. Речь шла о 70–80 памятниках, выстроенных в ряд. Замысел поразил своей практичностью. Ибо оказалось, что главой Фрунзенского района, где находится улица Турку, является Анна Маркова, жена Геннадия Степанова – директора завода «Монументскульптура», на котором отливают в бронзе творения Церетели, являющегося главным кормильцем завода. И именно этого Степанова, заслуженного деятеля искусств РФ, вице-президента Российской академии художеств (РАХ), возглавляемой Церетели, Зураб Константинович назначил 12 октября 2001 года еще и главой представительства РАХ в Петербурге. Так что все складывалось очень логично. Однако в январе 2002 года Маркова ушла из района на повышение, и потенциальным местом установки 80 памятников монархам и скульптурных аллегорий («Сила», «Справедливость»), а также трехсот (по числу прожитых юбиляром лет) псевдоруинированных колонн немедленно становится парк 300-летия Петербурга в Приморском районе. Весной 2002 года, едва сошел снег, от Церетели был даже прислан человек для съемки местности, а под установку работ Церетели в Комитете по градостроительству и архитектуре была произведена планировка. Но, ввиду упорных слухов, что памятники-подарки на территории парка 300-летия будут иметь статус временных, Церетели опять решил вернуться во Фрунзенский район. Однако весной 2003-го в прессе снова сообщается о парке 300-летия как месте установки подарков от Церетели, количество которых, впрочем, сильно поуменьшилось. В итоге проект реализован так и не был, битву с городом Церетели проиграл, хотя неизвестно, отступил ли он из парка 300-летия навсегда или свой фирменный гибрид шемаханского царства и шахтерского санатория на южном берегу Крыма он еще нам подарит» [7, с. 30].

Как раз в 2003 г. Церетели удалось установить в Круглом дворе петербургской Академии художеств монумент первому президенту Академии Ивану Шувалову:

«Объект, по существу являющийся стратегическим запасом ценного цветного металла, сохранил идею, выросшую из проекта «интерьерного» благоустройства Малой Садовой: замкнуть ее со стороны Итальянской улицы диваном, на который смогут садиться все желающие, чтобы фотографироваться… <…> Кстати, во дворе АХ [Академии художеств] реальный Шувалов быть не мог, поскольку АХ начали проектировать после того, как

Шувалов перестал быть ее президентом, поэтому нелогично, сидя здесь, планировать будущую Академию. Впрочем, на такую мелочь автор внимания не обратил. Более того, на чертеж, лежащий внизу, Шувалов показывает манерным жестом левой «акромегалической» руки. Очевидно, что рука сделана с грубой анатомической ошибкой, она слишком большая (скорее всего, левая рука была сделана позже всей композиции или взята от другого объекта), на что автор также не обратил внимания, лишь постарался спрятать объект во внутренний двор, доступный немногим. Известно, что в художественных кругах установку этого непрофессионально сделанного урода в цитадели академизма интерпретировали как намеренное святотатство, как реализацию патента на вседозволенность, которую памятник и увековечивает. Это даже не кич, это просто бездарная и до смешного неудачная попытка попасть в стиль фигур, окружающих постамент памятника Екатерине II» [7, с. 31].

Возвращаясь к международному конкурсу на создание памятника Иосифу Бродскому, вспомним также, что участие в нем принимал другой известный московский монументалист – Георгий Франгулян. Его проект, в отличие от церетелевского, почти дошел до финала, но все-таки в итоге… в 2011 г. украсил сквер неподалеку от американского посольства в Москве. А в 2003 г. эскиз Франгуляна, вместе с работами некоторых других скульпторов, экспонировался в витрине магазина Bosco di Ciliegi на Невском проспекте под брендами Kenzo и Max Mara. Такое оригинальное решение приняли организаторы конкурса, который должен был быть одновременно демократичным и солидным, даже «пафосным». Вот как выглядели наиболее интересные с художественной точки зрения работы финалистов:

«Пять из семи прошедших в финал работ, в общем-то, консервативны и основаны на портретном сходстве. Бродский более нервный или более спокойный, чуть старше или чуть моложе, в пальто или в пиджаке, почти всегда в полный рост. Их авторы: Юрий Фирсов (Канада), Георгий Франгулян (Москва), Владимир Соскиев (Москва), Ирина Ярошевич (Петербург), Даниэль Митлянский (Москва). Константин Симун (США) оставил Бродского лежать на чугунной ограде набережной, между двумя фонарями, но на Преображенской площади, недалеко от дома Мурузи. Это памятник с механизмом: поэт способен подниматься, как крыло разводящегося моста. Сразу вспоминается другая, но более лаконичная работа этого скульптора: граненый стакан из кварца, оставленный на гранитном парапете. Владимир Цивин предложил разместить текст Бродского на пилонах, разрывающих набережную, в этот проект оказывается вписана Нева. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский назвал на пресс-конференции эту работу «очень торжественной и на века»» [4].

Победителем стал проект Владимира Цивина – «торжественный и на века». А Константин Симун через пару лет установил памятник поэту (но не тот, что предлагал на конкурсе) в дворике Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Точнее, это был не памятник, а небольшая скульптурная композиция под названием «Бродский приехал» («Бродский вернулся»)»:

«На конкурсе 2003 года проект, представленный Константином Симуном, был в семерке финалистов. Его Бродский лежал на чугунной ограде набережной между двумя фонарями. Место скульптуре определялось на Преображенской площади, неподалеку от Дома Мурузи. Штучка была к тому же с механизмом: поэт был способен подниматься, как крыло разводящегося моста. В этой работе была игра, остроумие и даже некоторый трагизм, лишенный всякого подобия пафоса. Новая скульптура совсем другая, хотя и тема полета, и абрис крыла присутствуют. Чемодан, с биркой на имя Бродского, пограничная полоса, за которую этот земной багаж лишь заступает. И голова поэта, установленная на кусок гранита… <…> Первый в городе бронзо-

вый Бродский попал в странное окружение. Дело в том, что на филфаке любят украшать свой дворик скульптурой, как фарфоровыми слониками каминную полку. Незадолго перед Бродским здесь открыли изваяние бронзового бегемота и нарекли его Мотей, заодно объявив, что бегемот женского пола и что если филологические барышни почешут животное за ухом, то быстрее выйдут замуж. Надо прямо сказать, что подобных вдохновляющих функций у свежеотлитого Бродского пока не замечено» [5].

Что касается проекта, победившего на конкурсе, авторства скульптора Владимира Цивина и архитектора Феликса Романовского, то планировалось, что он появится в Петербурге в течение 2004–2005 гг., к 65-летию со дня рождения поэта. Но вначале возникли сложности с финансированием, затем появились проблемы с местом установки. Два высоких узких пилона с текстами Бродского скульптор Цивин предлагал разместить на набережной Лейтенанта Шмидта за Горным институтом. В декабре 2004 г. проект прошел согласование в городском комитете по градостроительству и архитектуре, но разрешение на установку памятника отказался дать комитет охраны памятников, и авторам рекомендовали выбрать другое место. Скульптуру было решено установить на Пироговской набережной, которая в то время была на реконструкции, которую должны были завершить к 2010 г., как раз к 70-летию Бродского. …Теперь-то мы знаем, что идея памятника поэту завершилась ничем, точнее, завершилась фарсом в жанре «стрит-арта», а, между прочим, на что-то такое намекали некоторые критики в 2003 г.: «Едва ли конкурс затеяли ради того, чтобы зафиксировать кризис жанра – состояние полной беспомощности монументальной скульптуры. Но пока это единственный вывод, который можно сделать. И гордо сообщить, что скульпторов, достойных поэта, у нас, простите, нет» [3].

В 2010 г., когда памятник работы Цивина – Романовского должны были установить на Пироговской набережной (авторы даже подготовили новый проект, «трапецию площадью 100 кв. метров, которая на 5 метров выступает в Неву»), выяснилось, что городские чиновники рассматривают другое предложение. Предложение от архитектора Вячеслава Бухаева – «венецианскую полуколонну, увенчанную бронзовым крылатым венецианским львом» на пересечении Среднего проспекта Васильевского острова и набережной Макарова. На срезанной поверхности полуколонны, выполненной из пудостского камня, планировалось разместить тексты стихов Бродского [13]. По мнению скульптора Цивина, новый памятник являлся не только цитатой колонны на площади Сан-Марко в Венеции, но и повторял его первоначальный конкурсный замысел с использованием текстов Бродского [15].

Прошла еще пара лет, и проект Цивина – Романовского вновь актуализировался (во всяком случае, на страницах городской прессы), теперь его предполагалось установить на улице Пестеля, 17 [10]. Еще через три года появилась информация, что памятник планируют смонтировать на брандмауэре (со стороны переулка Короленко) дома Мурузи, где жил поэт, и где вот-вот должны были открыть его музей. Причем, сопровождалось это туманными фразами, из которых можно было сделать вывод о том, что это уже будет работа каких-то других авторов: «Рассматривался вариант установки монумента во дворе дома Мурузи, но рабочая группа отдала приоритет оформлению брандмауэра. Каким будет памятник, определят по конкурсу. Его чиновники предложили провести Фонду Иосифа Бродского» [11]. Наконец, в том же 2015 г. было сообщено, что «комитет по градостроительству и архитектуре отменил конкурс, по условиям которого памятник планировалось установить на брандмауэре дома Мурузи на Литейном проспекте. Причиной этого стало то, что установку скульптуры на открытых общественных пространствах запрещает петербургское законодательство. Вероятно, памятник поэту установят не на брандмауэре, а на земле» [6].

В общем, из всей этой непростой и длительной истории можно сделать вывод о том, что, во-первых, идея увековечивания памяти поэта Бродского в его родном городе обречена на неудачу (хотя все-таки не вполне ясно, по какой именно причине), а во-вторых – принимая во внимание метаморфозы проекта памятника, – что дело так или иначе шло к той инициативе, которая в итоге была осуществлена О. Лукьяновым. Пророческой была фраза, прозвучавшая в СМИ: «Вероятно, памятник поэту установят не на брандмауэре, а на земле». Так почти и случилось. Почти на земле, почти памятник – стрит-арт.

В далеком 2002 г., когда конкурс только начинался, тогдашний главный художник Санкт-Петербурга Иван Уралов сказал в интервью журналу НоМИ («Новый мир искусства»): «Если вы о памятнике Бродскому – он может иметь и непластические свойства. Недаром мы объявили конкурс сначала на идею. Никто не сказал, что памятник – это обязательно бронза и гранит» [8, с. 14].

Прав был «главный художник» Иван Уралов – идея не всегда предполагает воплощение. Равно как и произведение на тему «Здесь был Бродский», наверное, не обязано быть искусством. В то же время, нельзя не признать, что только при соответствии традиционным, консервативным, объективно признанным критериям искусства можно признавать те или иные формы публичного самовыражения достойными сохранения в городской среде. Тем более если речь идет о поиске формы увековечивания, монументализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артеменко К. «Это Иосиф Александрович смеется над нами» // Meduza. 18 ноября 2014. URL: https://meduza.io/news/2014/11/18/eto-iosif-aleksandrovich-smeetsya-nad-nami
2. Башмакова М. Замуровать Бродского // Новая газета в Санкт-Петербурге. 29 мая 2020. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/29/85592-zamurovat-brodskogo
3. Берг Б. Семь бед – один поэт // Коммерсантъ Власть. 2003. № 30. С. 52.
4. Герусова Е. Семь Бродских в финале // Коммерсантъ Санкт-Петербург. 26 июля 2003. С. 4.
5. Герусова Е. Факультативный памятник: памятник Иосифу Бродскому установили во дворе филфака // Коммерсантъ. 16 ноября 2005. С. 21.
6. Город отменил конкурс на памятник Иосифу Бродскому // АиФ Санкт-Петербург. 18 августа 2015. URL: https://spb.aif.ru/culture/event/gorod_otmenil_konkurs_na_pamyatnik_iosifu_brodskomu
7. Золотоносов М. Н. Крошка Ц. // Новый мир искусства. 2003. № 4. С. 29-31.
8. Иван Уралов, главный художник Санкт-Петербурга: «Жду настоящих произведений» [интервью с М. Колдобской] // Новый мир искусства. 2002. № 2. С. 14-15.
9. Колесников Е. В Петербурге открыли музей-квартиру Бродского // Новые Известия. 27 января 2020. Режим доступа URL: https://newizv.ru/news/culture/27-01-2020/v-peterburge-otkryli-muzey-kvartiru-brodskogo
10. На Пестеля установят памятник Бродскому // АиФ Санкт-Петербург. 2 марта 2012. URL: https://spb.aif.ru/society/689148
11. Памятник Бродскому может появиться на брандмауэре дома на улице Короленко // АиФ Санкт-Петербург. 6 февраля 2015. URL: https://spb.aif.ru/culture/event/1441045
12. Пиликин Д. Г. Терминология уличного искусства. Опыт словарных дефиниций // Эстетика стрит-арта: сборник статей / ФГБОУ ВО «С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна»; под общ. ред. К. А. Куксо. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 4-9.
13. Работнова В. Памятник, которого нет // Новая газета в Санкт-Петербурге. 24 марта 2011. URL: http://novayagazeta.spb.ru/articles/6470/
14. Статья М. Чегодаевой о памятнике И. Бродскому работы Зураба Церетели // Новости Российской Академии художеств. 2005. URL: https://rah.ru/news/detail.php?ID=13896
15. Шувалов В. Как чиновники заменили один памятник Бродскому на другой // Online812.ru. 27 января 2011. Режим доступа URL: http://www.online812.ru/2011/01/27/005/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Artemenko K. «Jeto Iosif Aleksandrovich smeetsja nad nami» // Meduza. 18 nojabrja 2014. URL: https://meduza.io/news/2014/11/18/eto-iosif-aleksandrovich-smeetsya-nad-nami
2. Bashmakova M. Zamurovat' Brodskogo // Novaja gazeta v Sankt-Peterburge. 29 maja 2020. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/29/85592-zamurovat-brodskogo
3. Berg B. Sem' bed – odin pojet // Kommersant# Vlast'. 2003. № 30. S. 52.
4. Gerusova E. Sem' Brodskih v finale // Kommersant# Sankt-Peterburg. 26 ijulja 2003. S. 4.
5. Gerusova E. Fakul'tativnyj pamjatnik: pamjatnik Iosifu Brodskomu ustanovili vo dvore filfaka // Kommersant#. 16 nojabrja 2005. S. 21.
6. Gorod otmenil konkurs na pamjatnik Iosifu Brodskomu // AiF Sankt-Peterburg. 18 avgusta 2015. URL: https://spb.aif.ru/culture/event/gorod_otmenil_konkurs_na_pamyatnik_iosifu_brodskomu
7. Zolotonosov M. N. Kroshka C. // Novyj mir iskusstva. 2003. № 4. S. 29-31.
8. Ivan Uralov, glavnyj hudozhnik Sankt-Peterburga: «Zhdu nastojashhih proizvedenij» [interv'ju s M. Koldobskoj] // Novyj mir iskusstva. 2002. № 2. S. 14-15.
9. Kolesnikov E. V Peterburge otkryli muzej-kvartiru Brodskogo // Novye Izvestija. 27 janvarja 2020. Rezhim dostupa URL: https://newizv.ru/news/culture/27-01-2020/v-peterburge-otkryli-muzey-kvartiru-brodskogo
10. Na Pestelja ustanovjat pamjatnik Brodskomu // AiF Sankt-Peterburg. 2 marta 2012. URL: https://spb.aif.ru/society/689148
11. Pamjatnik Brodskomu mozhet pojavit'sja na brandmaujere doma na ulice Korolenko // AiF Sankt-Peterburg. 6 fevralja 2015. URL: https://spb.aif.ru/culture/event/1441045
12. Pilikin D. G. Terminologija ulichnogo iskusstva. Opyt slovarnyh definicij // Jestetika strit-arta: sbornik statej / FGBOU VO «S.-Peterb. gos. un-t promyshlennyh tehnologij i dizajna»; pod obshh. red. K. A. Kukso. SPb.: SPbGUPTD, 2018. S. 4-9.
13. Rabotnova V. Pamjatnik, kotorogo net // Novaja gazeta v Sankt-Peterburge. 24 marta 2011. URL: http://novayagazeta.spb.ru/articles/6470/
14. Stat'ja M. Chegodaevoj o pamjatnike I. Brodskomu raboty Zuraba Cereteli // Novosti Rossijskoj Akademii hudozhestv. 2005. URL: https://rah.ru/news/detail.php?ID=13896
15. Shuvalov V. Kak chinovniki zamenili odin pamjatnik Brodskomu na drugoj // Online812.ru. 27 janvarja 2011. Rezhim dostupa URL: http://www.online812.ru/2011/01/27/005/

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 02.06.2020.

Для цитирования:
Котломанов А.О., Чикова Т.В., Чикова Д.В. «Здесь был Бродский»: об идентичности искусства в городской среде // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 7-15. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Kotlomanov.pdf

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3891485
УДК 930.253 (035.3)

Мальцев Н.К.

Мальцев Николай Капитонович, Заслуженный артист Российской Федерации, ГБУК Московский театр на Перовской, 111394, Россия, Москва, ул. Перовская, д. 75. E-mail: gngkol2@mail.ru.

История архивного дела в Республике Коми в трудах современных исследователей

Аннотация. В статье рассматривается постановка архивного дела в Республике Коми в трудах современных исследователей, дается краткая характеристика становления архивного дела. Анализируются ключевые научные труды по истории архивного дела в Республике Коми. В статье подчеркивается, что для современной исторической науки особое значение приобретают исследования, отражающие роль архивов в развитии науки на определенных исторических этапах в различных регионах России.
Ключевые слова: архив, комплектование, архивный документ, историография, Коми Область, Коми Республика.

Maltsev N.K.

Maltsev Nikolay Kapitonovich, Honored artist of the Russian Federation, Moscow drama theater «On Perovskaya», 111394, Russia, Moscow, Perovskaya st., 75. E-mail: gngkol2@mail.ru.

History of archives in the Komi Republic in the works of modern researchers

Abstract. The article considers the formation of archival business in the Komi Republic in the works of modern researchers, gives a brief description of the formation of archival business. Key scientific works on the history of archival business in the Komi Republic are analyzed. The article emphasizes that for modern historical science, research that reflects the role of archives in the development of science at certain historical stages in various regions of Russia is of particular importance.
Key words: archive, acquisition, archival document, historiographya, Komi Region, Komi Republic.

Принято считать, что гуманитарная наука во многом зависит от архивных источников, которые могут использоваться, собираться, храниться как с целью дальнейшего использования в научно-исследовательских работах, так и на практике. От степени полноты и качества изучения архивных ис-

торических материалов зависит не только объективность, но и правдивость представления прошлого в Российской Федерации. Именно прошлое является ключом к решению многих насущных проблем, решение которых невозможно представить без учета опыта прошлых лет.

В условиях, когда в нашей стране происходят структурные преобразования, сопоставимые по широте и охвату с процессами модернизации страны в прошлом веке, необходимость анализа архивных документов позволит выработать предложения по развитию страны на ближайшую перспективу.

Цель настоящей статьи – рассмотреть историю архивного дела в Республике Коми в трудах современных исследователей. Прежде чем приступить к изложению, необходимо отметить, что история архивного дела в России неоднократно являлась предметом изучения российских историков. В.И. Буганов, С.О. Шмидт, Т.И. Хорхордина и другие неоднократно обращали внимание на этапы формирования, становления и развития архивной отрасли. Эти же проблемы изучались и региональными архивистами-историками.

К 1917 г. в России был завершен этап централизации архивного дела. Весь период изучения архивного дела с 1917 по 1991 гг., можно условно разделить на несколько этапов: 1917-1945; 1948-1960; 1960-1980; 1990 – по настоящее время. На первом шло накопление исторического опыта, изучались Декреты по архивному делу, анализировались материалы архивных съездов и др. На втором этапе появляются первые обобщающие труды по истории архивов как центральных, так и местных. В регионах издаются первые архивные сборники по истории архивной службы. На следующем этапе основное внимание было уделено истории архивов организаций, истории комплектования и др. Сегодня история архивов изучается в контексте истории государственных учреждений и истории управления документами.

В этот исторический период: наблюдалось формирование научных групп и направлений по изучению истории архивной службы; усилилось внимание ученых к истории деятельности архивов в регионах страны и истории ведомственных архивов; расширялся и углублялся спектр исследования проблем, связанных с просветительской деятельностью архивных организаций.

История архивного строительства, комплектования архивов регионов была отражена в статьях, опубликованных в центральных и местных журналах и периодических изданиях, выступлениях на конференциях, заседаниях научно-методических советов зональных федеральных округов [1].

В Республике Коми первой работой по истории архивов в Коми АССР была неопубликованная работа Б.М. Шахова [2]. Автор проанализировал историю Национального архива, представил интересный материал о его основателе – А.А. Цембере, показал трудности становления и формирования архивного дела. Работа не была опубликована, и сегодня она находится в фондах Национального Архива Республики Коми.

В более позднее время историю архивной работы в Коми АССР изучали: Э.Г. Чупровой, Т.И. Лахтионова и А.К. Гагиева. Они в основном подготовлены в первое десятилетие XXI века и каждая из них решает определенные исследовательские задачи. В работах анализируется история формирования Архивного Фонда РК, деятельность ведомственных и государственных архивов, теория и практика архивной работы и др. Вместе с тем следует отметить, что не все проблемы архивного строительства нашли свое отражение. Это, например, «макулатурные кампании», включение архивов в систему НКВД и др. Так, в работе Э.Г. Чупровой «Архивы Коми АССР: 1922-1991 гг.» данные сюжеты упоминаются в качестве необходимой меры архивного строительства. Исследование Э.Г. Чупровой явилось первым в региональной историографии, которое было посвящено истории архивов в национальном регионе [3].

Научные исследования Т.И. Лахтионовой в основном посвящены теоретическим вопросам архивной деятельности. Являясь на протяжении более 20 лет руководителем Национального Архива Республики Коми, она много сил и времени уделяла работе по активизации архивного сотрудничества, пропаганде архивных источников и т.д. Вклад Т.И. Лахтионовой в разработку ряда вопросов по комплектованию архивов, формированию ведомственной архивной системы в Республике Коми на сегодняшний день является определяющим [4].

В настоящее время в Республике Коми успешно занимается архивной тематикой – А.К. Гагиева. Ее работа «Очерки истории становления и формирования архивного дела в России (IX – конец XX вв.)», вышедшая в 2010 г. была посвящена истории формирования системы архивной службы в прошлом столетии, анализу вопросов влияния советской административной системы на архивы. На основе источников и вышедшей литературы автор проанализировала итоги «макулатурной компании», рассмотрела вопрос о административно-командной системе, а также ее влияние на архивы. Рассматривая последнюю проблему, А.К. Гагиева абсолютно верно подтвердила тезис о сращивании партийной и хозяйственной номенклатур в советский период в сфере архивной работы [5, с. 81-157].

Изучая научно-исследовательскую работу А.К. Гагиевой, следует подчеркнуть, что вопросы огосударствления тех или иных отраслей экономики занимали и занимают определенное место в ее трудах. Например, ее докторская диссертация, посвященная истории кооперативного образования в России в XX веке рассматривает огосударствление кооперации в XX в., которое оказало неблагоприятное влияние на развитие отрасли [6, с. 33-35]. Это, в свою очередь, изменило всю систему подготовки кадров [7, с. 32-49]. Аналогично была изменена и архивная система. Была сокращена тематика архивных исследований, ужесточены требования к работе архивистов ведомственных архивов и архивов организаций, без внимания остались вопросы комплектования и др.

Значительным толчком к научной разработке архивной тематики являлись всероссийские, региональные, межвузовские конференции, на которых ученые, преподаватели вузов, архивисты обсуждали ретроспективное и современное состояние архивной теории и практики. Публикация материалов конференций позволяла довести итоги исследований до всех заинтересованных лиц [8].

Таким образом, как показано в работах А.К. Гагиевой и других исследователей, история архивного дела в Республике Коми рассматривается как результат деятельности целостной системы, неразрывно связанной с развитием социально-экономических отношений в стране, с учетом весомого регионального компонента. Кроме того, новый взгляд характеризуется целостностью представленной картины, поскольку исторический процесс формирования архивоведения анализируется с позиций не только достижений, но и всей совокупности проблем, трудностей и противоречий функционирования архивной отрасли. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на проделанную работу по изучению архивного дела в Республике Коми, сегодня перспективными являются исторические исследования, которые отражали бы роль архивов в развитии науки на определенных исторических этапах в различных регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пахомова Л. Я., Ткачев В. П. Архивное дело в Волгоградской области // Советские архивы. 1985. № 3. С. 59-61.
2. Шахов Б. М. История и организация архивного дела в Коми АССР. Сыктывкар, 1948 / ГУ РК «Национальный архив РК». Ф.Р-1010. Оп. 1. Д. 49.

3. Чупрова Э. Г. Архивы Коми АССР: 1922-1991 гг. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2007. 196 с.
4. Лахтионова Т. И. О состоянии перспективах комплектования ЦГА РК документами личного происхождения // Тезисы докладов научно-практической конференции. Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. Сыктывкар. 1997. С. 49-52.
5. Гагиева А. К. Очерки истории становления и формирования архивного дела в России (IX – конец XX вв). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. 195 с.
6. Гагиева А. К. Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20-90-е гг. XX века: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора ист. наук. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов. 2006. 46 с.
7. Гагиева, А. К. Становление системы кооперативного образования в России на Европейском Севере в 20-е годы XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 4(8). С. 32-49.
8. Научно-практическая конференция «Личные фонды и коллекции – источник сохранения национальной памяти России»: тез. докладов и сообщ. 12-13 апреля 1994 г. Москва. 1994. 96 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Pahomova L. Ja., Tkachev V. P. Arhivnoe delo v Volgogradskoj oblasti // Sovetskie arhivy. 1985. № 3. S. 59-61.
2. Shahov B. M. Istorija i organizacija arhivnogo dela v Komi ASSR. Syktyvkar, 1948 // GU RK «Nacional'nyj arhiv RK». F.R-1010. Op. 1. D. 49.
3. Chuprova Je. G. Arhivy Komi ASSR: 1922-1991 gg. Syktyvkar: Komi nauch. centr UrO RAN, 2007. 196 s.
4. Lahtionova T. I. O sostojanii perspektivah komplektovanija CGA RK dokumentami lichnogo proishozhdenija // Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoj konferencii. Obshhestvennost' i arhivy: problemy i puti sotrudnichestva. Syktyvkar. 1997. S. 49-52.
5. Gagieva A. K. Ocherki istorii stanovlenija i formirovanija arhivnogo dela v Rossii (IX – konec XX vv). Syktyvkar: KRAGSiU, 2010. 195 s.
6. Gagieva A. K. Istoricheskij opyt i problemy obrazovatel'noj dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii Rossii v 20-90-e gg. HH veka: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. doktora ist. nauk. Saratovskij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Chernyshevskogo. Saratov. 2006. 46 s.
7. Gagieva, A. K. Stanovlenie sistemy kooperativnogo obrazovanija v Rossii na Evropejskom Severe v 20-e gody HH veka // Voprosy istorii i kul'tury severnyh stran i territorij. 2009. № 4(8). S. 32-49.
8. Nauchno-prakticheskaja konferencija «Lichnye fondy i kollekcii – istochnik sohranenija nacional'noj pamjati Rossii»: tez. dokladov i soobshh. 12-13 aprelja 1994 g. Moskva. 1994. 96 s.

Поступила в редакцию 13.05.2020.
Принята к публикации 25.05.2020.

Для цитирования:
Мальцев Н.К. История архивного дела в Республике Коми в трудах современных исследователей // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 16-19. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Maltsev.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3890024
УДК 7.433

Прошутинская А.О.

Прошутинская Анастасия Олеговна, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149. E-mail: proshutinskaya95@mail.ru.

История развития рисоводства на Кубани в 30-е гг. XX века

Аннотация. В статье дается характеристика истории развития рисоводческой отрасли на Кубани до 1940 г. Анализируются первые опыты рисосеяния и раскрываются их результаты, определяются причины низкой урожайности. Подчеркивается роль мелиорации, которая позволила увеличить площади риса в Краснодарском крае. Охарактеризована деятельность организаций, которые проводили проектно-изыскательные работы, осуществляли строительство гидротехнических сооружений и рисовых каналов. Показан процесс создания научной и материально-технической базы для производства риса, которая способствовала превращению рисоводства в механизированную отрасль зернового хозяйства.
Ключевые слова: Краснодарский край, Кубань, рисовая отрасль, рисоводство, мелиорация, колхоз, рисосовхоз.

Proshutinskaya A.O.

Proshutinskaya Anastasiya Olegovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149. E-mail: proshutinskaya95@mail.ru.

The history of the development of rice farming in the Kuban in the 30s. of XX century

Abstract. In this article, the author opens the history of the development of the rice industry in Kuban until 1940. He shows the first experiments with rice and reveals their results, specifying the causes of low crop yield. Land reclamation plays an important role, as it allowed to increase rice areas in the Krasnodar Territory. The main organizations that carried out design and exploration work, built hydraulic engineering constructions and rice canals are indicated. The process of creating a scientific and material and technical base for rice production is shown, contributed to the transformation of rice growing in the mechanized industry of grain farming.
Key words: Krasnodar Territory, Kuban, rice industry, rice growing, land reclamation, collective farm, rice farm.

Краснодарский край считается одним из важнейших рисосеющих регионов России. В 70-80-е годы XX века здесь функционировал мощнейший рисоводческий комплекс, получивший мировое признание. Сегодня, на фоне глобальных экономических кризисов, провоцирующих деструктивные процессы в отечественной экономике, негативных для сельского хозяйства последствий рыночных преобразований 90-х годов возникает потребность в повышении эффективности российского рисоводства. А это, в свою очередь, требует научного обеспечения развития рисоводства.

Актуальные проблемы и особенности развития рисоводства в России разрабатывались в трудах ученых, изучавших

технологию и экономику рисоводства. Это работы Е.П. Алешина, П.А. Витте, А.П. Джулая, В.Н. Положил, Г.А. Романенко, В.П. Сычева, Е.М. Харитонова и др. Наряду с экономико-технологическими аспектами актуальным представляется изучение истории рисоводства на Кубани, анализ того исторического опыта развития рисоводства, который был представлен в данном регионе.

Освоение культуры рисосеяния началось ещё в дореволюционный период развития России. Рис пробовали возделывать, но из-за неправильного аграрного подхода и незнания биологических особенностей зерна все попытки проводились с переменным успехом. Так, С. М. Протопопов, управляющий Кавказским отделением крестьянского поземельного банка, доказал на опытной станции, что кубанские земли все-таки пригодны для рисосеяния. Поэтому недалеко от станицы Варениковской агроному А.В. Колю в 1914–1915 гг. было поручено провести эксперименты с рисом на опытном поле. Результаты показали, что урожайность риса может достичь не менее 30 ц/га [7, л. 6].

Однако до революции 1917 года возделыванию риса фактически не уделялось должного внимания. В то же время в этот период был накоплен положительный опыт в этой сфере. После окончания гражданской войны и установления Советской власти начинается активное развитие рисоводства, которое опиралось на дореволюционный опыт. В частности, от дореволюционного периода сохранились земляные валы по реке Кубани, которые служили защитой от наводнений. Начиная с 3 августа 1921 г. начали создаваться мелиоративные кооперативы, занимающиеся осушением, орошением, дренажом, а также проводились работы по устройству сооружений для гидротехнических систем. Через 10 лет в Кубанском округе уже имелось 30 мелиоративных товариществ [8].

Первый Кубанский мелиоративный съезд состоялся в марте 1925 г. в г. Краснодаре, где были рассмотрены первостепенные задачи по решению ресурсоэнергоемких мероприятий: постройка системы противопаводкового обвалования рек Протоки и Кубани, сооружение головного шлюза на Демином ерике, осушение Имеретинских болот. Во второй половине 30-х гг. XX в. осуществлялись изыскательные работы по Закубанским плавням, которые позволили определить место под будущие застройки водохранилищ Абинского и Крюковского. Этим вопросом стало заниматься специально созданное учреждение «Управление по осушению закубанских плавней» (далее – УЗП) [1, л. 2].

Сплошная коллективизация, начавшаяся в стране с 1928 г. насильственными мерами, объединила имущество станичных совхозов в колхозы и совхозы. При форсированном темпе охвата крестьянских дворов, была забыта основная цель – развитие производительных сил. Негативные последствия коллективизации сказывались на сельском хозяйстве. Тем не менее развитие рисоводства продолжалось. УЗП был ликвидирован, вместо него было организовано «Управление мелиорации Прикубанских и Приазовских плавней» – «Плавстрой» от 17 мая 1929 г. [2, л. 6]. Начальником данной организации был герой гражданской войны Дмитрий Петрович Жлоба. Её главной задачей было проектирование, строительство, сельскохозяйственное освоение и техническая эксплуатация рисовых систем на Кубани.

Огромную роль в развитии рисосеяния сыграл Петр Александрович Витте, который доказывал, что рис – это мелиорирующая культура, требующая крупномасштабного хозяйствования, благоприятных почвенно-климатических условий и наличия множества водных ресурсов и земель, которые имеются на Кубани. Подтверждению этому послужил сбор урожая свыше 30 ц/га близ станицы Мингрельской в Абинском районе на опытном поле [4, л. 21].

Обширные и разные по природно-климатическим условиям Плавни Кубани затапливались реками. Закубанские и адыгейские плавни страдали от разлива левых притоков р. Кубани, приазовские плавни – от р. Протоки, а также от подъе-

ма уровня воды в Азовском море [5, л. 2]. Поэтому для регулирования природных стихий требовалась огромная работа по сооружению водохранилищ и каналов. «Плавстрой» с 1929–1933 гг. построил Приазовскую опытно-мелиоративную станцию на левом берегу р. Протоки и Гривенский шлюз на правом берегу р. Кубани; провел капитальное обваливание рек от Калининского района до Красноармейского. Создавались условия для строительства Ивановской системы под руководством «Кубанстроя». С целью поддержания эксплуатации систем обваливания рек Кубани и Протоки был организован в 1932 г. «Кубводхоз» [2, л. 3]. «Бюро изысканий и проектирования по регулированию р. Кубани» занималось инженерными работами.

С 1933 г. началось создание Кубанской рисовой оросительной системы. В это время создаются первые рисосеющие хозяйства: зерносовхоз «Приазовские плавни» и рисосовхоз «Черкесский». Последний был разукрупнен на 3 совхоза: Красноармейский, Черкесский, Тиховский [4, л. 93]. Первые опыты посевов риса в данных рисосовхозах были низкими (в 1933 г. в «Красноармейском» – 4,6 ц/га, «Черкесском» – 8,9 ц/га) из-за того, что возделывание риса было новым делом для работников сельского хозяйства. В р/с «Тиховском» за 8 лет урожайность выросла всего на 5 ц/га [2, л. 5]. Помимо новизны, ричинами низкой урожайности за этот период времени в этом рисосовхозе были следующее: оросительный канал обладал низкой пропускной способностью, была сделана неверная планировка чеков, укрепительные балки отличались непрочностью, что приводило к обвалу земли и образованию болот в чеках, а за отсутствием механизированной отточности каналы покрывались зарослями. Поэтому совхоз с 1935 г. по 1942 г. освоил всего 750 га [3, л. 9]. Выяснилось, что рисовое производство требует точности в проектировке и создании специфических агротехнических условий.

Важную роль в повышении урожайности играет севооборот, которому на первых этапах возделывания риса не уделялось должного внимания. Введение новых ирригационных систем велось без учета введения чередования культур [6, л. 1], что привело к нерациональному возделыванию риса на созданных системах. Данная ситуация выявила следующую проблему. Это недостаток знаний, которые позволили бы более эффективно осваивать рисоводство.

С целью ликвидации пробелов в знаниях в сфере возделывания риса доктор сельскохозяйственных наук, профессор Н. Б. Натальин и другие ученые разработали программы для Краснодарского сельскохозяйственного института, По учебной программе предлагалось несколько вариантов введения хозяйства: 2-хпольное (рис, пар поливной); 3-хпольное (рис, рис, суходольный клин), 4-хпольное (рис, рис, рис, пар). Вывод рисового поля в суходольный клин повысило урожайность от 4,27% до 42,86 %. И севооборот по сравнению с монокультурой, является эффективным агротехническим мероприятием [6, л. 39]. В программе рекомендовалось использовать различные культуры-предшественники риса. Лучшим из них оказалась соя, так как урожай после нее был получен в количестве 33,46 ц/га [6, л. 40]. Для повышения урожайности важным элементом считалось соблюдение сроков сева, чем часто пренебрегали некоторые хозяйства.

По оценкам КрайУНХУ установлено, что урожайность риса в 1937-1939 гг. по колхозам края составила 40,6 ц/га, а по совхозам НКЗ – 39,2 ц/га. А в 1938 г. урожай был намного ниже из-за массового распространения клопа черепашки, суховеев и несоблюдения сроков посева и залива чеков [2, л. 3]. К концу 30-х гг. XX в. по Краснодарскому краю посевная площадь достигла 8061 га, а средняя урожайность составила 39,9 ц/га [2, л. 58]. Такой позитивной прогресс привлек к себе заинтересованные хозяйства, которые стали вкладывать свои средства на проектные работы. Поэтому с 1940-х гг. наметился новый этап в мелиорации. Обвалование Протоки, Кубани, Белой, Лабы, Афипса и других рек не решило проблему затопления закубанских земель. Поэтому возникла ост-

рая необходимость строительства водохранилищ как по р. Кубани и на её притоках.

Таким образом, несмотря на то, что рисосеяние зародилось на Кубани ещё в дореволюционный период, те хозяйства, которые занимались выращиванием зерновых культур, не обладали необходимыми знаниями и технологиями. Интенсивное развитие рисосеяния в России началось в 30-х гг. XX века. Вопреки агрономическим и техническим проблемам, с которыми столкнулись на начальном этапе колхозы и совхозы, рисовая отрасль получила мощнейший импульс развития. Факторами этого развития стали государственная политика в области сельского хозяйства, а также развитие сельскохозяйственной науки, обеспечившей научную основу выращивания данной сельскохозяйственной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственное казенное учреждение Краснодарского края Государственный архив Краснодарского края (Далее – ГАКК). Ф. Р–296. Оп. 1. Д. 39.
2. ГАКК. Ф. Р–296. Оп. 1. Д. 40.
3. ГАКК. Ф. 506. Оп. 2. Д. 44.
4. ГАКК. Ф. 506. Оп. 2. Д. 46.
5. ГАКК. Ф. 506. Оп. 2. Д. 49.
6. ГАКК. Ф. Р–1755. Оп. 2. Д. 58.
7. ГАКК. Ф. Р–1755. Оп. 2. Д. 166.
8. Истоки // Заря Кубани. 27 ноября. 1980.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Krasnodarskogo kraja Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (Dalee – GAKK). F. R–296. Op. 1. D. 39.
2. GAKK. F. R–296. Op. 1. D. 40.
3. GAKK. F. 506. Op. 2. D. 44.
4. GAKK. F. 506. Op. 2. D. 46.
5. GAKK. F. 506. Op. 2. D. 49.
6. GAKK. F. R–1755. Op. 2. D. 58.
7. GAKK. F. P–1755. Op. 2. D. 166.
8. Istoki // Zarja Kubani. 27 nojabrja. 1980.

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Прошутинская А.О. История развития рисоводства на Кубани в 30-е гг. XX века // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 20-23. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Proshutinskaya.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3890168
УДК 93/94; 908

Пустовойт Г.А.

Пустовойт Галина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая д. 13. E-mail: g.pustowoit2009@yandex.ru.

Организация химических исследований на Северо-Востоке России в 1930-е-1940-е гг.

Аннотация. Изучена общая картина химических исследований на Северо-Востоке России в 1930-е-1940-е гг., что позволяет глубже понять практику создания химических технологий переработки и обогащения важнейших видов минерального сырья. Обосновывается идея о том, что развитие научно-технического потенциала Дальстроя определялось потребностями промышленного освоения края. Это обеспечивало развитие стратегических отраслей народного хозяйства и укрепление оборонного потенциала СССР.
Ключевые слова: Северо-Восток России, Дальстрой, история науки, химические исследования, освоение.

Pustovoit G.A.

Pustovoit Galina Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nort-Eastern State University (Magadan), 685000, Russia, Magadan, Portovaya st., 13. E-mail: g.pustowoit2009@yandex.ru.

Organization of chemical research in the North-East Russia in the 1930s-1940s.

Abstract. The General picture of chemical research in the North-East of Russia in the 1930s-1940s is studied, which allows us to better understand the practice of creating chemical technologies for processing and enriching the most important types of mineral raw materials. The author substantiates the idea that the development of the scientific and technical potential of Dalstroy was determined by the needs of industrial development of the region, ensuring the development of strategic sectors of the national economy and strengthening the defense potential of the USSR.
Key words: The North-East, Dalstroy, history of a science, chemical researches, resource exploitation.

Северо-Восток 1930-х-1940-х гг. в восприятии многих людей часто представляется «периферией» России, регионом с низким уровнем развития научно-технического потенциала, который смог вписаться в научное пространство страны лишь после окончания Великой Отечественной войны. Такая оценка не учитывает специфики развития северо-восточных территорий, являвшихся в 1930–1940-е гг. районами интенсивного хозяйственного освоения, и той большой роли, которую сыграл процесс накопления научных знаний региона в изучении природных ресурсов и определении способов их использования. Необходимость пересмотреть устоявшуюся точку зрения о научной инертности региона в довоенный и военный период определила цель данной статьи: показать, в

каких организационных формах развивалась дальстроевская наука в 1930–1940-е гг.; выделить одно из ведущих направлений работы научных учреждений, отразить вклад ученых-химиков в развитие знаний о регионе и развитие его экономики. Изучаемая тема несомненно, будет способствовать более глубокому и адекватному познанию позитивного исторического опыта реализации освоенческой модели в советский период и особенно его влияния на экономическое, социальное и культурное освоение Северо-Востока России [23, с. 51].

В историографии проблемы места и роли научно – технического сопровождения процесса освоения Северо-Востока выделяются два периода: советский период, датируемый 1920–1980 гг. и современный период, который охватывает 1990–2010-е гг. Исторические труды советского периода представляются достаточно изученными. Комплекс проблем, связанный с промышленным освоением Северо-Востока в 1920-1950-е гг., рассмотрели в своих работах Г. Г. Рощупкин, К. Б. Николаев, В. М. Хлыпалов, С. П. Нефедова и Г. К. Бубнис [13, 19, 20, 24, 27]. Так была сформулирована концепция «ведущей и направляющей» роли партийных органов в преобразовании Северо-Востока из отсталой окраины в промышленно развитый регион. Данная позиция легла в основу обобщающей работы Н. А. Жихарева [8]. Последующие работы историков вплоть до конца 1980-х гг., в основном, находились в соответствии данной концепцией. Такие представления об историческом развитии Северо-Востока (Дальстроя) органично вписывались в официальную историографию советского периода в целом [11, с. 69].

Современная историография проблемы освоения Северо-Востока в 1920–1990-е гг. представлена значительным количеством разнообразных трудов историков и геологов региона [1, 2, 5, 15, 18]. Значительные достижения в эмпирическом и теоретическом изучении феномена Дальстроя в 1930-х-1950-х гг., его научное постижение связано с деятельностью исследователей А. И. Широкова, В. Г. Зеляка [9, 28]. В свою очередь, научная новизна исследования определяется отсутствием работ по истории химических исследований на Северо-Востоке страны и их роли в процессе освоения, что в определенной мере восполняет предлагаемая статья.

Для данного исследования базовым подходом является социально-исторический ракурс, в контексте которого приоритетными являются организационно-управленческие, ресурсные и кадровые предпосылки научной деятельности, анализируются направления государственной научной политики и практика ее реализации в конкретно-истори-ческих условиях. Методологическим основанием работы является ретроспективный анализ накопления научных знаний в регионе, позволяющий показать основные условия, факторы и тенденции, обеспечивавшие динамику изучения его природно-ресурсного потенциала.

Начиная с XVII в., благодаря своему природно-климатическому своеобразию и богатству сырьевых ресурсов, Северо-Восток России привлекал к себе внимание исследователей. В дореволюционный период его изучение велось, как правило, специально организованными экспедициями, работавшими по заказу различных ведомств и организаций, научных обществ, Российской Академии наук [5, с. 133].

В 1920-е гг., на начальном этапе освоенческих процессов на Северо-Востоке России, изучение региона осуществлялось силами Геолкома ВСНХ СССР, Союззолото ВСНХ СССР, Главного Геологоразведочного Управления СССР, Академии наук СССР, располагавших в указанное время наиболее подготовленными кадрами. В этот период в рамках экспедиционных работ на Северо-Востоке было организовано 126 партий различных масштабов и типов. Именно тогда были заложены основы геологического изучения Колымы и Индигирки [28, с. 87-102].

Создание «Дальстроя» в 1931 г., организации особого типа, находившейся в разные периоды, в подчинении СНК,

НКВД, МВД определило и специфическое развитие геологических исследований, подчиненных, прежде всего решению производственных задач – обеспечению запасами россыпных месторождений золота, на начальных этапах, и по мере последующего вовлечения в эксплуатацию других полезных ископаемых. Деятельность «Дальстроя» в силу используемых методов освоения Северо-Востока СССР, была закрытой, включая и химические исследования [9, с. 45].

Общая территория деятельности треста постоянно расширялась за счет поиска и вовлечения в эксплуатацию все новых месторождений. В начале 1930-х г. анализ значительной части фактического материала по геологии колымских районов осуществлялся выезжающими геологами в Ленинграде. Такая постановка тормозила состаление прогнозов о запасах минерального сырья и затрудняла дальнейший ход направлений геологических исследований. Поэтому часть сводных работ по результатам исследований геологоразведочных партий стала обрабатываться при специально созданном в его составе в 1932 г. Техническом секторе. Основной его задачей была организация научно-исследовательской работы по материалам разведок, консультирование по геологическим вопросам [6, Д. 11. Л. 77-78]. В декабре 1932 г. Технический сектор был преобразован в Управление по добыче полезных ископаемых (УДПИ) с центром в Усть-Среднекане. [9, с. 48] Первой исследовательской базой служили научно-исследовательская группа (НИГ) в пос. Усть-Утиный на базе прииска «Юбилейный», расположенного на одноименном притоке р. Утиная, химическая лаборатория располагалась в пос. Ларюковый. Эта группа проводила небольшие исследования, связанные с переработкой золотой руды Утинского месторождения [6, Д. 667. Л. 191]. Лаборатории располагая небольшими штатами работников и примитивным оборудованием, не могли удовлетворить растущие потребности Дальстроя [6, Д. 3611 б. Л. 61].

В 1934 г. началось освоение золотых месторождений в бассейне левых притоков р. Колыма и междуречье Колымы и Индигирки. Итоги двухлетней масштабной работы геологов Колымы и их возросшие объемы привели руководство Дальстроя к необходимости дальнейшей реорганизации геологической службы и создания условий для обработки материалов экспедиций на месте. 26 марта 1934 г. приказом № 124 по Дальстрою в основу реорганизации треста был положен производственно-территориальный признак. УДПИ было преобразовано в Горное Управление с дислокацией в устье реки Среднекан [6, Д. 15. Л. 251-252]. В его состав вошел геологоразведочный отдел, центральная химическая лаборатория и опытно-обогатительная фабрика, существенно возросло финансирование этих работ. В 1935 г. общая сумма затрат Дальстроя на лабораторные исследования по химическим анализам составила 195011,01 рублей [6, Д. 197. Л. 13].

Дальнейшая высокая результативность геологоразведочных работ Дальстроя стала импульсом для развития геологической службы. В 1935 гг. из Горного управления были образованы горнопромышленные управления (ГПУ) Южное (пос. Оротукан, главный геолог Г. А. Кечек) и Северное (пос. Хатыннах, главный геолог Д. В. Вознесенский) [6, Д. 305. Л. 21]. Неизбежно произошло разделение лаборатории Горного управления, повлекшие за собой, развитие лабораторных научно-исследовательских работ, обслуживающих производство микроскопическими, химическими и физико-химическими исследованиями каменного и минерального материала при Южном и Северном ГПУ. НИГ вошла в состав первой опытной обогатительной фабрики, которая начала работу в 1937 г. и строилась с расчетом производства на ней опытных исследований преимущественно золотосодержащих и оловянных руд, в целях создания химических технологий переработки и обогащения для будущих эксплуатационных фабрик [25, с. 436]. До начала 1938 г. эта группа проводила исследования, связанные

с переработкой и оловянных руд месторождения Бутыгычаг [6, Д. 353. Л. 29-30. Д. 411. Л. 88]. Кроме химлаборатории фабрики на Усть-Утиной в состав ЮГПУ вошла химическая лаборатория в пос. Ларюковый, которая состояла из нескольких кабинетов: аналитического отделения, анализа топлива, спектрального анализа, пробирного и измельчительного отделений [6, Д. 424. Л. 153]. Основным недостатком в работе всех лабораторий, как отмечалось в объяснительной записке к годовому отчету ГРО ЮГПУ за 1937 г., являлось отсутствие квалифицированных кадров [6, Д. 354. Л. 23-26]. Общая сумма затрат химических лабораторий в 1937 г. возросла и составляла 1574,0 тыс. руб [6, Д. 305. Л. 22].

В 1938 г фабрика и лаборатория были переданы из Южного во вновь организованное Юго-Западное горнопромышленное Управление (приказ № 776 от 01 октября 1938 г). В состав химической лаборатории Усть-Утинской фабрики входили измельчительное, пробирное, аналитическое и исследовательское отделения. Утинская лаборатория осуществляла систематический контроль работы фабрики по обработке и обогащению руд и обрабатывала пробы полевых партий и рудных (угольных) разведок [6, Д. 411. Л. 88]. В связи с расширением разведочных работ, химическая лаборатория кроме анализа золота и олова, освоила изучение иных полезных ископаемых (цветные и редкие металлы, угли, известняки, глины и прочее). По образному выражению академика Н. А. Шило, в Утинской лаборатории был сосредоточен весь научно-исследовательский потенциал Дальстроя [1, с. 532].

Дальнейший рост геолого-поисковых и разведочных работ Дальстроя повлек за собой дальнейшее расширение производственной инфраструктуры треста и увеличение капитальных вложений на развитие лабораторных научно-исследовательских работ (в 1937-1938 гг. было открыто двадцать новых приисков, в 1938 г. из Северного ГПУ выделилось третье горнопромышленное управление – Западное с центром в пос. Сусуман) [28, с. 163]. В научных планах Дальстроя стало выделяться глубокое изучение руд с тем, чтобы правильно оценить перспективы месторождений и выработать технологические схемы их обработки. Для этой цели в горных управлениях в конце 1930-х г. были сформированы мощные профильные отделы россыпных и рудных разведок и лаборатории химического и пробирного анализа [21, с. 96-97].

Наращивание масштабов хозяйственного освоения колымского края и необходимость централизации управления этими процессами потребовало кардинально изменить специфику работы Дальстроя. Постановлением № 260 СНК СССР от 4 марта 1938 г. трест был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР [28, с. 120].

В этом же году, по распоряжению НКВД СССР, работу прежнего руководства Дальстроя проверяла комиссия НКВД СССР по Колыме в составе 12 специалистов-экспертов. Комиссию по Колыме возглавил новый начальник Дальстроя НКВД СССР, старший майор государственной безопасности К. А. Павлов [3, с. 164, 256]. В заключительных материалах обогатительной группы по золоту и олову, принятых Комиссией для сводного доклада Народному Комиссариату Внутренних Дел СССР в 1938 г. была дана оценка работы химической лаборатории Усть-Утинской обогатительной фабрики и Ларюковской химической лаборатории [6, Д. 424. Л. 135-174]. Отмечалось, что лаборатории в целом отвечали техническим требованиям для приисковых лабораторий. Однако, узким местом в их работе являлось наличие большого количества негодных к употреблению приборов и реактивов, отсутствие норм выработки, утвержденных управлением Дальстроя и подходящих помещений. Несмотря на важность работ, выполнявшихся в лабораториях, эксперты отмечали, что лаборатории не имеют собственной кадровой базы химиков-аналитиков, имевших специальное обра-

зование, а все лаборанты-практики были обучены производству анализов на месте из бывших заключенных. Таким образом, вопрос о создании научно-исследовательской организации «…с целью систематического изучения состава и исследования обогатимости полезных ископаемых районов Колымы, Индигирки и Чукотки и обобщения накопленных материалов …» в процессе реорганизации ГРУ ДС стоял остро [6, Д. 846. Л. 66]. Комиссия НКВД СССР в 1938 г., отмечая отставание в развитии научных исследований Дальстроя, указала на необходимость развернуть исследовательские работы по технологическому испытанию руд на обогащение и организовать лабораторные химические исследования различных видов топлива и промышленного сырья [6, Д. 419. Л. 195-212].

В 1939 г. в состав деятельности Дальстроя вошли Чаунский и Чукотский районы Чукотского национального округа, а также Оймяконский район (ЯАССР). В структуре горнодобывающей промышленности в 1938-1939 гг. были организованы районные геологоразведочные управления: Индигирское и Чаун-Чукотское райГРУ [28, с. 173-174]. Теперь Дальстрой на собственные средства должен был проводить научные исследования на огромной территории в 2,8 млн км2 для чего структура и научные направления были скорректированы [6, Д. 413. Л. 172-173. Д. 651. Л.71-78]. Геологоразведочные работы разрозненных геологоразведочных отделов и районных управлений стали проходить под общим руководством организованного в 1939 г. Геологоразведочного управления Дальстроя НКВД СССР – ГРУ ГУ СДС [6, Д. 855. Л. 116-118]. Однако дальнейшее развитие исследований, проводимых геологической службой Дальстроя стало сдерживаться отсутствием необходимой материальной базы. Таким образом, необходимость организации сводных работ, анализа громадного накопленного материала, обобщение которого выявило бы основные закономерности в распределении полезных ископаемых, привело к возникновению идеи создания многопрофильного, хорошо технически вооруженного исследовательского коллектива [5, с. 136].

2 февраля 1940 г. приказом зам. начальника ГУ СДС НКВД СССР С. Е. Егоровым в составе Главного Управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР (ГУ СДС) на базе химической лаборатории в пос. Усть-Утиная была создана Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ ГУ СДС НКВД СССР). В её состав вошли: оловянная секция, секция россыпей, лаборатория исследования полезных ископаемых (ЛИПИ), минералогический кабинет, цех обогатительной аппаратуры, секция опробования, химическая лаборатория. Научное руководство осуществлялось руководителями отделений или старшими инженерами, назначаемыми начальником ЦНИЛ Дальстроя по представлению главного инженера и научного руководителя лаборатории горного инженера Н. П. Сосновского [6, Д. 846. Л.66. Д. 849. Л. 62-63]. 27 апреля 1940 г. вошло в силу штатное расписание Центральной научно-исследовательской лаборатории на 1940 г. в количестве 39 единиц, из них 32 вольнонаемных и 7 заключенных. На начало 1941 г. в числе 38 работников научной лаборатории, законченное высшее образование имели – 17, из них 15 человек работали по специальности [6, Д. 1216. Л. 180].

В сложных условиях становления научного коллектива в 1940 г. проведение работ по обогащению оловянных руд с приисков «Лазо», «Кинжал» и «Бутугычаг» с целью ввода в эксплуатацию обогатительных фабрик привело к получению результатов, принципиально важных для разработки технологии обогащения руд для 4-х построенных оловообогатительных фабрик [17, с. 74].

Узким местом в работе лаборатории с февраля 1940 г. по июль 1941 г., как видно из доклада начальника А. И. Заколдаева на производственном совещании 21 января 1941 г. «О хозяйственной деятельности ЦНИЛ за 1940 г.», являлись

частые простои химической лаборатории из-за отсутствия электроэнергии и необходимой материальной базы, а укомплектованность специалистов – химиков-аналитиков в течение всего 1940 г. составляла только 61,5 % [6, Д. 975. Л. 46, 46 об. 855]. На протяжении всего 1940 г. ЦНИЛ приходилось тратить много времени на хозяйственную деятельность, не имеющую абсолютно никакого отношения к научно-исследовательской работе: дровозаготовки, снабжение продовольствием и обслуживанием поселка (приказом ГУ СДС за № 1124 от 07.12.40 г. поселок Усть-Утиная был передан ЦНИЛ) [6, Д. 975. Л. 33 об]. Поэтому фактическое выполнение плана составило 74 % [6, Д. 849. Л. 62-63]. По мнению руководства Дальстроя, научная лаборатория не сумела обеспечить выполнение порученных ей задач. Вместо своевременного обеспечения проектов вновь строящихся фабрик законченными схемами технологического процесса, ЦНИЛ постоянно практиковала представление технических отчетов без окончательных практических выводов уже после пуска обогатительных фабрик в эксплуатацию.

В целях обеспечения планомерных исследований руководством Дальстроя в октябре 1941 г. было принято решение о переводе лаборатории в Магадан. Приказ содержал план развития ЦНИЛ, в соответствии с научными направлениями в ее составе были организованы отдел химических исследований, отдел исследования состава минеральных полезных ископаемых, отдел процессов обогащения. Перед новым руководством ЦНИЛ, начальником И. Ф. Симоненко и главным инженером А. Н. Комаровым были поставлены задачи: своевременно обеспечить фабрики-новостройки законченными схемами технологического процесса, отрегулировать технологический процесс на новых фабриках перед сдачей их в эксплуатацию [6, Д. 1073. Л. 80-81]. Для выполнения планируемых работ, распоряжением зам. начальника ГУ СДС ст. майора госбезопасности С. Е. Егорова, в ЦНИЛ из управления Колымапроект были переведены 11 конструкторов из числа заключенных «…способных разрабатывать новейшие конструкции приискового и обогатительного оборудования и решать актуальные проблемы, вытекающие из добычи малого и большого металла» [6, Д. 1074. Л. 25]. Именно хронический недостаток кадров всех специальностей вынуждал руководство Дальстроя использовать на административно-технических должностях специалистов, осужденных по 58-й статье (т.е. «контрреволюционеров») [12, с. 174].

Новым импульсом к развитию лаборатории стало назначение начальником отдела химических исследований Бориса Петровича Пентегова (1887-1953 гг.) – родился в с. Камышловка Пермской губернии. С 1904-1909 гг. учился в Уральском горном училище, биологическом отделении Вольной высшей школы. В 1913 г. окончил Петербургский университет как специалист в области общей химии. В 1919 г. Пентегов получил предложение от Уральского горного института (УГИ) возглавить кафедру физической химии, в которой под его руководством проводилась работа по изучению физико-химических характеристик месторождений полезных ископаемых Дальнего Востока. В 1923 г. Политехнический институт вошел в состав Государственного Дальневосточного университета (ГДУ), где Пентегов был назначен на должность профессора по кафедре физической, общей и технической химии политехнического факультета. В 1923-1926 гг. под руководством профессора Б. П. Пентегова проводилась большая работа по изучению дальневосточных полезных ископаемых. Так, вместе со студентами и другими преподавателями он провел 250 исследований дальневосточных залежей углей – от Монголии до Анадыря. Результаты этих исследований нашли отражение в одной из важнейших работ Б П. Пентегова – «Ископаемые угли Дальнего Востока» (1927). В 1926 г. он участвовал в 3-м Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио. С 1930 г. на базе технического факультета ГДУ был

создан Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ). Профессора Б. П. Пентегова назначили на должности декана химического факультета, заведующего кафедрой общей химии, заведующего кабинетом технологии угля и нефти на горном факультете ДВПИ. Помимо этого, он исполнял обязанности заведующего кафедрой неорганической химии Дальневосточном институте рыбной промышленности, а в мае 1932 г. был назначен директором Химического института (ХИН) Дальневосточного филиала АН СССР. В 1930-1931 гг. вместе с ленинградским геологом А. В. Шнитковым, он руководил изысканиями для строительства в Приморье солеваренного завода. Весной 1933 г. Б. П. Пентегов был арестован за «вредительство в соляной промышленности» и приговорен к десяти годам заключения. После освобождения в 1943 г. до 1948 г. работал в ЦНИЛ, затем, до увольнения в 1952 г., возглавлял химико-технологическую лабораторию ВНИИ-1 [6, Д. 3543. Л. 132; 4, с. 126: 26, с. 145-147]. Реабилитирован в мае 1957 г.

Для решения кадровой проблемы, начиная с 1942 г., был налажен процесс подготовки специалистов через постоянно действующие семинары при управлениях и предприятиях Дальстроя, на теоретических и практических курсах обучения мастеров-обогатителей, химиков-лаборантов, где внештатными преподавателями стали, в том числе, сотрудники ЦНИЛ [6, Д. 1224. Л.163. Д. 1234. Л. 34. Л. 153]. Благодаря активной кадровой политике руководства Дальстроя на 1 января 1942 г. в лаборатории работало 97 сотрудников (планом предусматривалось 106 человек), состав работающих включал 64 вольнонаемных и 33 заключенных [6, Д. 1196. Л. 1].

Главное направление работы лаборатории в 1941-1948 гг. было связано с исследованием на обогатимость руд различных месторождений Дальстроя и выполнением работ по петрографо-минералогическим анализам проб разнообразных минеральных полезных ископаемых. Помимо указанного, перед первой научной организацией на Северо-Востоке СССР, ставилась задача комплексной разработки проблем в области изыскания новых видов строительно-технических материалов с целью выяснения их пригодности для производства дефицитного сырья. Отметим, что война заставила значительно перестроить тематику исследований лаборатории. Большая часть работ носила технический характер и была связана с определением наиболее богатых золотом полигонов, которые обрабатывались в первую очередь.

Прикладная направленность химических исследований ЦНИЛ диктовалась основным производством Дальстроя. Так, в конце 1941 г. в лаборатории были изучены ольские кальциты (вяжущий материал), как сырье для ряда отраслей промышленности и, в первую очередь, для цементной. В результате было установлено, что эти кальциты могли быть хорошим сырьем для получения извести. Необходимость организации производства вяжущих материалов из местного сырья, в частности, известково-пуццоланового цемента, наиболее простого по технологии производства и подходящего для местного строительства, являлась весьма своевременной. Исследовались аткинские голубые туфы на предмет использования их как электроизоляционного материала (для распределительных щитов, рубильников, облицовочного материала), в основном как заменителя мрамора. [16, с. 29-32]. В их числе исследования вулканического пепла месторождения, расположенного на 72-м км Колымской трассы, для изготовления стекла. На основании полученных результатов в ЦНИЛ намечена схема подготовки шихты и варки стекла из местного сырья [16, с. 23-27]. Пищевая соль потреблялась на Колыме в большом количестве, особенно в рыбной промышленности и, естественно, её приходилось транспортировать из центральных районов страны. Этот факт заставил задуматься над вопросом получения поваренной соли из воды Охотского моря. Анализ химиков ЦНИЛ показал содержание соли в коли-

честве 2,7 %, (т.е. в одном кубометре воды содержалось порядка 20 кг соли). Однако, в виду отсутствия специального оборудования проект не был реализован. [16, с. 27-29]. Таким образом, лаборатория специализировалась на прикладных научных исследованиях, не связанных напрямую с геологоразведкой, направленных на повышение эффективности основного производства за счет внедрения новых технологий, сокращающих непроизводительные расходы и потери металла [14, с. 3].

Все химические лаборатории обогатительных фабрик и рудников Дальстроя должны были отправлять в научную лабораторию на арбитражный анализ пробы на новый «металл № 2» – олово. Результаты анализов лабораторий сравнивались с результатами арбитражных анализов ЦНИЛ, затем они направлялись в химический отдел Дальстроя для их сравнения и подготовки заключений [6, Д. 1224. Л. 91. Д. 1367. Л. 71. Д. 1489. Л. 89. Д. 1745. Л. 237].

В феврале 1944 г. была ликвидирована Ларюковская химическая лаборатория. Все незаконченные работы, оборудование, реактивы, библиотека и работы по производству контрольных анализов были переданы в ЦНИЛ. Её приборная база пополнялась за счет укомплектования её новым оборудованием, в том числе за счет установки по испытанию обогатимости в тяжелых средах, двух песковых насосов Мориса. Сотрудники лаборатории получили новые возможности для исследований на более высоком уровне.

В 1944 г. в отделе химических исследований ЦНИЛ была создана лаборатория арбитражных анализов углей (топливный кабинет по производству арбитражных анализов) «для постоянного контроля за деятельностью химических лабораторий и обеспечения производства анализов арбитражных проб угля» [6, Д. 1367. Л. 75-76. Д. 1491. Л. 54]. В рамках реализации плана фабрично-обогатительного отдела Дальстроя, всем начальникам угледобывающих предприятий необходимо было направлять в лабораторию дубликаты пластово-промышленных проб угля. В составе отдела химических исследований (начальник Б. П. Пентегов) были созданы лаборатории: приготовления химических реактивов, массовых анализов, арбитражных силикатных и специальных анализов, пробирных анализов и металлургических исследований (начальник В. Н. Антонов), органической химии (начальник А. А. Иваневич).

С целью ускорения методики анализа руд на золото обогатительными фабриками, необходимо было упорядочить производство пробирных анализов, увеличив тем самым, месячную пропускную способность действовавших пробирных лабораторий. При ЦНИЛ ГУ СДС были организованы курсы по подготовке пробиреров на 7-8 курсантов. Все пробирные лаборатории Дальстроя должны были направлять 5% из проделанных ими пробирных анализов на арбитраж на 1-й (золото) и 2-й (олово) металлы в ЦНИЛ Дальстроя [6, Д. 1601. Л. 190-191]. По распоряжению руководства Дальстроя, во втором полугодии 1944 г., штатное расписание научно-технического состава химической группы лаборатории были усилены за счет количественного и качественного дополнения на 8 специалистов [6, Д. 1570. Л. 61-62]. За 1944 г. ЦНИЛ выполнила 20550 спектральных анализов, 122 минералогических определения, 12 полных минералогических анализов руд, 8330 химических анализов отдельных элементов, 1390 пробирных анализов, 145 полных и силикатных анализов [6, Д. 1570. Л. 50-51].

Поскольку практически все химические исследования на Колыме были сосредоточены в ЦНИЛ, руководство Дальстроя уделяло много внимания притоку в лабораторию ученых-химиков [6, Д. 1588. Л. 59-252]. Достаточно высокий уровень прикладных исследований в области химии обеспечили как вольнонаемные сотрудники, так и бывшие репрессированные ученые, среди которых было много опытных специалистов: Б. П. Пентегов, изучавший поведение различных минералов при хлорировании

оловянных концентратов [6, Д. 1608. Л. 9. Д. 2028. Л. 92], М. П. Белопольский, исследовавший редкоземельные и редкие элементы в продуктах обогащения руд некоторых месторождений Дальстроя, В. А. Евтихов – химик-аналитик, П. А. Челидзе [6, Д. 3543. Л. 54]. Работники лаборатории принимали активное участие в рационализаторской и изобретательской деятельности: всего в 1946-1948 гг. поступило 110 рацпредложений [6, Д. 2168. Л. 31-33]. Годовая экономия от внедрений рацпредложений изобретателей ЦНИЛ составила 370 тыс. руб. и была направлена на решение прикладных проблем рационального использования минерально-сырьевых ресурсов. Из числа внедренных предложений, следует отметить изобретение В. А. Евтихова – «Ускоренный метод анализа редких руд», условно-годовая экономия составила 83 тыс. руб [6, Д. 2383. Л. 16, 18, 62-63].

В 1945 г. в структуре ЦНИЛ проведена очередная реорганизация. В ее составе действовало двенадцать лабораторий, объединенных в четыре научных отдела: процессов обогащения, химических исследований, исследований вещественного состава минерально-полезных ископаемых и исследования строительно-технических материалов. В отделе химических исследований были созданы лаборатории: приготовления химических реактивов, массовых анализов, арбитражных силикатных и специальных анализов, пробирных анализов и металлургических исследований, органической химии. Руководство Дальстроя с 20 мая 1945 г. организовало в составе ГРУ химическое отделение, на которое было возложено методическое руководство и контроль за работой всех химических лабораторий Дальстроя, распределение кадров специалистов-химиков, дефицитных реактивов и материалов.

Имеющиеся у нас архивные данные показывают, что планом геологоразведочных работ Дальстроя на 1945 г. предусматривались исследования и испытания минералов на радиоактивность по альфа-методу. В ходе геологических исследований был обнаружен ряд радиоактивных минералов в рудах и горных породах. Для руководства исследованиями на пятый металл (уран) и разработки методов обогащения этих руд при ЦНИЛ Дальстроя в феврале 1946 г. было организовано пятое отделение (начальник Л. П. Мацуев), а также пятая группа отдела химических исследований (начальник А. П. Осипов). Все работы должны были производиться как совершенно секретные, в отдельных изолированных помещениях, без допуска лиц, не имевших отношения к данным работам. К 1 марта 1946 г. химикам необходимо было организовать производство химических анализов вольфрамовосодержащих (3-й металл) и кобальтосодержащих (4-й металл) руд, на 5-й металл (уран) [6, Д. 1492. Л. 129. Д. 1615. Л. 17. Д. 1754. Л. 36-37].

В 1947 г. ЦНИЛ вновь расширила свою структуру до 15 лабораторий, в рамках которой появились отдельные кабинеты и отделения: керамическое, испытания цементов, дробильно-помольное. В отделе химических исследований были созданы методико-исследовательский и физико-химический кабинеты. В период с 1940 по 1948 гг. в ЦНИЛ была разработана технология обогащения руд для 95 построенных оловообогатительных и 27 золотоизвлекательных фабрик, проводились многочисленные анализы и испытания различных строительных материалов. Фактически объемы выполненных научно-практических работ химическими лабораториями Дальстроя значительно превышали плановые показатели [6, Д. 2025. Л. 98. Д. 2168. Л. 6-7].

По нашему мнению, в 1930-х – 1940-х гг. развитие научно-технического потенциала Дальстроя, концентрация внимания на решении узловых проблем в области золотодобывающей отрасли позволило заложить основы для проведения фундаментальных исследований состояния природных ресурсов региона с целью их рационального использования. Характерной чертой этих исследований является то, что они проводились одновременно

с промышленным освоением края, их задачи определялись насущными потребностями развивающейся горной отрасли региона. В сложных условиях военного и послевоенного времени специалистами Дальстроя была разработана химическая технология обогащения руд для всех построенных за этот период обогатительных фабрик, проводились многочисленные анализы и испытания различных строительных материалов, промышленного сырья, сложились организационные формы химических исследований. Их характер и масштабы исследований определялся таким образом, чтобы из них следовали прикладные разработки не для отдаленной перспективы, а для работающей горнодобывающей промышленности. Эти результаты работ оказались востребованы предприятиями Дальстроя. В эти годы удалось создать условия для дальнейшего роста научного потенциала, в первую очередь региональной ориентации, как важный фактор развития производительных сил края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альшевский А. В. К истории золотодобычи на Колыме: первые рудники и обогатительные фабрики (к 70-етию начала эксплуатации золоторудных месторождений) // Наука Северо-Востока России – начало века: материалы Всероссийской науч. конф., посвящ. памяти академика К. В. Симакова и в честь его 70-летия. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2005. С. 529-533.
2. Бацаев И. Д. Характеристика горнодобывающей промышленности Магаданской области в 1960–1970-е гг. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2013. №2. С. 117-127.
3. Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Часть 1. (1931-1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 381 с.
4. Васильева Е. В. История становления науки на Дальнем Востоке (начало XX в. – середина 1950-х годов) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 114–128.
5. Гельман М. Л., Палымский Б. Ф. Основные этапы геологического изучения Северо-Востока России // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С.133–144.
6. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1.
7. Денисов Е. В. Непроторенными тропами // Время. События. Люди. 1946-1958 гг. Магадан, Кн. изд-во, 1973. С. 32-41.
8. Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1961. 253 с.
9. Зеляк В. Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 466 с.
10. Зеляк В. Г. Современная историография истории геологического изучения Северо-Востока России в 1920–1960-х гг. // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 6-11.
11. Зеляк В. Г., Пустовойт Г. А. Методологические подходы к изучению Дальстроя // Вестник Пермского университета. История. Пермь: Издательский центр ПГНИУ «Perm University Press», 2016. Вып. 3 (34). С. 68-74.
12. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
13. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1989. 492 с.
14. Козлов А. Г. Наука Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Колымские вести. 2005. № 1 (27). С. 3-12.
15. Козлов А. Г. Реорганизация горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1931-1957 гг. // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 2002. С. 41-46.
16. Колыма. 1942. № 2.
17. Левченко С. В., Мозесон Д. Л. Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 96 с.

18. Навасардов А. С. Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932–1937 гг. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2002. 184 с.
19. Николаев К. Б. Горнодобывающая промышленность Северо-Востока России на подъеме: 1957–1974 гг. // Краеведческие записки. Вып. 19. Магадан: Кн. изд-во, 1993. С. 107-116.
20. Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР // Колыма. 1978. № 7-8. С. 16-20.
21. Пустовойт Г. А. Геологические экспедиции и организация научных исследований на Северо-Востоке СССР (1931–1938 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 91-100.
22. Пустовойт Г.А. Геологическое изучение Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 138–142.
23. Пустовойт Г.А. Историография промышленного развития Северо-Востока России в середине 1960-х – середине 1980-х гг. // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. №7(12). С. 49-52.
24. Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917-1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. Магадан: Кн. изд-во, 1971. С. 5-80.
25. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моряков. М.: МФД: Материк, 2005. 568 с. (Россия. XX век. Документы).
26. Хисамутдинова Н. Первый директор Химического института: к 125-летию со дня рождения Б. П. Пентегова (1887–1953) // Вестник ДВО РАН. 2012. №1. С. 142-150.
27. Хлыпалов В. М. Развитие энергетики на Северо-Востоке СССР. Краткий исторический очерк // Краеведческие записки. Вып. 14. Магадан: Кн. изд-во. 1986. С. 28-34.
28. Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920-1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 460 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Al'shevskij A. V. K istorii zolotodobychi na Kolyme: pervye rudniki i obogatitel'nye fabriki (k 70-etiju nachala jekspluatacii zolotorudnyh mestorozhdenij) // Nauka Severo-Vostoka Rossii – nachalo veka: materialy Vserossijskoj nauch. konf., posvjashh. pamjati akademika K. V. Simakova i v chest' ego 70-letija. Magadan: SVNC DVO RAN, 2005. S. 529-533.
2. Bacaev I. D. Harakteristika gornodobyvajushhej promyshlennosti Magadanskoj oblasti v 1960–1970-e gg. // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2013. №2. S. 117-127.
3. Bacaev I.D., Kozlov A.G. Dal'stroj i Sevvostlag OGPU-NKVD SSSR v cifrah i dokumentah. Chast' 1. (1931-1941). Magadan: SVKNII DVO RAN, 2002. 381 s.
4. Vasil'eva E. V. Istorija stanovlenija nauki na Dal'nem Vostoke (nachalo XX v. – seredina 1950-h godov) // Vestnik DVO RAN. 2007. № 1. S. 114–128.
5. Gel'man M. L., Palymskij B. F. Osnovnye jetapy geologicheskogo izuchenija Severo-Vostoka Rossii // II Dikovskie chtenija: materialy nauch.-prakt. konf. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2002. S.133–144.
6. Gosudarstvennyj arhiv Magadanskoj oblasti (GAMO). F. R-23. Op. 1.
7. Denisov E. V. Neprotorennymi tropami // Vremja. Sobytija. Ljudi. 1946-1958 gg. Magadan, Kn. izd-vo, 1973. S. 32-41.
8. Zhiharev N. A. Ocherki istorii Severo-Vostoka RSFSR (1917–1953 gg.). Magadan: Kn. izd-vo, 1961. 253 s.
9. Zeljak V. G. «Valjutnyj ceh strany»: istorija razvitija gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928–1991 gg. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2015. 466 s.
10. Zeljak V. G. Sovremennaja istoriografija istorii geologicheskogo izuchenija Severo-Vostoka Rossii v 1920–1960-h gg. // Gumanitarnyj vektor. 2018. T. 13. № 6. S. 6-11.
11. Zeljak V. G., Pustovojt G. A. Metodologicheskie podhody k izucheniju Dal'stroja // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. Perm': Izdatel'skij centr PGNIU «Perm University Press», 2016. Vyp. 3 (34). S. 68-74.
12. Ivanova G. M. Istorija GULAGa, 1918-1958: social'no-jekonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty. M.: Nauka, 2006. 438 s.

13. Istorija Chukotki s drevnejshih vremen do nashih dnej. M.: Nauka, 1989. 492 s.
14. Kozlov A. G. Nauka Severo-Vostoka Rossii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. // Kolymskie vesti. 2005. № 1 (27). S. 3-12.
15. Kozlov A. G. Reorganizacija gornodobyvajushhej promyshlennosti Dal'stroja v 1931-1957 gg. // II Dikovskie chtenija: Materialy nauch.-prakt. konf., posvjashh. 70-letiju Dal'stroja. Magadan: SVKNII DVO RAN. 2002. S. 41-46.
16. Kolyma. 1942. № 2.
17. Levchenko S. V., Mozeson D. L. Zolotaja Kolyma. Iz istorii otkrytija i osvoenija Severo-Vostoka SSSR. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 96 s.
18. Navasardov A. S. Transportnoe osvoenie Severo-Vostoka Rossii v 1932–1937 gg. Magadan: SVNC DVO RAN, 2002. 184 s.
19. Nikolaev K. B. Gornodobyvajushhaja promyshlennost' Severo-Vostoka Rossii na pod#eme: 1957–1974 gg. // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 19. Magadan: Kn. izd-vo, 1993. S. 107-116.
20. Nefedova S. P., Bubnis G. K. Hronika geologicheskogo izuchenija Severo-Vostoka SSSR // Kolyma. 1978. № 7-8. S. 16-20.
21. Pustovojt G. A. Geologicheskie jekspedicii i organizacija nauchnyh issledovanij na Severo-Vostoke SSSR (1931–1938 gg.) // Rossija i ATR. 2010. № 2. S. 91-100.
22. Pustovojt G.A. Geologicheskoe izuchenie Severo-Vostoka Rossii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. №7 (57): v 2-h ch. Ch. I. C. 138–142.
23. Pustovojt G.A. Istoriografija promyshlennogo razvitija Severo-Vostoka Rossii v seredine 1960-h – seredine 1980-h gg. // Manuskript. Tambov: Gramota, 2019. №7(12). S. 49-52.
24. Roshhupkin G. G. Sozdanie i razvitie gornodobyvajushhej promyshlennosti na Chukotke (1917-1953 gg.). // Iz istorii promyshlennogo i kul'turnogo stroitel'stva Chukotki. Magadan: Kn. izd-vo, 1971. S. 5-80.
25. Stalinskie strojki GULAGa. 1930-1953 / Pod obshh. red. akad. A. N. Jakovleva; Sost. A. I. Kokurin, Ju. N. Morjakov. M.: MFD: Materik, 2005. 568 s. (Rossija. XX vek. Dokumenty).
26. Hisamutdinova N. Pervyj direktor Himicheskogo instituta: k 125-letiju so dnja rozhdenija B. P. Pentegova (1887–1953) // Vestnik DVO RAN. 2012. №1. S. 142-150.
27. Hlypalov V. M. Razvitie jenergetiki na Severo-Vostoke SSSR. Kratkij istoricheskij ocherk // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 14. Magadan: Kn. izd-vo. 1986. S. 28-34.
28. Shirokov A. I. Gosudarstvennaja politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920-1950-h gg.: opyt i uroki istorii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2009. 460 s.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 02.06.2020.

Для цитирования:
Пустовойт Г.А. Организация химических исследований на Северо-Востоке России в 1930-е – 1940-е гг. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 24-35. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Pustovoit.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3890389
УДК 398.5

Роговой А.С.

Роговой Алексей Сергеевич, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67. E-mail: rogovoy.aleksey@psga.ru.

Современное этническое мифотворчество: историография вопроса

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения современного этнического мифотворчества. В материалах рассматриваются ключевые научные труды, посвященные теме этнического, этнополитического и этносоциального мифотворчества. Выделены два основных направления исследования современного мифотворчества: политико-идеологическое и социально-психологическое. На основе сравнительного анализа показана специфика этих подходов, обобщены основные взгляды на феномен этнического мифотворчества. Общим для данных направлений является рассмотрение мифа как средства манипуляции этническим сознанием.
Ключевые слова: мифотворчество, миф, этнос, нация, этнонационализм, этнонация, идеология, мифосознание.

Rogovoy A.S.

Rogovoy Aleksey Sergeevich, Samara State University of Social Sciences and Education, 443099, Russia, Samara, M. Gorky St., 65/67. E-mail: rogovoy.aleksey@psga.ru.

Contemporary ethnic myth creativity: a historiography of the question

Abstract. The article is devoted to the problem of studying modern ethnic myth-making. The materials consider the key scientific works devoted to the topic of ethnic, ethnopolitical and ethnosocial myth-making. There are two main directions of research of modern myth-making: political-ideological and socio-psychological. On the basis of comparative analysis, the specificity of these approaches is shown, and the main views on the phenomenon of ethnic myth-making are summarized. Common to these trends is the consideration of myth as a means of manipulating ethnic consciousness.
Key words: myth-making, myth, ethnos, nation, ethno-nationalism, ethnonation, ideology, myth-consciousness.

Вторая половина XX века ознаменовалась в мире политическими и идеологическими потрясениями. Крах идеологий и политических систем привел к обострению этнонационализма. Этноцентристские версии прошлого призваны воспевать предков как славных героев, внесших огромный и исключительный вклад в общечеловеческую историю и культуру. Связь этнического мифотворчества с псевдоисторией и слепая вера людей в «поддельные» мифы способствовали созреванию политического и социального мифотворчества. В наше время этническое, политическое и социальное мифотворчество неразрывно связаны между собой и используются политиками в целях манипуляции сознанием людей путем искажения исторических фактов в выгодном для них русле.

Проблема мифотворчества достаточно многогранна, что дает обширное поле для её исследования. В процессе анализа и изучения мифотворчества исследователи используют разные подходы. Отсюда вытекает главный проблемный вопрос данного исследования, который можно обозначить следующим образом: каковы основные исследовательские подходы в изучении современного этнического мифотворчества, в чем их специфика, сходство и различие?

Этническое мифотворчество входит в сферу общего мифотворчества и неотделимо от него, что делает необходимым рассмотрение этой темы в контексте общих характеристик мифотворчества. Изучение и анализ во всех его проявлениях и сферах помогает не только проследить особенности и сюжеты, но также и изучить жизнь мифа в современных реалиях. Современный миф отличается от своей архаической формы, его функции трансформировались, он не служит средством объяснения происходящего. В XX-XXI веках миф адаптируется под нужды человека, служит средством удовлетворения потребностей. Как отмечает А.В. Ставицкий, миф – это вся чувственно воспринимаемая и отражаемая в образно-символической форме реальность. Он не существует сам по себе, он – всегда часть мифологической системы, включающей в себя всю совокупность работающих на неё мифов, маленьких и больших, взаимодействующих, переплетающихся, составляющих некую единую сложную иерархическую структуру [22]. Известный исследователь мифов Е.М. Мелетинский также отмечал, что миф создает комфортную общественную среду, которая способствует гуманизации общества и общественного сознания [16]. По мнению А.Л. Топоркова, напротив, миф является лишь инструментом в руках политиков и требует слепой и безоговорочной веры, преподносится как неоспоримый факт, что позволяет использовать его как средство манипуляции массами [24, 25]. Другие авторы (Ю.Г. Ершов, П.Ю. Черносвитов) также отмечают важную роль мифа как средства пропаганды [8, 28]. М.А. Малеева, соглашаясь с вышеприведенными мнениями, обращается к истокам современного мифотворчества и отмечает, что возврат к мифосознанию в эпоху постмодернизма является реакцией на кризис индивидуализма и рационализма. Природа и социальная значимость мифа позволяют использовать его в искусстве, религии, морали, философии и политике. По мнению автора, миф призван оперативно дать прозрачную, понятную информацию и в тоже время формировать иллюзию о всезнающем и информированном человеке [15].

Таким образом, современный миф определяется исследователями как инструмент идеологического воздействия, основным предназначением которого является объединение людей на основе общей идеи, а также манипуляция массами. Встраивание мифа в социальную и духовную структуру общества создает предпосылки для использования мифа в благих целях. Однако по ряду причин это не выгодно правящим элитам, которые стремятся ввести людей в поле искусственно созданного мифа.

Многообразие работ в области изучения мифа и этнического мифотворчества позволяет выделить два основных подхода: политико-идеологический и социально-психологический. Общим для данных подходов является рассмотрение современного мифа как универсальной формы общественного сознания и способа социализации человека, а также как составной части идеологии политической системы общества и средства манипуляции сознанием масс.

Рассмотрим выделенные подходы подробнее. В политико-идеологическом подходе этнический миф рассматривается как политико-идеологическое явление. Он возникает на почве обострения проблемы этнонациональной идентичности, являющейся ответной реакцией на кризис этничности. Рассматривая миф через призму этнонационализма, исследователи приходят к выводу о его политической основе. Тем самым они устанавливают и

доказывают неразрывную связь этнических и политических мифов. Сами мифы служат, по мнению исследователей, средством идеологической манипуляции и социально-политического контроля, а также средством социальной интеграции. Для этого существует набор универсальных сюжетов: выбор в отдаленном прошлом «Золотого Века» истории народа и замалчивание ее неудачных страниц; выбор «врага», который представляется абсолютным злом, что способствует ещё большему возвеличиванию предков; идея о непременно возникающей в ходе создания объединяющего мифа дихотомии «мы – они», которая служит объединяющим и одновременно разобщающим различные этнические сообщества фактором. Крупный зарубежный исследователь, английский политолог К. Флад даёт общепринятое определение этнополитического мифа как идеологически маркированного повествования о прошлом, настоящем и будущем. Миф является одним из основных инструментов идеологического воздействия, что выражается в различных визуальных жанрах, коллективных церемониях, ритуалах [26, с.35]. Развивает идеи К. Флада крупнейший отечественный исследователь этнического мифотворчества В.А. Шнирельман. Рассматривая проблему генезиса этнического мифа, он приходит к выводу, что почвой для мифотворчества являются сами этнические группы и их историческое прошлое. Целью этнического мифа, помимо поднятия уровня самоидентичности, является манипуляция этническим сознанием. Сам миф по структуре и содержанию сконструирован таким образом, чтобы стереотипизировать окружающую действительность, исключить противоречия и разночтения восприятия реальности [29]. Эту идею продолжает идею С.В. Лурье, отмечая, что любая идеология трансформируется с целью встраивания в этнические константы [13]. В свою очередь, А.М. Цуладзе отмечает, что национальное самосознание формируется на основе мифов и неотделимо от них. Исторические события становятся значимыми для потомков, когда вписаны в структуру национального мифа [27]. Схожее мнение высказывают К.С. Даллакян и Н.И. Воронова. Однако К.С. Даллакян обращается к функциям мифа и отмечает, что этнополитический миф является средством инкорпорации в чужие этноареалы, историю и служит средством контроля над территорией, средством оправдания права государства на данные территории. Этим миф придает когнитивное обоснование легитимности экономических претензий и политико-правовой суверенности этнонации. Также автор отмечает, что этнополитический миф дискретен и противоречив, он создает лишь мнимую логичность идеологически верных суждений, отодвигая «неправильные» суждения на задний план [7, с. 119]. Аналогичную идею высказывает Н.В. Шульга, отмечая, что используя архаический набор устойчивых сюжетов, миф не стремится ничего объяснить, но присутствующие в мифе «консолидирующие формулировки» создают иллюзию ясности [30]. Идею о связи мифа и территории поддерживает О.А. Богатова. Исследователь подчеркивает, что создание новых этнических мифов и возрождение псевдоязыческих верований приводит к сакрализации определенных мест и создает идею исторического и религиозного права народа на территорию [2]. Н.И. Воронова в своих исследованиях делает акцент на объединяющем аспекте этнического мифа, который способствует эффективному сплочению народа. В том случае когда объединяющая идея отсутствует, этноцентристские мифы могут расколоть полиэтничное общество [5]. Аналогичную идею высказывает Л.В. Томайчук. «Мифологизация» и «национализация» истории служит объединяющим фактором для народа, однако, объединяя народ, миф неизбежно противопоставляет один народ другому, что, в свою очередь, приводит к их разобщению. Автор настаивает на том, что мифотворчество не может быть основой для упорядочения и обеспечения устойчивости политической системы [23]. Данную

идею поддерживает и З.Р. Высоцкая. Обращаясь к мифотворчеству татарского народа, исследовательница отмечает, что проблема этногенеза среди татар является спорной и порождает мифы, которые, с одной стороны, объединяют народ, а с другой, углубление в эту проблематику разобщает этнос на группы, каждая из которых имеет свое видение [6]. Е.А. Лукашева размышляет о том, что миф способствует идеализации государственного устройства, подчёркивает особый менталитет народа, однако, указывает, что происходит это посредством грубой подтасовки исторических фактов недалёкого прошлого [12]. К.Б. Соколов озвучивает идею переименования как один из инструментов функционирования мифа в обществе. Данный инструмент призван девальвировать историческую память, если политические элиты воспринимают прошлое как невыгодное [21]. В отличие от большинства авторов А.М. Сиюхова подходит к изучению современного этнического мифа как к явлению культуры. С этой точки зрения, при помощи мифа устанавливает неразрывную связь с прошлым, воздействуя этим на этническое самосознание и пробуждая его [20].

Таким образом, что в рамках данного подхода современное этническое мифотворчество является следствием кризиса этнической самоидентичности и этничности. Основная его цель – сплочение этноса на основе общих идей о происхождении, истории народа. При этом элиты используют этнический миф в качестве инструмента идеологического воздействия и нередко решают свои узкополитические задачи, в том числе ценой раскола полиэтнического общества. Структура мифотворчества, согласно мнению исследователей, изменчива и направлена на встраивание в этнические константы. Этнонациональное мифотворчество конструирует миф так, чтобы они стали неоспоримой и единственно верной идеей.

В рамках социально психологического подхода мифотворчество рассматривается, в первую очередь, как психологическое явление, а его существование и генезис полностью принадлежат сфере иррационального, бессознательного. Схожим с политико-идеологическим подходом является рассмотрение этнического мифа как средства манипуляции массами, однако, при этом практически не рассматривается объединяющая функция. С социально-психологической точки зрения этнический миф рассматривается преимущественно как часть социального мифотворчества и воспринимается как этносоциальный миф. Как отмечает А.Х. Рамазанова, созревание этносоциального мифа является в большей степени результатом восприятия современным человеком информации как мифологической [18]. С данной идеей соглашается Е.В. Кохия. Однако, автор обращает больше внимания на взаимосвязь мифа и этнического самосознания и полагает, что устранить миф из этнического самосознания чисто рациональными средствами невозможно, поскольку обращение к мифологии вызвано глубинными причинами – потребностями гносеологического плана. Поэтому мифология является одним из краеугольных камней этнического самосознания [10].

Рассматривая причины возникновения этносоциального мифа, С.В. Путилов указывает, что усиление воздействия мифов на самосознание народов обусловлено кризисами в развитии государств, а также усилением глобализации, которая характеризуется проникновением в культуру чуждых миров, а, следовательно, сломом системы национального самосознания. Этнический миф при этом выступает в качестве «символа веры» и не может подвергаться критике, выступая тем самым эффективным средством манипуляции [17]. О.В. Ляшенко, продолжая мысль С.В. Путилова, настаивает, что для появления мифа в современном обществе необходима, в первую очередь, напряженная психологическая ситуация, а не только кризис государства. Автор отмечает, что этносу, как одному из древнейших типов социальной общности, вообще присущи мифотворческие импульсы, порожденные эффектом подмены действи-

тельного желаемым [14]. Близкую идею высказывает А.А. Лобжанидзе. Согласно этой точке зрения, при столкновении с неожиданными, непрогнозированными социальными явлениями люди склонны относить их к иррациональному, особенно это касается признания негативных последствий таких явлений. Этнополитический миф, по мнению автора, влияет на поведение людей, поддерживая, предостерегая или запугивая, консервируя апатию или направляя агрессию в русло, указанное мифом [11].

Другую точку зрения на природу мифа и его происхождение высказывает Т.А. Балаболина: мифотворчество как объективное явление этносоциальной реальности имеет вневременный характер и не связано с кризисами общества. Оно продуцируется сознанием общества на протяжении всего исторического развития. Современное мифотворчество не ограничивается фабрикацией социальных мифов. Этносоциальное мифотворчество, по мнению автора, несмотря на искусственное происхождение, органически входит в этническое самосознание, так как успешно внедренный этносоциальный миф принимается сознанием как нечто действительно существующее [3].

Обращаясь к функции мифа Э. В. Асриян, отмечает, что национальные и этносоциальные мифы выполняют функцию формирования и структурирования пространства. В их основе лежит архетипическая дихотомия «мы – они». Политическая идеология, порождающая этнические мифы, содержит эсхатологическую (миф о конце света) картину действительности, указывая на тайные замыслы врага-соблазнителя [1]. По мнению А.Н. Савельева, этнополитическая и этносоциальная составляющая мифа нации – это охранительные, консервативные идеи: удержать территорию, восстановить демографический потенциал, сохранить культуру, вернуть себе позиции в мировой цивилизации. Культурная задача мифа состоит в восстановлении социальной и этнической картины мира, разрушенной во время социального катаклизма, а также в структурировании действительности в ситуации, когда картину мира нельзя восстановить и воспринимать целостно [19].

Таким образом, исследование современного мифотворчества ведется, в основном, в двух направлениях: политико-идеологическом и социально-психологическом. Общим моментом для обоих направлений является рассмотрение мифа как средства манипуляции этническим сознанием. Этническое мифотворчество связывается исследователями с политическим и социальным мифотворчеством, что доказывает его включенность в общий процесс мифотворчества. Несмотря на то, что в целом тема этнического мифотворчества достаточно подробно освещена в отечественной науке, что существующие работы охватывают практически все аспекты современного этнического мифа, следует отметить, что вопрос о функционировании мифа в определённых этнических средах изучен недостаточно. Это создает предпосылки для дальнейшего исследования данной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асриян Э. В. Этнический миф как составляющая имиджа // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 24 апреля 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 8-11.
2. Богатова О. А. Присвоение исторических ландшафтов в процессе конструирования новых сакральных пространств в контексте региональной политики идентичности // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. № 4. С. 125–138.
3. Балаболина Т. А. Современное мифотворчество: социально-философский анализ : дис. ... канд. фил. наук. Хабаровск, 2005. 124 с.

4. Воеводина Л. Н. Мифотворчество как феномен современной культуры: дис. ... д-а филос. наук. Москва, 2002. 282 с.
5. Воронова Н. И. Особенности этнонационального мифотворчества в культуре современной России // Вестник РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. №19. С. 15-22.
6. Высоцкая З. Р. Современная этнополитическая мифология в контексте политического управления (на материале татарского народа) // Русская политология. 2018. №8. С. 98-104.
7. Даллакян К. С. Этнополитическое мифотворчество // PolitBook. 2016. С. 119-130.
8. Ершов Ю. Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. №5. С. 48-53.
9. Ковалева И. А. Мифотворчество в современной культуре // Молодой ученый. 2015. №9.1. С. 37-40.
10. Кохия Е. В. Мифологический компонент в структуре этнического самосознания // Омский научный вестник. 2002. №3. С 43-45.
11. Лобжанидзе А. А. Политическая мифология: проблема иррациональности // Социум и власть. 2012. №1 (33). С. 34-38.
12. Лукашева Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 3. С. 5-35.
13. Лурье С.В. Армянская политическая мифология и ее влияние на формирование внешней политики Армении и Нагорного Карабаха // Армения. Образы политической мифологии. Сайт Светланы Лурье. URL: http://svlourie.narod.ru/armenian-myth/arm-geopolit.htm
14. Ляшенко О.В. Социально-политическое мифотворчество в контексте современной российской культуры: дис ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003. 166 с.
15. Малеева М.А. Миф как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Черкесск, 2005. 163 с.
16. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 419-429.
17. Путилов С. В. Особенности процесса мифологизации национального самосознания: предпосылки, условия, причины // Вестник ЧГУ. 2009. №42. С. 15-18.
18. Рамазанова А. Х. Особенности современного мифотворчества и мифосознания // Вестник КазНу. 2011. С.117-135.
19. Савельев А. Н. Политическая мифология. «ЛитРес: Самиздат», 2018. URL: http://savelev.ru/books/content/?b=4
20. Сиюхова А. М. Этнический миф как средство сохранения этнокультурной идентичности (на примере культуры адыгов) // Философия и культура. 2016. №8. С. 1202-1209.
21. Соколов К.Б. Современное мифотворчество и искусство // Культурологические записки. 2011. № 13. С. 11-65.
22. Ставицкий А. В. Современный миф как социокультурный феномен // Культура народов Причерноморья. 2009. №132. С. 166-173. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/3608792/
23. Томайчук Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №3. С. 52-55.
24. Топорков А. Л. Мифы и мифология в современной России // Неприкосновенный запас. 1999. №6. С. 10-15.
25. Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // Человек и общество: поиски, проблемы и решения: сб. статей. М., 1999. С. 13-16. https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm
26. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 213 с.
27. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
28. Черносвитов П.Ю. Современная мифология и государственная идеология: соотношение понятий // Культурологические записки. 2011. №13. С. 85-119.
29. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцетнристские исторически мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. 2000. №2. С. 12-34.
30. Шульга Н.В. Современная политическая мифология // ОНВ. 2006. №2(35). С. 49-52.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Asrijan Je. V. Jetnicheskij mif kak sostavljajushhaja imidzha // Brending malyh i srednih gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 24 aprelja 2015 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. S. 8-11.
2. Bogatova O. A. Prisvoenie istoricheskih landshaftov v processe konstruirovanija novyh sakral'nyh prostranstv v kontekste regional'noj politiki identichnosti // Istoricheskie Issledovanija. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. 2016. № 4. S. 125–138.
3. Balabolina T. A. Sovremennoe mifotvorchestvo: social'no-filosofskij analiz : dis. ... kand. fil. nauk. Habarovsk, 2005. 124 s.
4. Voevodina L. N. Mifotvorchestvo kak fenomen sovremennoj kul'tury: dis. ... d-a filos. nauk. Moskva, 2002. 282 s.
5. Voronova N. I. Osobennosti jetnonacional'nogo mifotvorchestva v kul'ture sovremennoj Rossii // Vestnik RGPU im. A. I. Gercena. 2006. №19. S. 15-22.
6. Vysockaja Z. R. Sovremennaja jetnopoliticheskaja mifologija v kontekste politicheskogo upravlenija (na materiale tatarskogo naroda) // Russkaja politologija. 2018. №8. S. 98-104.
7. Dallakjan K. S. Jetnopoliticheskoe mifotvorchestvo // PolitBook. 2016. S. 119-130.
8. Ershov Ju. G. Mify v ideologii i politike // Socium i vlast'. 2015. №5. S. 48-53.
9. Kovaleva I. A. Mifotvorchestvo v sovremennoj kul'ture // Molodoj uchenyj. 2015. №9.1. S. 37-40.
10. Kohija E. V. Mifologicheskij komponent v strukture jetnicheskogo samosoznanija // Omskij nauchnyj vestnik. 2002. №3. S 43-45.
11. Lobzhanidze A. A. Politicheskaja mifologija: problema irracional'nosti // Socium i vlast'. 2012. №1 (33). S. 34-38.
12. Lukasheva E.A. Sovremennaja mifologija i realii politicheskoj i social'noj zhizni // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 5-35.
13. Lur'e S.V. Armjanskaja politicheskaja mifologija i ee vlijanie na formirovanie vneshnej politiki Armenii i Nagornogo Karabaha // Armenija. Obrazy politicheskoj mifologii. Sajt Svetlany Lur'e. URL: http://svlourie.narod.ru/armenian-myth/arm-geopolit.htm
14. Ljashenko O.V. Social'no-politicheskoe mifotvorchestvo v kontekste sovremennoj rossijskoj kul'tury: dis ... kand. filos. nauk. Stavropol', 2003. 166 c.
15. Maleeva M.A. Mif kak sociokul'turnyj fenomen: dis. ... kand. filos. nauk. Cherkessk, 2005. 163 s.
16. Meletinskij E. M. Mif i dvadcatyj vek // Izbrannye stat'i. Vospominanija. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1998. S. 419-429.
17. Putilov S. V. Osobennosti processa mifologizacii nacional'nogo samosoznanija: predposylki, uslovija, prichiny // Vestnik ChGU. 2009. №42. S. 15-18.
18. Ramazanova A. H. Osobennosti sovremennogo mifotvorchestva i mifosoznanija // Vestnik KazNu. 2011. S.117-135.
19. Savel'ev A. N. Politicheskaja mifologija. «LitRes: Samizdat», 2018. URL: http://savelev.ru/books/content/?b=4
20. Sijuhova A. M. Jetnicheskij mif kak sredstvo sohranenija jetnokul'turnoj identichnosti (na primere kul'tury adygov) // Filosofija i kul'tura. 2016. №8. S. 1202-1209.
21. Sokolov K.B. Sovremennoe mifotvorchestvo i iskusstvo // Kul'turologicheskie zapiski. 2011. № 13. S. 11-65.
22. Stavickij A. V. Sovremennyj mif kak sociokul'turnyj fenomen // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. 2009. №132. S. 166-173. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/3608792/
23. Tomajchuk L. V. Mifologizacija istorii kak instrument konstruirovanija nacional'noj identichnosti na sovremennoj Ukraine i v Belarusi // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. №3. S. 52-55.
24. Toporkov A. L. Mify i mifologija v sovremennoj Rossii // Neprikosnovennyj zapas. 1999. №6. S. 10-15.
25. Toporkov A. L. Mify i mifologija HH veka: tradicija i sovremennoe vosprijatie // Chelovek i obshhestvo: poiski, problemy i reshenija: sb. statej. M., 1999. S. 13-16. https://ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm

26. Flad K. Politicheskij mif. Teoreticheskoe issledovanie. M.: Progress-Tradicija, 2004. 213 s.
27. Culadze A. Politicheskaja mifologija. M.: Jeksmo, 2003. 384 s.
28. Chernosvitov P.Ju. Sovremennaja mifologija i gosudarstvennaja ideologija: sootnoshenie ponjatij // Kul'turologicheskie zapiski. 2011. №13. S. 85-119.
29. Shnirel'man V.A. Cennost' proshlogo: jetnocetnristskie istoricheski mify, identichnost' i jetnopolitika // Real'nost' jetnicheskih mifov. 2000. №2. S. 12-34.
30. Shul'ga N.V. Sovremennaja politicheskaja mifologija // ONV. 2006. №2(35). S. 49-52.

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Роговой А.С. Современное этническое мифотворчество: историография вопроса // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 36-43. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Rogovoy.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3891400
УДК 069.01

Хазан Е.В.

Хазан Евгения Валерьевна, старший преподаватель, Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13. E-mail: hazan.evgenya@yandex.ru.

Использование фондов Магаданского областного краеведческого музея в обучении истории Северо-Востока России

Аннотация. Целью исследования является изучение способов использования фондов Магаданского областного краеведческого музея в обучении истории Северо-Востока России. Решение поставленной цели осуществляется на основе применения общенаучных методов исследования в рамках теоретического и статистического анализа, а также посредством использования специально-исторических методов. В результате определено, что фонды музея формировались на протяжении всей его деятельности с 1934 по 2018 гг. и представляют уникальное по своему содержанию собрание источников, отражающих историческое развитие территории Северо-Востока России. Использование традиционных и интерактивных форм работы с учащимися, реализация комплексных образовательных программ, включающих систематичное изучение истории родного края, на основе музейных коллекций, позволяет рассматривать Магаданский областной краеведческий музей как важный элемент регионального исторического образования.
Ключевые слова: фонды музея, региональная история, Северо-Восток России, музейная образовательная программа, Магаданский областной краеведческий музей, экскурсия, региональное историческое образование, школа.

Khazan E.V.

Khazan Eugenia Valerevna, Senior lecturer, North-Eastern State University, 685000, Russia, Magadan, Portovaya st., 13. E-mail: hazan.evgenya@yandex.ru.

Funds of the Magadan regional museum in teaching the history of the North-East of Russia

Abstract. The purpose of the research is to study ways of using the funds of the Magadan regional museum in teaching the history of the North-East of Russia. General scientific methods (theoretical and statistical analysis) and special historical methods are used in the research. Research result: the museum's funds were formed throughout its activity from 1934 to 2018 and represent a unique collection of sources about the historical development of the territory of the North-East of Russia. Traditional and interactive forms of work with students, complex educational programs that include systematic study of local history are carried out on the basis of museum collections. All this allows us to consider the Magadan regional museum as an important element of regional historical education.
Key words: museum fund, regional history, the North-East of Russia, museum educational program, Magadan regional museum, excursion, regional historical education, school.

Изучение региональной истории является частью школьного исторического образования и патриотического воспитания учащихся. Важное место в реализации регионального компонента в образовательном процессе занимает работа с фондами краеведческого музея.

Сотрудничество и взаимодействие субъектов образовательного и культурного пространств организует определенную культурно-образовательную среду, которая способствует самореализации личности учащегося, формированию системы ценностей, развитию практических умений и навыков самостоятельной работы.

Для детей получение знаний в окружении подлинных экспонатов превращается в удовольствие, связанное с множеством личных открытий и вырабатывает стойкую мотивации к познанию мира.

Использование фондов Магаданского областного краеведческого музея (далее – МОКМ, до 1954 г. – Охотско-Колымский краеведческий музей, далее – ОККМ) в учебной деятельности способствует формированию полноценного представления об историко-культурном развитии Северо-Востока России.

Проблеме использования фондов музеев в преподавании дисциплин уделяют внимание известные педагоги, начиная с 1950-х гг.

Н. К. Крупская в своих трудах отмечает, что «…школа должна научить видеть, научить читать не только печатные книжки, но также и книгу жизни. Одним из способов научить читать эту книгу являются правильно поставленные экскурсии» [11, с. 388]. «Важны не столько отвлеченные рассуждения, сколько важен показ… объяснения на живых фактах…» [10, с. 42].

С. Т. Шацкий определяет роль краеведческого материала для школы и значение детских экскурсий, в ходе которых происходит организованное наблюдение явлений природы и общественной жизни [21, с. 20].

Практика работы музея со школой отражалась и в фундаментальных трудах. Одна из известных работ монография «Основы советского музееведения», подготовленная Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы. В состав авторского коллектива вошли крупнейшие отечественные историки, музееведы, краеведы: П. И. Галкина, А. Б. Закс, Д. А. Равикович, А. М. Разгон, К.Г. Митяев и др. [16].

В 1970-е–1980-е гг. создание системы связи музея и общеобразовательных школ освещают историки-методисты В. Н. Ашурков, Д. В. Кацюба, Г. Н. Матюшин [5].

В 1990-е–2000-е гг. актуальной тенденцией среди педагогов и историков становится классификация форм культурно-образовательной работы музея на основе фондов, разработка методических рекомендаций по работе с учащимися.

Отдельные разделы учебных пособий по музееведению педагогов и историков посвящены формам культурно-образовательной работы музея на основе фондов, проблемам моделирования взаимодействия музея и школы [12, 14].

В научных работах Е. А. Ковешниковой, С. Ю. Тайшиной, М. В. Коротковой даны методические рекомендации работы с учащимися на основе культурно-образовательных программ [7, 8].

Изучение проблемы сотрудничества краеведческих музеев и школ г. Магадана и Магаданской области историками и методистами региона начинается только с 1990-х гг. [18]. С целью развития у школьников любознательности и навыков самостоятельной работы Н. С. Цепляева предлагает использовать различные формы занятий, в т. ч. экскурсии [6, с. 3]. Подобной позиции придерживается Р. П. Корсун, указывая, что важно сочетать урочную форму обучения с другими организационными формами обучения истории: экскурсиями, историческими вечерами и др. [9, с. 6]

Весьма интересны работы научных сотрудников отдела фондов МОКМ, обратившихся к исследованию различных проблем комплектования фондовой работы музея [3].

Заместитель директора по научно-просветительной работе МОКМ Т. А. Чем-

шит в юбилейном XX выпуске сборника «Краеведческие записки» раскрывает опыт реализации музейных образовательных программ и перспективы развития культурно-образовательной деятельности музея [20].

Таким образом, анализ историографии по теме исследования свидетельствует о необходимости использования музейных фондов, как одного из важных компонентов содержания регионального исторического образования учащихся, что делает актуальным рассмотрение методики использования фондов МОКМ в обучении истории Северо-Востока России.

Цель исследования – изучение способов использования фондов МОКМ в обучении истории Северо-Востока России.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ фондовой и культурно-образовательной деятельности МОКМ с 1934 по 2018 гг.; характеристика основных направлений взаимодействия МОКМ и школ г. Магадана; определение роли фондов МОКМ в обучении истории Северо-Востока России.

В ходе исследования применялись общенаучные (статистический и теоретический анализ) и специально-исторические методы (проблемно-хронологический, аксиологический, историко-сравнительный, историко-ретроспективный, анализ исторических источников).

ОККМ открыл свои двери для посетителей 30 марта 1934 г.

Фонд музея на момент создания составлял 649 предметов этнографических и естественно-исторических материалов, собранных энтузиастами Охотско-Колымского краеведческого кружка (Табл. 1.) [19].

Формирование фондов ОККМ с 1934 по 1954 гг. происходило за счет поступления предметов от краеведческих ячеек, промышленных предприятий и образовательных учреждений Колымы, местного населения (в том числе коренных жителей); научных экспедиций и командировок работников музея; сотрудничества с научными учреждениями СССР, музеями и лабораториями Колымы [13, Д. 55. Л. 172–174; Д. 78. Л. 24; Д. 82. Л. 6; Д. 105. Л. 32-49].

Уже в 1939–1940 гг. большая часть передаваемых в ОККМ экспонатов стали составлять материалы, предоставленные в дар музею.

Наряду с поступающими предметами, фонды ОККМ пополнялись купленными у коренного населения предметами материальной и духовной культуры [13, Д. 82. Л. 11].

В результате музейное собрание систематически обновлялось интересными материалами, отражающими природу историю и культуру Охотско-Колымского края, достижения социалистического строительства.

Анализ делопроизводственной документации ОККМ свидетельствует о том, что если к концу 1934 г. в фондах музея насчитывалось 1334 музейных предметов, то к концу 1940 г. – 6442 (Табл. 1.) [13, Д. 105. Л. 99].

В годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) немаловажное место в работе по комплектованию фондов музея занимала целенаправленная собирательская работа. Выполняя указания Наркомата просвещения РСФСР о сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны, ОККМ осуществлял руководство выявлением и сбором вещественных и письменных источников об участии колымчан в борьбе с врагом среди жителей края. Кроме того, сотрудники музея вели систематический просмотр газет и журналов, делали вырезки статей о войне, собирали фронтовые письма колымчан, биографические сведения о воинах, ушедших на фронт с территории края их боевых и трудовых подвигах. За 1941-1945 гг. в музей поступило более 8000 музейных предметов (Табл. 1.) [13, Д. 74. Л. 79; Д. 105. Л. 99–100].

Для расширения источников поступлений музейных предметов привлекался актив и местные организации, осуществлявшие работу по популяризации музея в средствах массовой информации, чтению лекций, проведению экскурсий, написанию специальных писем по линии комсомола.

До 1947 г. динамика сбора и комплектования фондов не подчинялась точному учету, так как количество экспонатов колебалось в результате постоянных списаний из-за непригодности. Согласно «Инструкции по учету музейных фондов» 1947 г., разработанной Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, в музее вводилась единая систему учета музейных ценностей [13, Д. 82. Л. 1].

В 1952 г. ОККМ осуществил переход к научной организации фондов [13, Д. 78. Л. 163].

Всего в фондах музея к концу 1954 г. насчитывалось более 20 тыс. музейных предметов (Табл. 1.), среди которых особо ценными были медная медаль в память об Отечественной войне 1812 г., белая белка, зуб мамонта, бивень мамонта, метеорит в 25 кг, упавший около прииска Бурговди в верховьях р. Яна в 1941 г., чучело журавля и т. д. [13, Д. 69. Л. 13]

Комплектование фондов с середины 1950-х по 1980-е гг. происходило в основном за счет коллекций, собранных в результате работы археологических и этнографических исследований сотрудников музея А. В. Беляевой, Р. С. Василевского, У. Г. Поповой, И. А. Захаровой, Р. М. Рагтытваль на территории Магаданской области, включая отдаленные районы Чукотки.

Большая часть предметов материальной и духовной культуры была представлена в постоянной экспозиции музея, характеризующей этническую специфику коренных малочисленных народов северо-восточного края. Научно-исследовательская работа сотрудников МОКМ в указанный период способствовала формированию этнографической, археологической, естественно-исторической коллекций [1, с. 18–21].

С 1983 по 2007 гг. главным в работе сотрудников отдела фондов МОКМ был перевод коллекций в новое здание, их очистка и размещение, прием поступающих предметов (ежегодно от 5 до 10 тыс. ед. и более), подготовка предметов к экспонированию. На момент переезда (1983 г.) фонд музея насчитывал более 40 тыс. предметов (Табл. 1.). Для облегчения деятельности по отбору предметов для экспонирования и работы исследователей, сотрудники фондового отдела создали информационно-справочный каталог из более чем 1,5 млн. карточек, который помогает в выставочной и исследовательской работе [3, с. 69–70].

С 1985 г. по настоящее время комплектование фондов МОКМ происходит по аналогичным направлениям перечисленным выше. Следует отметить, что динамика поступления музейных предметов в фонды МОКМ зависела от финансирования (организации научно-исследовательской работы, ремонтных работ в музее), наличия квалифицированных работников, общего состояния помещений фондохранилища.

Таблица 1 Численность поступивших в МОКМ предметов (1934–2018 гг.)

Год	1934	1940	1945	1954	1961	1983	2013	2018
Число музейных предметов в фондах (всего к концу года)	1334	6442	14445	20394	27486	49171	250000	271000

С 1934 по 2018 гг. МОКМ сформировал фонд, составляющий более 270 тыс. ед. хранения (Табл. 1.). Большую часть фондов составляют археологическая, этнографическая, естественно-историческая, документальная коллекции и коллекция кинофотоматериалов, в связи с целенаправленной и непрекращающейся работой сотрудников по осуществлению первостепенных научных исследований в области региональной истории, археологии, природы, флоры и фауны (Рис. 1.).

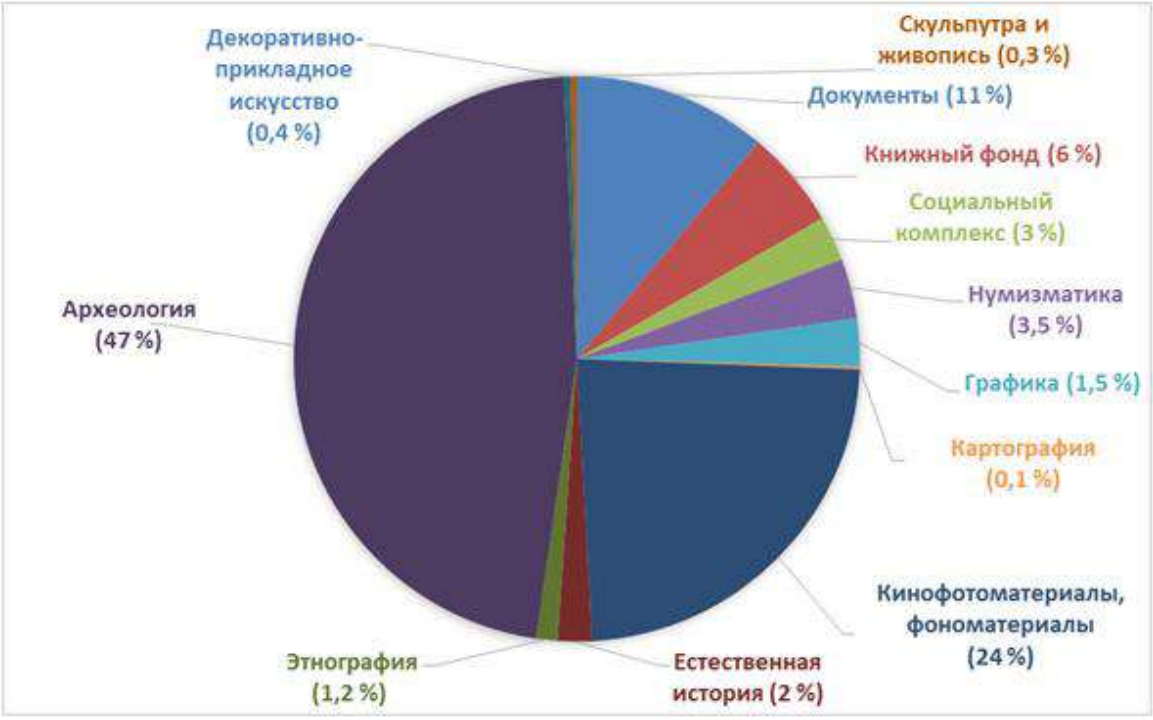

Рис. 1. Состав фондов МОКМ (2018 г.) [4]

Обширный комплекс материалов, собранных в фондах музея, позволил создать основу для реализации массовой работы, одной из составляющей которой являлась работа со школами.

Сотрудники ОККМ укрепляли связь со школами руководствуясь тем, что музей должен суметь поднять интерес к краеведческой работе среди масс молодежи и масс трудящихся, познакомить учащихся с историческим прошлым и современной жизнью северо-восточного края и пропагандировать активную работу по изучению своей родины.

Сотрудники ОККМ раздавали семена и саженцы для выращивания культурных растений, передавали специально подготовленные коллекции, которые могли служить наглядным материалом при проведении занятий, принимали участие в организации метеорологических станций при школах [13, Д. 82. Л. 10].

С целью популяризации знаний по истории Северо-Востока России, музей проводил радиотрансляции краеведческих лекций (с 1935 г.). В кругу освещаемых по радио тем были география, история, особенности жизни коренных жителей края, результаты работ археологических экспедиций и краеведческих походов [13, Д. 40. Л. 27-37, 71, 72].

Для обеспечения стабильного уровня посещаемости и его прироста, сотрудники музея установили со школами систематическую экскурсионно-консультационную работу.

Для учащихся проводились тематические уроки-экскурсии и беседы, отвечающие требованиям учебной программы и учебному материалу [13, Д. 78. Л. 23]. Так, например в 1939–1940 учебном году в музее проводились уроки-экскурсии на темы: «Минералы Колымы», «Растительность Колымы», «Звери тундры», «Религиозные суеверия», «Жизнь народов Дальнего Севера» и др.

В ноябре 1940 г. при ОККМ в Магадане была организована комната школьника.

При организации комнаты школьника музей ставил целью привлечь учащихся к изучению истории Колымского края с помощью наглядного материала – макетов, бюллетеней, выставок, которые школьники могут делать сами. При комнате школьника работали краеведческие кружки – юных натуралистов и краеведческий [2, с. 19-21].

Директор музея проводил с пионервожатыми крайне важные для школьных походов и натуралистических сборов беседы и семинары, а также самостоятельно разрабатывал маршруты для краеведческих походов [13, Д. 105. Л. 49-50].

В 1947 г. с целью изучения будущего заповедника на п-ве Кони, музей стал организатором первого на Колыме краеведческого похода школьников в составе 10 чел. В течение месяца учащиеся проводили подготовительную работу по изучению местности полуострова, сбор данных по фауне, флоре, климатических особенностей п-ва. Итоги исследования были изложены в отчетах на общешкольном собрании. Информация о результатах исследования освещалась по радио и в печати [13, Д. 88. Л. 15–16].

На 1 января 1953 г. музей осуществлял руководство работой 12 краеведческих кружков: кружок юных краеведов-ботаников, зоологов, геологов, историков и др. [1, с. 11]. Учащиеся, занимающиеся в кружках, оказывали большую помощь музею. Одни летом собирали краеведческий материал, другие работали на садовом участке музея. В зимний период юннаты углубляли свои знания по агротехнике сельскохозяйственных культур, изучали растительный и животный мир края по экспозициям музея [13, Д. 105. Л. 91-96].

Таким образом, основными формами культурно-образовательной деятельности музея с 1934 по 1980 гг. являлись обзорные и тематические экскурсии; уроки-экскурсии; краеведческие походы; краеведческие кружки; радиотрансляции лекций, посвященных истории родного края; организация метеорологических станций при школах; беседы; семинары.

Работа ОККМ со школами в рамках перечисленных форм осуществлялась вплоть до начала 1980-х гг.

В 1981 г. в целях улучшения образовательной работы в музее был сформирован просветительный отдел. В 1990-е гг. в условиях деидеологизации музеев и снижении показателей посещаемости, значительное внимание специалистов отдела уделялось поиску новых форм просветительной работы и систем ее организации с различными категориями. Подготовка детских тематических выставок и первых образовательных программ стали приоритетными направлениями в культурно-образовательной деятельности музея.

В 1995 г. сотрудниками просветительного отдела была разработана образовательная программа «Музей – школе». Первоначально программа была конкретно рассчитана на учащихся только начальной школы, а для остальных классов носила общий характер [20, с. 202-204].

Программа поэтапно вводилась в практику педагогами начальных классов гимназий № 1, 13, 28, 30.

В 1997 г. при обновлении программы абонемента были учтены возрастные особенности учащихся других ступеней обучения и подготовлена конкретная программа для каждого класса начальной школы.

В 2000 г. для учащихся средней и старшей школы в музее были разработаны информационно-образовательные программы «Природа Севера» и «История края».

В 2006 г. сотрудники просветительного отдела предложили учителям программы дополнительного профессионального образования: «Юный историк» (7-9 классы), «Юный натуралист» (5-8 классы).

Однако, образовательные программы остались невостребованными, т.к. посещение музейных мероприятий учащимися 5-8-х и 9-11-х классов носили разовый и эпизодический характер.

В 2015 г. на базе просветительного отдела был организован экскурсионный отдел и отдел музейной педагогики. Работа музейных педагогов стала направленной на активное внедрение новых для музея интерактивных форм, которые позволяют ребенку стать участником образовательного процесса [20, с. 209-211]. Для музейных мероприятий образовательных программ были разработаны интерактивные методы обучения – беседы, дискуссии, возможность контакта с музейными предметами, игры и др.

Таблица 2 Образовательные программы МОКМ (2018 г.)

Наименование образовательной программы	Формы работы с учащимися	Содержание	Класс
«Знай и люби свой край»	Тематическая экскурсия «Здравствуй, музей»	Ребята знакомятся со структурой музея и музейной терминологией. Экскурсия включает элементы игры, что способствует лучшему восприятию новой информации.	1
	Тематическая экскурсия «Погонщик Чаучу»	Учащиеся узнают секреты пошива и ношения одежды из оленьей шкуры.	
	Беседа–презен-тация «Вот эта улица, вот этот дом»	Первоклассники знакомятся с основными улицами г. Магадана, узнают историю строительства города, архитектурную особенность центра города.	
«Знай и люби свой край»	Тематическая экскурсия «В гости к храброму Умильгу»	Экскурсия посвящена культуре и быту народов Севера. Во время экскурсии ребята играют с настоящим эскимосским мячом, а также по «следам на льдинах» определят, какие животные обитают в арктической тундре.	2
	Тематическая экскурсия «Памятники и памятные места»	Экскурсия знакомит учащихся с историей г. Магадана и области посредством памятников.	
«Знай и люби свой край»	Тематическая экскурсия «Что дает наш край стране»	В ходе экскурсии учащиеся получат сведения об основных производственных отраслях региона, узнают о главных богатствах края.	3
	Тематическая экскурсия «На охоту с кэлками»	Во время экскурсии учащиеся знакомятся с историей коренных народов Севера. Ребята узнают о различных способах охоты на пушного зверя, о тонкостях выделки оленьей шкуры.	
«Знай и люби свой край»	Тематическая экскурсия «По следам древнего человека»	В ходе экскурсии учащиеся изучают профессии палеонтолога, археолога, и этнографа.	4
	Экскурсия – игра «Я б в музейщики пошел»	Учащимся самим предстоит подготовить и провести для одноклассников мини-экскурсии. Юные экскурсоводы осваивают навыки работы с материалом в зале, учатся доносить информацию до слушателей в доступной форме.	
	Тематическая экскурсия «Позывной – «Маэстро»	Экскурсия о лётчике В. И. Попкове и эскадрильи истребителей «Комсомолец Дальстроя».	
	Экскурсия – игра «Музейный марафон»	Перед командой учащихся стоит главная цель – найти «клад». Разнообразные задания позволяют абсолютно каждому реализовать свою умственную и творческую активность. В игре присутствует и познавательный элемент, а поисковый характер игры, приключения на маршруте вызывают неподдельный интерес и энтузиазм у детей.	

В настоящее время музей предлагает образовательные программы для 1–4-х классов с использованием интерактивных методов обучения [15]. Поскольку тематика программных мероприятий достаточно широка, мы при анализе выделяем только проблемы изучения истории Северо-Востока России.

Анализируемые образовательные программы рассчитаны на работу с различными возрастными группами школьников и включают в себя систематическое изучение вопросов культуры и быта малочисленных народов Северо-Востока, истории развития г. Магадана и Магаданской области. Реализуемые формы культурно-образовательной деятельности: обзорные тематические интерактивные экскурсии; беседы; игры, викторины; мастер-классы.

Изучение программы абонемента «Музей – школе» позволяет сделать вывод, что мероприятия проводимые музеем, соответствуют содержанию региональной истории.

Однако следует выделить существенную проблему – школы г. Магадана уделяют недостаточное внимание сотрудничеству с МОКМ. Только 11 общеобразовательных учреждений г. Магадана заключили договор с музеем на абонементное обслуживание, что составляет 58% от общего числа школ города [17]. Основными причинами по нашему мнению являются: загруженность учителей-предметников, недостаток материальных средств, отдаленность ряда школ, отсутствие четкого определения места и роли региона в учебно-воспитательном процессе во ФГОС основного общего образования.

Полученные результаты позволили дополнить преемственную научную парадигму доказательства необходимости использования фондов краеведческих музеев для изучения истории родного края с учетом иных выявленных факторов. Материалы исследования возможно использовать в курсах для студентов по краеведению, теории и методики обучения истории, а также в практике работы учителей.

Фонды МОКМ формировались на протяжении всего периода его существования (1934-2018 гг.) и в настоящее время сотрудники музея активно продолжают комплектование фондов, пополняя музейное собрание ценными предметами.

Использование МОКМ различных методов по пропаганде краеведческой работы обеспечили создание системы научно-методической связи работников музея и учителей.

Формы культурно-образовательной работы с учащимися МОКМ с 1934 по 2018 гг. изменялись и совершенствовались, в связи с трансформацией целей и содержания деятельности основных направлений музея.

Фондовые коллекции МОКМ представляют целостное, уникальное по своему составу и содержанию собрание источников, отражающих основные периоды истории Северо-Востока России.

Постоянное обновление и пополнение фондов, личностный вклад сотрудников в их комплектование и изучение, разнообразие экскурсий и наличие музейных образовательных программ позволяют рассматривать МОКМ как центр сохранения культурного и научного наследия Северо-Востока России и элемент регионального исторического образования.

Использование фондов МОКМ способствует формированию знаний и представлений у учащихся об истории и культуре Северо-Востока России, различных сторонах общественной жизни края, проблемах региона в прошлом и настоящем.

В основе работы МОКМ со школьной аудиторией лежит принцип дифференцированного подхода к школьной аудитории, учет возрастных особенностей и уровня образования учащихся.

Без изучения региональной истории нельзя понять специфику региона, его роль и место в истории России, во всемирном историческом процессе. Систематичное и комплексное изучение истории Северо-Востока России является необходимым на всех ступенях общего образования, что следует учитывать МОКМ и школам г. Магадана в их работе. Со-

трудничество школ и краеведческого музея требует создания тесных связей учителей и работников музея по разработке методики изучения локальной истории на основе музейных фондов (во внеклассной работе с учащимися). На местном уровне возникшие проблемы, связанные с реализацией национально-регионального компонента в содержании исторического образования, диктует необходимость создания общей концепции преподавания региональной истории в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будникова С. В. Первый музей Колымы // Краеведческие записки / Магадан. Обл. краевед. музей. Магадан: Кордис, 2015. Вып. XX. С. 3–32.
2. В помощь краеведам Колымы: сборник руководящих материалов / сост. А. П. Хмелинин. Магадан: Совет. Колыма, 1941. 29 с.
3. Гурьева Г. И. Проблемы обеспечения сохранности коллекций и перспективы комплектования музейного фонда Магаданского областного краеведческого музея // Обеспечение сохранности документов в библиотеках, музеях и архивах Магаданской области: состояние, проблемы и перспективы: материалы регион. межведомств. науч.-практ. конф., Магадан, 12-14 апр. 2007 г. / Магадан. Обл. универс. б-ка им. А.С. Пушкина. Магадан: Новая полиграфия, 2007. С. 65-76.
4. Информационные справки по коллекциям МОКМ / сост. Т.В. Лазуто [и др.]. Магадан, [б.г.].
5. Историческое краеведение / сост. В. Н. Ашурков, Д. В. Кацюба, Г. Н. Матюшин. 2-е изд. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
6. История родного края: начальные классы: пособие для учителя / Магадан. Обл. ин-т повышения квалификации пед. кадров / под ред. Н. Н. Дикова, Н. С. Цепляевой. Магадан: МАОБТИ, 1997. 60 с.
7. Ковешникова Е. А., Тайшина С. Ю. Игра как средство патриотического и нравственного воспитания детей в музейном пространстве // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей под ред. А.М. Кулемзин. Кемерово: КемГУКИ, 2009. Вып. 3. С. 115-118.
8. Короткова М. В. Изучение повседневной культуры России в музее и школе. М.: Прометей, 2013. 294 с.
9. Корсун Р. П., Трушникова М. Ю. Краеведение в старших классах на основе модульного обучения: из опыта работы: пособие для учителя. Магадан: СМУ, 2003. 74 с.
10. Крупская Н. К. Обучение и воспитание в школе. М.: Директ-Медиа, 2014. 649 с.
11. Крупская Н. К. Основы политико-просветительной работы. М.: Директ-Медиа, 2014. 619 с.
12. Лушникова А.В. Музееведение / Музеология. Челябинск: ЧГАКИ, 2010. 336 с.
13. Магаданский областной краеведческий музей. 1932–1992 гг. // Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-50. Оп. 1.
14. Музейная педагогика / сост. Г.М. Каченя. Челябинск: ЧГАКИ, 2015. 130 с.
15. Образовательные программы // Официальный сайт МОКМ. URL: https://www.magadanmuseum.ru/index.php?do=cat&category=programm
16. Основы советского музееведения / под ред. П. И. Галкина. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 375 с.
17. Отчет по основным видам деятельности ГБУК «МОКМ» за 2018 г. // Официальный сайт МОКМ. URL: https://www.magadanmuseum.ru/index.php
18. Факультатив по истории Магаданской области (с древнейших времен до конца XVIII в.): пособие для учителей. 8 класс / под. ред. Н.Н. Дикова. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1990. 130 с.
19. Филипп Г.Е. Охотско-Колымский музей // Колыма. 1946. 15 марта.
20. Чемшит Т.А. Информационные программы и интерактивные технологии в культурно-образовательной деятельности Магаданского областного краеведческого музея // Краеведческие записки / Магадан. обл. краевед. музей. Магадан: Кордис, 2015. Вып. XX. С. 201-221.
21. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения: в 4-х т. / сост. И.А. Соловков. М.: Просвещение, 1964. Т. 3. 485 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Budnikova S. V. Pervyj muzej Kolymy // Kraevedcheskie zapiski / Magadan. Obl. kraeved. muzej. Magadan: Kordis, 2015. Vyp. XH. S. 3–32.
2. V pomoshh' kraevedam Kolymy: sbornik rukovodjashhih materialov / sost. A. P. Hmelinin. Magadan: Sovet. Kolyma, 1941. 29 s.
3. Gur'eva G. I. Problemy obespechenija sohrannosti kollekcij i perspektivy komplektovanija muzejnogo fonda Magadanskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja // Obespechenie sohrannosti dokumentov v bibliotekah, muzejah i arhivah Magadanskoj oblasti: sostojanie, problemy i perspektivy: materialy region. mezhvedomstv. nauch.-prakt. konf., Magadan, 12-14 apr. 2007 g. / Magadan. Obl. univers. b-ka im. A.S. Pushkina. Magadan: Novaja poligrafija, 2007. S. 65-76.
4. Informacionnye spravki po kollekcijam MOKM / sost. T.V. Lazuto [i dr.]. Magadan, [b.g.].
5. Istoricheskoe kraevedenie / sost. V. N. Ashurkov, D. V. Kacjuba, G. N. Matjushin. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 1980. 192 s.
6. Istorija rodnogo kraja: nachal'nye klassy: posobie dlja uchitelja / Magadan. Obl. in-t povyshenija kvalifikacii ped. kadrov / pod red. N. N. Dikova, N. S. Cepljaevoj. Magadan: MAOBTI, 1997. 60 s.
7. Koveshnikova E. A., Tajshina S. Ju. Igra kak sredstvo patrioticheskogo i nravstvennogo vospitanija detej v muzejnom prostranstve // Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie: sb. statej pod red. A.M. Kulemzin. Kemerovo: KemGUKI, 2009. Vyp. 3. S. 115-118.
8. Korotkova M. V. Izuchenie povsednevnoj kul'tury Rossii v muzee i shkole. M.: Prometej, 2013. 294 s.
9. Korsun R. P., Trushnikova M. Ju. Kraevedenie v starshih klassah na osnove modul'nogo obuchenija: iz opyta raboty: posobie dlja uchitelja. Magadan: SMU, 2003. 74 s.
10. Krupskaja N. K. Obuchenie i vospitanie v shkole. M.: Direkt-Media, 2014. 649 s.
11. Krupskaja N. K. Osnovy politiko-prosvetitel'noj raboty. M.: Direkt-Media, 2014. 619 s.
12. Lushnikova A.V. Muzeevedenie / Muzeologija. Cheljabinsk: ChGAKI, 2010. 336 s.
13. Magadanskij oblastnoj kraevedcheskij muzej. 1932–1992 gg. // Gosudarstvennyj arhiv Magadanskoj oblasti (GAMO). F. R-50. Op. 1.
14. Muzejnaja pedagogika / sost. G.M. Kachenja. Cheljabinsk: ChGAKI, 2015. 130 s.
15. Obrazovatel'nye programmy // Oficial'nyj sajt MOKM. URL: https://www.magadanmuseum.ru/index.php?do=cat&category=programm
16. Osnovy sovetskogo muzeevedenija / pod red. P. I. Galkina. M.: Goskul'tprosvetizdat, 1955. 375 s.
17. Otchet po osnovnym vidam dejatel'nosti GBUK «MOKM» za 2018 g. // Oficial'nyj sajt MOKM. URL: https://www.magadanmuseum.ru/index.php
18. Fakul'tativ po istorii Magadanskoj oblasti (s drevnejshih vremen do konca XVIII v.): posobie dlja uchitelej. 8 klass / pod. red. N.N. Dikova. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 1990. 130 s.
19. Filipp G.E. Ohotsko-Kolymskij muzej // Kolyma. 1946. 15 marta.
20. Chemshit T.A. Informacionnye programmy i interaktivnye tehnologii v kul'turno-obrazovatel'noj dejatel'nosti Magadanskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja // Kraevedcheskie zapiski / Magadan. obl. kraeved. muzej. Magadan: Kordis, 2015. Vyp. XH. S. 201-221.
21. Shackij S.T. Pedagogicheskie sochinenija: v 4-h t. / sost. I.A. Solovkov. M.: Prosveshhenie, 1964. T. 3. 485 s.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Хазан Е.В. Использование фондов Магаданского областного краеведческого музея в обучении истории Северо-Востока России // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 44-53. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Khazan.pdf

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3891557
УДК 378

Алдакимова О.В., Волобуева Н.А., Костенко А.А.

Алдакимова Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.
Волобуева Нина Алексеевна, кандидат педагогических наук, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.
Костенко Анаид Арсеновна, кандидат психологических наук, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.

Анализ зарубежного опыта кросс-культурной адаптации иностранных студентов

Аннотация. Важнейшим направлением развития высшего образования в мире является укрепление международного сотрудничества в научно-технической сфере, интернационализация образования и интенсификация академической мобильности. Перед российскими вузами стоит задача резкого увеличения количества иностранных студентов. Автор отмечает важность изучения опыта зарубежных стран-лидеров в экспорте образовательных услуг. На основе анализа результатов исследований зарубежных авторов рассмотрена роль кросс-культурной адаптации иностранных студентов как средства успешной интеграции иностранных студентов в новую социокультурную среду, улучшения их успеваемости и психологического благополучия. Сформулированы выводы о необходимости глубокого изучения зарубежного и его научно-методической адаптации к социокультурным условиям региональных вузов.
Ключевые слова: интернационализация образования, иностранные студенты, экспорт образовательных услуг, академическая мобильность, кросс-культурная адаптация.

Aldakimova O.V., Volobueva N.A., Kostenko A.A.

Aldakimova Olga Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Armavir State Pedagogical University, 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.
Volobueva Nina Alekseevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Armavir State Pedagogical University, 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.
Kostenko Anaid Arsenovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Armavir State Pedagogical University, 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: Aldakimova.olga@mail.ru.

Analysis of foreign experience in cross-cultural adaptation of foreign students

Abstract. The most important direction in the development of higher education in the world is the strengthening of international cooperation in the scientific and technical sphere, the internationalization of education and the intensification of academic mobility. Russian universities are faced with the task of increasing the number of foreign students. The author notes the importance of studying the experience of foreign leading countries in the export of educational services. Based on the analysis of research results of foreign authors, the role of cross-cultural adaptation of foreign students as a means of successfully integrating foreign students into a new sociocultural environment, improving their academic performance and psychological well-being is considered. Conclusions are formulated on the need for a thorough study of foreign experience and its scientific and methodological adaptation to the socio-cultural conditions of regional universities.
Key words: internationalization of education, foreign students, export of educational services, academic mobility, cross-cultural adaptation.

Процессы глобализации создали благоприятные условия для межкультурного взаимодействия между разными странами мира, что послужило важным фактором интернационализации высшего образования, развития академической мобильности. Интернационализация высшего образования вызывает исследовательский интерес во многих странах, в том числе в России [6; 9].

В современных исследованиях отмечается, что интернационализация должна рассматриваться в более широком контексте меняющейся роли и функций высшего образования в мире [8]. В системах высшего образования практически всех стран происходят быстрые изменения, масштабы и сложность которых за последнее десятилетие существенно возросли. Ключевыми изменениями в высшем образовании являются его массовость, переход к глобальной экономике знаний и возрастающее значение репутации и рейтингов вузов, в том числе международных.

Наиболее известным является рейтинг лучших вузов мира, который составляет рейтинговое европейское агентство Times Higher Education (THE). Вузы мира оцениваются по тридцати показателям, объединенным в пять групп:

1. Академическая среда (Teaching).
2. Исследования (Research).
3. Цитирование (Citations).
4. Международная репутация (International outlook).
5. Способность вуза работать на развитие промышленности (Industryincome) [18].

В 2019 г. 40% студентов, выехавших в другие страны для получения образования, отправились в англоязычные страны (США, Великобритания, Канада, Австралия). Большой популярностью у иностранных студентов пользуются также Франция, Германия и Россия. Эксперты отмечают возрастающую активность в экспорте образовательных программ Китая, Турции и стран Латинской Америки [3].

В период до 1991 года наша страна по числу иностранных студентов находилась на третьем месте, уступая только США и Франции. С тех пор ситуация сильно изменилась. Сегодня Россия в мировом рейтинге образовательного экспорта занимает шестое место [1].

Среди многих причин такого положения дел называется отсутствие до недавнего времени общей стратегии развития российской системы высшего образования. С.М. Кроливецкая относит к одной из ведущих функциональных стратегий стратегию развития экспортного потенциала российского образования [2].

О государственной значимости такой стратегии свидетельствует принятый в 2017 году национальный приоритетный проект «Развитие экспортного потенциа-

ла российской системы образования». Реализация этого проекта предполагает увеличение количества иностранных студентов в российских вузах с 220 тыс. человек до 710 тыс. в 2025 г. [5].

В контексте решения новых задач по привлечению в страну иностранных студентов особую научную актуальность и практическую значимость приобретает глубокий теоретико-методологический анализ опыта интернационализации образования в зарубежных странах – лидерах в области экспорта образовательных услуг.

Иностранные студенты в США уже давно являются предметом научных исследований. Большая часть исследований, выполненных в последние годы, касалась проблем кросс-культурной адаптации студентов, приезжающих из стран Африки, Европы, Азии [12; 19].

Иностранные студенты в Соединенных Штатах, как и в других странах, нередко испытывают трудности адаптации к новому культурному, академическому и языковому окружению.

Кросс-культурная адаптация определяется как нацеленность индивидов на создание и поддержание относительно стабильной системы взаимоотношений с новой социокультурной средой для успешной социализации и жизнедеятельности [12]. При анализе кросс-культурной адаптации выделяется два уровня: макроуровень и микроуровень. На макроуровне кросс-культурная адаптация рассматривается как групповой феномен, фокусирующийся на аккультурации группы в новой культуре принимающей стороны. Межличностный и внутриличностный опыт иностранных студентов анализируется, соответственно, на микроуровне кросс-культурной адаптации.

В научной литературе достаточно детально описаны трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты в американских вузах [14; 15]

Адаптация иностранных студентов рассматривается как многомерный процесс, на который влияет несколько факторов [15]. В частности, к таким факторам исследователи относят: предыдущий учебный опыт студентов, психологическую устойчивость, самоэффективность, эмоциональный интеллект, уровень культуры.

Кросс-культурная адаптация может быть далее разделена на два взаимосвязанных между собой подтипа: психологический и социокультурный [11].

Исследователи отмечают, что неспособность приспособиться к новой среде может разрушить психологическое благополучие людей, вызвать академическую неуспеваемость или социальные проблемы. Возникающие сложности кросс-культурной адаптации могут стать причиной прекращения обучения или существенного увеличения его времени [10].

Состояние психического здоровья и другие факторы (биологические, экологические) являются предикторами психологической адаптации иностранных студентов. Ученые используют термин «кросс-культурная потеря», чтобы описать процесс, в котором иностранные студенты вынуждены приспособиться к потере знакомых вещей, прежней системы личных отношений, привычной окружающей среды в родной стране в процессе вхождения в новую культуру [17]. Они обнаружили, что острота кросс-культурной потери снижается с ростом удовлетворения жизнью, положительным влиянием и укреплением социальных связей с новым обществом, что является надежными индикаторами успешной культурной перестройки.

Многие американские университеты проводят разнообразные мероприятия для иностранных студентов. Но, чаще всего, в них принимают участие, в основном, только иностранные студенты. Университетам следует активнее вовлекать в такие мероприятия и американских студентов тоже. Эксперты рекомендуют прикреплять к каждому новому иностранному студенту американского студенческого наставника, по крайней мере, на первом курсе [14]. В целях успешной кросс-культурной адаптации также можно предложить каждому иностранному студенту наставника в кампусе [15].

Особую роль в процессе адаптации иностранных студентов могут выполнить события и программы, которые улучшают навыки общения на английском языке. Таким образом, американские университеты разрабатывают и реализуют специальные программы для иностранных студентов с целью их успешной кросс-культурной адаптации и интеграции в местное сообщество.

Анализ и обобщение полученных в процессе изучения научной литературы данных позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Экспорт образовательных услуг является важнейшим направлением повышения качества высшего образования, укрепления международного авторитета и геополитического влияния России в современном мире.

2. Интенсификация международного сотрудничества в научно-образовательной сфере детерминирует системное изучение и использование опыта стран-лидеров в экспорте образовательных услуг.

3. Программы кросс-культурной адаптации иностранных студентов в зарубежных вузах реализуются на основе результатов новейших исследований в области социологии, психологии и педагогики.

4. В российских вузах необходимо разработать научно-методические рекомендации по кросс-культурной адаптации иностранных студентов с учетом накопленного в зарубежных университетах опыта, адаптируя его к региональным социокультурным условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Вып. 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Социоцентр, 2016. 408 с.
2. Кроливецкая С. М. Перспективы развития экспортного потенциала высшего образования Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 12. С. 73-78.
3. Махмутова Е. В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(6). С. 24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29
4. Нефедова А. И. Масштабы, структура и цели экспорта российского высшего образования // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 154–174
5. О приоритетном проекте «Экспорт образования» // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/info/27864/
6. Суворова В. А., Бронников И. А. Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации // Управление. 2019. № 4. С. 131-139.
7. Экспорт образования: ведущие страны и вузы / Дедкова Е. Г., Гудков А. А., Коростелкина И. А., Быкова Е. В. // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 167-174.
8. de Wit, H. Internationalization in Higher Education, a Critical Review // SFU Educational Review. 2019. 12(3), P. 9-17. https://doi.org/10.21810/sfuer.v12i3.1036
9. de Wit, H. Internationalization of Higher Education // Journal of International Students. 2020. 10(1), I-IV. DOI: 10.32674/jis.v10i1.1893
10. Garcia M. S. S. The socio-cultural adaptation, openness to culture and success of sojourn of foreign (Japanese) students in Tarlac City, Philippines // Proceedings of the Second Asia-Pacific Conference on Global Business, Economics, Finance and Social Sciences (AP15 Vietnam Conference). 2015. ISBN: 978-1-63415-833-6 (Paper ID 517) URL: http://globalbizresearch.org/Vietnam_Conference/pdf/V517.pdf
11. The Predicting Effects of Self-Efficacy, Self-Esteem and Prior Travel Experience on Sociocultural Adaptation Among International Students / Gebregergis W. T., Mehari D. T., Gebretinsae D. Y., Tesfamariam A. H. // Journal of International Student. 2020. 10(2). P. 339-357. DOI: 10.32674/jis.v10i2.616

12. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. CA: Sage Publications. Thousand Oaks, 2000.
13. Kim Y.S., Kim Y.Y. Ethnic proximity and cross-cultural adaptation: A study of Asian and European students in the United States // Intercultural Communication Studies. 2016. 25(3). P. 61-80.
14. Acculturation experiences of Chinese international students who attend American universities / Li Z., Heath M. A., Jackson A. P., Allen G. K. and others // Professional Psychology: Research & Practice. 2017. 48(1). P. 11-21. DOI: 10.1037/pro0000117
15. Mesidor J. K., Sly K. F. Factors that contribute to the adjustment of international students // Journal of International Students. 2016. 6(1). P. 262–282.
16. Cross-Cultural Adaptation of International College Students in the United States / Wang Yikang, Li Ting, Noltemeyer Amity and others // Journal of International Students. 2018. V.8. №2. P. 821-842.
17. The crosscultural loss: Development and psychometric evaluation / Wang K.T, Wei M., Zhoa R. and others // Psychological Assessment, 2015. 27(1). P. 42-53.
18. World University Rankings 2020. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats
19. Yan K., Berliner D. C. An examination of individual level factors in stress and coping processes: Perspectives of Chinese international students in the United States // Journal of College Student Development. 2011. №52. P. 523-542. DOI: 10.1353/csd.2011.0060

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aref'ev A. L., Sheregi F. Je. Jeksport rossijskih obrazovatel'nyh uslug: statisticheskij sbornik. Vyp. 6 / Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii. M.: Sociocentr, 2016. 408 s.
2. Kroliveckaja S. M. Perspektivy razvitija jeksportnogo potenciala vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2018. № 12. S. 73-78.
3. Mahmutova E. V. Analiz opyta raboty s inostrannymi studentami v Rossii i Kitae // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. № 9(6). S. 24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29.
4. Nefedova A. I. Masshtaby, struktura i celi jeksporta rossijskogo vysshego obrazovanija // Mir Rossii. 2017. T. 26. № 2. S. 154–174.
5. O prioritetnom proekte «Jeksport obrazovanija» // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossii. URL: http://government.ru/info/27864/
6. Suvorova V. A., Bronnikov I. A. Mezhdunarodnaja obrazovatel'naja migracija kak «resurs mjagkoj sily» v jepohu globalizacii // Upravlenie. 2019. № 4. S. 131-139.
7. Jeksport obrazovanija: vedushhie strany i vuzy / Dedkova E. G., Gudkov A. A., Korostelkina I. A., Bykova E. V. // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2019. № 1 (82). S. 167-174.
8. de Wit, H. Internationalization in Higher Education, a Critical Review // SFU Educational Review. 2019. 12(3), P. 9-17. https://doi.org/10.21810/sfuer.v12i3.1036
9. de Wit, H. Internationalization of Higher Education // Journal of International Students. 2020. 10(1), I-IV. DOI: 10.32674/jis.v10i1.1893
10. Garcia M. S. S. The socio-cultural adaptation, openness to culture and success of sojourn of foreign (Japanese) students in Tarlac City, Philippines // Proceedings of the Second Asia-Pacific Conference on Global Business, Economics, Finance and Social Sciences (AP15 Vietnam Conference). 2015. ISBN: 978-1-63415-833-6 (Paper ID 517) URL: http://globalbizresearch.org/Vietnam_Conference/pdf/V517.pdf
11. The Predicting Effects of Self-Efficacy, Self-Esteem and Prior Travel Experience on Sociocultural Adaptation Among International Students / Gebregergis W. T., Mehari D. T., Gebretinsae D. Y., Tesfamariam A. H. // Journal of International Student. 2020. 10(2). P. 339-357. DOI: 10.32674/jis.v10i2.616
12. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. CA: Sage Publications. Thousand Oaks, 2000.
13. Kim Y.S., Kim Y.Y. Ethnic proximity and cross-cultural adaptation: A study of Asian and European students in the United States // Intercultural Communication Studies. 2016. 25(3). P. 61-80.

14. Acculturation experiences of Chinese international students who attend American universities / Li Z., Heath M. A., Jackson A. P., Allen G. K. and others // Professional Psychology: Research & Practice. 2017. 48(1). P. 11-21. DOI: 10.1037/pro0000117
15. Mesidor J. K., Sly K. F. Factors that contribute to the adjustment of international students // Journal of International Students. 2016. 6(1). P. 262–282.
16. Cross-Cultural Adaptation of International College Students in the United States / Wang Yikang, Li Ting, Noltemeyer Amity and others // Journal of International Students. 2018. V.8. №2. P. 821-842.
17. The crosscultural loss: Development and psychometric evaluation / Wang K.T, Wei M., Zhoa R. and others // Psychological Assessment, 2015. 27(1). P. 42-53.
18. World University Rankings 2020. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats
19. Yan K., Berliner D. C. An examination of individual level factors in stress and coping processes: Perspectives of Chinese international students in the United States // Journal of College Student Development. 2011. №52. P. 523-542. DOI: 10.1353/csd.2011.0060

Поступила в редакцию 27.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Алдакимова О.В., Волобуева Н.А., Костенко А.А. Анализ зарубежного опыта кросс-культурной адаптации иностранных студентов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 54-59. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Aldakimova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3891780
УДК 378

Ветров Ю.П., Проказин Е.С.

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.
Проказин Евгений Сергеевич, аспирант, Армавирский государственный педагогический университет, 352901, Россия, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

Роль гуманитарного образования в формировании профессиональных компетенций у курсантов военных вузов

Аннотация. В условиях развития теории и методики военного образования особое значение приобретают гуманитарные дисциплины, их образовательно-воспитательный потенциал в подготовке будущих офицеров. В статье рассматриваются особенности использования дисциплин гуманитарного профиля в развитии профессиональных компетенций курсантов военных вузов. Особое внимание уделено их влиянию на личностно-профессиональное становление будущих офицеров. Авторы анализируют опыт гуманитаризации образования за рубежом и в России, доказывают необходимость интегративного подхода к профессиональному и гуманитарному образованию в военных вузах.
Ключевые слова: профессиональные компетенции, гуманитарное образование, личность, нравственное развитие, ценностно-смысловая сфера, военное образование, курсанты, гуманитаризация военного образования.

Vetrov Yu.P., Prokazin E.S.

Vetrov Yuri Pavlovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Armavir State Pedagogical University, 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.
Prokazin Evgeny Sergeevich, post-graduate student, Armavir State Pedagogical University, 352901, Russia, Armavir, R. Luxembourg st., 159. E-mail: morozovan1977@mail.ru.

The role of humanitarian education in the formation of professional competencies among cadets of military universities

Abstract. In the context of development of the theory and methodology of military education, humanitarian disciplines and their educational potential in the training of future officers are of particular importance. The article discusses the features of the use of humanitarian disciplines in the development of professional competencies of cadets of military universities. Particular attention is paid to their influence on the personal and professional development of future officers. The authors analyze the experience of humanizing education abroad and in Russia, prove the need for an integrative approach to professional and humanitarian education in military universities
Key words: professional competencies, humanitarian education, personality, moral development, value-semantic sphere, military education, cadets, humanization of military education.

В современных условиях отмечается пристальное внимание исследователей к процессам, происходящим в системе образования в целом, и в частности, к состоянию обучения и воспитания в военном вузе. Политические, экономические, социальные изменения, происходящие в стране, требуют по-новому взглянуть на качество военно-профессиональной подготовки курсантов.

При этом возрастают требования и к профессиональным, и к личностным, морально-нравственным качествам будущих офицеров. Государство заинтересовано в том, чтобы современный офицер владел не только теоретическими и оперативными знаниями, практическими умениями и навыками в области своей профессиональной деятельности, но и «высоким уровнем общей культуры и эрудиции и был компетентным в области современной социологии, военной психологии и педагогики», умел «понимать и предсказывать долгосрочные последствия своих действий» [7, с. 7]. А также мог «самостоятельно решать задачи в любых условиях», обладал «особыми духовно-нравственными, морально-психологическими, интеллектуальными, социальными и физическими качествами», осознавал свой воинский долг, имел активную гражданскую позицию [10, с. 162]. Кроме того, по мнению В.Н. Красновского, образование должно развивать такие качества специалиста, как «политическая и мировоззренческая культура, самосознательность, навыки организаторской и деловой культуры» [8, с. 146].

Всё это повышает требования к современному военному образованию, к формированию профессиональных компетенций будущих офицеров на основе личностно-ориентированного подхода, позволяющего, как пишет А.В. Белошицкий, создать такие условия, при которых «сам курсант становится автором своего воспитательного пространства» [3, с. 53]. При этом, как далее указывает автор, успешность усвоения «собственно предметного содержания возрастает благодаря тому, что это содержание обретает качественно новый личностный смысл – выступает как содержание и среда личностно-профессионального развития» [3, с. 53].

Необходимость повышения уровня личностно-профессионального развития курсантов затрагивает вопрос об усилении роли гуманитарных дисциплин в формировании профессиональных компетенций, поскольку именно эти дисциплины в наибольшей степени способствуют развитию мировоззрения, являются основой нравственного, политического, экономического воспитания человека, основой развития личности [4; 5].

Значимость современной постановки вопроса о роли гуманитарного образования в формировании профессиональных компетенций будущих офицеров во многом обусловлена теми проблемами, с которыми сталкиваются выпускники военных вузов. Это и неумение наладить контакт с подчиненными, и страх работы с личным составом, и проблемы в речевой деятельности, и сложности в постановке и формулировании задач и т.п. Именно на развитие этих и других профессионально важных компетенций как раз и нацелены предметы гуманитарного и социально-экономического профиля.

Поэтому мы считаем совершенно правомерным и своевременным необходимость усиления роли гуманитарной составляющей в военном образовании, поскольку, как указывает Н.Е. Покровский, «гуманитарные науки – это не просто науки о человеке, это науки о системе человек – человеку, о системе выстраивания диалогических отношений в такой системе» [6]. По мнению В.В. Анашвили, «гуманитарное образование – это все-таки образование, транслирующее ценностный мир, образование, в котором человек выступает не как средство, а как цель. В естественно-научном образовании человек – это объект и используется как некий инструмент для достижения определенных целей. Любой гуманитарный синтез или процесс – это всегда постановка проблемы сохранения человека, раскрытия его» [6].

Идея гуманизации личности и общества стала активно развиваться в XXI ве-

ке, поскольку, как отмечают ученые, развитие духовно-нравственных качеств является необходимым условием развития человека. Способом достижения этой цели становится гуманитаризация образования.

С точки зрения И.И. Барсукова, именно гуманитаризация образования открывает совершенно «новые возможности для разностороннего развития будущего специалиста, формирования у него общечеловеческого подхода к профессиональной деятельности на основе изучаемых в вузе наук» [2]. И в этом плане гуманитарному образованию принадлежит ведущая роль.

Однако мы не считаем, что гуманитаризация образования означает простое увеличение в структуре учебного процесса объёма гуманитарных дисциплин. На наш взгляд, более продуктивным является так называемый интегративный подход, позволяющий создать баланс гуманитарного и профессионального образования и означающий, как пишет Е.А. Александров, наполнение гуманитарным содержанием других дисциплин, что приведет к более эффективному развитию мышления, формированию мировоззрения, повышению культуры взаимодействия, а также станет основой для воспитания нравственно-волевых качеств будущих офицеров, формирования ценностно-смысловой сферы их личности [1].

Другой путь гуманизации образования – создание особой системы межличностного взаимодействия между преподавателем и курсантом, опирающейся на педагогику сотрудничества и ведущую к развитию творческого потенциала обучающихся, возрастанию активности и самостоятельности в решении учебных задач, направленных на формирование профессиональных компетенций.

Многие исследователи, рассматривая вопрос о гуманитаризации военного образования, ссылаются на опыт Америки, Германии, Великобритании, где в военных вузах усилена гуманитарная направленность обучения. Об этом свидетельствует тот факт, что на дисциплины гуманитарного блока в учебных планах в этих вузах отводится от 30 до 70% (в зависимости от курса обучения) учебного времени [1; 9].

Это согласуется с требованиями, предъявляемыми к современному образованию: невозможно сформировать профессиональные компетенции, основывая процесс обучения только на изучении специальных предметов, в нашем случае – цикл военных дисциплин, поскольку они не дают возможность развивать, например, коммуникативные компетенции, или компетенции в области межкультурной, правовой, исследовательской и т.д. деятельности, чему как раз в большей степени способствуют дисциплины гуманитарного цикла.

Именно гуманитарное образование «даёт возможность преодолеть технократическое и узкопрофессиональное мышление, формирует духовно богатую личность, ориентированную на общечеловеческие ценности, обладающую чувством политической и нравственной ответственности» [1].

По данным Т.В. Лариной, в Германии, например, считается, что показателями качества образования является не только объём знаний курсантов военных вузов, но и интеллектуальные, профессиональные и нравственные качества, а также сформированная социокультурная компетенция [9]. В системе военного образования в США становление будущего офицера связано с постоянным самообразованием по правовым, историческим, политическим, экономическим, психолого-педагогическим дисциплинам, с развитием управленческих способностей, определяющих последующую его профессиональную карьеру.

Гуманитаризация подготовки будущих офицеров характерна и для российской армии. Военные историки и педагоги обращают внимание на тот факт, что в кадетских корпусах русской императорской армии большое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию, эстетическому развитию кадетов, знакомству с литературой, искусством, живописью; большая роль отводилась таким

предметам, как пение, музыка, танцы; во многих военных учебных заведениях существовали самодеятельные театры, что способствовало формированию чувства патриотизма, верности воинскому долгу, любви к Отчизне [2].

Таким образом, военное образование должно включать развитие, с одной стороны, профессиональных знаний, умений и навыков, а с другой – личностной культуры, внутреннего потенциала курсантов.

Именно усиление роли гуманитарных дисциплин в учебном процессе подготовки будущих офицеров будет способствовать формированию их научного мировоззрения, политического кругозора, коммуникативной компетентности, конфликтологической грамотности и т.д.

Однако этот процесс сложный и требующий системного подхода. И в этом плане мы абсолютно согласны с позицией В.Я. Гожикова, который считает, что «гуманитарная подготовка курсантов должна модернизироваться, саморазвиваться и видоизменяться в зависимости от условий развития системы государственно-патриотических и духовных ценностей в обществе и Вооруженных Силах, а также обстоятельств формирования гуманистических смыслов предметной и мыслительной деятельности обучающихся (отрефлексированных ими «идеальных» норм подготовки себя к будущей профессии руководителя-гуманиста)» [4, с. 45].

Это, в свою очередь, требует использования разнообразия форм и методов обучения, а также научно-методического обеспечения, что позволит сформировать необходимые профессионально важные качества будущих офицеров. Поэтому сегодня все внимание педагогов направлено на разработку структуры преподавания социально-политических и гуманитарных дисциплин, приведения их содержания в соответствие с современными достижениями социально-гуманитарного знания с учетом различных направлений и концепций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Е. А. Гуманитаризация как средство гуманизации учебно-воспитательного процесса: некоторые аспекты военно-исторического и зарубежного опыта // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы V межвузовской научно-практической конференции / под ред. С. В. Костарева, И. И. Соколовой, Н. В. Ершова. СПб.: ВАС, 2018. С. 76-84.
2. Барсуков И. И. Гуманитаризация военного образования: опыт и проблемы // Военная мысль. 1993. № 7. С. 76-80.
3. Белошицкий А. В. Субъективность в личностно-профессиональном развитии курсантов военного вуза // Новые педагогические исследования (приложение к журн. Проф. Образование). 2006. № 1. С. 53-57.
4. Гожиков В. Я. Гуманитарная подготовка будущих офицеров в контексте модернизационных преобразований высшей военной школы // Вестник военного университета. 2011. № 3(27). С. 44-48.
5. Гришина Е. С., Котлова Т. Б., Царева Н. А. Тенденции развития военного образования в условиях современных реформ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6(48). Часть 4. С. 75-77.
6. Гуманитарное образование на современном этапе // По материалам «круглых столов» и семинаров. М. апрель–декабрь 2006. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/ 2011/05/06/1268033343/27gum.pdf
7. Костарев С. В., Соколова И. И. Образование и личностное становление будущих офицеров в современных условиях развития Вооруженных сил // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы V межвузовской научно-практической конференции / под ред. С. В. Костарева, И. И. Соколовой, Н. В. Ершова. СПб.: ВАС, 2018. С. 6-14.

8. Красновский В. Н. Педагогическая коммуникация в сфере военного образования // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы V межвузовской научно-практической конференции / под ред. С. В. Костарева, И. И. Соколовой, Н. В. Ершова. СПб.: ВАС, 2018. С. 146-153.
9. Ларина Т.В. Педагогическая система обеспечения качества военно-профессионального образования курсантов военных вузов: дисс. на соиск…. доктора пед. наук. Воронеж. 2015. 342 с.
10. Мельковская Е.А. Количественная оценка важности компетенций курсантов высших военно-морских институтов // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы V межвузовской научно-практической конференции / под ред. С. В. Костарева, И. И. Соколовой, Н. В. Ершова. СПб.: ВАС, 2018. С. 161-166.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aleksandrov E. A. Gumanitarizacija kak sredstvo gumanizacii uchebno-vospitatel'nogo processa: nekotorye aspekty voenno-istoricheskogo i zarubezhnogo opyta // Razvitie voennoj pedagogiki v XXI veke: Materialy V mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Kostareva, I. I. Sokolovoj, N. V. Ershova. SPb.: VAS, 2018. S. 76-84.
2. Barsukov I. I. Gumanitarizacija voennogo obrazovanija: opyt i problemy // Voennaja mysl'. 1993. № 7. S. 76-80.
3. Beloshickij A. V. Sub#ektivnost' v lichnostno-professional'nom razvitii kursantov voennogo vuza // Novye pedagogicheskie issledovanija (prilozhenie k zhurn. Prof. Obrazovanie). 2006. № 1. S. 53-57.
4. Gozhikov V. Ja. Gumanitarnaja podgotovka budushhih oficerov v kontekste modernizacionnyh preobrazovanij vysshej voennoj shkoly // Vestnik voennogo universiteta. 2011. № 3(27). S. 44-48.
5. Grishina E. S., Kotlova T. B., Careva N. A. Tendencii razvitija voennogo obrazovanija v uslovijah sovremennyh reform // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. № 6(48). Chast' 4. S. 75-77.
6. Gumanitarnoe obrazovanie na sovremennom jetape // Po materialam «kruglyh stolov» i seminarov. M. aprel'–dekabr' 2006. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268033343/27gum.pdf
7. Kostarev S. V., Sokolova I. I. Obrazovanie i lichnostnoe stanovlenie budushhih oficerov v sovremennyh uslovijah razvitija Vooruzhennyh sil // Razvitie voennoj pedagogiki v XXI veke: Materialy V mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Kostareva, I. I. Sokolovoj, N. V. Ershova. SPb.: VAS, 2018. S. 6-14.
8. Krasnovskij V. N. Pedagogicheskaja kommunikacija v sfere voennogo obrazovanija // Razvitie voennoj pedagogiki v XXI veke: Materialy V mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Kostareva, I. I. Sokolovoj, N. V. Ershova. SPb.: VAS, 2018. S. 146-153.
9. Larina T.V. Pedagogicheskaja sistema obespechenija kachestva voenno-professional'nogo obrazovanija kursantov voennyh vuzov: diss. na soisk…. doktora ped. nauk. Voronezh. 2015. 342 s.
10. Mel'kovskaja E.A. Kolichestvennaja ocenka vazhnosti kompetencij kursantov vysshih voenno-morskih institutov // Razvitie voennoj pedagogiki v XXI veke: Materialy V mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. S. V. Kostareva, I. I. Sokolovoj, N. V. Ershova. SPb.: VAS, 2018. S. 161-166.

Поступила в редакцию 24.05.2020.
Принята к публикации 27.05.2020.

Для цитирования:
Ветров Ю.П., Проказин Е.С. Роль гуманитарного образования в формировании профессиональных компетенций у курсантов военных вузов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 60-64. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/VetrovProkazin.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892621
УДК 378.14

Воробьева М.В., Канарская М.

Воробьева Марина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: m.vorobeva@odin.mgimo.ru.
Канарская Мария, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: vashkevichm@list.ru.

Дистанционное обучение: характеристики, преимущества и недостатки

Аннотация. Статья посвящена проблемам организации процесса обучения с применением дистанционного формата, даны характеристики дистанционного обучения, показаны отличия дистанционного обучения от традиционного. Авторы подчеркивают положительные аспекты данной формы образования, а также определенные недостатки дистанционной учебной среды. Сделан вывод о том, что дистанционное обучение – это инструмент онлайн-образования. В статье представлены актуальные мнения относительно смысла, преимуществ и проблем, связанных с реализацией процесса дистанционного и онлайн-обучения.
Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, онлайн-обучение, видеоконференция, онлайн-платформа, дистанционные технологии, образовательные технологии, гибридное обучение.

Vorobyeva M.V., Kanarskaya M.

Vorobyeva Marina Vyacheslavovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Odintsovo branch of MGIMO, 143007, Russia, Moscow Region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya st., 3. E-mail: m.vorobeva@odin.mgimo.ru.
Kanarskaya Maria, Odintsovo branch of MGIMO, 143007, Russia, Moscow Region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya st., 3. E-mail: vashkevichm@list.ru.

Distance learning: characteristics, advantages and disadvantages

Abstract. The article is devoted to the problems of organizing the learning process using the remote format, the characteristics of distance learning are given, the differences between distance learning and traditional are shown. The authors emphasize the positive aspects of this form of education, as well as certain disadvantages of the distance learning environment. It is concluded that distance learning is an online education tool. The article provides relevant opinions on the meaning, advantages and problems associated with the implementation of the process of distance and online learning.
Key words: education, distance learning, online learning, video conferencing, online platform, distance learning technology, educational technology, hybrid learning.

Педагогическое сообщество активно обсуждает проблемы дистанционного образования. Всё громче звучат голоса тех специалистов, утверждающих, что сегодняшний кризис показал несостоятельность системы образования, особенно в России, и теперь всё должно перейти в онлайн. Но, есть и такие, кто убежден в обратном. Так, А.В. Свищёв, директор академических программ Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС, подчеркивает: этот кризис показал стопроцентную несостоятельность онлайна как среды, в которую учебный процесс может перейти полностью. По его мнению, нам никуда не уйти от дистанционной учёбы и технологий, но все стали понимать, насколько важен обязательный контакт преподавателя и группы, группы и отдельного студента [4].

Дистанционное обучение, также называемое дистанционным образованием, электронным обучением и онлайн-обучением, форма обучения, в которой основными элементами являются физическое разделение преподавателей и студентов во время обучения и использование различных технологий для облегчения общения «ученик-учитель» и «ученик-ученик». Дистанционное обучение может осуществляться в образовательных учреждениях высшего профессионального образования независимо от их организационно-правовых форм и ведомственной подчинённости по всем реализуемым ими образовательным программам, включая программы дополнительного профессионального образования [6].

Дистанционное обучение традиционно было ориентировано на нестандартных студентов, таких как работающие в дневную смену, военнослужащие, а также иногородние или лица в отдаленных регионах, которые не могут посещать аудиторные лекции. Однако дистанционное обучение стало уже устоявшейся частью образовательного мира, причем тенденции указывают на продолжающийся рост.

Все большее число университетов предоставляют возможности для дистанционного обучения. Пионером в этой области является Университет Финикса, который был основан в Аризоне в 1976 году и ко второму десятилетию двадцать первого века стал крупнейшей частной школой в мире, в которой обучалось более 400 000 студентов. Он был одним из первых последователей технологии дистанционного обучения, хотя многие из его студентов всё же проводят некоторое время в классах в одном из десятков кампусов в Соединенных Штатах, Канаде и Пуэрто-Рико. Точная цифра для международной регистрации студентов дистанционного обучения недоступна, но регистрация в двух крупнейших государственных университетах, которые активно используют дистант, дает некоторое представление: в начале XXI века Национальный открытый университет имени Индиры Ганди со штаб-квартирой в Нью-Дели насчитывал более 1,5 миллионов студентов, а китайский Центральный университет радио и телевидения со штаб-квартирой в Пекине – более 500 тысяч студентов.

Дистанционное обучение отличается четырьмя характеристиками. Во-первых, дистанционное обучение по определению осуществляется через определенные социальные институты; это не самообучение или неакадемическая учебная среда. Такие образовательные организации могут предлагать или не предлагать традиционное обучение в аудиториях, но они имеют право на аккредитацию теми же учреждениями, что и те, которые используют очное образование. Во-вторых, дистанционному обучению присуще географическое разделение, также может разделять студентов и преподавателей время. Доступность и удобство являются важными преимуществами этого способа обучения. Хорошо продуманные программы могут также способствовать преодолению интеллектуальных, культурных и социальных различий между обучающимися. В-третьих, интерактивные телекоммуникации связывают индивидов внутри учебной группы и с учителем. Чаще всего используются электронные коммуникации, такие как платформы Zoom и Discord, образовательная плат-

форма LMS, которая имеет широкий спектр инструментов для управления виртуальной классной комнатой, включая различные календари и менеджеры событий, онлайн-платформа для организации дистанционного обучения Ё-СТАДИ – российская разработка команды единомышленников по развитию дистанционного образования, также разработана функциональная система проведения вебинаров и т.д. Какой бы ни была среда, взаимодействие необходимо для дистанционного образования, как и для любого другого образования. Связи между обучающимися, преподавателями и учебными ресурсами становятся менее зависимыми от физической близости, поскольку коммуникационные системы становятся более сложными и широко доступными; следовательно, интернет, мобильные телефоны и электронная почта способствуют быстрому росту дистанционного обучения.

Наконец, дистанционное образование, как и любое образование, создает учебную группу, иногда называемую учебным сообществом, которая состоит из студентов, преподавателя и учебных ресурсов – то есть книг, аудио-, видео- и графических дисплеев, позволяющих студенту получить доступ к содержанию обучения. Социальные сети в Интернете продвигают идеи построения учебного сообщества. На таких сайтах, как Вконтакте, Facebook и YouTube, пользователи создают профили, идентифицируют участников («друзей»), с которыми они имеют общую связь, и создают новые сообщества единомышленников. В условиях дистанционного обучения такая сеть может обеспечить связь учащихся друг с другом и тем самым уменьшить их чувство изоляции [2].

Студенты и учебные заведения с полным основанием принимают дистанционное обучение. Университеты выигрывают, добавляя в свои ряды онлайн-студентов, избавляясь от необходимости строить учебные корпуса и жилье, и студенты пожинают плоды того, что могут работать там и тогда, где и когда они этого хотят. Даже система государственных российских школ быстро освоила дистанционное обучение, предлагая ученикам специальные курсы, например, языковые с малым числом учащихся и продвинутые учебные сообщества для одаренных детей, без необходимости создавать классы «лицом к лицу». Кроме того, обучающиеся с домашним обучением и ограниченными возможностями здоровья получают доступ к централизованному обучению.

Специалисты отмечают, что качественное онлайн-образование дает применение оформленного учебного продукта с аудио/видео/графикой, алгоритмами, IT-составляющей. Это продукт, который работает и взаимодействует с пользователем с помощью скриптов (как компьютерная игра) и может работать почти без участия специалиста. Его разработка трудная, долгая и дорогая, но зато этот продукт может быть масштабирован хоть до десятков тысяч пользователей [5].

На наш взгляд, самое эффективное – это микс онлайна и офлайна, то, что сегодня называют гибридным обучением. Представителей современной генерации сложно заинтересовать классическими лекциями и семинарами, а если им не интересно, они «ныряют» в гаджеты, вернуть их оттуда невозможно, и это сводит эффективность обучения к нулю [1, с. 110]. Всю информацию современные студенты могут почерпнуть из открытых источников, соответственно, задачей преподавателя становится не столько трансляция знаний, сколько отработка навыков и передача опыта. Значит, теоретическую часть можно перевести в онлайн без потери качества [4].

Но если речь вести о практической части, где студенты могут и должны свои навыки применять и развивать, отрабатывать и закреплять компетенции, то обучение офлайн тут предоставляет больше возможностей в силу постоянного контакта преподавателя и студентов. Офлайн – обязательное условие любого клиентоцентричного процесса (а образование именно такой процесс!), потому что именно там происходит магия: возникает эмпатия, налаживается контакт,

изучаются запросы студентов. Офлайн точно никуда не уйдёт, но современная система образования претерпит изменения.

Стоит отметить и недостатки дистанционного обучения, например, приняв во внимание распространенную платформу Zoom. В недавнем интервью Адриано Удани, адъюнкт-профессор политологии в Университете Миссури в Сент-Луисе, использовал выражение «Zoomed out» [7]. Zoom - программа видеоконференций, которую многие образовательные заведения сделали доступной для преподавателей, проводящих онлайн-обучения. И они не единственные, кто использует Zoom. Исходя из текущей мировой ситуации социального дистанцирования, Zoom - это новый дом для всего, начиная с дошкольного кружка и заканчивая офисными переговорами и общением в личных целях.

«Изменения в организации процесса обучения посредством Интернет-технологий случились не только внезапно, но и в виде нескольких волн. И поэтому изначально преподаватели искали что-то, что помогло бы им пережить пару недель, и, возможно, Zoom был именно таким. Но затем ситуация изменилась, и теперь учебные сообщества обучаются на онлайн- платформе со множеством проблем, связанных с пропускной способностью, сменой расписания студентов и т.д. И у преподавателей не было времени перевести дух и перестроиться для этого» [7].

Исследователи видят несколько проблем в том, чтобы слишком сильно полагаться на инструменты видеоконференцсвязи, такие как, например, Zoom. Во-первых, смогут ли эти программы надежно работать в глобальном масштабе? Во-вторых, существуют логистические вопросы о способности студентов получить доступ к такого рода технологиям или взять на себя обязательство быть доступными в определенное время во время пандемии. Этично ли это? Еще один риск: инструменты видеоконференцсвязи в конечном итоге поощряют обучение, ориентированное на учителя. А ведь самое важное в работе преподавателя - это общение с молодежью. Современный педагог много работает с компьютером и живое преподавание – это большая ценность для человеческого общения. В дистанционном обучении этого нет.

Большая нагрузка ложится на преподавателя, который творчески подходит к чтению своего курса, находя новые способы вовлечения студентов или корректируя содержание курса.

Значительная нагрузка выпадает и на долю студентов. В университете студенты на занятиях «вживую» обучаются интерактивно, есть постоянная работа в группах. За время учебы ребята становятся сильной командой, особенно, если выполняют общие задания, разрабатывают проекты. И они привыкают к живому общению и постоянному контакту. Добиться такого в онлайне не представляется возможным.

Специалист А. Неверов по собственному опыту отмечает, что во время чтения лекций ему в голову приходит масса мыслей и идей. И неоднократно было такое, что во время «живой» лекции он что-то резко понимал и тут же вставлял это в рассказ. Не менее 70% своих проектов, а он является преподавателем-практиком, он так и придумал. При том, что во время дистанционного преподавания такого «озарения» не случилось ни разу [4].

Также преподаватели с опытом дистанционного обучения предлагают отказаться от идеи того, что запись лекций на видео с последующим тестированием/выполнением заданий и есть онлайн-образование. Если бы это было так, то с момента изобретения видеомагнитофона все вузы завершили бы свою работу.

Словом, самое главное не видеть в дистанционном обучении отдельный продукт онлайн-образования, а понимать его как инструмент.

Все учебные среды не похожи друг на друга, даже в рамках традиционного очного обучения. В связи с этим неудивительно обнаружить разногласие в мнениях специалистов относительно смысла, преимуществ и недостатков дистанционного, электронного и онлайн-обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева М.В. Особенности и обучение I-поколения (поколения Z) // Педагогическое образование и наука. 2019. № 5. С. 108-112.
2. Козлова Д.А. Дистанционное обучение как инновационный подход в реализации непрерывного образования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2013. Спецвыпуск № 1. С. 36-40.
3. Назаренко А. Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике. Дистанционное обучение: Учебник. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ). 2013. 271 с.
4. Комарова В. Как изменится высшее образование после коронавируса и к чему готовиться будущим студентам // Мел. Медиа про образование и воспитание детей. URL: https://mel.fm/vyssheye_obrazovaniye/2890453-after_coronavirus
5. Неверов Александр (2020). Про дистанционное образование (2) // Запись в Facebook: 24 апреля 2020 года.
6. Дистанционное обучение // Педагогический терминологический словарь. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/1004/Дистанционное_обучение
7. Supiano Beckie «Zoomed Out»: Why ‘Live’ Teaching Isn’t Always the Best // The Chronicle of Higher Education. URL: https://www.chronicle.com/article/Zoomed-Out-Why/248401?cid=wcontentlist_teaching_nl

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vorob'eva M.V. Osobennosti i obuchenie I-pokolenija (pokolenija Z) // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2019. № 5. S. 108-112.
2. Kozlova D.A. Distancionnoe obuchenie kak innovacionnyj podhod v realizacii nepreryvnogo obrazovanija // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chehova. 2013. Specvypusk № 1. S. 36-40.
3. Nazarenko A. L. Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v lingvodidaktike. Distancionnoe obuchenie: Uchebnik. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova (MGU). 2013. 271 s.
4. Komarova V. Kak izmenitsja vysshee obrazovanie posle koronavirusa i k chemu gotovit'sja budushhim studentam // Mel. Media pro obrazovanie i vospitanie detej. URL: https://mel.fm/vyssheye_obrazovaniye/2890453-after_coronavirus
5. Neverov Aleksandr (2020). Pro distancionnoe obrazovanie (2) // Zapis' v Facebook: 24 aprelja 2020 goda.
6. Distancionnoe obuchenie // Pedagogicheskij terminologicheskij slovar'. URL: https://pedagogical_dictionary.academic.ru/1004/Distancionnoe_obuchenie
7. Supiano Beckie «Zoomed Out»: Why ‘Live’ Teaching Isn’t Always the Best // The Chronicle of Higher Education. URL: https://www.chronicle.com/article/Zoomed-Out-Why/248401?cid=wcontentlist_teaching_nl

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Воробьева М.В., Канарская М. Дистанционное обучение: характеристики, преимущества и недостатки // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 65-69. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/VorobyevaKanarskaya.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892831
УДК 378

Иванова А.В., Митющенко Е.В.

Иванова Ангелина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, 628400, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. E-mail: ivlina2005@yandex.ru.
Митющенко Елена Вячеславовна, старший преподаватель, Сургутский государственный педагогический университет, 628400, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. E-mail: mev79@bk.ru.

Проектирование дисциплины «Визуализация информации» в подготовке бакалавров педагогического образования

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы в данной статье обусловлена необходимостью совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей на основе включения в процесс подготовки бакалавров педагогического образования дисциплины по выбору «Визуализация информации», направленной на формирование у обучающихся особых умений визуализации учебной информации. В статье раскрывается структура и содержание данной дисциплины, дается характеристика практических работ и формируемых умений. В заключение делаются выводы, предлагающие решение успешного выхода из обозначенной проблемы. В силу актуальности поднимаемой в статье проблемы она может быть интересна и полезна преподавателям высших и средних учебных заведений.
Ключевые слова: визуализация информации, педагогическое образование, подготовка бакалавров, визуальный образ.

Ivanova A.V., Mityuschenko E.V.

Ivanova Angelina Valeryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor , Surgut State Pedagogical University, 628400, Russia, Surgut, 50 Let VLKSM st., 10/2. E-mail: ivlina2005@yandex.ru.
Mityuschenko Elena Vyacheslavovna, Senior Lecturer, Surgut State Pedagogical University, 628400, Russia, Surgut, 50 Let VLKSM st., 10/2. E-mail: mev79@bk.ru.

Projection of discipline «Visualization of information » in the training of bachelors of teacher education

Abstract. The relevance of the studied problem in this article is due to the need to improve the professional training of future teachers based on the inclusion in the process of preparing bachelors of pedagogical education, the study of the discipline of choice «Visualization of Information», aimed at the formation of special skills of visualization of educational information among students. The article reveals the structure and content of this discipline, a description of practical work and the generated skills. In conclusion, authors a solution to the successful exit from the identified problem. Due to the relevance of the problem raised in the article, it can be interesting and useful to teachers of higher and secondary educational institutions.
Key words: visualization of information, teacher education, bachelor training, visual image.

Современное информационное общество предъявляет новые требования к образовательной системе в целом и ее компонентам в частности, что влечет за собой необходимость внедрения в процесс обучения цифровых инструментов [5]. В связи с этим перед высшими учебными заведениями ставится задача подготовки будущих учителей, обладающих способностью проектировать эффективную учебную деятельность обучающихся в условиях информационной образовательной среды, для формирования которой в основном в учебные планы включается дисциплина «Информационные технологии в профессиональной деятельности». В результате ее освоения студент овладевает знаниями в области информатизации и умениями эффективного использования современных информационных технологий в профессиональной деятельности [3, с. 65]. Однако, в условиях доминирования визуальной среды одним из средств улучшения профессиональной подготовки бакалавров педагогического образования является формирование у них особого умения строить визуальный образ учебной информации. С этой целью в Сургутском государственном педагогическом университете в учебный план направления подготовки 44.03.01 Педагогическое образование включена дисциплина по выбору «Визуализация информации».

Целью изучения данной дисциплины является освоение обучающимися основных приемов визуализации информации с использованием информационных технологий для решения профессиональных задач. В рамках ее достижения решаются задачи формирования умений визуализации информации средствами прикладных программ интегрированного пакета офисных программ, а также сетевых сервисов и специализированных прикладных программ. Трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетных единицы (72 часа), из них 36 часов – контактная работа. Учебный процесс по дисциплине проводится в форме лекционных, практических занятий и самостоятельной работы обучающихся, которая организована в форме выполнения домашних заданий.

Содержание дисциплины включает в себя следующие модули и темы:

Модуль 1. Визуализация информации средствами интегрированого пакета офисных программ

Визуализация информации: понятие, методы, технологии

Визуализация числовой информации средствами табличного процессора

Визуализация текстовой информации средствами интегрированного пакета офисных программ

Модуль 2. Визуализация информации средствами сетевых сервисов и специального ПО

2.1. Визуализация числовой информации средствами сетевых сервисов

2.2. Визуализация текстовой информации средствами сетевых сервисов

2.3. Специальные формы представления информации

Изучение дисциплины рекомендуется начинать со знакомства обучающихся с сущностью визуализации информации на лекции. Основные вопросы для рассмотрения следующие:

Визуализация информации как средство поддержки принятия решения.

Способы визуализации информации.

Методы визуализации информации.

Современные технологии для визуализации информации.

Направления развития технологий визуализации информации.

Также необходимо остановится на вопросе влияния особенностей развития полушарий головного мозга на успешность обучения. Можно провести со студентами ряд тестов по определению доминирования одного из полушарий головного мозга, познакомив их тем самым с методиками определения доминирования полушарий, которые могут пригодиться в будущей профессии для построения учебного процесса.

При рассмотрении темы «Визуализация числовой информации средствами табличного процессора» рассматривается

использование различных диаграмм и графиков: гистограмма, график (гладкий, ломаная кривая), полигон частот, круговая диаграмма, диаграмма рассеяния, добавление на диаграмму линии тренда и уравнения зависимости, а также специальные виды гистограмм (биржевая, пузырьковая, лепестковая и т.п.). Особое внимание уделяется их назначению, особенностям построения, примерам использования в учебном процессе.

На занятиях, посвященных визуализации текстовой информации средствами интегрированного пакета офисных программ, обучающиеся знакомятся с такими приемами визуализации, как кластерные схемы, организационные диаграммы, диаграммы Эйлера-Венна, блок-схемы, схемой «рыбный скелет» и т.п. Здесь в качестве программного обеспечения выступают текстовые процессоры и редакторы презентаций.

При рассмотрении темы «Визуализация учебной информации средствами сетевых сервисов» рассматриваются:

Онлайн конструкторы для визуализации числовой информации. Традиционные знаки и символы, используемые при визуализации числовой информации. Создание инфографики с визуализацией числовой информации: гистограмма, накопительная диаграмма, круговая диаграмма, другие виды диаграмм.

Онлайн конструкторы для визуализации алгоритмов. Основные алгоритмические конструкции и традиционные способы их представления. Создание инфографики с визуализацией алгоритма действий.

Онлайн конструкторы для визуализации последовательностей (событий). Традиционные знаки и символы, используемые при визуализации последовательностей. Создание инфографики с визуализацией последовательности событий. Отражение причинно-следственной связи.

Тема «Специальные формы представления информации» посвящена рассмотрению онлайн сервисов построения схем специального вида, в том числе диаграмм Ганта.

Содержание практических работ с описанием работы, условиями выполнения и формируемыми умениями представлены в таблице 1. Примеры заданий могут варьироваться в зависимости от направленности подготовки бакалавров.

Таблица 1. Содержание практических работ

Темы практических занятий	Описание работы	Формируемые умения
Визуализация числовой информации средствами табличного процессора *4 часа контактной работы, 2 часа самостоятельного изучения*	Студентам предлагаются задания на построение диаграмм определенного типа и указания к их выполнению, например: 1. Имеются сведения о расходах молодой семьи за три месяца. Построить лепестковую (сетчатую) диаграмму, отражающую структуру расходов за указанный период в целом и с выделением месячных структур. Дополнить таблицу ещё тремя значениями функции для трёх последующих месяцев и изменить согласно новым данным график функции (изменить диапазон исходных данных соответствующих рядов). 2. Имеются сведения о динамике индекса РТС и стоимости трех паевых фондов (за 6 месяцев). Построить диаграмму, наглядно иллюстрирующую степень зависимости стоимости ПИФ от значения индекса РТС.	Выбирать способы визуализации числовой информации в зависимости от профессиональной задачи. Строить и оформлять диаграммы различных типов.

Темы практических занятий	Описание работы	Формируемые умения
	Шаг по оси X – 1 неделя. На диаграмме должны быть читаемы даты, в точках локальных экстремумов выведены значения функций. Рекомендуемые типы диаграмм – график, диаграмма с областями. 3. Имеются сведения о динамике инфляции в РФ с 1991 по 2018 годы. Построить диаграмму, отражающую эти сведения. *Указания к выполнению задания.* Все диаграммы должны иметь заголовок, легенду (оптимального размера и удобно расположенную с точки зрения экономии площади области диаграммы), необходимые по условиям задачи подписи данных и/или рядов. Продумать цветовую гамму. Все диаграммы оформить на отдельном листе. Добавить в область диаграммы надпись, комментирующую какое-либо значение, сгруппировать объекты, вставить диаграмму в текстовый документ.	
Визуализация текстовой информации средствами интегрированного пакета офисных программ *6 часов контактной работы,* *2 часа самостоятельного изучения*	Студентам предлагаются задания на построение схем определенного типа и указания к их выполнению, например: 1. С помощью блок-схем, изобразить следующий алгоритм выбора критерия проверки статистических гипотез. 2. В редакторе презентаций создать любые три организационных диаграммы (содержательных) и анимировать их по уровням. Одна из диаграмм должна отражать структуру науки (согласно направленности обучения). 3. Проанализировать текст и построить дерево, отображающее его смысл (например, «Как планировать путешествие. Выбор маршрута» http://psychomedia.org/articles/1333) 4. Изучить ценности, предлагаемые методикой М. Рокича «Ценностные ориентации» и построить кластер, отображающий их группировку для интерпретации результатов [6, с. 154].	Выбирать способы визуализации текстовой информации в зависимости от профессиональной задачи. Строить и оформлять сложную классификацию средствами интегрированного пакета офисных программ. Строить и оформлять следующие объекты: схемы, организационные диаграммы, диаграммы Эйлера-Венна.
Визуализация числовой информации средствами сетевых сервисов *6 часов контактной работы*	Студентам предлагаются задания на построение диаграмм определенного типа и указания к их выполнению, например: 1. Средствами Google Таблицы построить диаграмму, отражающую сведения о динамике инфляции в РФ с 1991 по 2018 годы. 2. Имеются сведения о результатах ФИЭБ. Средствами Google Таблицы построить диаграммы согласно заданному образцу.	Выбирать способы визуализации числовой информации в зависимости от профессиональной задачи. Выбирать сетевые сервисы для визуализации

Темы практических занятий	Описание работы	Формируемые умения
	Указания к выполнению задания. Все диаграммы должны иметь заголовок, легенду (оптимального размера и удобно расположенную с точки зрения экономии площади области диаграммы), необходимые по условиям задачи подписи данных и/или рядов. Продумать цветовую гамму. Все диаграммы оформить на отдельном листе.	числовой информации в зависимости от профессиональной задачи. Визуализировать числовую информацию средствами сетевых сервисов.
Визуализация текстовой информации средствами сетевых сервисов *8 часов контактной работы*	Студентам предлагаются задания на построение диаграмм определенного типа и указания к их выполнению, например: 1. Рассмотреть опорный материал к заданию, выделить отличительные признаки ментальной карты, семантической сети, блок-схемы (групповая работа). Сформулировать алгоритмы построения ментальной карты, семантической сети, блок-схемы 2. Изучить предложенный текст, построить ментальную карту, отображающую его смысл [8, с.85] (использовать сетевой сервис, например, mind42). 3. Составить ментальную карту в поддержку ответа на вопрос предстоящего семинарского занятия по выбранной дисциплине.	Визуализировать текстовую информацию средствами сетевых сервисов. Выбирать способы визуализации текстовой информации в зависимости от профессиональной задачи. Выбирать сетевые сервисы для визуализации текстовой информации в зависимости от профессиональной задачи.
Специальные формы представления информации *4 часа контактной работы,*	Студентам предлагаются задания на построение диаграмм определенного типа и указания к их выполнению, например: 1. Составить диаграмму Ганта и PERT выполнения какого-либо проекта (подготовки курсовой работы, подготовки к студенческой весне и т.д.). 2. Составить диаграмму Ганта и PERT своей деятельности на предстоящей (прошедшей) практике. *Указания к выполнению задания.* Для работы использовать сетевой сервис, например https://ru.smartsheet.com/, или прикладное программное обеспечение, например, Ganttproject 3. С помощью сервиса draw.io, построить причинно-следственную диаграмму (диаграмму Исикавы) схему, отражающую анализ причин недостаточно высокой успеваемости студентов группы №. Результат выгрузите в форматах .pdf, .jpeg.	Создавать и оформлять диаграммы Гантта, PERT. Отслеживать динамику выполнения процесса средствами сетевых сервисов.

Реализация различных видов учебной работы осуществляется в рамках деятельностного подхода с использованием методик, ориентированных на действие [2, с. 35, 7, с. 63]. При подборе форм и методов преподавания данного предмета необходимо использовать учебный материал, максимально приближенный к будущим профессиональным ситуациям. Например, при проведении рубежного контроля по модулю 2 обучающимся предлагается к решению следующая профессиональная задача: «Представьте, что Вы - учитель. На одном из следующих уроков Вам необходимо познакомить учеников с объемным и сложным к восприятию учебным материалом. Какими методическими приемами Вы воспользуетесь?». В процессе рассуждения появляются возможные вариант ответов: использование словесно-схематического изложения, самостоятельное изучение нового материала с использованием средств наглядности и т.п. Далее ставится учебная задача: визуализировать учебный материал средствами онлайн сервисов. Для выполнения задания студентам выдается фрагмент учебного материала из школьного учебника по предмету (выбор зависит от направленности направления подготовки). Преподаватель обращает внимание обучающихся на то, что результат их работы должен соответствовать перечню критериев оценки, который они разработали ранее на практических занятиях совместно, это: полнота представленной информации, дизайн, соответствие возрастным особенностям обучающихся, отсутствие ошибок, отсутствие искажений информации, понятность, структурированность, целостность, удобочитаемость, оптимальность выбора графических средств и их количества.

Таким образом, в результате освоения дисциплины по выбору «Визуализация информации» студенты овладению способностью визуализировать учебную информацию средствами программного обеспечения и сетевых сервисов. Однако для решения поставленной проблемы рекомендуется обеспечить комплексную работу по формированию умения визуализировать учебную информацию не только в рамках преподаваемой дисциплины, но и во внеурочной деятельности, и в дополнительном образовании [1;4, с. 37-38].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева О. В., Митющенко Е. В. Визуализация как средство графического представления учебной информации (программа повышения квалификации) // Открытый урок: обучение, воспитание, развитие, социализация. URL: http://open-lesson.net/5658
2. Иванова А. В., Прозорова Г. Р. Формирование общепрофессиональных компетенций на занятиях информатики с позиции деятельностного подхода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. №4. С. 33-39
3. Иванова А.В. Методика преподавания дисциплины «Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности» для бакалавров истории // Дистанционное и виртуальное обучение. 2016. №1. С. 64-72.
4. Митющенко Е. В., Курманова С. А. Визуализация информации как прием организации деятельности студентов на кураторском часе // Теоретический и практический потенциал современной науки: Сборник научных статей. Ч. III Том I / Научный ред. к. псих. наук, доц. Д.В. Фурсова. М.: Издательство «Перо», 2019. С. 36-43.
5. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25 октября 2016 г. №9) (с изменениями и дополнениями) // Современная цифровая образовательная среда в РФ. URL: http://neorusedu.ru/
6. Рассказов Ф. Д., Муллер О. Ю., Митющенко Е. В. Методические возможности современных средств визуализации информации для студентов с особыми образовательными потребностями // МНКО. 2019. №4 (77). С. 153-157.

7. Саркисян Т. А. Реализация системно-деятельностного подхода к обучению математике в педагогическом вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. №5. С. 59-71.
8. Хамраева Е. Ю., Митющенко Е. В. Преимущества ментальной карты и законы ее построения // Научные разработки: евразийский регион: материалы международной научной конференции теоретических и прикладных разработок (г. Москва, 20 мая 2019 г.) / отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. М.: Издательство «Инфинити», 2019. С. 85-88.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Alekseeva O. V., Mitjushhenko E. V. Vizualizacija kak sredstvo graficheskogo predstavlenija uchebnoj informacii (programma povyshenija kvalifikacii) // Otkrytyj urok: obuchenie, vospitanie, razvitie, socializacija. URL: http://open-lesson.net/5658
2. Ivanova A. V., Prozorova G. R. Formirovanie obshheprofessional'nyh kompetencij na zanjatijah informatiki s pozicii dejatel'nostnogo podhoda // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №4. S. 33-39
3. Ivanova A.V. Metodika prepodavanija discipliny «Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v professional'noj dejatel'nosti» dlja bakalavrov istorii // Distancionnoe i virtual'noe obuchenie. 2016. №1. S. 64-72.
4. Mitjushhenko E. V., Kurmanova S. A. Vizualizacija informacii kak priem organizacii dejatel'nosti studentov na kuratorskom chase // Teoreticheskij i prakticheskij potencial sovremennoj nauki: Sbornik nauchnyh statej. Ch. III Tom I / Nauchnyj red. k. psih. nauk, doc. D.V. Fursova. M.: Izdatel'stvo «Pero», 2019. S. 36-43.
5. Prioritetnyj proekt «Sovremennaja cifrovaja obrazovatel'naja sreda v Rossijskoj Federacii» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i prioritetnym proektam, protokol ot 25 oktjabrja 2016 g. №9) (s izmenenijami i dopolnenijami) // Sovremennaja cifrovaja obrazovatel'naja sreda v RF. URL: http://neorusedu.ru/
6. Rasskazov F. D., Muller O. Ju., Mitjushhenko E. V. Metodicheskie vozmozhnosti sovremennyh sredstv vizualizacii informacii dlja studentov s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostjami // MNKO. 2019. №4 (77). S. 153-157.
7. Sarkisjan T. A. Realizacija sistemno-dejatel'nostnogo podhoda k obucheniju matematike v pedagogicheskom vuze // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2019. №5. S. 59-71.
8. Hamraeva E. Ju., Mitjushhenko E. V. Preimushhestva mental'noj karty i zakony ee postroenija // Nauchnye razrabotki: evrazijskij region: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii teoreticheskih i prikladnyh razrabotok (g. Moskva, 20 maja 2019 g.) / otv. red. D. R. Hismatullin. M.: Izdatel'stvo «Infiniti», 2019. S. 85-88.

Поступила в редакцию 14.05.2020.
Принята к публикации 17.05.2020.

Для цитирования:
Иванова А.В., Митющенко Е.В. Проектирование дисциплины «Визуализация информации» в подготовке бакалавров педагогического образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 70-76. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/IvanovaMityuschenko.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892903
УДК 37.047

Муравьева Е.В., Князькина Е.А.

Муравьева Елена Викторовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой «Промышленная и экологическая безопасность», Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, 420111, Россия, г. Казань, Карла Маркса 10. E-mail: Elena-kzn@mail.ru.
Князькина Евгения Александровна, заместитель начальника отдела профориентационной работы, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, 420111, Россия, г. Казань, Карла Маркса 10. E-mail: knazek1@mail.ru.

Образовательный кластер как инструмент развития технического творчества

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты продвижения интересов школьников совместно с университетом, школой и предприятием. Одним из аспектов является создание образовательного кластера для взаимного партнерства – открытие Инженерного Лицея КНИТУ-КАИ для одаренных детей, который находится под эгидой технического университета. В статье отмечается, что взаимное сотрудничество позволит сформировать навыки молодого поколения и ориентировать их на будущую профессию.
Ключевые слова: образовательный кластер, профориентация, техническое творчество, будущая профессия, инженерная карьера.

Muravyova E.V., Knyazkina E.A.

Muravyova Elena Viktorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Industrial and Environmental Safety, Kazan National Research Technical University A.N. Tupolev, 420111, Russia, Kazan, Karl Marx 10. E-mail: Elena-kzn@mail.ru.
Knyazkina Evgeniya Aleksandrovna, Deputy Head of the Department of Career Guidance, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, 420111, Russia, Kazan, Karl Marx 10. E-mail: knazek1@mail.ru.

Educational cluster as a tool for the development of technical creativity

Abstract. The article discusses aspects of promoting the interests of students in conjunction with a university, school and enterprise. One of the aspects is the creation of an educational cluster for mutual partnership – the opening of the KNITU-KAI Engineering Lyceum for gifted children, which is under the auspices of a technical university. Mutual cooperation will help shape the skills of the young generation and guide them towards a future profession.
Key words: educational cluster, career guidance, technical creativity, future profession, engineering career.

Развитие инженерного образования сегодня – один из приоритетов государственной политики в образовательной сфере разных стран мира. В условиях стремительного роста технологий государство и общество заинтересо-

вано в повышении качества инженерного образования и обеспечении технических и технологических отраслей промышленности подготовленными кадрами.

В ситуации острой необходимости в подготовленных инженерных кадрах в технические университеты и колледжи должны поступать школьники, уже имеющие представление о будущей профессиональной деятельности и проявляющие к ней интерес.

Интерес детей к техническим наукам сегодня можно и необходимо формировать с использованием сетевых форм сотрудничества, сложившихся у университетов со школами, с одной стороны, и с предприятиями и компаниями, с другой.

Фундаментальность придает инженерному образованию ту необходимую инвариантность подготовки специалистов с высоким уровнем профессиональной компетентности и мобильности, широким кругозором, основу которого составляют знания в смежных с основой специальностью областях, высоким творческим потенциалом, реализуемым при решении сложных инженерно-экономических задач в постоянно усложняющейся информационной сфере [2].

Интерес детей к инженерной профессии формируется еще со школьной скамьи. Основной целью данного исследования является создание сетевых форм сотрудничества между школой, университетом и предприятием, где результатом кластерного взаимодействия является проявление устойчивого интереса детей к инженерно-техническим профессиям и реализации успешного потенциала молодежи.

В исследовании используется успешный опыт создания кластеров в области образования и привлечение детей и молодежи к инженерным профессиям в двух крупных российских технических университетах. Данные университеты применяют комплекс специальных мер по формированию профессионального самоопределения будущих абитуриентов.

Этот комплекс мер включает в себя специальную систему управления по работе с талантливыми детьми. Система работы с одаренными детьми должна быть, во-первых, на основе принципа абсолютной демократии: университетские работы со всеми талантливыми детьми, несмотря на социальный статус. Во-вторых, это раннее выявление талантов: университет начинает работать с детьми от первого года в школе [1, с. 1018-1021].

Система включает в себя:

– работу с одаренными школьниками через разные мероприятия и олимпиады;

– проектные работы в области инженерии;

– создание кластеров образования;

– создание специального лицея для одаренных детей.

В данном случае имеется в виду Инженерный лицей-интернат КНИТУ-КАИ (далее - Лицей), который является структурным подразделением Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ. Основная задача Лицея – создание условий для усиления кадрового потенциала региона в области инженерии. Уникальной особенностью лицея является проектная зона общей площадью более 800 квадратных метров. Это «сердце» лицея. В проектной зоне у ребят есть все возможности для реализации своего инновационного проекта от идеи до продукта: высокотехнологичное оборудование, расходные материалы, научная и методическая поддержка. Подобного образовательного пространства нет ни в одном среднем учебном заведении Российской Федерации и Лицей в этом направлении, несомненно, является лидером.

Кроме проектной деятельности большая часть внеучебного времени выделяется на преподавание спецкурсов инженерной направленности, таких как:

– Физпрактикум
– Инженерная графика
– Прототипирование
– Авиамоделирование
– Робототехника
– Композитные технологии

– Радиоэлектроника
– Электромонтаж

Для того чтобы раскрыть потенциал детей в области инженерии проведено анкетирование в Инженерном лицее КНИТУ-КАИ для одаренных детей (Инженерный лицей) [4].

Основная цель опроса – выявить отношение лицеистов к будущей инженерной деятельности и их ожидания от будущей профессии. Респондентами явились школьники с 7-10 класс. В исследовании использовалась методика «Незаконченные предложения для будущих инженеров». Результаты опроса показаны на рисунках 1-5.

Рисунок 1 показывает, что 70% детей хотят быть инженерами, 20% детей хотят иметь другую профессию и только 9% пока не определились.

Результаты исследования (Рис. 2) показывают, что большинство детей планируют работать по своей специальности и заниматься любимым делом для саморазвития. Это означает, что современные школьники целеустремленные, и они учатся быть хорошими профессионалами.

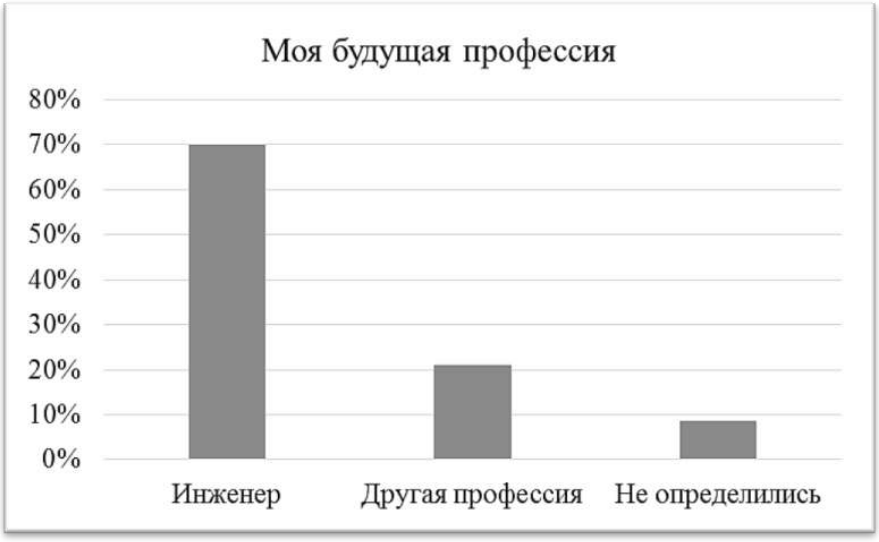

Рис.1. Моя будущая профессия

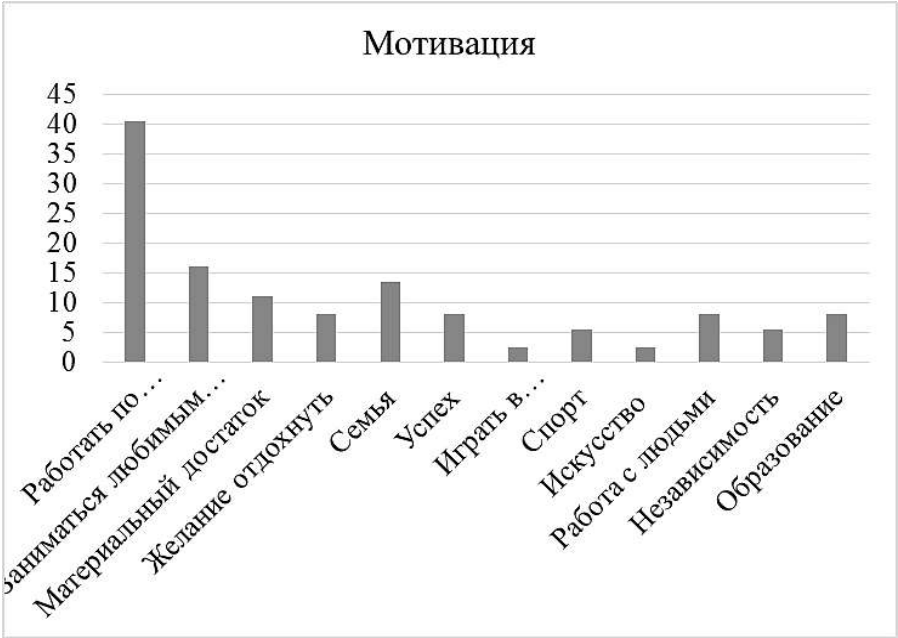

Рис.2. Мотивационные факторы лицеистов

Рисунок 3 показывает, что школьники в основном предпочитают работать в команде, то это означает, что командная работа лицеистов может быть более успешная над каким-либо проектом, нежели работа в индивидуальном порядке.

Большинство детей (Рис. 4) самоуверенны и думают, что они могут обучаться на инженера.

В ходе исследования было выяснено (Рис. 5), что основной мотивацией лицеистов является готовность к работе в рамках своей специальности и возможность создавать новые проекты (40,5% от респондентов). Школьники готовы работать и в команде (27%) и по отдельности (25%). Лицеисты знают, что их возможности и думать, что они действительно могут стать хорошими инженерами и изменить мир (70%). В вопросе от ожидания своей будущей профессии 35% лицеистов сделали акцент на материальном достатке и 19% на самореализации.

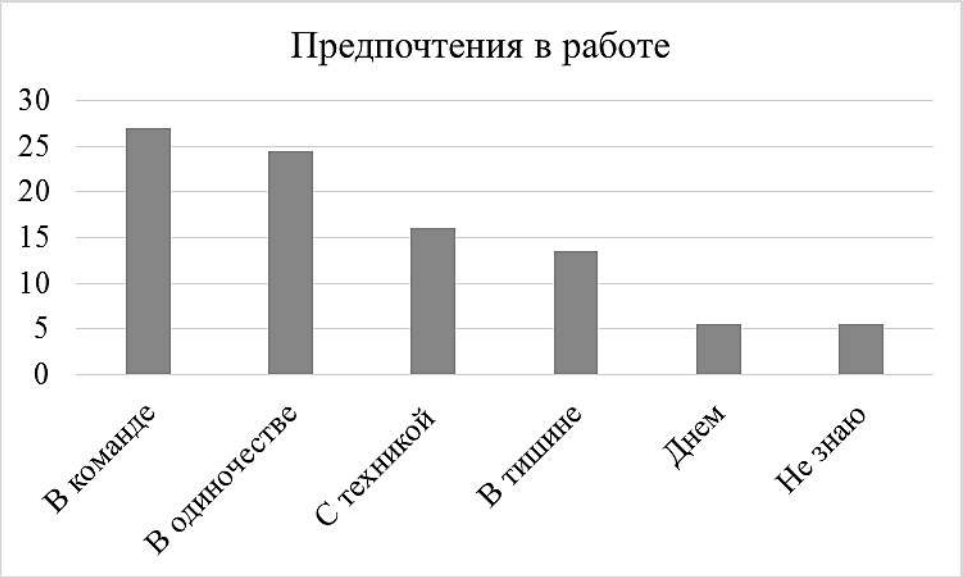

Рис.3. Предпочтения лицеистов в работе

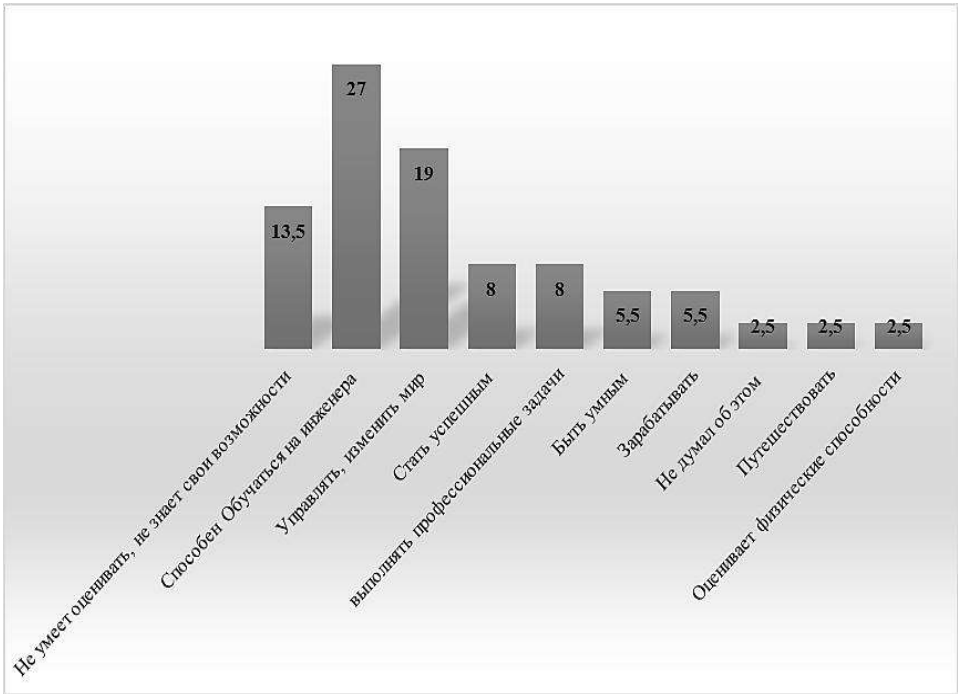

Рис.4. Оценка лицеистами своих способностей

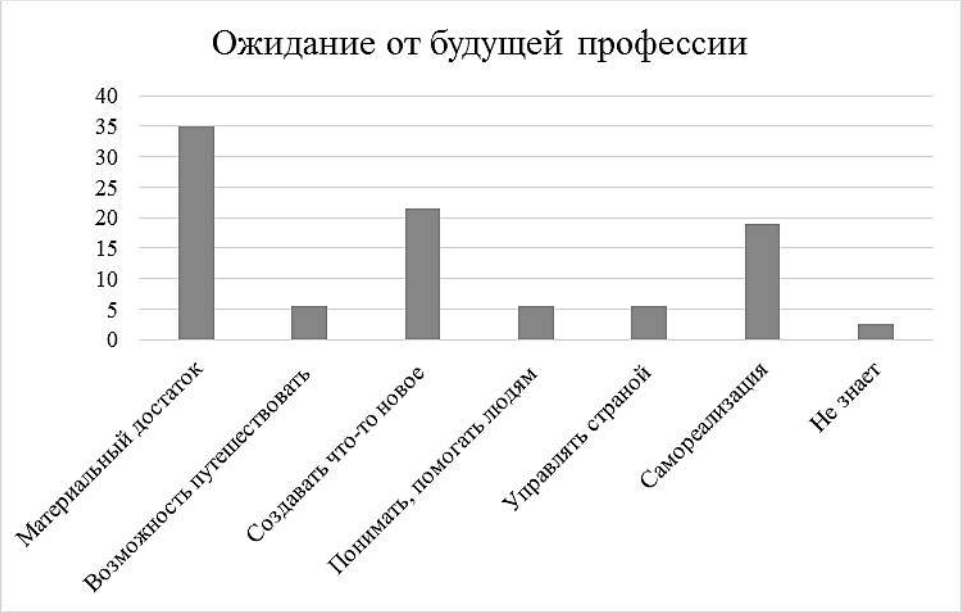

Рис. 5. Ожидание лицеистов от своей будущей профессии

В рамках кластера внедряется модель сетевого взаимодействия лицеистов с университетом и с базовыми промышленными предприятиями, в том числе дуальная (практико-ориентированная) система подготовки будущих инженеров. Дуальное обучение основано на тесном сетевом взаимодействии предприятия и образовательной организации при подготовке кадров. Создание кластера позволило за три года создать вокруг университетов систему непрерывного отраслевого образования путем введения смежных специальностей по уровням профессионального образования, сквозных образовательных программ с сокращенными сроками обучения, которые в настоящее время реализуются совместно с работодателями [3, с. 67-69].

Реализация программы кластерного взаимодействия по привлечению талантливых детей к проектной деятельности инженерного профиля демонстрирует высокие результаты. На сегодняшний день более 60% поступивших в данные вузы были вовлечены в какой-либо из школьных проектов университета. Растет общее число учащихся, принимающих в них участие [1, с. 1018-1021].

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что кластерное взаимодействие между школой, вузом и предприятием способствует развитию у школьников устойчивого интереса к инженерным профессиям. Через прямое взаимодействие лицеев с предприятиями они активно вливаются в научно-техническую сферу, у них формируется реальное представление о профессии инженера. Таким образом, кластер становится хорошей и надежной площадкой для реализации научно-технического потенциала современного школьника и привития ему устойчивого интереса к будущим инженерным профессиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кайбияйнен Д. А. Университет как центр проекта на основе изучение школьников // Международная конференция по Interactive Colaborative Learning (ICL). 2015. С. 1018-1021.
2. Кайбяйнен Д. А. Влияние университетских сетевых структур на формирование сетевой среды региональной экономики // Международная Конференция по Interactive Collaborative Learning (ICL). 2014. С. 616-618.

3. Сетевое взаимодействие в рамках социального партнерства, реализуемого научно-образовательным кластером / Л.В Овсиенко, И.В Зимина, Н.Н. Клинцова., Ф Мюллер. // Высшее образование в России. 2013. № 12. С.12-14.
4. Инженерный лицей-интернат КНИТУ-КАИ // Сайт Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ. URL: https://lyceum.kai.ru/o-licee

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kajbijajnen D. A. Universitet kak centr proekta na osnove izuchenie shkol'nikov // Mezhdunarodnaja konferencija po Interactive Colaborative Learning (ICL). 2015. S. 1018-1021.
2. Kajbjajnen D. A. Vlijanie universitetskih setevyh struktur na formirovanie setevoj sredy regional'noj jekonomiki // Mezhdunarodnaja Konferencija po Interactive Collaborative Learning (ICL). 2014. S. 616-618.
3. Setevoe vzaimodejstvie v ramkah social'nogo partnerstva, realizuemogo nauchno-obrazovatel'nym klasterom / L.V Ovsienko, I.V Zimina, N.N. Klincova., F Mjuller. // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. № 12. S.12-14.
4. Inzhenernyj licej-internat KNITU-KAI // Sajt Kazanskogo nacional'nogo issledovatel'skogo tehnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva – KAI. URL: https://lyceum.kai.ru/o-licee

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Муравьева Е.В., Князькина Е.А. Образовательный кластер как инструмент развития технического творчества // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 77-82. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/MuravyovaKnyazkina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892941
УДК 373.2

Лосева И.И., Миронова Е.Н., Миронов А.В.

Лосева Ирина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО Южный федеральный университет, 344065, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, д. 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.
Миронова Евгения Николаевна, аспирант Академии психологии и педагогики, заместитель директора Колледжа прикладного профессионального образования, ФГАОУ ВО Южный федеральный университет, 344065, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, д. 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.
Миронов Алексей Васильевич, Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО Южный федеральный университет, 344065, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, д. 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.

Современные технологии формирования ранней профориентации у детей в условиях ДОО

Аннотация. В статье рассматриваются современные технологии формирования ранней профориентации у детей в условиях ДОО. Выделяются основные проблемы в реализации ранней профориентации детей, рассматриваются способы их решения. Описываются технология проектной деятельности, педагогическая технология организации сюжетно-ролевых игр, образовательная квест-технология, технология интегрированного обучения, ТРИЗ-технология, информационно-коммуникационные технологии, здоровьесберегающие технологии, технологии Babyskills.
Ключевые слова: ранняя профориентация, современные технологии формирования ранней профориентации, проблемы в реализации ранней профориентации.

Loseva I.I., Mironova E.N., Mironov A.V.

Loseva Irina Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, 344065, Russia, Rostov-on-don, Dneprovsky lane, 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.
Mironova Evgeniya Nikolayevna, post-graduate of the Academy of psychology and pedagogy, Deputy Director of the College of applied professional education, Southern Federal University, 344065, Russia, Rostov-on-don, Dneprovsky lane, 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.
Mironov Alexey Vasilievich, Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University, 344065, Russia, Rostov-on-don, 116, Dneprovsky lane, 116. E-mail: enmironova@sfedu.ru.

Modern technologies for the formation of early career guidance in children in pre-school settings

Abstract. The article discusses modern technologies for the formation of early career guidance in children in the conditions of preschool education. The main problems in the implementation of early career guidance for children are highlighted, and ways to solve them are considered. The article describes the technology of project activity, pedagogical technology of organizing story-role-playing games, educational quest technology, integrated learning technology, TRIZ technology, information and communication technologies, health-saving technologies, Babyskills technologies.
Key words: early career guidance, modern technologies for the formation of early career guidance, problems in the implementation of early career guidance.

Вопрос о необходимости проведения ранней профориентации старших дошкольников обрел особую актуальность после утверждения обновленных Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования (ФГОС ДО). Целевые ориентиры освоения программы дошкольного образования обозначены в нем, в том числе исходя из ряда социальных проблем современной действительности, таких, как кадровый голод в быстро развивающихся областях производства, профицит невостребованных специалистов, несоответствие имеющегося у граждан образа профессии ее реальному содержанию, несоответствующий способностям и возможностям человека выбор профессионального пути, неудовлетворенность значительного числа граждан выбранной профессией и несогласованность действий субъектов профориентации для всех возрастных групп [1].

По замыслу авторов стандарта, для того, чтобы уменьшить влияние этих проблем на рынок труда, уже к этапу завершения дошкольного образования ребенок должен быть не только способен выбирать себе деятельность, опираясь на свои индивидуальные способности, возможности и предпочтения, а также знания и умения в различных видах деятельности. Он должен обладать положительным отношением к разным видам труда, что предполагает наличие достаточно развитых представлений о них [1].

Тема ранней профориентации также рассмотрена в концепции, описывающей сопровождение профессионального самоопределения обучающихся в непрерывном образования.

В согласии с ФГОС ДО, ранняя профориентация представляет собой «целенаправленный процесс интеграции ребенка в социум в специально обогащенной предметно-развивающей среде, погружающей ребенка в мир профессий, при непосредственном участии значимого взрослого, который осуществляется в повседневной активности ребенка в ведущих видах деятельности в соответствии с ФГОС ДО» [1].

Особая роль в данном процессе отводилась старшему дошкольному возрасту, т.к. он является сенситивным для формирования общественной направленности личности и, как следствие, ответственного отношения к личному труду, ориентации на качественное выполнение трудовых функций.

Среди основных проблем в реализации ранней профориентации детей отмечают отсутствие задач, направленных на развитие интереса к технике, отсутствие преемственности в формировании трудовых навыков с начальной школой, не полное использование возможностей игровой деятельности при формировании общетрудовых умений детей, узость тематики трудового воспитания, недостаточную работу с мотивационной сферой, содержанием региональной трудовой деятельности, пониманием ценности любого труда, отсутствие у детей представлений об элементах производительного труда (планирование, организация рабочего места), связи профессии с социально значимыми качествами человека (деловитость, умелость, инициативность).

Для решения выделенных проблем используется ряд образовательных технологий. Применение любой образовательной технологии при формировании ранней профориентации должно обеспечивать, с одной стороны, диагностируемость результатов, с другой – преемственность профориентационной работы на всех ступенях образования. Целью диагностических процедур является оценивание реальных достижений ребенка в ознакомлении с профессиями взрослых. Достижения могут проявляться в повседневной активности, играх, познавательно-исследовательской и других видах деятельности. Это будет способствовать своевременной корректировке и оптимизации форм и методов, применяемых в работе педагога.

В организации в ДОО работы по формированию у дошкольников ранней профориентации, необходимо учитывать

тот факт, что современные дети в своей повседневной жизни часто соприкасаются с цифровым миром и хорошо в нем ориентируются. В связи с этим, в работе необходимо активно использовать в том числе цифровые образовательные технологии. Так в исследованиях Евдокимовой В.Е. отмечается, что применение видеофильмов, мультимедийных презентаций, электронных альбомов, виртуальных экскурсий соответствует запросам, предъявляемым современным дошкольником к качеству и характеру получаемой информации [2].

Задачи, решаемые применением современных технологий профориентации:

1. Дать начальные и максимально разнообразные представления о современных профессиях.

2. Сформировать у детей положительное отношение к труду, к миру профессий.

3. Дать возможность практической деятельности в доступных ее видах с учетом возраста ребенка.

4. Стимулировать исследовательско-поисковую деятельность, проявление интеллектуальной самостоятельности.

5. Развивать экспериментирование и моделирование.

6. Формировать обобщенные способы умственной работы.

7. Развивать прогностические навыки [7].

Среди современных технологий профориентационной работы педагогами-практиками рассматриваются следующие [7]:

1. Технология проектной деятельности (Л.С. Киселева, Т.А. Данилина, Т.С. Лагода, М.Б. Зуйкова) – основана на самостоятельной деятельности детей. В нее входят такие направления, как исследовательская, познавательная, продуктивная активность дошкольника. В процессе деятельности ребенок познает окружающий мир и создает реальные продукты.

2. Педагогическая технология организации сюжетно-ролевых игр (Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец, Р.И. Жуковская, Д.В. Менджерицкая, А.П. Усова, Н.Я. Михайленко). Включает такую организацию сюжетно-ролевых игр, которая содержит совместную деятельность и сотворчество в взрослых и детей, направленное на подготовку к игровому процессу. Сюда входят такие действия, как накопление содержания для игр, моделирование ситуаций, создание обстановки. В организованной таким образом игре осваиваются новые для ребенка умения и знания, создается возможность развития самостоятельности, инициативности, творчества.

3. Образовательная квест-технология. Направлена на решение конкретных образовательных задач. Реализуется через постановку нестандартных поисково-исследовательских задач, которые могут быть решены за счет использования разнообразных ресурсов и инструментов. Под игровым квестом обычно понимают сюжетную игру, в которой необходимо управлять героем и идти к поставленной цели по сюжету, попутно разгадывая различные головоломки, а, в случае необходимости, пользуясь всевозможными подсказками.

4. Технология интегрированного обучения (Л.А. Венгер, Е.Е. Кравцова, О.А. Скоролупова). Заключается в сочетании в деятельности как разнообразных организационных форм проведения занятий, так и включение в содержание знаний не о каком-то одном предмете, а об ряде связанных понятий.

5. ТРИЗ-технология. Основана на обучении детей алгоритму решения изобретательских задач, который предполагает, что решение идет планомерно, по четким логическим этапам: корректируется первоначальная формулировка задачи; строится модель; определяются имеющиеся вещественно – полевые ресурсы; составляется ИКР (идеальный конечный результат); выявляются и анализируются физические противоречия; прилагаются к задаче смелые, дерзкие преобразования.

ТРИЗ представляет собой научную технологию творчества, направленную на сознательное управление подсознатель-

ными процессами. Поэтому эффективное использование ТРИЗ-технологий возможно только после серьезной и длительной подготовки.

6. STEM – технологии, направление, связанное с внедрением перспективных инновационных образовательных технологий и методов. Основной метод обучения – проектный, для решения реальных задач привлекаются ресурсы разных предметов. STEM-образование позволяет использовать научные методы, технические приложения, математическое моделирование, инженерный дизайн.

7. Информационно-коммуникационные технологии. В контексте профориентационной работы понимается как наиболее широкое применение средств ИКТ в профориентационной работе. Может применяться в качестве средств наглядности (видео-, аудиоматериалы, иллюстрации), средств организации деятельности (электронные игры, квесты), средств контроля результатов (игровые тесты, интерактивные средства проверки знаний) и пр.

8. Здоровьесберегающие технологии как основа всей образовательной деятельности ДОО [7].

Развивающая предметно-пространственная среда, сопровождающая применение данных технологий, может включать следующие материалы.

Познавательная зона:

– накопительные папки,
– лепбуки,
– информационная газета,
– тематическая библиотека,
– тематическая видиотека.

Развивающая игротека:

– профессиональная одежда людей разных профессий,
– атрибуты для организации сюжетно-ролевых игр,
– развивающие игры профессиональной и экономической направленности.

Формы работы с родителями:

– Анкетирование;
– Родительское собрание;
– Консультации;
– Памятки;
– Рекомендации;
– Совместное изготовление атрибутов к сюжетно-ролевым играм, оформление альбомов;
– Организация экскурсий, наблюдений [7].

9. Технологии BabySkills.

Движение BabySkills является частью более крупного чемпионата WorldSkills, который представляет собой международное некоммерческое движение, направленное на повышение престижа рабочих профессий, повышение стандартов профподготовки через проведение региональных, национальных, мировых чемпионатов, континентальных первенств профессионального мастерства. Участниками чемпионатов разных уровней могут стать лица от дошкольного до зрелого возраста. BabySkills – одно из направлений организации данных чемпионатов, предполагает получение детьми дошкольного и младшего школьного возраста начальных навыков профессионального мастерства в разных профессиях и сферах деятельности через создание полигона ранних профориентационных проб.

Участие в проекте проходит в несколько этапов, первым из которых является получение представлений о профессии на базе дошкольной образовательной организации, далее – отработка профессиональных навыков в ДОО или на фестивальной площадке.

Структура знания и умений в каждой профессиональной области, которыми должен обладать дошкольник, регламентируется стандартом BabySkills, включает (в теоретической части) правила профилактики травматизма, обеспечения охраны жизни и здоровья, первоначальные знания о профессии, (в практической части) первоначальные умения в области профессии, а также SoftSkills (сквозные представления, умения).

В практике отмечают следующие проблемы в реализации ранней профориентации детей:

1. Отсутствуют задачи развития интереса к технике и формирования представлений о людях, работающих с техникой.

2. Трудовые умения, формируемые в детском саду (например, изготовление объемных игрушек) не получают развития на более поздних звеньях обучения (в первом классе) и, соответственно, утрачиваются.

3. В формировании общетрудовых умений дошкольников недостаточно применяется такая форма организации деятельности, как ролевая игра.

4. Узость предоставляемой информации о содержании деятельности взрослых. Приоритет отдается сфере обслуживания и строительства.

5. Недостаточная работа с мотивационной сферой дошкольника. Могут наблюдаться такие мотивы «выбора профессии», как «нравится», «хочу быть красивой», «чтобы денег много получать».

6. Недостаточная реализация регионального компонента: дети не представляют содержание профессий взрослых конкретного экономического района.

7. Негативное отношение детей к рабочим профессиям, отсутствие понимания их ценности для общества.

8. Отсутствие представлении об элементах производительного труда (планирование, организация рабочего места).

9. Отсутствие представлений о связи профессии с социально значимыми качествами человека (инициативность, эрудиция, находчивость) [3; 5].

Данные характеристики могут быть положены в основу проектирования процесса ранней профориентации в ДОУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70412244/
2. Евдокимова В. Е. Использование цифровых образовательных ресурсов в формировании представлений об окружающем мире у детей старшего дошкольного возраста // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Том 5. №6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/74PDMN617.pdf Загл. с экрана.
3. Емелина О.И. Ранняя профориентация дошкольников: «BABY SKILLS» по стандартам WSR // Красноярский педагогический колледж №2. URL: http://pedcollege.ru/wp-content/uploads/2015/12/BABY-SKILLS.pdf
4. Кондрашов В.П. Формирование представлений о мире профессий в условиях игровой деятельности дошкольников: Автореф. дис. … к. пед. н. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. 23 с.
5. Концепция сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования и стратегии развития системы сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в 2015-2020 гг. / Блинов В.И., Сергеев И.С. и др. // ФГАУ «Федеральный институт развития образования». URL: http://eduidea.ru/communities/14/publics/44
6. Красновский Л. И. Опыт ранней профориентации // Дошкольное воспитание. 1991. №10. С. 39-44.
7. Кузнецова Г. Н. Ранняя профориентация в дошкольном образовании: сущностные характеристики // Современные проблемы науки и образования. 2019. №2. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28683
8. Логинова В.И., Мишарина Л.А. Формирование представлений о труде взрослых // Дошкольное воспитание. 1978. №10. С. 56-63.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii ot 17 oktjabrja 2013 g. № 1155 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovanija» // Informacionno-pravovoj portal Garant.ru. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70412244/
2. Evdokimova V. E. Ispol'zovanie cifrovyh obrazovatel'nyh resursov v formirovanii predstavlenij ob okruzhajushhem mire u detej starshego doshkol'nogo vozrasta // Internet-zhurnal «Mir nauki». 2017. Tom 5. №6. URL: https://mir-nauki.com/PDF/74PDMN617.pdf Zagl. s jekrana.
3. Emelina O.I. Rannjaja proforientacija doshkol'nikov: «BABY SKILLS» po standartam WSR // Krasnojarskij pedagogicheskij kolledzh №2. URL: http://pedcollege.ru/wp-content/uploads/2015/12/BABY-SKILLS.pdf
4. Kondrashov V.P. Formirovanie predstavlenij o mire professij v uslovijah igrovoj dejatel'nosti doshkol'nikov: Avtoref. dis. … k. ped. n. Saratov: Izd-vo SGU, 2001. 23 s.
5. Koncepcija soprovozhdenija professional'nogo samoopredelenija obuchajushhihsja v uslovijah nepreryvnosti obrazovanija i strategii razvitija sistemy soprovozhdenija professional'nogo samoopredelenija obuchajushhihsja v 2015-2020 gg. / Blinov V.I., Sergeev I.S. i dr. // FGAU «Federal'nyj institut razvitija obrazovanija». URL: http://eduidea.ru/communities/14/publics/44
6. Krasnovskij L. I. Opyt rannej proforientacii // Doshkol'noe vospitanie. 1991. №10. S. 39-44.
7. Kuznecova G. N. Rannjaja proforientacija v doshkol'nom obrazovanii: sushhnostnye harakteristiki // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2019. №2. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28683
8. Loginova V.I., Misharina L.A. Formirovanie predstavlenij o trude vzroslyh // Doshkol'noe vospitanie. 1978. №10. S. 56-63.

Поступила в редакцию 23.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Лосева И.И., Миронова Е.Н., Миронов А.В. Современные технологии формирования ранней профориентации у детей в условиях ДОО // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 83-88. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Loseva.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892971
УДК 376.112.4

Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф.

Мартынова Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129. E-mail: anna.ido@yandex.ru.
Романенкова Дарья Феликсовна, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129. E-mail: droman@csu.ru.

Тьюторское сопровождение инклюзивного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в организациях среднего профессионального и высшего образования

Аннотация. В работе рассмотрена перспективная педагогическая технология индивидуального сопровождения инклюзивного профессионального среднего и высшего образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, связанная с индивидуализацией этого процесса и его регуляцией. Целью этой технологии является помощь учащимся с различными образовательными потребностями и возможностями в достижении установленного стандарта образования, оказываемая им сугубо индивидуально личным наставником, тьютором. В аспекте данного исследования тьютор – это специалист, который организует условия для успешной интеграции инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательную и социальную среду. Систематизированы организационные, методические и психолого-педагогические аспекты деятельности тьютора. Характеризуется функционал деятельности тьютора на практическом примере Челябинского государственного университета.
Ключевые слова: высшее образование, среднее профессиональное образование, инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование, сопровождение, тьютор.

Martynova E.A., Romanenkova D.F.

Martynova Elena Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chelyabinsk State University, 454001, Russia, Chelyabinsk, Br. Kashyrinych st., 129. E-mail: anna.ido@yandex.ru.
Romanenkova Daria Feliksovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University, 454001, Russia, Chelyabinsk, Br. Kashyrinych st., 129. E-mail: droman@csu.ru.

Tutor support for inclusive education persons with limited health possibilities and persons with disabilities in organizations of secondary professional and higher education

Abstract. The paper considers a promising pedagogical technology for individual support of inclusive professional secondary or higher education for persons with disabilities and the disabled associated with the individualization of this process and its regulation. The goal of this technology is to help students with different educational needs and opportunities to achieve a set educational standards, provided to them

individually by a personal mentor, tutor. In the context of this study tutor is a specialist who organizes conditions for the successful integration of disabled people and persons with disabilities into the educational and social environment. The organizational, methodological, psychological and pedagogical aspects of the tutor's activity are systematized. The functional of the tutor's activity is given on the practical example of Chelyabinsk state University.
Key words: higher education, secondary professional education, persons with disabilities, persons with limited health possibilities, inclusive education, Tutor support, tutor.

Инклюзивное обучение инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – с ОВЗ) в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования требует постоянного внимания к этому процессу, с одной стороны, преподавателей, методистов, мастеров производственного обучения, с другой стороны, – специалистов, которые занимаются вопросами индивидуального сопровождения обучения лиц с ОВЗ и инвалидов. Система сопровождения обучающихся с ОВЗ и обучающихся инвалидов включает в себя следующие меры: изучение на основе индивидуального подхода их образовательного потенциала; определение проблем и поиск возможных путей решения; выработку программы совместных действий заинтересованных участников образовательного процесса; контроль ее реализации и коррекция; индивидуальное наставничество подопечных и оказание необходимой помощи.

Для обучающихся с ОВЗ и инвалидов рекомендуется обеспечить индивидуальное организационно-педагогическое, психолого-педагогическое, профилактически-оздоровительное и социальное сопровождение учебного процесса [4, 5].

Организационно-педагогическое сопровождение должно содействовать своевременному и качественному прохождению учебы в соответствии с графиком учебного процесса в условиях инклюзивного обучения. С этой целью рекомендуется разработка индивидуальной программы сопровождения образовательного процесса на основе рекомендаций медико-социальной экспертизы или индивидуальной программы реабилитации или абилитации и изучения образовательного потенциала обучающегося, индивидуальный контроль своевременного и качественного освоения образовательной программы в соответствии с графиком учебного процесса, дополнительные индивидуальные консультации и занятия, организованные для оказания помощи в освоении учебного материала, объяснения и подкрепления содержания учебных дисциплин и выработки навыков к обучению в образовательной организации.

Психолого-педагогическое сопровождение является важнейшим компонентом системы индивидуального сопровождения обучения лиц с ОВЗ и инвалидов, так как именно через его механизмы осуществляется реализация гуманистического, личностно ориентированного подхода к личности обучающегося и его развитию, активного сотрудничества в плане изменения его собственной личностно-мотивационной сферы. Психолого-педагогическое сопровождение состоит в оказании индивидуальных консультаций и психологической поддержке обучающихся с ОВЗ или с инвалидностью в ситуациях личностных, межличностных и учебных затруднений, рекомендаций в части профессионального выбора и становления. Важным здесь является формирование индивидуального стиля работы, сутью которого является организация учебной деятельности обучающегося с ОВЗ или инвалида в соответствии с особенностями, возможностями и уровнем развития, совместный анализ содержания образовательного процесса, индивидуальных задач деятельности и сопоставление требований с возможностями обучающегося с ОВЗ или обучающегося инвалида, умение адекватно оценивать себя и свои достижения. В целях оптимизации

психолого-педагогического сопровождения и улучшения психологического климата рекомендуется проводить в учебных группах тренинги на сплочение, отработку навыков поведения в конфликтных ситуациях, а также психолого-педагогическую работу с целью исключения возможной изоляции обучающихся с ОВЗ и обучающихся инвалидов, организация для них групп поддержки среди обучающихся их же курса или группы.

Социальное сопровождение решает широкий спектр вопросов социального характера, от которых зависит успешная учеба инвалидов и лиц с ОВЗ в образовательной организации. Это содействие в решении бытовых проблем, проживания в общежитии, транспортных вопросов, социальные выплаты, выделение материальной помощи, вопросы стипендиального обеспечения, назначение именных и целевых стипендий различного уровня. Обучающимся с ОВЗ или с инвалидностью оказывается поддержка их участия в самоуправлении, в работе общественных организаций, в научной, творческой, спортивной жизни образовательной организации, в культурно-досуговой деятельности, участия в олимпиадах, творческих и профессиональных конкурсах. Для осуществления личностного, индивидуализированного социального сопровождения обучающихся инвалидов и обучающихся с ОВЗ внедряется такая активная форма сопровождения, как волонтерское движение среди студенчества.

Современные тенденции в организации индивидуального сопровождения инклюзивного профессионального среднего и высшего образования лиц с ОВЗ и инвалидов связаны с регуляцией этого процесса тьютором [2]. Тьютор – это специалист, который организует условия для успешной интеграции инвалидов и лиц с ОВЗ в образовательную и социальную среду. Тьютор в образовательной организации – это наставник, посредник, человек, который научит самостоятельно решать проблемы, переводить их в задачи, сопровождает, поддерживает образовательный процесс [3].

Тьютор «закреплен» за обучающимся с ОВЗ или обучающимся инвалидом и содействует в решении актуальных для подопечного жизненных задач, развитию компетентностей по рефлексии социального и образовательного опыта, самоопределению, самоорганизации, самообразованию. Тьютор осуществляет индивидуальную работу с обучающимися с ОВЗ и обучающимися инвалидами по выявлению, формированию и развитию их познавательных интересов, создает условия для индивидуализации процесса обучения, оказывает помощь обучающемуся в преодолении проблем и трудностей процесса образования и самообразования, в том числе при применении дистанционных технологий в обучении [1, 6]. При необходимости участвует в разработке адаптированных образовательных программ и учебного материала с опорой на ресурсы обучающегося с учетом его индивидуальных физических, психических особенностей. Важной задачей тьютора является проведение совместного с обучающимся с ОВЗ или обучающимся инвалидом рефлексивного анализа деятельности обучающегося и результатов, направленных на анализ выбора его стратегии в обучении, корректировку индивидуальных учебных планов.

Конечной целью этой технологии является достижение учащимися с различными образовательными потребностями и возможностями установленного стандарта среднего или высшего образования.

Приведем методику тьюторства, формируемую в Челябинском государственном университете. В начале обучения на каждого студента с ОВЗ или с инвалидностью заполняется анкета по выявлению его образовательных потребностей, которая в дальнейшем является основой для заявления о создании специальных условий обучения и индивидуальной программы сопровождения.

Должности «тьютор» как таковой нет в коллективном договоре и в штатном расписании университета, однако в 2019/20 году в штат Регионального учебно-методического центра университета

по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ (далее – Региональный центр) впервые приняты два ассистента, в функции которых входит сопровождение студентов с инвалидностью в учебном процессе, т.е. функции тьютора. Один ассистент-тьютор сопровождает обучение двух студентов математического факультета: одного с расстройством аутистического спектра, второго – с нарушением слуха. Другой ассистент-тьютор сопровождает обучение студентки факультета лингвистики и перевода, которая передвигается на кресле-коляске и в связи с этим посещает университет эпизодически. Основное взаимодействие студентки с преподавателями осуществляется с использованием онлайн и оффлайн технологий. Оба ассистента-тьютора одновременно являются преподавателями факультетов, на которых обучаются студенты.

Их функции состоят в следующем.

1. Координация действий учебного подразделения, преподавателей и студента с инвалидностью при организации образовательного процесса и создании необходимых условий обучения:

- доведение до сведения студента и предоставление необходимой информации по организации учебного процесса (расписание занятий, график встреч, его изменениях и т.д.);

- разъяснение на доступном для студента уровне инструкций по содержанию и выполнению разного рода практических и самостоятельных заданий, предоставляемых преподавателями;

- в случае возникновения у студента проблем, связанных с отсутствием возможности и навыков записи лекций или длительным отсутствием на занятиях по причине болезни, обеспечение студента необходимыми учебными материалами.

2. Подбор и использование наиболее эффективных приемов, форм и методов, образовательных технологий индивидуализации образовательного процесса с учетом состояния здоровья студента:

- определение (совместно с Региональным центром) форм предоставления учебной информации, доступных для восприятия, и других особенностей проведения занятий в соответствии с имеющимися ограничениями здоровья студента (нарушения слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, трудности устного общения, письма, трудности, связанные с соблюдением режима труда и отдыха и др.) и его индивидуальным темпом;

- информирование преподавателей и иных участников образовательного процесса об индивидуальных особенностях восприятия учебного материала студентом и необходимости создания специальных условий обучения.

3. Контроль за своевременным и качественным освоением образовательной программы студентами с инвалидностью и ОВЗ в соответствии с графиком учебного процесса, степенью усвоения содержания изучаемых курсов, дисциплин:

- систематическое отслеживание текущей учебной успеваемости студента;

- контроль за прохождением и результативностью промежуточной и итоговой аттестацией, а также при необходимости ее педагогическое сопровождение с учетом вида и степени нарушения здоровья.

4. Организация встреч, консультаций по текущим организационным и учебным вопросам с участием студента, тьютора-ассистента, преподавателей, специалистов Регионального центра и других необходимых или заинтересованных лиц:

- согласование с преподавателем, студентом и другими лицами, заинтересованными во встрече, консультации, числа, времени и места ее проведения;

- подготовка всей необходимой информации о студенте, его успеваемости, возникших трудностях.

5. Участие в разработке и реализации адаптированных образовательных программ студентов с ОВЗ и инвалидностью, индивидуального учебного плана и графика обучения (при необходимости):

- подготовка необходимой информации о студенте, его индивидуальных психофизиологических особенностях и образовательных потребностях, требующих

учета при организации образовательного процесса в вузе.

6. Ведение индивидуальной карты студента:

- систематическое заполнение индивидуальной карты студента с отраженными в ней сведениями о возникших в процессе обучения у студента трудностей и направлениях работы по их разрешению;

- предоставление заполненной индивидуальной карты студента в Региональный центр каждые три месяца.

Такая организация тьюторского сопровождения учебного процесса с учётом индивидуальных особенностей обучающихся с инвалидностью и обучающихся с ОВЗ позволяет создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого обучающегося и успешного достижения личностно значимых образовательных результатов в рамках учебного плана образовательной организации среднего или высшего профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аппакова Э. Г. Роль тьютора в воспитательно-образовательном процессе учреждения СПО // Среднее профессиональное образование. 2014. № 6. С. 6-8.
2. Горюнова Л. В., Мареев В. И., Тимченко Е. С. Тьюторство в инклюзивном образовании: теоретические основы и практика реализации: монография. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 118 с.
3. Зыбарева Н. Н., Карпенкова И. В., Кузьмина Е. В. Профессия тьютор: Информационно-методический бюллетень. М.: Городской ресурсный центр ИПИО МГППУ, 2012. 23 с.
4. Мартынова Е. А., Романенкова Д. Ф., Романович Н. А. Психолого-педагогическое сопровождение инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в вузе // Психолого-педагогическое сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в вузе. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 7-26.
5. Мартынова Е. А., Романенкова Д. Ф., Романович Н. А. Организация инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2016. 101 с.
6. Хайруллина А. Г. Готовность тьюторов к сопровождению обучения с использованием дистанционных технологий: результаты анкетирования преподавателей и студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки Т.6. № 3. Челябинск: ЮурГУ, 2014. С. 96-103.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Appakova Je. G. Rol' t'jutora v vospitatel'no-obrazovatel'nom processe uchrezhdenija SPO // Srednee professional'noe obrazovanie. 2014. № 6. S. 6-8.
2. Gorjunova L. V., Mareev V. I., Timchenko E. S. T'jutorstvo v inkljuzivnom obrazovanii: teoreticheskie osnovy i praktika realizacii: monografija. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 118 s.
3. Zybareva N. N., Karpenkova I. V., Kuz'mina E. V. Professija t'jutor: Informacionno-metodicheskij bjulleten'. M.: Gorodskoj resursnyj centr IPIO MGPPU, 2012. 23 s.
4. Martynova E. A., Romanenkova D. F., Romanovich N. A. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie invalidov i lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v vuze // Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie studentov s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja i invalidnost'ju v vuze. Chita: ZabGU, 2018. S. 7-26.
5. Martynova E. A., Romanenkova D. F., Romanovich N. A. Organizacija inkljuzivnogo obuchenija invalidov i lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v professional'nyh obrazovatel'nyh organizacijah. Cheljabinsk: Poligraf-Master, 2016. 101 s.

6. Hajrullina A. G. Gotovnost' t'jutorov k soprovozhdeniju obuchenija s ispol'zovaniem distancionnyh tehnologij: rezul'taty anketirovanija prepodavatelej i studentov // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki T.6. № 3. Cheljabinsk: JuurGU, 2014. S. 96-103.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Мартынова Е.А., Романенкова Д.Ф. Тьюторское сопровождение инклюзивного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в организациях среднего профессионального и высшего образования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 89-94. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/MartynovaRomanenkova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3892983
УДК 372.882

Мельцаев Д.М.

Мельцаев Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, 141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: dmelcaev@yandex.ru.

Формально-содержательные и контекстуальные основы изучения литературного произведения в начальной школе

Аннотация. В статье рассматриваются методические приёмы изучения литературно-художественного произведения в начальной школе с учётом содержания, формы и контекста. Обозначаются пути для выработки системы анализа произведения на уроках литературного чтения. Основы изучения художественного текста автор статьи связывает с тремя компонентами: контекст литературного произведения, содержание и форма. Литературный контекст предлагается соотносить с изучением сведений об авторе и временем создания произведения; категории содержания рекомендуется изучать с такими понятиями, как: тема, проблема, идея. Специфику художественной формы следует определять как соотношение признаков жанра, видов внешней и внутренней композиции, средств речевой образности и выразительности. Подчеркивается взаимообусловленность всех компонентов.
Ключевые слова: форма, содержание, контекст литературного произведения, анализ, литературное чтение, начальная школа.

Meltsaev D.M.

Meltsaev Dmitry Mikhailovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow State Region University, 141014, Russia, Moscow Region, Mytishi, Very Voloshinoy st., 24. E-mail: dmelcaev@yandex.ru.

Formal-substantive and contextual foundations of the study of literary works in elementary school

Abstract. The methodological methods of study literary works in elementary school are discussed in this article and the content, form and context are taken into account. The ways for the development of a system of analysis of a work at the lessons of literary reading are indicated. The author of the article connects the basics of study of the literary text with three components: context of literary work, content and form. It is proposed to correlate the literary context with the study of information about the author and the time of creation of the work: the categories of content are recommended to study with concepts such as: subject, problem, idea; the specifics of the art form should define as the relation of the characteristics of the genre, types of external and internal composition, means of verbal imagery and expressiveness. The interdependence of all components is emphasized.
Key words: form, content, context of literary work, analysis, literary reading, elementary school.

Методический выбор конкретных путей и принципов изучения литературно-художественного произведения во многом зависит от формально-содержательных уровней текста, его композиционных особенностей. В

данной статье мы рассмотрим компоненты художественной формы и содержания, а также литературного контекста с точки зрения выработки системы анализа литературного произведения в начальной школе.

Авторское литературно-художественное произведение тесно связано с внетекстовой действительностью – контекстом. В литературоведении контекст литературного произведения объясняется как «совокупность явлений, связанных с текстом художественного произведения, но в то же время внеположных ему» [3, с. 230].

В историко-литературном плане контекст связан с исследованием следующих явлений и фактов, связанных с произведением:

- время создания конкретного произведения, культурно-исторические процессы эпохи;
- другие произведения изучаемого автора (тем самым определяются интересующие писателя темы, проблемы, формы);
- творчество других писателей, живописцев, композиторов, философов (тем самым определяется характер осмысление изучаемой темы или проблемы другими представителя искусства той эпохи);
- процесс создания литературного произведения – творческая история;
- сведения о конкретном существовавшем факте (явлении, случае), отражённом в содержании произведения;
- прототипы литературных персонажей;
- данные о процессе работы над художественным текстом: рукописи, черновики, планы, первоначальные редакции, варианты, наброски;
- высказывания (мнение) самого автора о своём произведении из писем, мемуаров, дневников, статей и т.п.

Литературный контекст в практике изучения литературного произведения в начальной школе предполагает изучение следующих компонентов:

- Автор произведения (биография и биографические сведения из писем, воспоминаний, дневников писателя и его современников; интересные моменты из жизни писателя, его взгляды, круг общения, условия жизни; место создания произведения, отражение местной географии, диалекта; биографические сведения, связанные с изучаемым произведением, - при каких условиях создавалось произведение; взгляды писателя на жизнь и связанную с ней тему; творческие интересы, интересующие проблемы, другие произведения изучаемого автора).
- Дата написания произведения (что послужило основой для создания авторского сочинения; история возникновения произведения; наличие прототипа - конкретной исторической или современной личности, послужившей основой для образа в литературе; литературное направление эпохи; проблемы с изданием; отзывы критиков; место данного произведения в истории литературы).

Приступая к категориям содержания и формы, отметим, что с методологической точки зрения литературоведы часто рекомендуют начинать анализ художественного произведения с выделения в нём именно этих компонентов [3, с. 26-33].

В основе содержания литературно-художественного произведения лежит отраженная действительность, реальный мир, который входит в произведение преображенным творческим сознанием писателя.

Традиционно к категориям содержания относят тему, проблему, идею [7, с. 73-76].

Тема понимается как:

- объект художественного отражения;
- явления жизни, которые отражены в художественной литературе;
- то, о чем идет речь в произведении;
- жизненный материал, взятый для изображения;
- «система предметов и явлений окружающей действительности, положенные автором в основу произведения» [7, с. 73];
- «объект художественного отражения, те жизненные характеры и ситуации (взаимоотношения характеров, а также взаимодействия человека с обществом в целом, с природой, бытом и т.п.), кото-

рые как бы переходят из реальной действительности в художественное произведение и образуют объективную его сторону» [3, с. 34-35].

На уроках литературного чтения, при анализе темы целесообразно ставить следующие вопросы: интересна ли тема? Актуальна ли она? Связана ли с нашей жизнью? Связано ли с темой название?

Проблема литературного произведения - вопрос или вопросы, поставленные автором в произведении при раскрытии темы; рассматривание и осмысление темы под определённым углом зрения; выделение в теме актуальных, злободневных, значимых для писателя сторон.

Идея произведения – основная авторская мысль, заключённая в художественном тексте. В идее выражено отношение автора к изображенной в его произведении теме, действительности.

Объяснение идеи на уроках литературного чтения уместно начинать со следующих слов: «прочитав это произведение, мы утверждаемся в мысли о…», (далее идет определение идеи).

Форма литературного произведения – способ существования и передачи содержания произведения, способ оформления содержания. Форма - внешнее воплощение художественного произведения как сумма многих отдельных компонентов (жанра, композиции, языка).

Жанр – исторически сложившаяся форма (или вид) художественного произведения внутри литературного рода. Жанрообразующие признаки, изучаемые в начальной школе: объём произведения; способ повествования, описания, воспроизведения событий, явлений, система образов, героев; приёмы обрисовки, изобразительно-выразительные средства.

Композиция – это состав и определенное расположение частей, элементов, образов, изобразительных приемов произведения, создающих художественное целое в соответствии с авторским замыслом. Виды композиции: внешняя и внутренняя.

Внешняя композиция – внешнее устройство произведения. К её главным составляющим относят: книги, тома, главы, части, абзацы; акты, явления, сцены (для драматических произведений); ритм, метр, стих, строфа, рифма (стихотворные произведения); название произведения, пролог, эпилог, различные приложения и комментарии, предисловия, послесловия, посвящения, эпиграфы, авторские отступления, вставные эпизоды, вставные рассказы, письма, песни и т.п.

Внутренняя композиция предусматривает акцент на содержании произведения: построение сюжета, диалоги и монологи, система образов (героев), тип художественной речи (повествование, рассуждение, описание), художественные описания (портреты, пейзажи, интерьеры).

Важным аспектом анализа внешней композиции в начальной школе является работа над названием произведения (заглавиями), посвящением, членением текста (частями), эпиграфом, прологом, эпилогом [1, с. 8-14]. О специфике изучения в начальной школе стихотворного ритма, метра, стиха, строфы, рифмы смотрите работы Н.А. Кузнецовой, Д.М. Мельцаева, Л.И. Черемисиновой [4, 5, 8].

Во внутренней композиции целесообразно выделять следующие элементы:

1. Тип художественной речи (вид текста) - повествование, рассуждение, описание;

2. Конфликт в сюжете;

3. Сюжет и основные элементы сюжета: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка;

4. Система персонажей (главный герой, второстепенные персонажи, эпизодические)

- Характеристика главного героя (портрет; действия и поступки героя; прямая авторская характеристика; характеристика героя другими персонажами; психологический анализ; характеристика через изображение природы; характеристика посредством социальной среды, общества, в котором живет герой; описание предметов и явлений окружающей персонажа действительности (его дом, вещи, предметы, привычки); речь героя, наличие прототипа, говорящая фамилия);

- Характеристика второстепенных и эпизодических персонажей;

5. Диалог, монолог;

6. Пейзаж, интерьер.

О подходах к изучению композиции лирических стихотворных произведений смотрите статью Р.А. Евсеевой [2].

Язык в литературных произведениях является средством создания художественных образов. Слово в художественной литературе выполняет эстетическую функцию, обладает живостью и красочностью. Образность художественной речи достигается во многом путём использования слов в переносном значении.

Изучение языка литературного произведения в этом смысле направлено на рассмотрение лексических приёмов, средств, тропов, стилистических фигур (синонимы, антонимы, архаизмы, историзмы, неологизмы, диалектизмы, варваризмы, эпитет (традиционные эпитеты), сравнение (прямое, косвенное, отрицательное, бессоюзное, развёрнутое), метафора, олицетворение, аллегория, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, ирония, перифраза, анафора, эпифора, градация, антитеза, инверсия, оксюморон, аллитерация и др.).

В заключение отметим, что представленные приёмы изучения литературно-художественного произведения с учетом применения контекстуальных данных и разбора формально-содержательных составляющих могут послужить основой для составления примерной схемы анализа литературного произведения в начальной школе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детская литература. Выразительное чтение. Практикум: учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования / О. В. Астафьева, А. В. Денисова, И. Л. Днепрова и др.; под ред. Т. В. Рыжковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 320 с.
2. Евсеева Т. В. Трёхчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №11. С. 45-50.
3. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 11-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 248 с.
4. Кузнецова Н. А. Методика изучения основ стиховедения в начальной школе // Начальная школа. 2003. № 10. С. 16-26.
5. Мельцаев Д. М. Использование основ стиховедения в начальной школе // Инновационная деятельность в образовании: Материалы XIII Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Г.П. Новиковой. Ярославль-Москва: Канцлер, 2019. С. 625-633.
6. Методика преподавания русского языка в начальных классах: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Р. Львов, В. Г. Горецкий, О.
7. В. Сосновская. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 464 с.
8. Федосеева Т. В. Введение в литературоведение: учеб. пособие. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. 212 с.
9. Черемисинова Л. И. Изучение основ стиховедения в начальной школе: к проблеме формирования читательской компетентности младшего школьника // Филологическое образование в период детства. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. Т. 21. С. 119-130.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Detskaja literatura. Vyrazitel'noe chtenie. Praktikum: ucheb. posobie dlja stud. uchrezhdenij sred. prof. obrazovanija / O. V. Astaf'eva, A. V. Denisova, I. L. Dneprova i dr.; pod red. T. V. Ryzhkovoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2014. 320 s.

2. Evseeva T. V. Trjohchastnost' liricheskih stihotvorenij: k probleme metodiki analiza kompozicii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. №11. S. 45-50.
3. Esin A. B. Principy i prijomy analiza literaturnogo proizvedenija: ucheb. posobie. 11-e izd. M.: FLINTA: Nauka, 2013. 248 s.
4. Kuznecova N. A. Metodika izuchenija osnov stihovedenija v nachal'noj shkole // Nachal'naja shkola. 2003. № 10. S. 16-26.
5. Mel'caev D. M. Ispol'zovanie osnov stihovedenija v nachal'noj shkole // Innovacionnaja dejatel'nost' v obrazovanii: Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshhej redakciej G.P. Novikovoj. Jaroslavl'-Moskva: Kancler, 2019. S. 625-633.
6. Metodika prepodavanija russkogo jazyka v nachal'nyh klassah: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij / M. R. L'vov, V. G. Goreckij, O.
7. V. Sosnovskaja. 3-e izd., ster. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2007. 464 s.
8. Fedoseeva T. V. Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie. Rjazan': Rjaz. gos. un-t im. S.A. Esenina, 2011. 212 s.
9. Cheremisinova L. I. Izuchenie osnov stihovedenija v nachal'noj shkole: k probleme formirovanija chitatel'skoj kompetentnosti mladshego shkol'nika // Filologicheskoe obrazovanie v period detstva. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2014. T. 21. S. 119-130.

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Мельцаев Д.М. Формально-содержательные и контекстуальные основы изучения литературного произведения в начальной школе // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 95-99. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Meltsaev.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893016
УДК 372.881.1

Меркулова О.Р.

Меркулова Оксана Рудольфовна, МБОУ СОШ №10, 141018, Россия, Московская область, г. Мытищи, Новомытищинский проспект 88/5. E-mail: ksy70@bk.ru.

Литературоведческие основы анализа художественного произведения в начальной школе

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о специфике литературоведческих основ анализа текста художественного произведения в начальной школе. Пути анализа художественного текста на уроках литературного чтения представлены с учетом нескольких исследовательских позиций: литературное произведение как вид искусства; литературное направление; жанр; тема; идейный замысел произведения; речевые средства выразительности (тропы и стилистические фигуры); художественный стиль; композиция и структурные элементы текста (сюжет, элементы сюжета, система образов); воспитательное значение произведения. Выдвигается следующий тезис: обучение младших школьников основам литературоведческого анализа способствует скорому, эффективному и всестороннему развитию личности учащихся.
Ключевые слова: литературоведческий анализ, метод, художественный стиль речи, идея, тема, авторский замысел.

Merkulova O.R.

Merkulova Oksana Rudolfovna, Municipal Budget Educational Institution Secondary Comprehensive School No. 10, 141018, Russia, Moscow region, Mytischi, Novomytischinsky pr, 88/5. E-mail: ksy70@bk.ru.

Literary research bases of analysis of artwork in elementary school

Abstract. The article considers the specifics of the literary foundations of the analysis of the text of a work of art in elementary school. Path analysis of the art text at lessons of literary reading presented by several research positions: the literary work as an art form; literature; genre; subject; the idea of the work; speech AIDS (trails and stylistic figures); artistic style; composition and structural elements of a text (plot, story elements, image system); educational value of the work. The thesis is put forward that teaching elementary students the basics of literary analysis contributes to the rapid and effective comprehensive development of the personality of students.
Key words: literary analysis, method, artistic style of speech, idea, theme, author's intention.

В настоящее время все больше усиливается интерес в школьном образовании к анализу текстов художественной литературы. Такое внимание отчасти объясняется эффективностью современных педагогических методов и подходов, позволяющих проводить литературоведческий анализ художественных текстов, начиная с начальной школы.

Текст художественной направленности чаще всего создан с целью повествования и описания того или иного явления окружающей действительности. Через непосредственное взаимодействие с текстом художественного произведения чи-

татель может погрузиться в «идеальный» вымышленный мир, который представлен исключительно сквозь авторское видение мира и его воображение.

Литературовед Е.В. Джанджакова определяет специфику художественного текста следующим образом – «художественный текст позволяет читателю заметить не только то, о чем говориться в тексте, но и то, каким образом это сказано и подано в тесте» [3, с. 234].

Художественный текст рассматривается с позиции непосредственного отношения к художественному стилю речи. На основе этого можно говорить о его основных признаках, которые сводятся к следующим:

Система художественных средств выразительности. Тропы и фигуры речи – эпитеты, сравнения, метафоры, аллегории, анафоры, гиперболы, литоты, инверсии, перифраз, синекдоха, оксюморон и др.

Использование в художественных текстах подобных выразительных средств способствует насыщению текста в лексическом аспекте, помогает автору придать тексту неповторимость, оригинальность и специфичность в плане повествовательной манеры.

Эмоциональность текста художественного произведения. Посредством обращения определенного автора к художественному стилю учитывается возможность создания определенной эмоциональной гаммы текста, настроения, которое будет ощущаться в тексте через его прочтение.

Также имеется возможность не только передачи автором своих собственных эмоций, чувств и настроения, но и рождению у читателей этих эмоций и настроений. Таким образом, читатель может судить о специфической картине мира и мировоззрении самого автора.

Целостность текста художественного произведения. Необходимо отметить, что определенные структурные элементы текста весьма взаимосвязаны и представляют собой цельную систему, так называемый целостный комплекс структурных элементов. Так, обязательным и характерным условием для любого художественного текста является наличие авторской идеи и его замысла. В художественном тексте важно буквально каждое предложение. К примеру, если исключить одно предложение можно потерять смысл всего текста.

В словаре литературоведческих терминов дается объяснение, что анализ представляет собой один из основных и самых популярных методов исследования текстов художественных произведений [5, с. 23].

Различные ученые приводят разнообразные способы проведения литературоведческого анализа.

Так, к примеру, А.Б. Есин в своей работе «Принципы и приемы анализа литературного произведения» отмечает двоякость цели анализа:

- во-первых, описание свойств и особенностей, присущих отдельным элементам и частям произведения;

- во-вторых, установление объективного состава и структуры всего целого (произведения) [4, с. 24]. Аналитическая работа, по сравнению с синтезом, понимается как более объёмный и первостепенный этап научного изучения произведения.

Приведем основные принципы литературоведческого анализа:

1. Текст художественного произведения – это элемент искусства, который должен изучаться в соответствии с историческим и культурным аспектом своего времени [1, с. 109].

2. Исследователю важна информация о литературном направлении, жанровом своеобразии, идейно-композиционном плане, системе образов и персонажей, действующих главных и второстепенных лиц. Словом, для проведения полного литературоведческого анализа того или иного художественного произведения необходимо владеть материалом, прямо относящегося к художественному своеобразию изучаемого литературного произведения.

3. Важной является работа в плане анализа авторской позиции и замысла,

которые позволяют говорить о картине мира писателя, о принципах и специфики его мировосприятия и мировоззрения.

4. Необходимо доскональное изучение самого содержания художественного текста.

Литературоведческий анализ способствует подробному изучению текстов художественных произведений с разных сторон, подвергая рассмотрению самые важные аспекты исследования.

Среди необходимых для анализа компонентов выделяют следующие: автор произведения, тема, проблематика, идея, род и жанр, композиция, сюжет, главный герой, второстепенные и эпизодические персонажи, язык литературного произведения (художественная речь), нравственная ценность и воспитательное значение [7, с. 154-156].

Целью литературоведческого анализа художественного произведения на уроках литературного чтения в начальных классах является осознание младшими школьниками основной идеи и темы текста, выявление авторской позиции и подробное рассмотрение характеров персонажей и главных действующих лиц произведения.

Спецификой обучения литературоведческому анализу младших школьников, начиная со 2-го класса, считается интерпретация, анализ и исследование именно текста, в котором описывается та или иная жизненная ситуация, а не сама окружающая младшего школьника жизнь.

Необходимо отметить, что прибегать к работе над литературоведческим анализом художественного текста следует только после подробного изучения произведения, первичного и вторичного его прочтения младшими школьниками. Именно тогда у школьников формируется особое эмоциональное отношение к тексту, его героям, ситуациям, изображенных в произведении.

Литературоведческий анализ, прежде всего, направлен на:

– формирование и закрепление эмоционального восприятия произведения;

– коррекцию и углубление первичного восприятия текста произведения;

– развитие личности младших школьников, а именно на формирование и становление в их сознании морально-нравственных и духовных ценностей [2, с. 67].

Приведем основные требования к литературоведческому анализу текстов художественных произведений для начальных классов:

Анализ должен быть избирательным. На уроке разбираются не все элементы произведения, а те, которые в данном произведении наиболее ярко выражают идею.

Анализ должен учитывать жанровые особенности произведения.

Школьный анализ должен способствовать общему и литературному развитию младших школьников, формировать у них систему специальных умений, необходимых для полноценного восприятия произведения.

Правильно организованный анализ текста способствует совершенствованию навыка чтения (анализ требует многократного прочитывания текста).

Вопросы ставятся так, что младший школьник не сможет на них ответить, если не будет работать непосредственно с текстом самого произведения.

Задавая вопросы, учитель создает речевую ситуацию, тем самым побуждает ребенка к высказыванию [2, с. 71].

В процессе анализа дети проходят долгий путь поиска, отстаивают свою точку зрения, учатся понимать людей. Таким образом, литературоведческий анализ способствует решению основной задачи школы – развитие всесторонней личности ребенка.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

- для детального и всестороннего изучения литературно-художественного произведения как вида искусства необходимо обращаться в начальной школе к литературоведческому анализу;

- под литературоведческим анализом подразумевается детальное обращение к

тексту произведения как структуре, подробный анализ всех его уровней (содержательных и формальных);

- работу с текстом следует связывать с процессом целенаправленного формирования у младших школьников системы литературоведческих умений, необходимых для полноценного восприятия, понимания и анализа произведения;

- обращение к литературным произведениям в школе должно преследовать воспитательные цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. Изд. 2-е, испр. М.: Высшая школа, 2005. 286 с.
2. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение: Кн. для учителя. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. 197 с.
3. Джанджакова Е. В. Стилистика художественного прозаического текста. (Структурно-семантический аспект): учеб. пособ. для слушателей факультета переводческого мастерства и студентов переводческого факультета. М.: Московский ордена Дружбы народов гос. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1990. 92 с.
4. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. 11-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 248 с.
5. Краткий словарь литературоведческих терминов: Кн. для учащихся / Абрамович Г.Л., Аникин В.П., Беленький Г.И. и др.; Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1985. 208 с.
6. Мельцаев Д. М. Использование основ стиховедения в начальной школе // Инновационная деятельность в образовании: Материалы XIII Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Г.П. Новиковой. М.-Ярославль: Канцлер, 2019. С. 625-633.
7. Мельцаев Д. М. Практико-ориентированный характер преподавания детской литературы // Обучение и развитие детей младшего школьного возраста: сборник статей / отв. ред. М.Б. Зацепина; под общ. ред. О.Г. Мурзаковой, Е.К. Брыкиной. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 150-158.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi: ucheb. posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po filol. special'nostjam. Izd. 2-e, ispr. M.: Vysshaja shkola, 2005. 286 s.
2. Grehnev V. A. Slovesnyj obraz i literaturnoe proizvedenie: Kn. dlja uchitelja. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj centr, 1997. 197 s.
3. Dzhandzhakova E. V. Stilistika hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta. (Strukturno-semanticheskij aspekt): ucheb. posob. dlja slushatelej fakul'teta perevodcheskogo masterstva i studentov perevodcheskogo fakul'teta. M.: Moskovskij ordena Druzhby narodov gos. in-t inostr. jaz. im. Morisa Toreza, 1990. 92 s.
4. Esin A. B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija: uchebnoe posobie. 11-e izd. M.: FLINTA: Nauka, 2013. 248 s.
5. Kratkij slovar' literaturovedcheskih terminov: Kn. dlja uchashhihsja / Abramovich G.L., Anikin V.P., Belen'kij G.I. i dr.; Red.-sost. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. 2-e izd., dorab. M.: Prosveshhenie, 1985. 208 s.
6. Mel'caev D. M. Ispol'zovanie osnov stihovedenija v nachal'noj shkole // Innovacionnaja dejatel'nost' v obrazovanii: Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod obshhej redakciej G.P. Novikovoj. M.-Jaroslavl': Kancler, 2019. S. 625-633.
7. Mel'caev D. M. Praktiko-orientirovannyj harakter prepodavanija detskoj literatury // Obuchenie i razvitie detej mladshego shkol'nogo vozrasta: sbornik statej / otv. red. M.B. Zacepina; pod obshh. red. O.G. Murzakovoj, E.K. Brykinoj. M.: IIU MGOU, 2018. S. 150-158.

Поступила в редакцию 27.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Меркулова О.Р. Литературоведческие основы анализа художественного произведения в начальной школе // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 100-104. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Merkulova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893033
УДК 372.881.116.11

Динь Тхуй Нган

Динь Тхуй Нган, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6. E-mail: ngan.dinhthuy@gmail.com.

Использование аутентичных текстов в обучении аудированию русской речи вьетнамских студентов-филологов: теоретический аспект

Аннотация. В статье рассматривается проблема эффективности использования аутентичного текста в обучении аудированию вьетнамских студентов-филологов. В ходе анализа дается характеристика аутентичным аудиотекстам как средству формирования и развития аудирования. Анализируется роль многообразия источников звукового материала в аудировании. Рассматриваются принципы отбора учебного аудиоматериала, предлагаются способы преодоления трудностей, возникающих на начальном этапе обучения в ходе аудирования вьетнамскими студентами-филологами аутентичного русскоязычного текста.
Ключевые слова: методика преподавания русского языка, аудирование, аутентичный текст, вьетнамские студенты-филологи, начальный этап.

Dinh Thuy Ngan

Dinh Thuy Ngan, post-graduate, The Pushkin State Russian Language Institute, 117485, Russia, Moscow, Akademika Volgina, 6. E-mail: ngan.dinhthuy@gmail.com.

The use of authentic audio texts in teaching listening skill of Russian language to Vietnamese students-philologists: theoretical aspect

Abstract. The paper considers the issue of effectiveness, the importance of the use of the authentic audio text in teaching listening skills and suggests methods to overcome the difficulties during listening to authentic audio text of Vietnamese students-philologists at the initial stage. In the course of the analysis, the characteristic of authentic audio text as a means of formation and development of listening is given. The role of a variety of audio material sources in listening is analyzed. The principles of educational audio materials selection are considered, and ways to overcome the difficulties that arise at the initial stage of training during listening by Vietnamese students of Philology to an authentic Russian-language text are suggested.
Key words: Russian language teaching methodology, listening skills, authentic text, Vietnamese students-philologists, the initial stage.

В условиях глобализации, которая ведет к увеличению скорости и объемов передаваемой информации, интенсификации межкультурных контактов возрастает потребность в обучении иностранному языку. Важным условием такого обучения выступает аудирование, умение воспринимать и понимать иноязычные речевые сообщения на слух [2, с. 166]. В этой связи возникает

вопрос о том, какие аудиоматериалы могут и должны быть использованы в ходе изучения иностранного языка. Этим определяется актуальность настоящего исследования.

Проблема аудирования не является новой в науке. К изучению данной проблемы обращались такие ученые, как А. Р. Лурия, Н. В. Елухина, И. И. Халеева, И. А. Зимняя, Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, G. Brown, A. Anderson, T. Lynch, M. Rost, J. C. Richards. В условиях развития технических средств передачи информации аудирование стало предметом исследования Д.В. Агаповой, А.Е. Михиной, Д.Л. Морозова, Д.В. Поздняк, В.А. Потемкиной и других ученых. Эти исследователи обратили внимание на возможности техники и технологий в процессе формирования умений и стратегий аудирования, развития психологических механизмов речевой деятельности, формирования навыков социолингвистического характера.

Аудирование относится к рецептивному виду речевой деятельности, направленному на восприятие информации, передаваемой в звучащей речи. С точки зрения современной методики преподавания, в обучении иностранному языку, в частности, русскому языку, аудирование играет важнейшую роль. В учебном процессе оно является не столько целью, сколько средством обучения. Ключевым здесь выступает формирование аудитивных навыков, умения воспринимать речевые сообщения, выделять главное в них, запоминать речевой материал, развивать речевые умения, слуховую память. В то же время аудирование даёт возможность овладеть звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией: ритмом, ударением, мелодикой. Через аудирование осуществляется усвоение лексической стороны языка и его грамматической структуры.

Согласно программе подготовки специалистов по иностранным языкам в языковых вузах Вьетнама, полный четырехлетний курс разбивается на два этапа: начальный и завершающий. При обучении русскому языку вьетнамских студентов-филологов начальный этап охватывает два первых года четырехлетнего обучения. Данный этап, по мнению специалистов, считается самым важным, поскольку он во многом определяет дальнейшее изучение русского языка. По нашему мнению, при обучении русскому языку студентов-филологов во вьетнамских вузах на начальном этапе аудирование оказывается наиболее сложным видом речевой деятельности. В связи с этим возникает необходимость повышения эффективности обучения аудированию русской речи, что требует от методистов-преподавателей квалифицированных решений, в том числе методически правильного отбора звучащего материала (аудиотекста).

Аудиотекст является не только основным источником информации, но и средством организации при обучении восприятию речи на слух. Черкашина А. И. под аудиотекстом понимает «сообщение, которое поступает через звуковой канал, обладает рядом языковых, структурно-композиционных, стилистических и жанровых особенностей» [3, с. 37]. Рассмотрим некоторые виды аудиотекстов. Адаптированными и смоделированными считаются тексты, специально разработанные преподавателями-практиками для обучения иностранному языку с учетом педагогических целей, индивидуальных особенностей учащихся, уровня их владения языком и т.д.

В отличие от адаптированных и смоделированных текстов, аутентичные являются продуктом реальной, практической речевой деятельности носителей иностранного языка [1, с. 25-26]. Одним из требований аудирования иноязычной речи является наличие аутентичных материалов, содержащих страноведческую информацию, сведения о повседневных реалиях жизни той страны, язык которой изучается. Такой материал, воспринимаемый на слух, более интересен, привлекателен и стимулирует студентов к изучению языка. Аутентичные тексты позволяют студентам не только услышать речь различных носителей языка, но и

дают возможность познакомиться с некоторыми особенностями страны изучаемого языка. Поэтому аутентичные языковые материалы, которым присущи фонетические, лексические, грамматические и стилистические особенности, являются необходимым компонентом учебного процесса на каждом этапе обучения.

При обучении аудированию вьетнамских студентов-филологов использование аутентичных текстов становится эффективным, если учитываются такие факторы, как профессионально-информативные компоненты, новизна звучащего текста, его доступность с точки зрения языковой формы и содержания. Кроме того, они должны соответствовать как уровню владения языком учащимися, так и содержанию учебного процесса. Иными словами, аудиоматериал должен выбираться с учетом потребностей и интересов учащихся.

На начальном этапе обучения русскому языку вьетнамским студентам-филологам рекомендуется предлагать упрощенные аудиотексты. Они могут быть: собственно-аутентичными текстами (прогноз погоды, объявления и т.д.); учебно-аутентичными, то есть созданными носителями языка специально для целей обучения или адаптированными к учебному процессу собственно-аутентичными.

Таким образом, аутентичные аудиотексты, используемые на начальном этапе для обучения восприятия русской речи на слух должны отвечать ряду требований, среди которых: обеспечение формирования аудитивных навыков и умений; соответствие тематики аудиотекстов потребностям и интересам учащихся; культуро-страноведческое содержание материала, который должен быть понятным и доступным для студентов на начальном этапе обучения

В процессе обучения аудирование может быть ограничено рядом факторов, к числу которых следует отнести: языковая форма сообщения; условия речевосприятия; индивидуальные особенности источника речи; особенности восприятия того или иного вида речи; степень владения социолингвистической и социокультурной компетенциями.

Вьетнамский язык не является родственным русскому языку, поэтому при обучении аудированию русской речи вьетнамские русисты также сталкиваются с трудностями лингвистического (трудности на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях) и экстралингвистического (трудности, связанные с межкультурной интерференцией) характера. Указанные факторы следует учитывать преподавателям-практикам в работе с вьетнамской аудиторией, поскольку преодоление действия данных факторов выступает условием эффективности обучения аудированию.

С целью преодоления ограничений, вызванных перечисленными факторами, в обучении вьетнамских студентов-филологов методистам-преподавателям рекомендуется использовать аутентичные тексты продолжительностью 6-8 минут, со средним темпом речи, с увеличением пауз между смысловыми отрезками, с количеством неизвестных слов не более 4%. Важным условием эффективности обучения аудирования выступают материалы, используемые в других учебных дисциплинах. Применение таких материалов способствует формированию и развитию аудитивных навыков и умений.

Аутентичный звучащий материал должен соответствовать условиям реального общения, а также выполнять воспитательную функцию. Важно отметить, что применение технических средств в ходе обучения аутентичному звуковому тексту играет не последнюю роль. Учащийся получает доступ к аудированию из разных источников: интернета, телевидения, радио и т.д. Многообразие этих источников не только вызывает большой интерес у учащихся, но и способствует усвоению учебного материала.

Таким образом, данные методические требования являются необходимыми для эффективного слушания, восприятия и понимания аутентичного русского языкового материала на начальном этапе обучения вьетнамских студентов-филологов.

Использование в учебном процессе аутентично звучащих текстов вводит учащихся в реальную ситуацию общения, позволяет понять стоящую в момент общения коммуникативную задачу, что повышает уровень знаний языка обучающегося, способствует усвоению языкового материала, влияет на эффективность коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1977. 213 с.
3. Черкашина А. И. Проблема содержания и структуры пособия по обучению аудированию иноязычных текстов по специальности (неязыковые вузы). Благовещенск: Издательство БГПУ, 2006. 204 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Azimov Je. G., Shhukin A. N. Novyj slovar' metodicheskih terminov i ponjatij: (teorija i praktika obuchenija jazykam). M.: Izdatel'stvo IKAR, 2009. 448 s.
2. Passov E. I. Osnovy metodiki obuchenija inostrannym jazykam. M.: Russkij jazyk, 1977. 213 s.
3. Cherkashina A. I. Problema soderzhanija i struktury posobija po obucheniju audirovaniju inojazychnyh tekstov po special'nosti (nejazykovye vuzy). Blagoveshhensk: Izdatel'stvo BGPU, 2006. 204 s.

Поступила в редакцию 12.05.2020.
Принята к публикации 15.05.2020.

Для цитирования:
Динь Тхуй Нган Использование аутентичных текстов в обучении аудированию русской речи вьетнамских студентов-филологов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 105-108. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/DinhThuyNgan.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893052
УДК 372.881.1

Рябова Т.В., Торосян С.Г.

Рябова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, 350090, Россия, г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 135. E-mail: tryabova_61@mail.ru.
Торосян Сатеник Геворговна, преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, 350090, Россия, г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 135. E-mail: mara9910@bk.ru.

Мультимедийные технологии как средство повышения эффективности обучения иностранному языку

Аннотация. Успехи и перспективы обучения иностранному языку в вузе связаны с разработкой и внедрением в учебный процесс новых информационных технологий. В статье описываются преимущества применения мультимедийных технологий при формировании коммуникативной компетенции обучающихся. Рассматриваются презентация и компьютерный тест как разновидности мультимедийных средств обучения.
Ключевые слова: инновационное обучение, мультимедийная технология, средство обучения, презентация, компьютерный тест, электронный учебник.

Ryabova T.V., Torosyan S.G.

Ryabova Tatyana Vasilievna, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, Krasnodar Air Force Institute for Pilots, 350090, Russia, Krasnodar, Dzerzhinskiy st., 135. E-mail: tryabova_61@mail.ru.
Torosyan Satenik Gevorgovna, Teacher, Foreign Languages Department, Krasnodar Air Force Institute for Pilots, 350090, Russia, Krasnodar, Dzerzhinskiy st., 135. E-mail: mara9910@bk.ru.

Multimedia technologies as a means of improving the effectiveness of foreign language teaching

Abstract. The success and prospects of teaching a foreign language at a university are related to the development and implementation of new information technologies in the educational process. The article describes the advantages of using multimedia technologies in the formation of students' communicative competence. Presentation and computer test are considered as varieties of multimedia teaching aids.
Key words: innovative training, multimedia technology, teaching aids, presentation, computer test, electronic textbook.

Традиционно обучение иностранному языку предполагает передачу определенных знаний о языке и формирование необходимых навыков и умений во всех видах речевой деятельности. В соответствии с компетентностным подходом целью иноязычного обучения в неязыковом вузе признается формирование коммуникативной компетенции, которая предполагает способность «решать профессиональные задачи с использованием английского языка» (ПК-8) [1]. В зависимости от условий и стоящих образовательных задач преподаватель выби-

рает те средства, методы, подходы и технологии, которые в данной ситуации позволят наиболее эффективно реализовать эту цель.

В настоящее время информационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни: сегодня невозможно отыскать сферу деятельности человека, где бы часть задач не решалась с помощью компьютера. Сфера образования не является исключением; здесь компьютерные технологии выступают в роли принципиально нового средства обучения и создают значительный дидактический эффект. Компьютерные технологии, кроме того, дают неограниченный доступ к большому объему информации и ее аналитической обработке, при этом развивают интеллектуальные способности обучаемого, воздействуя на его память, эмоции, мотивы, интересы, создают условия для перестройки структуры его познавательной деятельности [2].

Актуальность данного исследования заключается в изучении возможностей использования мультимедийных компьютерных технологий при обучении иностранному языку в вузе. Цель исследования – обосновать эффективность применения мультимедийных технологий в языковой подготовке специалистов. Цель исследования реализуется при решении следующих задач: 1) определение роли и места мультимедийных технологий при обучении иностранному языку; 2) выявление дидактических возможностей использования мультимедийных технологий при формировании коммуникативной компетенции.

Методологической основой послужили работы современных ученых по рассматриваемому вопросу. Использовались методы теоретического анализа и синтеза, сравнения и интерпретации изученных материалов.

Общим проблемам компьютеризации образования были посвящены работы отечественных и зарубежных ученых И. Н. Антипова, А. И. Берга, И. М. Богдановской, А. Борка, Б. С. Гершунского, А. П. Ершова, А. А. Кузнецова, Е. И. Машбица, Е. С. Полат, И. В. Роберт, Н. Ф. Талызиной, О. К. Тихомирова, Е. А. Троицкой, Дж. Хартли и др.

В контексте информатизации образования описывались и разрабатывались конкретные программы по основным учебным дисциплинам (В. А. Извозчиков, С. Д. Каракозов, С. А. Жданов, В. И. Булавко, О. В. Беспалов и др.), облачные и другие Интернет технологии (Д. А. Аватесян, Л. А. Артюшина, А. П. Багаева, Е. А. Лыткина, М. Н. Пархимович, Н. Склейтер и др.), аспекты дистанционного и онлайн обучения (Т. П. Зайченко, Е. С. Полат, Л. К. Раицкая, Э. Г. Скибицкий).

Вопросы создания и применения электронных учебных пособий рассматриваются в работах А. К. Горожанова, В. Г. Герасимова, М. Р. Меламуд, М. С. Татаринова, О. П. Трегубовой, А. М. Тулегеновой, Н.В. Левандровской, Л.А. Хамула и др.

Использование компьютерной технологии в преподавании иностранных языков описывалось в работах М. А. Бовтенко, К. Б. Есипович, А. В. Зубова, С. Ш. Канатовой, Н. С. Киргинцевой, О. П. Крюковой, Э. Л. Носенко, Л. С. Сергеевой, П. И. Сердюкова и др.

Л. И. Иванова, Т. Г. Рыбалко, Т. Л. Ступина, П.В. Сысоев и др. анализировали возможности подкастов при обучении навыков аудирования и говорения и развития навыков самостоятельной работы в изучения языка.

Применительно к мультимедийным технологиям при обучении иностранному языку интересны наблюдения Т. А. Болдовой, В. П. Джаджа, Ю. Н. Дрешер, М. В. Еременко, Ю. С. Пашукевич, Т.В. Карамышевой, Г. Г. Мингазизовой, С. К. Новосельцева, Н. Ю. Хлызовой, И. В. Щербины и др.

Таким образом, анализ научно-методической литературы подтвердил наше предположение о том, что последние достижения в области высоких технологий дают преподавателю возможности для совершенствования учебного процесса и его перевода на качественно новую основу. В арсенале средств обуче-

ния появились мультимедийные средства, способные передавать информацию различными программно-аппаратными средствами и обработать информацию в звуковом и зрительном видах.

В истории компьютеризации образования применялись различные термины для обозначения технологий, использующих в процессе обучения специальные технические информационные средства: «информационные технологии обучения, или ИТО» (И. Г. Захарова), компьютерные технологии обучения, или КТО (Г. К. Селевко), «информационно-коммуникационные технологии, или ИКТ» (А. В. Польщиков). В последнее время в теории и практике обучения привычным стало использование таких понятий, как «мультимедиа», «мультимедийные технологии, или МТ», «мультимедийная среда».

Мультимедиа (от англ. multimedia) – вид компьютерных технологий, объединяющий в себе традиционную статическую форму предъявления информации (текст, графика) наряду с динамической (речь, музыка, видеофрагменты, анимация и т.д.).

Новосельцев С.К. определяет мультимедиа как «интерактивные системы, обеспечивающие работу с неподвижными изображениями и движущимся видео, анимированной компьютерной графикой и текстом, речью и высококачественным звуком» [3, с. 11]. Подобное определение мультимедиа подчеркивает интерактивный характер явления, влияющего на все рецепторы обучающегося.

Многими учеными отмечается более активное эмоциональное воздействие МТ на обучаемого, которое, в частности, связано с тем, что 1) информация представляется в цвете (психологи доказали, что запоминаемость цветной фотографии почти в два раза выше по сравнению с черно-белым изображением), 2) используется анимация как одно из эффективных средств привлечения внимания и стимулирования эмоционального восприятия информации, 3) наглядное представление информации в виде фотографий или видеофрагментов смоделированных процессов способствует улучшению понимания и запоминания объясняемого материала [4].

Говоря о мультимедийных технологиях в образовании следует выделить в них две составляющие: 1) мультимедийные средства обучения (или ТСО), включающие компьютер, интерактивную доску, мультимедийный проектор, аудио и видеомагнитофоны, возможности Интернет и 2) мультимедийный образовательный продукт (или в терминологии Ю. Н. Дрешер – дидактические средства обучения, ДСО [4]) – это электронные обучающие программы, электронные энциклопедии, справочники, учебники, тренажеры, как правило, распространяющиеся на компакт-дисках.

К ДСО можно отнести и дидактический материал, созданный преподавателем с элементами мультимедийности для использования в учебном процессе. Самый распространенный из них – это презентация. При ее подготовке преподаватель создает своеобразный сценарий в соответствии с целями и задачами конкретного урока, отбирает наиболее подходящий текстовый, наглядный (аудио и видео) материал, продумывает систему заданий для разных этапов работы с материалом. При этом учитываются обязательные психолого-педагогические, технико-технологические, эстетические и эргономические требования, среди которым можно выделить: актуальность и значимость отображаемой информации и ее соответствие языковому уровню обучаемых; интерактивность; чередование разных видов восприятия (зрительная – слуховая, статическая – динамическая); необходимость переключения внимания, например, на обычный учебник; количество учебного времени, отводимого на работу с презентацией; цветовое и звуковое качество материала и т.п.

Эффективность воздействия учебного материала в виде презентаций на учащихся во многом зависит от уровня и степени иллюстративности материала. Визуальная насыщенность учебного ма-

териала делает его красочным, убедительным и способствует интенсификации процесса его усвоения. Компьютерные презентации дают возможность заострять внимание обучающихся на важных моментах излагаемой информации и формировать наглядные эффектные примеры в виде иллюстраций [5, с. 60]. Презентация может оказывать воздействие сразу на несколько разновидностей памяти: зрительную, слуховую, эмоциональную и в некоторых случаях моторную.

Рассмотрим на примере вводного занятия по теме «Страны изучаемого языка» два варианта обучения: без использования мультимедийных средств и с их использованием. Предполагается, что основными задачами данного урока является проверка остаточных знаний по этой теме из школьного курса, совершенствование навыков употребления артиклей с географическими названиями, числительных, навыков выражения местоположения, формирование навыков аудирования, говорения и чтения на лексико-грамматическом материале темы. Кроме того, решаются важные образовательные и воспитательные задачи: расширение знаний об англоговорящих странах и воспитание толерантности к иноязычным культурам. Мы убеждены, что все перечисленные задачи достижимы как с применением мультимедийных средств, так и при их отсутствии. Однако технологически оснащенное занятие имеет больше преимуществ. Вместо буквенно-графического перечисления англоязычных стран в учебнике или демонстрации их на карте мира, можно предложить презентацию с анимацией или видеофрагмент, где помимо зрительного предъявления той же самой карты с английскими географическими названиями звучит аутентичная английская речь. Отработка грамматического материала с элементами анимации, безусловно, вызовет больший эмоциональный отклик у обучаемых, нежели рутинное выполнение упражнения. Считаем, что презентация особенно востребована на обобщающем этапе занятия, когда можно совместить изображение карты, национальных флагов, видов наиболее известных достопримечательностей, отрабатываемые языковые модели, уточняющие и обобщающие вопросы. Цепочка динамически возникающих на слайде визуальных образов позволяет поэтапно активизировать языковой и фактологический материал, стимулируя обучающихся к построению собственных высказываний, формируя при этом коммуникативную компетенцию.

Обладая такой возможностью, как интерактивность, компьютерные презентации дают возможность эффективно приспособить учебный материал под особенности обучающихся. Усиление интерактивности приводит к наиболее интенсивному участию в процессе обучения, что способствует увеличению эффективности восприятия и запоминания учебного материала.

Необходимо отметить своеобразную универсальность мультимедийной технологии: она может быть использована на любом этапе работы с материалом 1) введение нового материала (визуализация знаний); 2) закрепление (своеобразный тренинг), 3) контроль и самоконтроль (тестирование с оцениванием) как под руководством преподавателя, так и во время самостоятельной работы.

Одним из достоинств мультимедийных средств признается их способность оптимизировать контроль и самоконтроль освоения учебного материала, что значительно облегчает работу преподавателя и развивает самостоятельность обучающихся.

На многих языковых кафедрах разрабатывается система компьютерных тестов как элемент фонда оценочных средств по иностранному языку. Среди тестов можно выделить тренировочные, пробные и основные. Для проверки уровня освоения конкретного лексико-грамматического материала или сформированности определенных видов речевой деятельности уместны тренировочные тесты, в которых неправильные ответы сопровождаются всплывающими подсказками, количество попыток и время

выполнения не ограничивается, могут появляться всплывающие стимульные фразы типа Well-done! Sorry, you are wrong. Пробные тесты структурно и тематически совпадают с основными, но их не дублируют. В них может быть введен режим ограничения по времени и указание на количество правильных ответов. У обучающихся есть возможность в удобное для них время выполнить тест, получить оценку и принять самостоятельно решение о необходимости повторить некоторые темы. Подобный подход позволит им в отведенное время выполнить основной тест с большей вероятностью получения более высокой оценки.

Еще одним дидактическим средством обучения с элементами мультимедиа является электронный учебник. Он обычно насыщен всевозможными электронными технологиями: анимацией, разноуровневыми и многовариантными заданиями, видео- и аудиофрагментами, гипертекстовыми ссылками и т.д., что значительно повышает интерес обучаемых к предмету в процессе его использования [7].

В связи с этим невозможно не согласиться с Н. Ю. Хлызовой в том, что мультимедиа «представляет собой универсальный способ, т.к. способен одновременно выступать средством обучения, которое делает учебный процесс действенным, увлекательным и легкодоступным, средством медиа образования, формирующим медиа профессионализм учащихся, формирующим умения отбирать, оценивать и самостоятельно создавать сообщения, а также средством развития психологических процессов, таких как память, интерес, фантазия, понимание и логическое мышление» [6, с. 277].

Таким образом, мультимедийные технологии в образовательном процессе в целом и в преподавании иностранного языка в частности выполняют свойственные им пять основных функций: обучающую, развивающую, воспитывающую, познавательную и мотивирующую [2]. С дидактической точки зрения, они оптимизируют психическую нагрузку обучающихся, активизируют их познавательную деятельность, направляют и контролируют обучение иностранному языку, а также расширяют возможности в организации учебной деятельности, становясь эффективным и действенным методом интенсификации учебного процесса.

Оптимальное соотношение традиционных и инновационных компьютерных технологий в языковой подготовке позволит значительно преобразить образовательный процесс, а именно, помочь преподавателю при обучении иностранному языку и повысить заинтересованность обучающихся в его эффективном изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки (специальности) 25.05.04 Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов (квалификация (степень) «специалист») // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/250504
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2008. 272 с.
3. Новосельцев С. К. Мультимедиа – синтез трех стихий // Компьютер-пресс. 1991. №7. С. 3-14. URL: https://zxpress.ru/article.php?id=7904
4. Дрешер Ю. Н. Применение мультимедийных технологий в образовательном процессе. Казань: Республиканский медицинский библиотечно-информационный центр, 2006. URL: http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2007/cd/153.pdf
5. Еременко М. В., Пашукевич Ю. С. Использование мультимедийных технологий в преподавании иностранного языка // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. №2 (4). С. 36-41. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14453562_46882150.pdf

6. Хлызова Н. Ю. Мультимедиа и их возможности в организации процесса обучения студентов английскому языку // Педагогическая теория, эксперимент, практика / Ред. Т.А. Стефановская. Иркутск: Изд-во Иркут. ин-та повыш. квалиф. работ. образования, 2008. С. 275-286.
7. Хамула Л. А. Педагогические особенности разработки электронного учебника в военном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. №7. URL: http://e-koncept.ru/2016/76092.htm

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki (special'nosti) 25.05.04 Letnaja jekspluatacija i primenenie aviacionnyh kompleksov (kvalifikacija (stepen') «specialist») // Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovanija. URL: http://fgosvo.ru/250504
2. Novye pedagogicheskie i informacionnye tehnologii v sisteme obrazovanija / pod red. E. S. Polat. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Akademija, 2008. 272 s.
3. Novosel'cev S. K. Mul'timedia – sintez treh stihij // Komp'juter-press. 1991. №7. S. 3-14. URL: https://zxpress.ru/article.php?id=7904
4. Dresher Ju. N. Primenenie mul'timedijnyh tehnologij v obrazovatel'nom processe. Kazan': Respublikanskij medicinskij bibliotechno-informacionnyj centr, 2006. URL: http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2007/cd/153.pdf
5. Eremenko M. V., Pashukevich Ju. S. Ispol'zovanie mul'timedijnyh tehnologij v prepodavanii inostrannogo jazyka // Teorija i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii. 2010. №2 (4). S. 36-41. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14453562_46882150.pdf
6. Hlyzova N. Ju. Mul'timedia i ih vozmozhnosti v organizacii processa obuchenija studentov anglijskomu jazyku // Pedagogicheskaja teorija, jeksperiment, praktika / Red. T.A. Stefanovskaja. Irkutsk: Izd-vo Irkut. in-ta povysh. kvalif. rabot. obrazovanija, 2008. S. 275-286.
7. Hamula L. A. Pedagogicheskie osobennosti razrabotki jelektronnogo uchebnika v voennom vuze // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. №7. URL: http://e-koncept.ru/2016/76092.htm

Поступила в редакцию 19.05.2020.
Принята к публикации 22.05.2020.

Для цитирования:
Рябова Т.В., Торосян С.Г. Мультимедийные технологии как средство повышения эффективности обучения иностранному языку // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 109-114. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/RyabovaTorosyan.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893066
УДК 37.026

Сезонова Т.В.

Сезонова Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, преподаватель, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2. E-mail: setav2010@yandex.ru.

Использование практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики (на примере вуза МВД)

Аннотация. Статья посвящена возможностям реализации практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики. Отмечаются особенности и основные методы данного вида обучения. Рассмотрены актуальные вопросы использования инновационных технологий и их роль в усилении практической направленности подготовки будущих специалистов.
Ключевые слова: преподавание криминалистки, практико-ориентированное обучение, инновационные технологии, компетентностный подход.

Sezonova T.V.

Sezonova Tatyana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, teacher, Oryol law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2. E-mail: setav2010@yandex.ru.

Using a practice-oriented approach in teaching criminology (on the example of the University of the Ministry of internal Affairs)

Abstract. The article is devoted to the possibilities of implementing a practice-oriented approach in teaching criminology. The features and main methods of this type of training are noted. Topical issues of using innovative technologies and their role in strengthening the practical orientation of training future specialists are considered.
Key words: criminology teaching, practice-oriented training, innovative technologies, competence approach.

Современные условия вносят коррективы в профессиональную подготовку специалистов в вузах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. Одной из профилирующих дисциплин, без которой невозможно представить качественного юридического образования, считают криминалистику, так как она успешно взаимодействует с другими науками уголовно-правового цикла, включает в себя общую и специфическую информацию. Особенность сегодняшней реальности заключается в резко возрастающей роли криминалистики и судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве, производстве об административных правонарушениях, поэтому совершенно справедливо мнение, что ни одна из юридических дисциплин не формирует так юридическое мышление, как криминалистика. Как отмечает В. Я. Колдин, криминалистические знания являются «необходимым компонентом любого юридиче-

ского знания и обязательным элементом профессиональной подготовки любого юриста» [4, с. 12]. Главное назначение криминалистики как учебной дисциплины – обеспечение подготовки специалистов в соответствии с современными требованиями, важнейшими из которых являются умение находить необходимую информацию, правильно интерпретировать и применять её на практике, способность ориентироваться и действовать в нестандартных ситуациях.

Чтобы подготовить профессионального специалиста, преподаватель криминалистики в своей деятельности реализует один из фундаментальных принципов дидактики высшего образования – принцип практической направленности обучения. Внимание уделяется связи теории с практикой, максимальному приближению условий обучения к условиям деятельности будущего специалиста, учитываются возникающие в ней проблемы и предлагаются конструктивные пути их разрешения, позволяющие в дальнейшем снижать период профессиональной адаптации выпускников вуза [1, с. 123]. Особенностью практико-ориентированного обучения в криминалистике является ориентация содержания преподавания на актуальные потребности практики. Данный подход отличается большей эффективностью по сравнению с другими средствами преподавания. Он даёт возможность внедрять новые технологии, инновационные методики, увеличивать интенсивность, качество, уровень мотивации, интерес к процессу познания. Сущность практико-ориентированного подхода состоит в формировании практического опыта и его применении при решении важных задач. При использовании такого обучения развивается внутренняя мотивация приобретения профессиональных навыков, потому что есть возможность свободного выбора решения обсуждаемой проблемы.

Выделяют три способа в организации практико-ориентированного подхода. Важным при этом является то, каким образом происходит приобретение практических навыков и каковы взаимодействия между преподавателем и студентами. Методы обучения можно разделить на три группы: пассивный метод, активный, интерактивный. Каждый из них имеет свои особенности и находит применение в трех способах реализации практико-ориентированного подхода в криминалистике.

Первый способ выражается в том, что в основу положены традиционные методы обучения. Учебные программы остаются без изменений, а приобретение практических навыков и умений осуществляется через изучение теоретического материала, проведение семинаров, практических занятий, преддипломной и производственной практики. Активность студентов при обучении остается недостаточной, так как используется пассивный метод. Изолированное использование первого способа не позволяет выработать у студентов достаточную компетенцию, необходимую для будущей деятельности юриста, незначительно формирует инициативность, творческий подход, нестандартность мышления, умение самостоятельно принимать решения.

При втором способе происходит обновление содержания образования без значительного изменения теоретического блока. Главным становится постановка практических задач и усвоение теории в ходе их решения. В основу положен активный метод преподавания, в ходе которого внедряются новые технологии. Важная роль отводится инновационным методам, самостоятельным исследованиям, созданию проектных и проблемных методик, проведению мастер-классов, деловых игр, использованию моделирования фрагментов будущей профессиональной деятельности. Данный способ позволяет формировать у курсантов знания, умения, навыки, необходимые для успешного выполнения будущих профессиональных задач.

Третий способ практико-ориентированного подхода основан на приобретении опыта практической деятельности, через которую возможно решение учеб-

ных задач. Происходит значительное изменение содержания образования путем усиления практической направленности. Так осуществляется мотивация к изучению теоретического материала, потому что знания необходимы для решения профессиональных задач. Основная цель третьего способа практико-ориентированного подхода – достижение профессионально и социально значимых компетентностей. Данный способ основывается на интерактивном методе, при котором активность студентов резко возрастает и становится сравнимой с активностью преподавателя, который выступает в данном случае в роли организатора различных тренингов, игр и других форм обучения. При интерактивном методе в процессе обучения доминирует активность курсантов. Они самостоятельно решают сложные проблемы, участвуют в обсуждениях, применяют альтернативные мнения. Для этого используется как индивидуальная, так и групповая работа, исследовательские приемы, различные ролевые и деловые игры, тренинги. Интерактивное обучение – это обучение, погруженное в общение. Студенты учатся самостоятельности, практическим действиям, получают навыки расследования и тактики производства следственных действий. Основным содержанием предмета криминалистики становится формирование практических навыков через моделирование криминалистических ситуаций, при этом видоизменяются формы и приемы ведения занятий. Научно-методическая основа интерактива – обучение через опыт и сотрудничество, использование поисковых и исследовательских методов. Интерактивное обучение устанавливает эмоциональные контакты, учит работать в команде, развивает личные качества курсантов и способствует их собственной успешности.

Нельзя недооценивать значение каждого из трех способов практико-ориентированного подхода обучения, так как все они используются в преподавании криминалистики, успешно дополняя друг друга.

Первый способ основывается на традиционных методах преподавания. Самой распространенной формой в вузе является лекция, особенность которой в возможности передать большое количество материала в ограниченное время. Это важно для фундаментального вузовского образования, поэтому отказаться от такой формы невозможно. Преподаватели, учитывая необходимость реализации компетентностного подхода и активизации учебного процесса, проводят большинство занятий лекционного и семинарского типа с использованием элементов инновации. Проводятся лекции-беседы, лекции-дискуссии, лекции с постановкой проблемных вопросов. Используются в преподнесении материала презентации, слайды, видеоролики, фрагменты учебных фильмов с их обсуждением, включаются и материалы из соответствующих порталов сети Интернет. Важное значение в осуществлении контроля знаний приобретает компьютерное тестирование. Оно позволяет преподавателю проверить уровень знаний, а студентам узнать свои ошибки, получить правильные ответы и расширенное пояснение к допущенным ошибкам. Компьютерное тестирование позволяет обучающимся осуществлять проверку своих знаний многократно, до получения положительного результата.

Использование активного метода требует предварительной работы с курсантами, применения различного раздаточного материала, индивидуальных заданий, что способствует лучшему усвоению учебного материала и приобретению практических навыков и умений. Различные тестовые задания, материалы, размещенные на соответствующих сайтах, полезны при самостоятельной работе студентов. Способствуют повышению интереса к обучению компьютерные программы, которые включают в себя определенные алгоритмы действий криминалистов в ходе проведения занятий. На лекциях по криминалистической тактике полезно использовать видеоизображения фрагментов процессуальных следствен-

ных действий. Компьютерная программа «Фоторобот» необходима для совершенствования навыков составления фоторобота. Широко применяются учебные фильмы, например «Тактика проверки показаний на месте», «Цена ошибки (тактика задержания)» с дальнейшим обсуждением и анализом их содержания. Интересно проведение виртуальных экскурсий по полигонам, по музеям, например по зданию ЭКЦ. Возможности мультимедийного оборудования позволяют сделать наглядными и понятными многие технические аспекты криминалистических исследований. Большое значение при проведении занятий имеет виртуальные учебно-методические, оборудованные специальные программами, тренажеры, установленные в криминалистической лаборатории. Так проводится, например, осмотр места происшествия. Создаются интерактивные 3D-сцены, имитирующие различные места происшествий или обыска. Это позволяет исследовать территорию объекта, перемещаться по ней, просматривая любые ракурсы. Курсанты не только наблюдают за виртуальным пространством, но и участвуют в данной ситуации, совершенствуя практические навыки. При проведении практических занятий используются практические материалы – конкретные архивные экспертные заключения, по которым возможно закрепление теоретического материала, например судебные баллистические экспертизы по простейшим объектам (пули, гильзы, холодное оружие).

Хорошие результаты дает участие в практических занятиях следователей, оперативных сотрудников, судебных экспертов, которые знакомят с особенностями профессиональной деятельности, обращают внимание на то, какие именно знания из полученных в вузе наиболее важны для дальнейшей работы в следственном, экспертном или оперативно-розыскном подразделении.

Примером того, как можно соотнести учебную информацию с профессиональной деятельностью сотрудника полиции, является проведение комплексных междисциплинарных занятий по актуальным темам для деятельности ОВД России. Например, при изучении темы «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» привлекались практические сотрудники органов внутренних дел – эксперты-взрывотехники ЭКЦ УМВД России по Орловской области и сапёры Росгвардии. В ходе занятия отработаны организационные вопросы осмотра места происшествия по факту террористического акта (взрыва), установления эффективного межведомственного взаимодействия по охране места происшествия, обеспечению безопасности участников следственных действий, качественной фиксации обстановки и изъятия необходимых объектов. С участниками занятий были рассмотрены основные аспекты межведомственного взаимодействия при реагировании на криминальные взрывы; в различных вариантах мишенных обстановок продемонстрированы взрывы отдельных видов взрывных устройств, фигурирующих в следственной практике. Изучены проявления их поражающего действия, основные следы-отображения, специфические признаки и особенности криминалистического сопровождения их процессуальной фиксации. Разобраны примеры практической работы на территории области. Осуществлено практическое моделирование криминального взрыва, доведены требования безопасного алгоритма реагирования и первоочередных действий на месте происшествия. Изучен порядок инженерно-технического обеспечения осмотра места взрыва (применения технических средств и специальных взрывотехнических познаний) в целях нейтрализации угрозы повторного взрыва. Разъяснена специфика процессуальной фиксации и документационного сопровождения осмотра места взрыва. Рассмотрены особенности экспертно-криминалистического сопровождения осмотра места взрыва: основы судебной фотографии, установление границ зоны

осмотра, фиксация обстановки, поиск криминалистически значимых признаков, способы изъятия и упаковки объектов и следов, оперативная организация проведения их неотложных исследований. В ходе занятий слушатели проявили активное участие и заинтересованность, получили квалифицированные консультации и исчерпывающие ответы на многочисленные дополнительные вопросы.

Очевидно, что инновационные технологии используют тогда, когда студенты владеют основами необходимых знаний, полученных традиционными методами. Их необходимость возникает при создании проблемных ситуаций, коллективного решения какого-либо вопроса. Они предусматривают развитие индивидуально-психологических особенностей студента, умение понимать причинно-следственные связи, видеть ошибки, давать обоснование своим решениям. Данные методы находят все большее применение при втором и третьем способе практико-ориентированного обучения в преподавании криминалистики.

Обсуждение спорного вопроса, использование небольшого теста с целью практического применения знания повышают интерес и способствуют лучшему усвоению материала. Занятия семинарского типа, в ходе которых используется активный метод обучения, способствуют формированию самостоятельности и критического восприятия изучаемого материала, что вырабатывает нестандартное решение профессиональных задач. Практико-ориентированный подход позволяет широко применять методы инновационного обучения, суть которых состоит в исследовании криминалистических ситуаций и принятии решений. Безусловно, это предусматривает изучение и осмысление проблем, которые возникают или могут возникнуть в ходе их будущей профессиональной деятельности. Происходит самостоятельная творческая выработка решений. Во время практических занятий нельзя обойтись без анализа распространенных ситуаций. Хороший результат дает следующий методический прием. Кратко ознакомив студентов с фабулой какого-либо преступления, в которой недостаточно аргументов для принятия решений, преподаватель предлагает курсантам рассмотреть различные варианты. В ходе поиска обучающиеся задают преподавателю вопросы, которые наталкивали бы их на получение нужной информации. Эффективность их поиска оценивается. Если доказательная база достаточна, студенты приходят к выводу о необходимости производства предварительной проверки и возбуждения уголовного дела. Данный метод успешно используется при изучении раздела «Криминалистическая методика» (например, по теме «Методика расследования грабежей и разбоев»). Важное значение имеет также дискуссия как форма столкновения идей и аргументов. Суть дискуссии в том, чтобы определить главную проблему в решении спорного вопроса, обосновав, с криминалистической точки зрения, свою правоту. Такие задания вызывают интерес, дают студентам понимание практической значимости для своей будущей профессиональной деятельности. Например, использование метода направленной дискуссии требует от студентов поиска доказательств своим высказываниям, способствует выработке умений аргументировать свои ответы. Проблемные задания не допускают просто воспроизведения информации, а требуют её осмысления и творческого подхода к ней. Часто для этого используются преподавателем практические ошибки, и предлагается их найти и исправить. Перекрестная дискуссия способствует развитию криминалистического мышления. Для неё выбираются темы, допускающие две противоположные почти зрения. Студенты, разбившись на две группы, выбирают несколько аргументов в поддержку своей точки зрения. Затем высказывается первый аргумент одной группы, а вторая группа опровергает его, используя свои доказательства. Студенты второй группы предлагают свой первый аргумент, а первая группа его опровергает. Перекрестная дискуссия помогает каждому курсанту

выяснить и уточнить свое представление, осознать собственное отношение к данному вопросу. Работа в группах развивает навыки устойчивого внимания, умения концентрироваться на главном, аргументировать.

Важное значение имеет тренинг – коллективный метод обучения, тренировка, направленная на развитие знаний, практических умений и навыков, социальных установок. Цель тренинга – успешное выполнение криминалистических задач. Он вырабатывает особое криминалистическое мышление, так как совершенствует анализ конкретных ситуаций, дает возможность выбирать наиболее рациональные способы решения практических задач путем сравнения различных вариантов с их теоретическим и правовым обоснованием. Юристы должны обладать искусством общения, поэтому большое значение имеет коммуникативность, постоянное развитие и совершенствование этого умения. Задача преподавателя при проведении тренинга–лишь направлять деятельность группы. Тренинг создает атмосферу открытости, сотрудничества, а с другой стороны, обеспечивает демократическую дисциплину. Особенность данной формы в том, что в ходе обсуждения могут возникнуть, как и в реальной жизни, неожиданные обстоятельства.

В преподавании криминалистики широко используют имитацию. Важное место занимают ролевые и деловые игры. Ролевая игра-это неформальная постановка, во время которой участники воспроизводят различные ситуации из курса криминалистики, демонстрируя поведение условного персонажа. Данная форма работы является эффективным методом формирования новой модели поведения. Игра способствует выработке собственных представлений о том, как можно разрешить аналогичную ситуацию в реальной жизни. Не менее важной интерактивной формой занятий по криминалистике является деловая игра. Этот вид интерактивного обучения выполняет ряд функций: правильно организованная игра развивает мышление, тренирует память, совершенствует речевые умения и навыки, вырабатывает устойчивое внимание, наблюдательность, преодолевает пассивность во время занятий. Задача преподавателя, как и при любой игре – определить её правила, предложить сценарий по конкретной ситуации, оговорить критерии оценки участия и подвести итоги работы. При проведении деловых игр студенты приобретают навыки работы в следственных органах, экспертных учреждениях, что в дальнейшем им пригодится в работе. Например, в деловой игре по теме «Дактилоскопия» участникам нужно выявить, зафиксировать, изъять папиллярные узоры пальцев рук на различных поверхностях (стеклянная бутылка, деревянная поверхность и т.д.) с помощью магнитного порошка, липкой ленты, дактилоскопической пленки, упаковать изъятые следы, составить процессуальные документы: протокол осмотра предметов, фототаблицу, постановление о назначении экспертизы. Каждый из студентов вносит свою лепту в общую работу, пытается добиваться точности исполнения и верного ответа в ограниченный промежуток времени.

Реализация метода имитационного обучения, по мнению Ивановой С.И., невозможна без применения особых мест - специализированных полигонов, которые помогают студентам закреплять практические навыки в условиях, приближенным к реальным [2, с. 281]. Так, например, в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова на протяжении нескольких лет успешно функционирует криминалистический полигонный комплекс, включающий учебные криминалистические полигоны «Магазин», «Трасология», «Офис», «Отделение банка», «Квартира», «Аптека» и межкафедральный многофункциональный учебно-полигонный комплекс на загородной учебной базе института (ЗУБ). Материально-техническое обеспечение полигона включает в себя современное криминалистическое оборудование и всё

необходимое для закрепления практических умений по основным разделам криминалистики. Полигоны успешно применяются для получения и использования информации о преступлении и его участниках, отработки тактических приемов при проведении отдельных следственных действий, организации работы следственно-оперативной группы на месте происшествия.

Важную роль в практико-ориентированном обучении, по мнению В.А. Иоголевича, играет самостоятельная подготовка обучаемых. Она подразумевает выработку навыков самообразования, предполагает осознание роли знаний и стремление не останавливаться на достигнутом. Понимание непрерывности образовательного процесса в дальнейшем позволит повышать свой профессиональный уровень и квалификацию [3, с. 13].

Значение практико-ориентированного подхода заключается в том, что он дает возможность успешно соотносить учебную информацию с профессиональной деятельностью сотрудника полиции в преподавании всех разделов криминалистики; формирует новую модель будущего специалиста, основанную на использовании модульной технологии, опирающейся на интерактивные методы обучения. Инновационное образование и научно-исследовательская деятельность студентов способствуют усилению мотивации в приобретении знаний, связи обучения с практикой, предоставляют возможности свободного выбора способов решения профессиональных проблем. Курсанты ощущают свою собственную компетентность, а это тесно связано с понятием квалификации. Именно практико-ориентированный подход способствует формированию компетенций, позволяющих преодолевать стереотипы, проявлять самостоятельность, инициативность, принципиальность, творческий подход в решении профессиональных задач и ответственное отношение к своему делу.

Приобретённый практический опыт позволяет студентам успешно реализовывать в профессиональной деятельности полученные криминалистические знания, в том числе грамотно оценивать содержание заключения эксперта, владеть методами обнаружения, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств, обладать навыками оформления юридических документов.

Студенты готовы к специфике профессии сотрудника полиции, её многообразию и необходимости предусматривать различные варианты действий. Практико-ориентированный подход в преподавании криминалистики успешно осуществляет основную задачу вузовского образования – подготовку специалиста, обладающего всеми необходимыми для борьбы с преступностью компетенциями, соблюдающего действующее законодательство и стоящего на защите законных интересов государства и его граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейжан Н.Ф., Аджимуллаева Р.А. Практико-ориентированные методы обучения в процессе профессиональной подготовки следователей в вузе МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России №3(35). 2007. С. 123-128.
2. Иванова С. И. Практико-ориентированное обучение в системе дополнительного профессионального образования образовательных учреждений МВД России (на примере Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26. С. 281-285.
3. Иоголевич В.А. Профессионально-прикладную направленность - в основу обучения // Вестник кадровой политики МВД России. 2010. №1. С. 13- 18.
4. Колдин В.Я. Актуальные проблемы методологии криминалистики и судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. №1(21). С. 12-18.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gejzhan N.F., Adzhimullaeva R.A. Praktiko-orientirovannye metody obuchenija v processe professional'noj podgotovki sledovatelej v vuze MVD Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii №3(35). 2007. S. 123-128.
2. Ivanova S. I. Praktiko-orientirovannoe obuchenie v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii (na primere Tjumenskogo instituta povyshenija kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii) // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2014. T. 26. S. 281-285.
3. Iogolevich V.A. Professional'no-prikladnuju napravlennost' - v osnovu obuchenija // Vestnik kadrovoj politiki MVD Rossii. 2010. №1. S. 13- 18.
4. Koldin V.Ja. Aktual'nye problemy metodologii kriminalistiki i sudebnoj jekspertizy // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy. 2011. №1(21). S. 12-18.

Поступила в редакцию 25.05.2020.
Принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования:
Сезонова Т.В. Использование практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики (на примере вуза МВД) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 115-122. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Sezonova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893093
УДК 371.3

Стуколова Е.А., Хромова Е.В.

Стуколова Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и МПАЯ, Оренбургский государственный педагогический университет, 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. E-mail: choosee@mail.ru.
Хромова Екатерина Владимировна, Оренбургский государственный педагогический университет, 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. E-mail: flex4rever@gmail.com.

Креолизованный текст как способ развития иноязычной коммуникативной компетенции старшеклассников

Аннотация. В данной статье исследуется проблема развития иноязычной компетенции старшеклассников и обращение к креолизованным текстам на уроке иностранного языка как одному из способов её формирования. Авторы описывают каждый этап работы с таким видом креолизованного текста как комикс и предлагают свою разработку упражнений к предложенному тексту, которую можно использовать в качестве дополнения к УМК О.В. Афанасьевой «Spotlight-11». Делается вывод о том, что обращение к подобному материалу на занятиях способствует повышению мотивации к изучению иностранного языка, активности обучающихся, лучшему запоминанию информации, и тем самым формированию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, что является главной целью обучения иностранным языкам в средней общеобразовательной школе.
***Ключевые слова*:** креолизованный текст, урок иностранного языка, коммуникативная компетенция, комикс.

Stukolova E.A., Khromova E.V.

Stukolova Elena Alexandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, department of the English language and methodology of the English language teaching, Orenburg State Pedagogical University, 460000, Russia, Orenburg, Sovetskaya st., 19. E-mail: choosee@mail.ru.
Khromova Ekaterina Vladimirovna, Orenburg State Pedagogical University, 460000, Russia, Orenburg, Sovetskaya st., 19. E-mail: flex4rever@gmail.com.

Creolized text as a way of developing foreign-language communicative competence of high school students

Abstract. This article studies the problem of the development of foreign-language communicative competence of high school students and using creolized texts at a foreign language lesson as one of the ways of its formation. The authors describe each stage of working with a comicas one of the types of creolized texts and give their own exercises for the suggested text, which can be used as an addition to the student book of O.M. Afanasyeva «Spotlight-11». It is concluded that the use of such material in class helps to increase motivation to learn a foreign language, make students remember information faster, therefore developing their communicative foreign language competence, which is the main goal of teaching foreign languages at the secondary school.
Key words: creolized text, foreign language lesson, communicative competence, comic.

В современном мире константно и стремительно происходят изменения, касающиеся всех сфер общественной жизни, поэтому сфера образования, адаптируясь к преобразованиям, принимает коррективы, вносимые в процесс образования, в методы и средства обучения. Особенно это касается предмета «Иностранный язык». Возникает необходимость поиска новых, более современных и эффективных путей достижения задач формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Одним из этих путей является использование креолизованных текстов в качества методического материала на уроке иностранного языка.

Для начала разберем сам термин «креолизованный текст». Е. Е. Анисимова под креолизованными текстами понимает «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [Цит. по: 1, с. 27]. А М. Б. Ворошилова дает следующее определение: «креолизованный текст − это текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые выступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [2, с. 22].

Разные исследователи вкладывают различные понятия в термин «креолизованный текст», однако на основе проанализированных определений можно выделить главную характеристику креолизованных текстов с – наличие вербальных и невербальных компонентов, что позволяет представить большой объем информации в более сжатом виде.

В связи с тем, что звуковая и визуальная информация лучше усваивается, а наглядность повышает интерес к новому материалу и позволяет с большей эффективностью отработать навыки устной и письменной коммуникации, использование креолизованных текстов на уроке иностранного языка становится все более популярным [4, с. 41].

Один из видов креолизованного текста, имеющий весомое значение при обучении иностранному языку, является комикс, представляющий собой текст в виде последовательности кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку [Цит. по: 3, с. 800]. Главное достоинство комикса в том, он предлагает яркую и эмоционально окрашенную информацию, затрагивающую чувства читающего. Материал, представленный в подобном виде лучше запоминается реализуется личностно-ориентированный подход.

На старшем этапе обучения работа над иноязычным комиксом носит комплексный характер и состоит из 4 этапов: предтекстовый, текстовый, послетекстовый, творческий [3, с. 801].

Рассмотрим подробно каждый этап непосредственно на примере конкретного комикса «English: a modern world's language» (см. Рис. 1 и Рис. 2). Текст может быть рекомендован в качестве дополнения к УМК О.В. Афанасьевой «Spotlight-11» при изучении темы Communication (Module 6e).

I. Предтекстовый этап. Учитель осуществляет стимулирование мотивации учащихся к работе с текстом комикса: предвидение возможных трудностей языкового, речевого и социокультурного характера и их снятие с помощью различных приемов, включая предтекстовый и лингвокультурологический комментарий, семантизацию лексики, обобщение ранее полученных знаний по теме.

We all know that there are millions of English speakers in the whole world. But what makes English an important language, not just a common one? Is it really worth putting all that time, effort and energy into learning English? Well, let's consider how knowing English can impact your own life.

II. Текстовый этап. Данный этап направлен на развитие и совершенствова-

ние умений чтения с целью извлечения информации для дальнейшего ее анализа.

Read the text. This comic tells us about what makes English an important language.

III. Послетекстовый этап. На данном этапе можно предложить обучающимся выполнить различные лексико-грамматические упражнения с опорой на текст, развивая тем самым умения репродуктивного, репродуктивно-продуктивного и продуктивного плана. Послетекстовый этап состоит из следующих подэтапов: подэтап тренировки, продуктивный подэтап, подэтап контроля.

Подэтап тренировки.

Task 1. Answer the questions.

1) What is the point of this comic?

2) What are the good reasons to learn English that are introduced in the comic?

3) What ways of learning English does the narrator mention?

Task 2. Fill in the gaps in the following sentences using the words given below.

global surfing enterprise key benefits

1. I spend an hour a day or more _____ the net.

2. Sometimes it's difficult to find your _____ to true happiness.

3.One of the many _____ of foreign travel is learning how to cope with the unexpected.

4. A corporation or organization can be called a/an _____.

5. Many environmental problems require regional or _____ solutions.

Продуктивный подэтап.

Task 1. Work in pairs. Discuss your favorite ways to learn and practice English, make a list and then share it with your group.

Task 2. Role play. Break into pairs or small groups. Choose roles and make up a dialogue.

a) Tom and his brother: Tom's brother says there are no benefits of learning English.

b) Two friends: choosing a film to watch in the original and explaining why.

c) Teacher, his student: the student wants to learn English only by watching TV series and movies without "boring" grammar classes.

Подэтап контроля.

Are the statements true or false? Correct the false ones.

1) English is the first most popular language in the world.

2) Almost in every country you can find someone who speaks English.

3) There are four basic "types" of English.

4) For over 500 million people English is a mother tongue.

5) According to the Oxford English Dictionary there are about 800.000 words in the English language.

6) To make the process of learning of English easier you should take courses abroad.

7) The main language used on the Internet is Chinese.

IV. Творческий этап. Одним из вариантов работы на данном этапе является проектная деятельность, связанная с созданием своего собственного комикса, которая способствует стимулированию творческого мышления обучающихся, развитию умений устной и письменной речи.

Imagine you are going to start your own English language school and you need to attract customers. Make a comic strip illustrating the benefits of learning English and the ways of teaching your school is going to use.

Таким образом, использование креолизованного текста на уроке иностранного языка способствует развитию коммуникативной, социокультурной и межкультурной компетенций. Он может быть успешно включен в учебный процесс на любом этапе обучения с целью формирования и совершенствования различных умений и владений лингвистического и паралингвистического характера.

Рис. 1. Креолизованный текст-комикс

Рис. 2. Креолизованный текст-комикс (продолжение)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская Ю. А. Креолизованный текст: проблема определения понятия // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2019. № 3. С. 27-32.
2. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2013. 194 с.
3. Седина И. В. Креолизованные тексты и их роль в обучении иностранному языку // Теория и практика современной науки. 2016. № 6-2 (12).С. 799-805.
4. Скляр Е. С. Образовательный потенциал креолизованных текстов // Региональный вестник. 2019. № 12 (27). С. 41-42.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bogojavlenskaja Ju. A. Kreolizovannyj tekst: problema opredelenija ponjatija // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. 2019. № 3. S. 27-32.
2. Voroshilova M. B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju: monografija. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. ped. un-ta, 2013. 194 s.
3. Sedina I. V. Kreolizovannye teksty i ih rol' v obuchenii inostrannomu jazyku // Teorija i praktika sovremennoj nauki. 2016. № 6-2 (12).S. 799-805.
4. Skljar E. S. Obrazovatel'nyj potencial kreolizovannyh tekstov // Regional'nyj vestnik. 2019. № 12 (27). S. 41-42.

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Стуколова Е.А., Хромова Е.В. Креолизованный текст как способ развития иноязычной коммуникативной компетенции старшеклассников // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 123-128. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/StukolovaKhromova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893190
УДК 376.37

Сысолятина Л.В.

Сысолятина Любовь Владимировна, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 677000, Россия, г. Якутск, Петра Алексеева, 72/1, строение 1. E-mail: lyubushkafedorova95@mail.ru.

Роль родителей в формировании словаря у детей раннего возраста с задержкой речевого развития

Аннотация. В статье определена роль родителей в логопедической работе по формированию словаря у детей раннего возраста с задержкой речевого развития. Описаны результаты эксперимента по выявлению уровня компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с задержкой речевого развития. Учет результатов эксперимента позволит повысить эффективность логопедической работы с детьми раннего возраста с задержкой речевого развития.
Ключевые слова: ранний возраст, задержка речевого развития, формирование словаря, роль родителей, компетентность родителей.

Sysolyatina L.V.

Sysolyatina Lyubov Vladimirovna, Ammosov North-Eastern Federal University, 677000, Russia, Yakutsk, Petra Alekseyeva st., 72/1 building 1. E-mail: lyubushkafedorova95@mail.ru.

The role of parents in forming a dictionary in children of early age with delay of speech development

Abstract. The article defines the role of parents in speech therapy work on the formation of a dictionary in young children with delayed speech development. The results of an experiment to identify the level of competence of parents in the field of vocabulary formation in young children with delayed speech development are described. Taking into account the results of the experiment will increase the effectiveness of speech therapy work with young children with delayed speech development.
Key words: early age, delayed speech development, dictionary formation, the role of parent, parent competency.

Формирование словаря у детей раннего возраста является основой для дальнейшего нормального речевого развития. Формирование словаря на этом возрастном этапе создает основу для развития представлений, начальных обобщений, мышления. Именно речь в раннем возрасте становится ведущим средством общения и развития мышления. С помощью речи ребенок начинает устанавливать простейшие причинно-следственные связи. В сензитивный период формирования словаря любое неблагоприятное воздействие на организм ребенка приводит к отставанию речевого развития, а значит и общего развития в целом [6, с. 114].

Формирование речи ребёнка на протяжении первых лет жизни – не просто количественное накопление словаря. Это сложнейший нервно-психологический процесс, который происходит в результате взаимодействия ребёнка с окружающей средой, а также в ситуации общения с взрослым.

В настоящее время на государственном уровне реализуются меры, поддерживающие семью, обусловленные ее ролью в интеллектуальном, физическом, духовном развитии ребенка.

Исследования многих авторов (Л. В. Блохиной, Е. В. Жулиной, Н. Н. Малофеева, Ю. А. Разенковой, Е. А. Стребелевой и др.) доказывают эффективность логопедической работы именно в раннем возрасте, поскольку пластичность центральной нервной системы и уровень компенсаторных возможностей особенно высоки именно в ранний период развития человека [3, с. 1].

Своевременное коррекционно-педагогическое воздействие предоставляет исключительную возможность сгладить или даже устранить имеющиеся пробелы и недостатки в развитии, обеспечив полноценное развитие ребенка в сензитивный период.

По определению О.Е. Громовой, задержка речевого развития (ЗРР) – это отставание речевого развития ребенка от возрастной нормы преимущественно на ранних этапах формирования психической деятельности. Обычно задержка в развитии проявляется с такого раннего периода, как только это могло быть обнаружено, без предшествующего периода нормального развития [1, с. 26].

Дети раннего возраста с ЗРР понимают значение многих слов, объем их пассивного словаря близок к норме. Значительные затруднения вызывают употребление слов в экспрессивной речи и актуализация словаря. Характерным признаком являются индивидуальные различия, которые во многом обусловлены патогенезом. У детей отмечается резкое расхождение объема активного и пассивного словаря, а также ограниченный словарный запас.

Для детей с задержкой речевого развития характерно выраженное отставание в формировании словарного запаса по всем основным направлениям лексического развития (номинативный, адъективный, глагольный словарь и местоимения), которое осложняется проявлениями речевого негативизма, моторной диспраксии, ограниченной звукоподражательной активностью, а также выраженными трудностями формирования фонематических представлений и точных артикуляторных движений [2, с. 8].

Формирование словаря у детей раннего возраста с ЗРР является одним из важнейших направлений деятельности логопеда, которое обеспечивает дальнейшее психическое развитие ребенка. Данный факт обусловливает необходимость создания условий, при которых дети смогут учиться устанавливать контакты путем словесного обращения к взрослому или сверстнику, развивать мыслительные процессы.

Исследователи отмечают, что для детей с задержкой речевого развития семья выступает тем источником ресурсов, которые нужны для успешной реабилитации и социализации ребенка. Следовательно, взаимодействие логопеда с родителями должно быть направлено на развитие компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР.

Значимость компетентности родителей в воспитании детей раннего возраста обусловлена тем, что именно этот возрастной этап признается учеными (А. А. Люблинская, В. С. Мухина, Л. Ф. Обухова, К. Л. Печора и др.) наиболее важным в становлении и развитии личности ребенка, а также наиболее благоприятным в случаях нарушения развития для включения компенсаторных механизмов и устранения вторичных нарушений. Привнесение коррекционной составляющей в процесс семейного воспитания создает условия для развития ребенка в естественных жизненных ситуациях.

Д. Р. Исламова отмечает, что повышение компетентности родителей, овладение ими знаниями о природе нарушения в развитии своего ребенка и приемами, методами оказания ему педагогической помощи способствует положительным изменениям и дальнейшей социализации ребенка, предотвращению в семье неблагоприятного психологического климата [4, с. 238].

Современные ученые (Е. В. Бондаревская, Ю. А. Гладкова, Т. В. Кротова, Т. А. Куликова и др.) определяют педагогическую компетентность родителей как широкое общекультурное понятие, составляющее часть педагогической культуры; единство теоретической и практической готовности родителей к осуществлению педагогической деятельности, умение понять потребности детей и создать условия для их удовлетворения; системное, интегративное, личностное образование, совокупность деятельностных и личностных характеристик, предрасполагающую возможность эффективно осуществлять процесс воспитания ребенка в семье [5, с. 1].

С целью выявления уровня компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР нами было проведено опытно-экспериментальное исследование на базе ГБУ ДО РС(Я) «Республиканский центр психолого-медико-социального сопровождения» и частного детского сада «ДоМиСолька» г. Якутска. Экспериментом было охвачено 20 родителей детей раннего возраста с ЗРР.

На основе исследования Д. Р. Исламовой, анкет, предложенных В. П. Балобановой, В. В. Селиной, О. Д. Старициной, Т. А. Титовой, И. А. Чистович, мы разработали диагностическую анкету, по которой определили уровень сформированности следующих компетенций родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР:

- ценностно-рефлексивные компетенции – способность осознавать свою роль в формировании словаря у детей раннего возраста с ЗРР и необходимость в повышении своих педагогических возможностей; ставить задачи воспитания ребенка, адекватные целям коррекционно-развивающего обучения;
- когнитивные компетенции – владение базовыми знаниями о закономерностях формирования словаря у детей раннего возраста, способами решения педагогических проблем в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР; навыками поиска, анализа и отбора необходимой информации по вопросам формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР;
- коммуникативно-деятельностные компетенции – способность применять психолого-педагогические знания в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР в процессе семейного воспитания.

Результаты диагностики уровня компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР представлены в таблице 1.

Таблица 1 Результаты диагностики уровня компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР

Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Ценностно-рефлексивные компетенции		
5%	70%	25%
Когнитивные компетенции		
0%	65%	35%
Коммуникативно-деятельностные компетенции		
0%	35%	65%

Данные диагностики показали, что у родителей на более высоком уровне сформированы ценностно-рефлексивные компетенции. Они осознают свою роль в формировании словаря у детей раннего возраста с ЗРР, необходимость в повышении своих педагогических возможностей, определяют задачи воспитания ребенка, адекватные целям коррекционно-логопедической работы.

Исследование сформированности когнитивных компетенций родителей по-

казало, что у большинства средний уровень, у трети - низкий уровень. Они в недостаточном объеме владеют базовыми знаниями о закономерностях формирования словаря у детей раннего возраста, испытывают затруднения во владении способами решения педагогических проблем в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР, навыками поиска, анализа и отбора необходимой информации по вопросам формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР.

Анализ данных анкетирования показал, что у большинства родителей низкий уровень коммуникативно-деятельностных компетенций. Родители испытывают сложности с применением психолого-педагогических знаний в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР в процессе семейного воспитания.

Таким образом, данные исследования свидетельствуют о недостаточном уровне сформированности компетентности родителей в области формирования словаря у детей раннего возраста с ЗРР. Следовательно, логопедическая работа по формированию словаря у детей раннего возраста с ЗРР должна включать направление по повышению уровня компетентности родителей в данной области, в первую очередь, уровня сформированности коммуникативно-деятельностных компетенций. Это будет способствовать повышению эффективности логопедической работы по данному направлению, созданию условий для семейного воспитания ребенка раннего возраста с ЗРР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова О. Е. Задержка речевого развития: дизонтогенез или «особый» путь развития речи // Логопед. 2007. № 3. С. 26-32.
2. Громова О.Е. Методика формирования начального детского лексикона в условиях направленного коррекционно-развивающего обучения: дис. канд. пед. наук. Москва, 2003. 234 с.
3. Жулина Е. В. Модель ранней логопедической помощи детям с задержкой речи // Вестник Мининского университета. 2014. № 3(7). С. 15.
4. Исламова Д. Р. Педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) // Конкурс молодых ученых: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Изд-во Наука и просвещение, 2020. С. 238-243.
5. Минина А. В. Компетентность современных родителей в воспитании самостоятельности у дошкольников // Дискуссия. 2014. №1(42). С. 131-137.
6. Шабаршина О. А. Формирование словаря детей раннего возраста в условиях дома ребенка // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза: материалы всероссийской научно-практ. конф. (г. Ектеринбург, апрель 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2014. С. 114-116.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gromova O. E. Zaderzhka rechevogo razvitija: dizontogenez ili «osobyj» put' razvitija rechi // Logoped. 2007. № 3. S. 26-32.
2. Gromova O.E. Metodika formirovanija nachal'nogo detskogo leksikona v uslovijah napravlennogo korrekcionno-razvivajushhego obuchenija: dis. kand. ped. nauk. Moskva, 2003. 234 c.
3. Zhulina E. V. Model' rannej logopedicheskoj pomoshhi detjam s zaderzhkoj rechi // Vestnik Mininskogo universiteta. 2014. № 3(7). S. 15.
4. Islamova D. R. Pedagogicheskaja kompetentnost' roditelej, vospityvajushhih detej rannego vozrasta s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja (OVZ) // Konkurs molodyh uchenyh: sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Penza: Izd-vo Nauka i prosveshhenie, 2020. S. 238-243.

5. Minina A. V. Kompetentnost' sovremennyh roditelej v vospitanii samostojatel'nosti u doshkol'nikov // Diskussija. 2014. №1(42). S. 131-137.
6. Shabarshina O. A. Formirovanie slovarja detej rannego vozrasta v uslovijah doma rebenka // Izuchenie i obrazovanie detej s razlichnymi formami dizontogeneza: materialy vserossijskoj nauchno-prakt. konf. (g. Ekterinburg, aprel' 2014 g.). Ekaterinburg: Izd-vo UGPU, 2014. S. 114-116.

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Сысолятина Л.В. Роль родителей в формировании словаря у детей раннего возраста с задержкой речевого развития // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 129-133. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Sysolyatina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893206
УДК 37.08

Уйманова Н.А.

Уйманова Наталья Александровна, аспирант, Оренбургский государственный университет, 460018, Россия, г. Оренбург, проспект Победы, дом 13. E-mail: ucmetod@yandex.ru.

Педагогическое саморазвитие преподавателя в электронном образовательном пространстве колледжа

Аннотация. Реалии современного общества диктуют необходимость перехода к формированию цифрового учебного контента. Постепенно образовательное пространство организации модернизируется и переходит в стадию электронного образовательного пространства. В данной статье рассматриваются проблемы педагогического саморазвития преподавателя колледжа в условиях электронного обучения. Выявлены ключевые особенности саморазвития внутри образовательной организации, обеспечивающие эффективность рассматриваемого процесса: целенаправленность, комплексность, согласованность, обеспеченность, системность. Ключевой особенностью описанной формы деятельности является адаптация под потребности среднего профессионального образования с учетом потенциала педагогического саморазвития преподавателей колледжа.
Ключевые слова: педагогическое саморазвитие, электронное образовательное пространство, консалтинг, особенности саморазвития преподавателя.

Uimanova N.A.

Uimanova Natalya Aleksandrovna, post-graduate, Orenburg State University, 460018, Russia, Orenburg, Pobedy Avenue, 13. E-mail: ucmetod@yandex.ru.

Teacher’s pedagogical self-development in the electronic educational space of the college

Abstract. The realities of modern society dictate the necessity of transition to digital educational content formation regardless of our desire. Gradually the educational space of the organization is modernized and moves to the stage of electronic educational space. In this article the problems of pedagogical self-development of a college teacher in conditions of electronic learning are considered. Key features of self-development within the educational organization providing efficiency of considered process are revealed: purposefulness, complexity, coordination, security, systematics. The key feature of the described form of consulting is adaptation to the needs of secondary vocational education taking into account the potential of pedagogical self-development of college teachers.
Key words: pedagogical self-development, electronic educational space, consulting, features of the teacher’s self-development.

Образовательный процесс современного образовательного учреждения неизбежно опирается на информационно-коммуникационные технологии. Особенно актуальным данный вопрос является в период всеобщего перехода на электронное обучение. Любая технология может стать как предметом для изучения, так и непосредственно изменить саму логику получения профессионального образования. Повышение потенциала образовательного процесса в сфере информационно-коммуникационных технологий обеспечит условия эф-

фективной организации электронного обучения, а для преподавателя это станет новой ступенью в его профессионально-педагогическом саморазвитии. Качественная организация учебного контента позволит способствовать повышению уровня мотивации студента, повысит информационно-коммуникативную потребность, что повлияет на результативность в оценке потенциальных возможностей альтернативного формирования знаний и умений студентов в условиях электронного обучения .Итак, под потенциалом преподавателя колледжа в условиях электронного образовательного пространства в данной статье будем понимать совокупность форм и методов организации информационно-коммуникативного взаимодействия со студентами.

При оценке спектра потенциальных возможностей преподавателя колледжа в организации электронного взаимодействия со студентами первостепенным является осмысление и характеристика понятия «образовательное пространство», так как именно в нем и реализуется коммуникативная связь субъектов образовательного процесса.

Анализ подходов к понимаю образовательного пространства позволил сделать вывод о том, что это, прежде всего, система [1; 2]. В широком смысле, образовательное пространство представляет собой целостную динамическую систему, основной целью которой является образование человека в контексте освоения им ценностей общества.

Так, Э.К. Самерханова [2; 3] рассматривает образовательное пространство как совокупность ресурсных, субъектно-деятельностных и духовно-информационных составляющих, целостность которого обеспечивается интеграцией многих процессов, проявляющихся на разных уровнях пространства. Анализ ряда работ, проведенный М.В. Щербаковой, позволил сделать вывод о том, что термин «образовательное пространство» трактуется как тождественный «информационному образовательному пространству» [4]. В условиях повсеместной цифровизации и развития коммуникативного взаимодействия появляется еще одна тождественная трактовка «электронное образовательное пространство». Таким образом, под электронным образовательным пространством понимается совокупность технических, нормативных, методических и педагогических составляющих, обеспечивающих дополнительные возможности качественной подготовки студентов в условиях электронного обучения.

В данном контексте преподаватель является ключевой фигурой, способной интегрировать все составляющие, поэтому особую заботу руководства образовательной организации составляет обеспечение условий для его непрерывного и эффективного профессионально-педагогического саморазвития. В этой связи, преподаватель вовлекается в особый коммуникативный процесс получения консалтинговых услуг, подчиненных одной общей цели – развитие профессиональных качеств в области цифровизации учебного контента. Качества преподавателя, как ключевого звена электронного образовательного пространства, с приставкой «само» (самостоятельный, самоорганизованный, саморазвивающийся, самообучаемый и т.п.), являются результатом процесса консалтинговой деятельности внутри образовательной организации.

Образовательное пространство организаций среднего профессионального образования, имеет свои особенности, связанные, прежде всего, с их спецификой. Колледж осуществляет многоуровневую подготовку специалистов, начиная с общеобразовательных дисциплин и заканчивая профессионально-ориентированными компетенциями, соответствующими международными стандартам «Ворлдскиллс», что характеризуется более широким спектром деятельности по сравнению с другими образовательными организациями. Таким образом, внутриорганизационный консалтинг должен создать условия для применения средств формирования электронного образовательного пространства колледжа, учитывая разный потенциал преподавателей.

Профессионально-педагогическое саморазвитие внутри электронного образовательного пространства колледжа также представляет собой систему, в которой мы выявили отличительные особенности – целенаправленность, комплексность, обеспеченность, согласованность, системность.

Целенаправленность профессионального саморазвития предполагает целевую ориентацию преподавателя на достижение единого результата. В нашем случае результатом рассматриваемого процесса являются показатели профессионально-педагогической компетентности преподавателя, способного самосовершенствоваться.

На каждом этапе саморазвития целевая установка будет модифицироваться, но «генеральная» цель остается неизменной. В этой связи, можно говорить о комплексности процесса, т.е. полнота и взаимосвязанность элементов обуславливают целенаправленность.

Под обеспеченностью профессионального саморазвития следует понимать наличие организационных (материальных, трудовых, информационных) и педагогических условий развития профессиональный качеств преподавателя.

Четкое понимание путей самосовершенствования и развития себя как профессионала, структурированность и последовательность действий характеризует согласованность саморазвития, выраженную в эффективном взаимодействии в процессе консалтинга.

Рассмотренные особенности профессионально-педагогического саморазвития обуславливают его системность, т.е. совокупность мер, необходимых для его эффективной организации.

В результате проведенного теоретического анализа нами была адаптирована под особенности образовательного процесса колледжа система дистанционного обучения Moodle. Помимо стандартных функций, система включает возможности видео и аудио конференций и консультаций, что позволит качественно преподнести материал как по общеобразовательным дисциплинам, так и продемонстрировать наглядно практические и лабораторные работы для формирования профессиональных компетенций будущих специалистов. С учетом разного потенциала педагогического саморазвития нами разработан, как качество средство профессионального консалтинга, обучающий курс в данной системе (Рис. 1), который позволит преподавателю освоить процесс цифровизации собственного учебного контента и сформировать новые или качественно преобразовать имеющиеся компетенции.

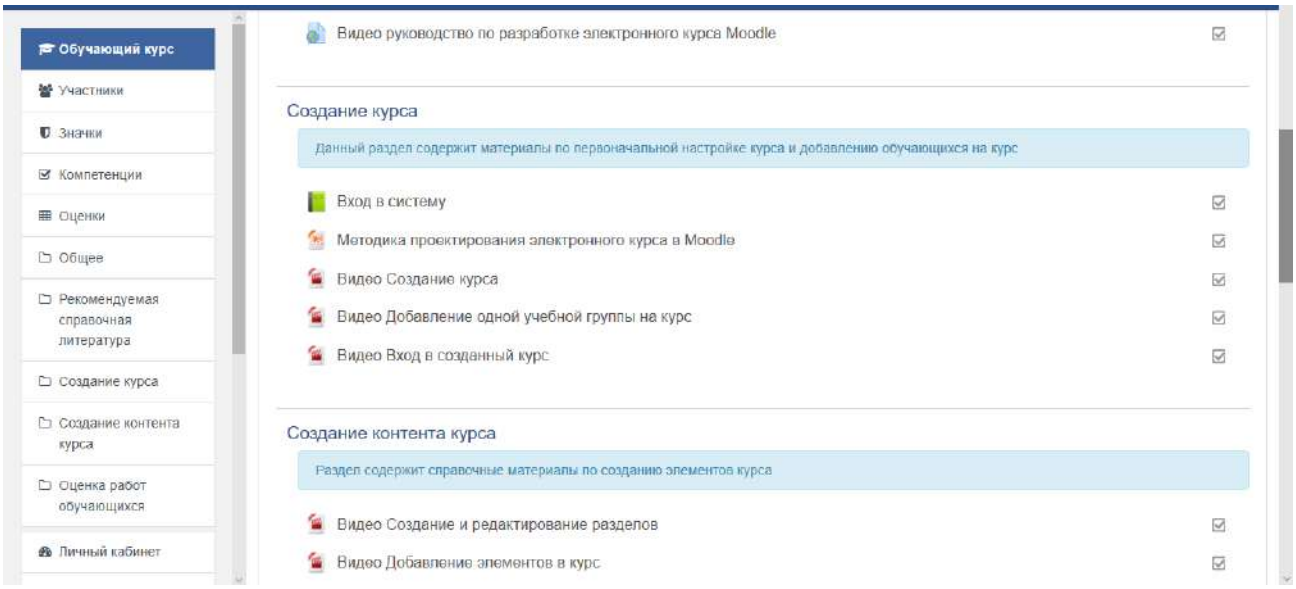

Рис. 1. Обучающий электронный курс

Данный курс содержит видеодемонстрации по созданию электронного контента учебной дисциплины, позволяющие пользователю с разными потенциальными возможностями создать обучающий курс.

В течение 30 дней нами производились замеры активности пользователей на сайте дистанционного обучения до внедрения курса обучения и после. На основании данных мониторинга мы получили следующие результаты (Рис. 2).

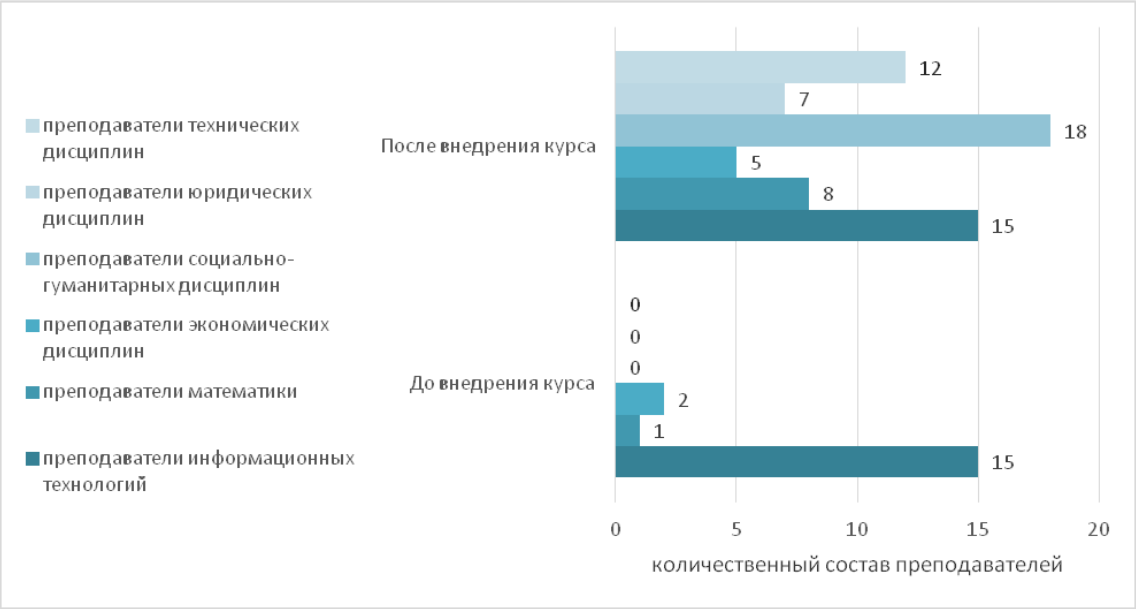

Рис. 2. Динамика саморазвития преподавателей колледжа в электронном образовательном пространстве

Таким образом, можно сделать вывод, что адаптированный под особенности среднего профессионального образования обучающий курс работы в системе дистанционного образования позволил увеличить качественное развитие преподавателей в области информационных технологий с 16,6% до 60,2% от общего числа преподавателей колледжа. Консалтинговая деятельность по формированию электронного контента осуществлялась в рамках системности данного процесса. Целью консалтинга является развитие устойчивых навыков проектирования цифровых образовательных ресурсов. Курс разбит на этапы, которые содержат видео консультации с повышающимся уровнем сложности. Таким образом, преподаватель в стадии саморазвития проходит несколько этапов: мотивация к действию, планирование курса, реализация, творческое саморазвитие, при этом меняется цель каждого этапа, но в результате происходит достижение единой стратегической цели, что обуславливает целенаправленности и комплексности процесса саморазвития.

Сам по себе курс и является ресурсом обеспечивающим педагогическое саморазвитие преподавателя, что в свою очередь является критерием обеспеченности рассматриваемого процесса. Результаты внедрения обучающего курса свидетельствуют о согласованности саморазвития, что характеризует процесс коммуникативного взаимодействия консультанта и преподавателя как эффективный. Интеграция указанных особенностей профессионально-педагоги-ческого саморазвития преподавателя говорит о системности исследуемого процесса.

Процесс внутриорганизационного консалтинга характеризуется множеством целей, задач, содержанием, методами, формами взаимодействия. Дистанционный курс обучения, адаптированный под особенности конкретной образовательной организации является примером

одной из форм профессионального консалтинга, но системность процесса должна оставаться неизменной для любой из форм, только в этом случает можно добиться эффективности. В свою очередь, результативность данной формы консалтинга позволила выявить потенциал педагогического саморазвития преподавателя в электронном образовательном пространстве колледжа, что свидетельствует о необходимости качественных преобразований в формах работы с преподавателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маланов И. А. Понятие «образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2012. №1. С. 23-28.
2. Самерханова Э. К., Плесовских Г. А. Интерактивные технологии в организации профессионально-ориентированного пространства обучения студентов в вузе // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. №3. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24321584_83862130.pdf
3. Самерханова Э. К. Модульный подход к разработке научно-методического обеспечения обучения студентов в условиях социального партнёрства // Вестник Мининского университета. 2015. №1. С. 21-27.
4. Щербакова М. В. Критерии внедрения информационного образовательного пространства образовательной организации // International Journal of Open Information Technologies. Москва: Лаборатория Открытых Информационных Технологий факультета ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015, №5. С. 20-25.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Маланов И. А. Понятие «образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2012. №1. С. 23-28.
2. Самерханова Э. К., Плесовских Г. А. Интерактивные технологии в организации профессионально-ориентированного пространства обучения студентов в вузе // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. №3. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24321584_83862130.pdf
3. Самерханова Э. К. Модульный подход к разработке научно-методического обеспечения обучения студентов в условиях социального партнёрства // Вестник Мининского университета. 2015. №1. С. 21-27.
4. Щербакова М. В. Критерии внедрения информационного образовательного пространства образовательной организации // International Journal of Open Information Technologies. Москва: Лаборатория Открытых Информационных Технологий факультета ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015, №5. С. 20-25.

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Уйманова Н.А. Педагогическое саморазвитие преподавателя в электронном образовательном пространстве колледжа // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 134-138. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Uimanova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893212
УДК 378.1

Церюльник А.Ю.

Церюльник Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры Русской филологии, Тихоокеанский государственный университет, 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: anna-jur@mail.ru.

Функционирование университета в условиях дистанционного формата обучения в период пандемии COVID-19

Аннотация. Данная статья посвящена дистанционному формату функционирования университета. Рассматривается использование определённых Интернет-ресурсов и программ на разных этапах работы и в решении различных задач. Особое внимание уделяется программам, обеспечивающим информирование участников образовательного процесса, проведение занятий, а также организацию итоговых экзаменов и защиты ВКР. Автор приходит к выводу, что необходимо повышать уровень IT-компетенций преподавателей для обеспечения более качественного образования в условиях дистанционной работы. Также автор отмечает целесообразность сочетания в дальнейшем традиционного обучения в университете с элементами дистанционного формата.
Ключевые слова: дистанционное обучение, дистанционные технологии, Интернет-технологии, видеоконференцсвязь, видеоконференция, Zoom, IT-компетенции.

Tceryulnik A. Yu.

Tceryulnik Anna Yurevna, Senior Teacher of Department of Russian philology, Pacific State University, 680035, Russia, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st., 136. E-mail: anna-jur@mail.ru.

Distance learning at the university during the COVID-19 pandemic

Abstract. This article is devoted to the remote format of the university functioning. The author considers the use of certain Internet resources and programs at different stages of work and in solving various tasks. Special attention is paid to programs that provide information to participants of the educational process, conduct classes, as well as the organization of final exams and defense of the final qualifying work. The author comes to the conclusion that it is necessary to increase the level of IT-competence of teachers to ensure better education in the conditions of distance work. The author also notes the expediency of combining traditional education at the University with elements of a distance format in the future.
Key words: distance learning, distance technologies, Internet technologies, video conferencing, video conferencing, Zoom, IT competence.

Распространение коронавируса COVID-19 внесло серьёзные коррективы в образовательный процесс по всему миру и в России в частности. Первая волна погружения в онлайн-обучение была обусловлена работой с китайскими студентами, которые не смогли после каникул вернуться к началу второго семестра, т.к. в Китае закрыли границы. А позже из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации в России с марта 2020 г. остро встал вопрос перехо-

да всех российских образовательных учреждений на дистанционный формат работы. Данный факт стал отправной точкой активного погружения преподавателей в цифровую среду, изучения возможностей Интернет-ресурсов и программ, позволяющих организовать учебный процесс дистанционно. При этом в процессе этой работы выявились некоторые проблемы, которые послужили ограничительными факторами для полноценной организации учебного процесса в таком формате.

Удалённое взаимодействие преподавателей и студентов предполагает использование на разных этапах работы и в решении различных задач немалого количества разнообразных Интернет-ресурсов и программ, которые обеспечивают «интерактивность и мультимедийную поддержку учебного процесса, контроль оценки познавательной деятельности обучающихся» [2, С. 34]. Следует отметить некоторые преимущества дистанционной формы обучения по сравнению с традиционной: возможность получения профессионального образования в более короткие временные сроки с учетом индивидуальных наклонностей студента, использование огромного количества источников информации, а также информационных и телекоммуникационных технологий и т.д. [6]. При этом продуктивность системы дистанционного образования зависит не только от использования современных цифровых технологий, но и от осознания необходимости творческого подхода к работе, установления взаимодействия студентов и преподавателей в информационном пространстве [5].

Одним из важных этапов в процессе дистанционной работы является оперативное информирование студентов и преподавателей на разном уровне (кафедра, факультет, институт, университет) о принятии новых решений, графике и формате работы и т.д. Для этого могут использоваться различные популярные мессенджеры (WhatsApp, WeChat), электронная почта, сообщения в ЭИОС и др. В случае использования мессенджеров удобно создавать группы для студентов, а также корпоративные группы для кафедры. Подобные средства гораздо эффективнее связи при помощи телефонных звонков, т.к. позволяют сэкономить время и моментально охватить большую аудиторию, а наличие смартфона, на который установлены подобные программы, на сегодняшний день является стандартным условием для взаимодействия людей в нашем современном мире, требующем с каждым днём всё большей мобильности.

Для совместной работы в документах, когда необходимо решить вопросы, связанные, например, с проектом, сделать совместную презентацию, проверить контрольные или проанализировать выполненный фрагмент ВКР, можно использовать Google документы, где студенты и преподаватели могут размещать свои файлы и давать доступ по ссылке другим людям. Также для совместной работы отлично подходят виртуальные доски, на которые можно загружать тексты, мультимедиа, файлы, можно рисовать, а передвижения курсора будут видны всем участникам (например, IDroo, NoteBookCast, MIRO, Scrumblr, WikiWall и др.). Некоторые доски имеют даже такие опции, как голосовое общение и использование видео через вебкамеру (например, Scratchwork). Для организации процесса работы (учебный процесс, проектная деятельность) можно использовать программы, в которых есть возможность установить задачи и определить сроки их выполнения, а также обозначить тех, кто данные задачи должен выполнять (Trello). Подобные программы полезны не только для организации работы группы людей, но и для самоорганизации, т.к. позволяют четко планировать своё время и выполнение задач разного характера, что, безусловно, важно в образовательном процессе.

Социальные сети также стали активно использоваться в образовательном процессе (ВКонтакте, Фейсбук, Инстаграм и др.). Их возможности весьма широкие: организация блогов преподавателей, студентов, отдельных студенческих

групп, информирование при помощи отправки сообщений, а также ведение лекций для студентов в прямом эфире. Последнее можно организовать на базе Instagram, т.к. здесь одно из безусловных преимуществ – неограниченное количество слушателей и возможность встраивать в этом прямом эфире визуальную составляющую (фото и видео).

С погружением в дистанционное обучение всё большую популярность в университетах набирают системы управления курсами, или виртуальная обучающая среда (Moodle, Ilias, ATutor, Claroline, Sakai, TrainingWare Class). Наиболее известной является виртуальная обучающая среда на базе Moodle [1, 3]. Эту бесплатную веб-платформу можно легко адаптировать для любых образовательных задач, создавая на её основе полноценный курс, включающий в себя лекции, практические задания, разные виды тестов и др.

Все названные выше сервисы, безусловно, имеют большое значение в дистанционном обучении. Однако наибольшего результата можно достичь при условии прямого контакта с учащимися. Это возможно в случае использования программ для проведения видеоконференцсвязи (ВКС), так как преподаватель может работать с группой студентов и при этом слышать и видеть их. К программам, которые могут обеспечить подобный формат работы, можно отнести Zoom, DingTalk Lite, VooV Meeting, Google Meet, TrueConf, Microsoft Teams, Skype и др. При этом следует отметить, что определённым лидером среди данных программ является Zoom. На сегодня эта программа имеет, пожалуй, самый богатый функционал, в том числе в базовой версии. Среди самых полезных опций Zoom в бесплатной версии для проведения учебных занятий со студентами можно назвать следующее:

– «зал ожидания» (при подключении к конференции студент не сразу попадает в виртуальную комнату, а только после подтверждения преподавателя; это может быть полезно не только в целях безопасности, но и при каких-либо игровых целях, т.к. студента можно на время перевести из общей виртуальной комнаты в этот «зал ожидания»);

– демонстрация экрана (возможна демонстрация всей рабочей области экрана компьютера, а также демонстрация отдельных приложений и даже отдельно звука);

– комментирование (при помощи инструментария Zoom можно вносить дополнительный текст, выделять слова/предложения, рисовать, чертить поверх демонстрации экрана);

– встроенная интерактивная доска (можно не использовать сторонние программы, однако среди минусов – невозможность загрузить на эту доску изображения);

– сессионные залы (позволяют разделить студентов на группы и поместить их в разные виртуальные комнаты для выполнения различных учебных задач, например, для подготовки диалога);

– видеозапись (можно записывать свои лекции без студентов, чтобы далее их включить в онлайн-курс, также можно записывать свои занятия для последующего анализа или вести видеозапись заседания кафедры, проведения защит ВКР для оформления протокола; удобно то, что запись в итоге осуществляется в двух видах: аудио и видео).

Как мы видим, данные программы и Интернет-ресурсы позволяют достаточно эффективно проводить разные типы занятий, среди которых лекции, практические/лабораторные занятия, семинары. А при включении в процесс возможностей видеоконференцсвязи подобная работа становится максимально приближенной к традиционным занятиям.

Ещё одна важная часть образовательного процесса – приём экзаменов и зачётов, а также защита ВКР. И в рамках дистанционной работы, несомненно, следует уделить этому особое внимание на подготовительном этапе. На наш взгляд, наиболее оптимальным для организации испытаний в рамках сессии является тес-

тирование с автоматизированной проверкой результатов. Для тех дисциплин, где тестирования может быть недостаточно, а также оно не может служить объективной системой оценивания (например, аспект говорения в иностранном языке), будет целесообразно использовать ВКС, во время которой студент выбирает билет и отвечает на вопросы.

При проведении защит дистанционно, конечно, более оптимальный вариант – это использование программ ВКС. Как уже отмечалось ранее, в Zoom есть возможность сессионных залов, которые можно также использовать в процессе экзаменов и защиты ВКР, когда в одной виртуальной комнате студенты готовятся, а в другой виртуальной комнате работает комиссия и отвечает один студент. Безусловно, для итоговых экзаменов и защиты ВКР должен быть проработан в университете единый регламент, включающий порядок информирования студентов и преподавателей, подключение к программе ВКС, прохождение процедуры идентификации личности студентов, который исключает подмену человека, сдающего экзамен и проходящего защиту ВКР, а также последующую сдачу ВКР в общую базу университета.

Использование всех описанных выше особенностей дистанционного процесса обучения предполагает наличие у преподавателей соответствующих IT-компетенций. При этом практика показывает, что далеко не все преподаватели готовы к взаимодействию со студентами и друг с другом при помощи новых современных технологий. Так, в исследовании аналитического центра НАФИ отмечается, что преподаватели чаще всего «просят помощи из-за проблем с технической оснащенностью своего рабочего места (например, с устаревшей техникой, медленным интернетом), из-за недостатка методических знаний в дистанционном обучении, технических знаний и навыков по работе с компьютером» [4]. Эти факторы становятся причинами того, что дистанционное обучение, к сожалению, порой сводится к формальной пересылке заданий по электронной почте и полному отсутствию обратной связи. В связи с этим крайне необходимо на уровне университета обеспечить для преподавателей регулярные курсы повышения квалификации, связанные с грамотной разработкой электронных учебных курсов (ЭУК), с использованием в преподавании интерактивной технологии ВКС, различных Интернет-ресурсов и программ (мессенджеры, виртуальные доски, Google-документы и др.) и т.д.

Помимо этого для продуктивной работы необходимы собственные университетские цифровые платформы онлайн-курсов и лицензионное программное обеспечение, позволяющее создавать интерактивные обучающие материалы.

В заключение нужно сказать, что современное образование не должно оставаться в стороне, в то время как цифровые технологии развиваются большими темпами. Следует объективно оценивать возможности дистанционной работы, в том числе дистанционного обучения студентов, для дальнейшего использования некоторых технологий даже после того, как пройдет необходимость из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации работать только из дома. На наш взгляд, умелое сочетание традиционных форм обучения с дистанционным форматом позволит выйти на качественно более высокий уровень, сделать процесс занятия увлекательным и тем самым повысить степень мотивации студентов к активной познавательной деятельности, что обеспечит возможность получить качественное образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюханова В. В. Реализация текущего контроля освоения базового курса в системе дистанционного обучения Moodle / В. В. Брюханова, А. А. Дорошкевич, Н. С. Кириллов и др. // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2016. Т. 2. С. 57-60.

2. Воробьева Е. И. Информатизация иноязычного образования: основные направления и перспективы: монография // Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет, 2011. 123 с.
3. Зыкова И. А., Рассолько О. И. Использование системы дистанционного обучения Moodle при реализации образовательных программ в условиях вузовского обучения // Материалы XII международной научно-методической конференции «Перспективы развития высшей школы». Гродно: Гродненский государственный аграрный университет, 2019. С. 336-340.
4. Соловьёва О. Половина российских преподавателей не готовы к удаленному обучению // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/economics/2020-04-07/1_7837_education.html
5. Филатова Н. С. Место дистанционного обучения в образовательной системе вузов // Материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Цифра в помощь учителю». Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. С. 68-73.
6. Яшина Л. И. Дистанционное обучение в вузе: содержание и технологии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1(58). С. 142 – 147.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Brjuhanova V. V. Realizacija tekushhego kontrolja osvoenija bazovogo kursa v sisteme distancionnogo obuchenija Moodle / V. V. Brjuhanova, A. A. Doroshkevich, N. S. Kirillov i dr. // Sovremennoe obrazovanie: soderzhanie, tehnologii, kachestvo. 2016. T. 2. S. 57-60.
2. Vorob'eva E. I. Informatizacija inojazychnogo obrazovanija: osnovnye napravlenija i perspektivy: monografija // Pomorskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Arhangel'sk: Pomorskij universitet, 2011. 123 s.
3. Zykova I. A., Rassol'ko O. I. Ispol'zovanie sistemy distancionnogo obuchenija Moodle pri realizacii obrazovatel'nyh programm v uslovijah vuzovskogo obuchenija // Materialy XII mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii «Perspektivy razvitija vysshej shkoly». Grodno: Grodnenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2019. S. 336-340.
4. Solov'jova O. Polovina rossijskih prepodavatelej ne gotovy k udalennomu obucheniju // Nezavisimaja gazeta. URL: http://www.ng.ru/economics/2020-04-07/1_7837_education.html
5. Filatova N. S. Mesto distancionnogo obuchenija v obrazovatel'noj sisteme vuzov // Materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Cifra v pomoshh' uchitelju». Cheboksary: OOO «Izdatel'skij dom «Sreda», 2020. S. 68-73.
6. Jashina L. I. Distancionnoe obuchenie v vuze: soderzhanie i tehnologii // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 1(58). S. 142 – 147.

Поступила в редакцию 27.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Церюльник А.Ю. Функционирование университета в условиях дистанционного формата обучения в период пандемии COVID-19 // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 139-143. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Tceryulnik.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893229
УДК 378.14

Чермошенцева Е.Г., Тухватуллина А.В., Залиева Г.И.

Чермошенцева Екатерина Геннадьевна, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: chermoshenceva.e@odin.mgimo.ru.
Тухватуллина Анжелика Венеровна, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: anzelikasletova@gmail.com.
Залиева Гюльнар Ильхам кызы, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3. E-mail: gzaliyeva@gmail.com.

Дистанционное обучение: как сократить дистанцию?

Аннотация. Целью данной статьи служит исследование проблемы социальной дистанции, возникающей в процессе дистанционного обучения и влияющей непосредственно на процесс усваивания информации обучающимся. На сегодняшний день в связи с пандемией COVID-19 данная тема представляется актуальной и требует более глубокого исследования. В статье объясняется важность построения социального чувства сопричастности между преподавателем и учеником, а также методы улучшения социальной коммуникации в процессе онлайн-урока.
Ключевые слова: дистанционное обучение; социальная дистанция; социальная коммуникация; онлайн-занятие; методы преодоления социальной дистанции; методы преподавания.

Chermoshentseva E.G, Tuhvatullina A.V., Zalieva G.I.

Chermoshentseva Ekaterina Gennadievna, Odintsovo branch of MGIMO, 143007, Russia, Moscow Region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya st., 3. E-mail: chermoshenceva.e@odin.mgimo.ru.
Tuhvatullina Angelika Venerovna, Odintsovo branch of MGIMO, 143007, Russia, Moscow Region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya st., 3. E-mail: anzelikasletova@gmail.com.
Zalieva Gulnar Ilham kyzy, Odintsovo branch of MGIMO, 143007, Russia, Moscow Region, Odintsovo, Novo-Sportivnaya st., 3. E-mail: gzaliyeva@gmail.com.

Distance Learning: How to Shorten the Distance?

Abstract. The aim of this article is to consider the issue of social distance that occurs in the process of distance education and directly affects the process of learning information by students. Today, in connection with the COVID-19 pandemic, this topic is relevant and requires more careful research. The article explains the importance of building a social sense of belonging between the teacher and the student, as well as methods for improving social communication during the online lesson.
Key words: distance learning; social distance; social communication; online lesson; methods of overcoming social distance; teaching methods.

Новейшая разновидность вируса COVID-19 внесла серьезнейшие коррективы во многие сферы, в том числе, и систему образования. Учебные заведения столкнулись с проблемой сохранения учебного процесса, обеспечивая при этом безопасность здоровья преподавателей, студентов и сотрудников. Вузы и школы перенесли учебные курсы в интернет-пространство с целью

предотвратить распространение заболевания.

В связи с этим проблема дистанционного обучения представляется чрезвычайно актуальной. Новые реалии требуют неотложной реакции мирового сообщества, поэтому нам представляется важным обратить внимание на проблемы, возникающие в процессе онлайн-обучения и предложить пути решения этих проблем.

Задача данной статьи заключается в ознакомлении с проблемой социальной дистанции между преподавателями и учащимися в процессе дистанционного обучения. Методологической основой для написания статьи послужили методы анализа, обобщения и синтеза.

Согласно Mehrotra, Hollister и McGahey (2001), дистанционное обучение или дистанционное образование - это не метод обучения будущего, к которому высшее образование должно готовиться, это современная реальность, создающая возможности и вызовы для развития высшего образования [6].

2020 год дал возможность всему человечеству убедиться в правдивости этой фразы. С началом пандемии многие преподаватели были вынуждены покинуть рабочие кабинеты и трансформировать очные уроки в дистанционный онлайн формат. Для некоторых это стало проверкой на прочность и вызовом - за неимением опыта работы в подобной форме обучения, а многие преподаватели с энтузиазмом восприняли вынужденную меру и активно публикуют свои первые записи мини-видео лекций и составленные планы изучения дисциплин, демонстрирующие гибкость дистанционного формата для студентов и школьников.

Размышлять о плюсах и минусах дистанционной формы обучения можно довольно долго.

С одной стороны, дистанционное обучение подходит под критерии эффективности учебного процесса, с точки зрения Брауна и Кокинга, которые утверждали, что эффективные учебные среды формируются в рамках конвергенции четырех перекрывающих друг друга «линз»: ориентированность на сообщество, ориентированность на знания, ориентированность на учащихся и ориентированность на оценку [5].

Также возможность получать знания, не тратя при этом время на транспорт с целью нахождения в учебном заведении, составляет существенное преимущество, делающее знание как таковое более доступным в том числе для студентов с ограниченными возможностями.

С другой стороны, вопрос технического оснащения обязывает каждого студента иметь доступ к высокоскоростному интернету, а также девайс, через который будет осуществляться коммуникация с преподавателем и учебными материалами, а также дальнейшее выполнение домашнего задания. Это не всегда осуществимо.

И, конечно, вопрос о заменяющей функции онлайн-обучения в отношении очного остается открытым. В частности, нас интересует аспект социальной коммуникации в условиях дистанционного формата обучения. Рассмотрим более подробно эту проблему.

Опытные преподаватели отмечают, что обучение в онлайн формате воспринимается, как преподавателями, так и самими учениками, как отстраненное, далекое и безличное. В процессе онлайн урока легко забыть про то, что ваши ученики - простые люди, требующие общения как такового, и позволить преподаванию превратиться в набор административных задач и выставление оценок.

Поскольку когнитивные процессы в мозге неразрывно связаны с эмоциональными, социальная связь является необходимым условием обучения и благополучия [1]. Согласно данным последних нейробиологических исследований, становится все более очевидным, что чувство социальной принадлежности к обществу и взаимодействие с ним оказывают глубокое влияние на знания и навыки, которые обучающиеся могут изучать, сохранять и применять [2]. В связи с этим некоторые ученые стали разрабатывать методы, применяемые в онлайн обучении и

увеличивающие социальное взаимодействие учеников и преподавателя.

В одной из статей о дистанционном обучении Флауэр Дарби предлагает следующие пути [4].

Во-первых, преподаватель не должен игнорировать чувства. В течение пары необходимо делать паузы и обращать внимание на то, как себя ощущают студенты, как в эмоциональном отношении, так и в физическом. Необходимо реагировать на эмоции собеседников таким же образом, как если бы занятие проходило в учебном классе.

Во-вторых, преподаватели должны быть более открытыми со своими учениками. Помимо самого предмета преподавания необходимо уделять время на небольшой неформальный разговор со студентами об общих для всех людей проблемах. Это поможет сблизиться и справиться с некоторыми трудностями, в нашем случае, с нелегким периодом пандемии коронавируса.

В-третьих, по мнению Дарби, важно получать так называемый фидбэк от своих студентов: выслушать мнения обучающихся об онлайн - занятиях, предложения по улучшению занятия, а также замечания, касающиеся отрицательных факторов, которые можно исправить. Подобный отклик может быть осуществлен при помощи анонимных опросов. И, кстати, многие вузы и колледжи делают это. Например, в Одинцовском кампусе МГИМО посредством Гугл-форм был проведен опрос студентов и преподавателей на предмет организации и проведения дистанционного обучения. Безусловно, следует понимать, что преподаватель не сможет воплотить в жизнь все корректировки, предложенные студентами, но часть из них, без сомнений, будет полезна для улучшения качества преподавания. Ко всему прочему вовлечение обучающегося в процесс формирования занятия положительно повлияет на социальные отношения.

Еще одним из методов увеличения социальной коммуникации в процессе дистанционного обучения является использование в полной мере возможностей интернета, что предполагает создание и использование интерактивного медиа контента, включающего в себя видео, аудио, визуальные картинки, лонгриды и т.д. Можно отметить также использование онлайн-платформ для выполнения домашнего задания: обучающиеся могут размещать краткие видео-ответы, видеопрезентации на индивидуальной онлайн-доске для обсуждения. Это позволяет оживить атмосферу занятия и привносит положительные эмоции, что, опять же, сказывается на уровне социального общения.

Таким образом, при помощи использования вышеописанных методов можно компенсировать отсутствие физического контакта с преподавателем, который возможен только в условиях офлайн обучения, а также повысить интерес обучающихся к урокам в онлайн-формате.

В связи с пандемией Covid-19 учебные заведения стали вынужденными перевести традиционное очное обучение в онлайн-режим, тем самым побудив ученых глубже рассмотреть вопрос дистанционного обучения.

Согласно исследованиям, в процессе дистанционного обучения возникает необходимость улучшения социального взаимодействия и более тесного контакта между преподавателем и учеником с целью возместить таким образом отсутствие физического контакта на занятии.

Методы, описанные в статье, а именно: повышенное внимание к чувствам и реакциям обучающихся непосредственно на учебном занятии, краткое неформальное общение на отвлеченные темы, активное включение студентов в разработку структуры и ход занятия, а также использования новейших технологических возможностей интернета позволяют улучшить социальную коммуникацию между преподавателем и обучающимся, а также побудить в студенте интерес к предмету и в целом к формату онлайн-обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderman, L. H. Academic and social perceptions as predictors of change in middle school students' sense of school belonging // The Journal of Experimental Education. 2003. 72(1). P. 5-22.
2. Benningfield M. M., Potter M. P., Bostic J. Q. Educational impacts of the social and emotional brain. // Child and Adolescent Psychiatric Clinics. 2015. 24(2). P. 261-275.
3. Cacioppo J. T., Hawkley L. C. Perceived social isolation and cognition. // Trends in Cognitive Sciences. 2009. 13(10). P. 447-454.
4. Flower Darby. How to Recover the Joy of Teaching After an Online Pivot // The Chronicle of Higher Education. URL: https://www.chronicle.com/article/How-to-Recover-the-Joy-of/248314
5. John D. Bransford, Ann L. Brown, Rodney R. Cocking. How people learn: brain, mind, experience, and school // National academy press, Washington, D.C. 2000.
6. Mehrotra C. M., Hollister D. C., McGahey L. Distance. Learning: Principles for Effective Design, Delivery, and Evaluation. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. 432 p.

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Чермошенцева Е.Г., Тухватуллина А.В., Залиева Г.И. Дистанционное обучение: как сократить дистанцию? // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 144-147. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Chermoshentseva.pdf

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893529
УДК 351.746.

Nguyen Linh Khieu

Nguyen Linh Khieu, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam. E-mail: nguyenlinhkhieu@mail.ru.

Coping with negative impacts of non-traditional security in ethnic minority areas in Russian Federation and experience for Vietnam

Abstract. The Russian Federation is a multi-ethnic nation. Like other countries in the world, the Russian Federation is also facing enormous security challenges in which the non-traditional security challenge in ethnic minority regions is an issue that attracts research attention from various aspects. The resolutions of the Russian Federation for these challenges can be a valuable experience for other countries, including Vietnam. In this article, the author identifies the fundamentals of the non-traditional security challenges of the Russian Federation, analyzes the achievements of coping with the negative impacts of non-traditional security factors of the Russian Federation and draws out important lessons.
Key words: Non-traditional security, ethnic minorities, Russian Federation, policy.

The article is the result of implementing the topic «Non-traditional security of ethnic minorities in Vietnam today: current status and solutions». Ethnic Work Code 12.17/16-20.

The Russian Federation is a multi-ethnic nation with more than 185 ethnic groups. Ethnic groups of Russia are very diverse. Russian ethnic group accounts for 81.53%, Tatar 3.76%, Ukrainian 2.97%, Chuvash 1.21%, Bashkir 0.92%, Belarus 0.82%, Moldova 0.73%, Chechnia 0.61 %, Germany 0,57% and other ethnic groups. Of the 85 entities that make up the Russian Federation, there are 21 ethnic minority regions, 5 okrugs autonomous regions and 1 autonomous region (mainly ethnic minorities) [3].

Non-traditional security challenges for the Russian Federation

Non-traditional security appeared after the «cold war». It is different from traditional security. If traditional security is a threat to the survival of the nation and people from wars of aggression and military intervention, non-traditional security consists of factors that directly affect the human life, the survival of the community and the people. Non-traditional security includes elements, such as: Terrorism, climate change, environmental disaster, epidemics, smuggling, transnational crime, energy crisis, food crisis, ethnic & religious conflicts, etc. In the current context of transformation, the Russian Federation is facing a lot of challenges related to non-traditional security.

Firstly, challenges from the West with the intention of approaching the Western border and the European region the Russian Federation, compete and push the Russian Federation away from Europe. External hostile forces have pursued a provocative path based on national and religious issues towards the Russian Federation. To address this challenge, the Russian Federation needs to proactively consolidate its economic potential and ensure socio-political stability in its territory.

Secondly, the challenge from the Eastern Islamic world. The Eastern Islamic world not only bases on racial and cultural intimacy, the desire to draw not only Central Asian republic countries and Kavkaz countries into its sphere of influence, but also approaches and entices autonomous Islamic territories within the composition of the Russian Federation. To prevent it, the Russian Federation needs to rely on the progressive elements of the Islamic culture and the mankind's culture in general to combat Islamic extremist elements. In addition, it is necessary to ensure that the power structures in the autonomous regions are not Islamized or radicalized, and pay attention to propagating and educating the common community spirit of people from the Eurasian background.

Thirdly, challenges from the dynamic development and strong rise of several countries in the Asia-Pacific Region with global ambitions are plotting to turn the Far East and Russia Federation's Syria became a new type of colony, a region that provides direct and unforeseen materials for these ambitions. This is not a new problem for many other regions of the world, but this threat to the Russian Federation is difficult because the Far East and Syria themselves are very remote peripheries, with undeveloped economy and society, difficult transportation, harsh natural conditions, and extremely sparse population, mainly ethnic minorities.

Non-traditional security challenges of ethnic minorities in the Russian Federation

Non-traditional security of ethnic minority regions is transnational, trans-regional and trans-territorial issues that directly affect the lives of ethnic minorities and threaten the stability and sustainable development of certain ethnic minority communities. The non-traditional security challenges of ethnic minorities often arise around human security, economic security, political security, socio-cultural security, environmental security and ethnic security. In the current context, ethnic minorities in the Russian Federation seem to have some non-traditional security challenges, namely:

(1) Population decline, birth/death rate of ethnic groups in correlation with one another in a country or territory leads to changes in the proportion of population of each ethnic group in the common structure, which can be the cause for challenges and threats. In the Russian Federation, while the Russian ethnic group has a low birth rate, a relatively high mortality rate, and the population tends to decrease in absolute succession for decades, some other ethnic groups have experienced a population boom. However, the population boom of these ethnic groups actually only contributes to rebalancing the proportion of the population between the Russian ethnic group and other ethnic minorities living together, but cannot contribute to limiting the plunging population trend in the Russian Federation at present. In 2018, the United Nations forecast that the Russian Federation's population will decline to 132 million by 2050.

(2) Migration issue. The mechanical migration processes also bring risks and challenges. Moreover, these threats and challenges are formed in a relatively short period, so the social psychology on the basis of ethnic and race factors is very difficult to adapt. Furthermore, there are risks of overloaded labor market, social services as well as the emergence of new and «non-traditional» races in the territory with hidden risk of conflicts, the boycott of the old ethnic groups and the isolation of new ethnic communities.

The migration flows crossing the borders of countries always complicate the ethnic structure of many countries and territories. Also from this process, a «cultural shock» appears among immigrants or chau-

vinism from local ethnic groups. This also appears popularly in ethnic minority regions in the Russian Federation.

Migration is also an important factor affecting the population of ethnic minorities in the Russian Federation. The statistics for the 2008-2010 period show that the number of migrants coming to the Russian Federation was from Armenia was about 50-100 thousand people; and from Azerbaijanis was 20-50 thousand people; and from Georgia was less than 5 thousand people [2].

(3) Human security. Russian researchers believe that the challenges of human security depend on the response of the state. Human security is threatened because the state does not guarantee necessary conditions and cannot prevent threats. For example, the state cannot prevent and control the widespread of crime, violence, and free operation; weak and ineffective government in management and administration; social morality deterioration in a significant proportion of social members; corruption of the contingent of officials; expansion of power and benefits of criminal groups – mafia; system of mass media imposed the individualism ideology and foreign values on the society; the illicit enrichment of a small social group on the back of poverty, impoverishment of the majority in the society, especially ethnic minorities and immigrants.

(4) Economic security. The strong development process and economic integration also pose different risks in the non-traditional security areas of ethnic minority regions. The innovation, industrialization and modernization have impacted on a number of long-standing and traditional production industries, new industries, etc. These processes have made a part of ethnic minority people separate from long-term jobs for living, traditional lifestyle, but unable to adapt to new jobs and lifestyle. Under these conditions, there may be a «cultural labor division», representing different ethnic groups and races engaging in different jobs or different producing sectors. Such type of labor division deepens the boundaries and gaps among ethnic groups, increases the isolation and closeness as well as forms prejudices based on racial issues.

(5) Non-traditional security in the fields of national culture, ethnic culture, belief and religion. Non-traditional cultural security factors are particularly relevant to preserving the voice of ethnic groups and the process of universalizing Russian as a national language. Moreover, there are issues related to lifestyle and social evils such as addiction (alcohol and drug), crime, educational level and sustainability of families, etc. The universality of Russian language among ethnic minorities has increasingly demonstrated the process of building common values of the Russian nation – people in general.

Regarding belief and religion, according to a survey conducted in 2013, 68% of Russians follow Orthodox, 7% follow Muslim, about 5% follow Buddhism and other religions [1]. Extreme religion, international terrorism, and drug trafficking during the globalization are emerging issues in ethnic minorities of Russia, especially in the Central Asian Region. Religious extremism appears in many propaganda publications, on social media, especially Islamic politicians and ideologies. Extreme religion approaches the trend of separatism, violence, and terrorism in the context that the present world becomes a national security risk and is used by these elements as a tool to gain power and influence other political forces on the international forum.

The main sponsor of terrorism and extreme religion is the drug trading apparatus. This apparatus does not care about stability, on the contrary, the more unstable it is, the more favorable the drug apparatus is. Therefore, drug cartels fund armed groups, spark conflict points, sponsor terrorism and international extremist religions in order to leave the government with insufficient resources to fight the drug trading.

Tools to fight and prevent non-traditional security risks of ethnic minorities in the past time, which are focused on by the Russian Federation, are: taking predictive and preventive measures; disabling the terrorist forces; applying measures in the field of domestic security to detect and destroy

weapons, equipment and infrastructure of terrorist organizations; struggling to prevent terrorist funding sources, such as blockade of accounts of terrorist organizations and individuals as well as countries that sponsor terrorism, prohibiting forms of material support and assistance for terrorist organizations and individuals.

(6) Organized crime and corruption. Mistakes in the early stages of the process of economic reform, the weakness of management and examination, supervision of judicial agencies, the degradation of social morality are the factors that promote the development of organized crime. Organized crime is closely related to the underground economy. Furthermore, organized crime is a market-based structure that allows it to quickly adapt to changes. The market mechanism opens up good opportunities for organized crime in the Russian Federation to develop. Organized crime in the Russian Federation is also expanding into the formal business sector thanks to the protection of government officials. Especially local authorities, autonomous regions and autonomous areas of many ethnic minorities.

Corruption and organized crime intertwine and rely on each other. Corruption destroys government structures, financial and business systems, which are dangerous obstacles to the democratic reform process. It reduces the effectiveness of national programs, threatens national interests, national security, and constitutional basis of citizens' rights and freedom. Corruption is both covering and encouraging organized crime. In recent years, ethnic minorities in the Russian Federation have become fertile ground for organized crime and corruption to hide, develop and rage.

Achievements in coping with negative impact of non-traditional security factors of ethnic minorities in the Russian Federation

The Russian Federation's existence and future as one of the largest countries in the territory, diverse and complex ethnic groups, rich and abundant natural resources in the world together with its own geostrategic location, always contains potential problems, challenges and risks. Particularly in the field of national-ethnic construction, relations between ethnic groups, building a peaceful and harmonious relationship among ethnic groups in the Russian ethnic family, there are also problems and challenges that are non-traditional security, specifically:

Inequality in population distribution and national territory exploitation. Ethnic minorities are less developed, less populated but reside in larger and more remote areas. Loose relationship, production infrastructure and underdeveloped life generate a state of «far from» the center, socio-cultural isolation, including the evasive psychology, distance from the center, and consideration of the center as a different element in both the thinking and the lifestyle of the people. This is a serious challenge in building a united Russian culture, lifestyle and people in general.

Over the years, the movement of population in the Russian Federation towards the capital and its vicinity. The population migration is mainly Russian, the number of people who live in remote areas are mostly ethnic minorities. The movement of population to the capital and European region of the Russian Federation has made the population in remote areas, Syria and the Far East sparser.

The above-mentioned population trend causes polarization in the population distribution, potentially threatening both outside (from neighboring countries) and within (isolated nationalism, extremism, etc.). These trends threaten the existence of a united Russian Federation, a united Russian nation, including not only people in the central regions, Europe but also in Uran, Syria, Far East, etc. and promote the trend of social and cultural isolation between the Russians and ethnic minorities, but also hide the risk of extreme separatist and autonomous races.

This is a non-traditional security issue that is at risk of being transformed into traditional security and national security. Consequently, the Russian Federation pays special attention to dealing with these challenges. It is to increase investment in developing remote and isolated areas by national programs and projects in which attention is paid

on investing in infrastructure, encouraging production - business to life support and social incentives.

The results of socio-economic development programs in ethnic minority areas in recent years have been quite positive. Living conditions and living standards of the majority of ethnic minorities have been improved markedly and gradually approaching the national average living standard. In particular, some autonomous republic countries have recently contributed to the central budget.

Uniting the Russian peoples, building an image of an all-Russia united nation is a key strategy to solve the non-traditional security challenges that are of great concern. The Russian Federation is a multi-ethnic nation. Moreover, there are regions - autonomous regions in the form of autonomous republic countries, autonomous regions, etc. In the Russian Federation, there are always opposing tendencies. It is centripetal (national institutions such as the education system, the military, popular Russian language, the Russian mass media widely spread, etc.) to build a whole unified and centrifugal Russian Federation (institutions of the affiliated republic countries and localities keep the forms of organization of life and production in the traditional way of ethnic groups, religions, etc.) respect the independence of the republic countries and autonomous regions. Religions form differences in culture, worldview, and behavior of ethnic groups (ethnic characteristics or national characteristics). The efforts of the political world and the government is to build a national culture with its symbols and values to create the solidarity and unity of the Russian society. Inevitably, this is a long process of interaction, interaction and interaction among representatives of different nationalities, religions and beliefs within the framework of the united federal state. The decisive factor in ensuring the stability and consensus of ethnic groups is the state's policy and the operation of civil society's institutions.

In this respect, the state has an important role and responsibility. First of all, it is perfecting the legal system of the nation's ethnic policies, especially policies for ethnic minorities. The rapid changes of Russian society in the fields of ethnicity, politics - society related to social stratification, mass migration, inequality and disparities among regions and regions in the market economy conditions create a basis for people's discontent, anxiety and insecurity in the future. That the Russian Federation becomes a host country for immigrants also creates many problems in harmonizing immigrants, adapting them, directing them to common values of the Russian Federation to ensure the national unity.

Strategic orientation in the coming time is to continue supporting and developing traditional forms of production and business, handicrafts, fine arts and other business activities according to the strengths of each locality and ethnic group (tourism to learn about ethnic culture, environmental protection, activities of preserving, restoring and protecting cultural and historical works).

The key strategy for the development of ethnic minority areas and ethnic minorities is the cadre policy, especially the management, business, communication, health, education and intellectual contingent. The training of a team of experts, scientists and art of ethnic minorities is currently being conducted at universities of republic countries, some training centers, including Moscow and Sant-Peterburg. Subjects of training and retraining are high school students, social activists and public employees of state agencies. To improve the quality of training, attention should be paid to the general education system, focusing on ethnic minority elements in general education (also teaching and training in ethnic minority languages).

Regarding constitutional and legal institutions, generally by 2030, the Russian Federation should keep stable the main contents of the present Constitution, including the federal state administrative institution. Among federal laws, it is necessary to enact the law on the national ethnic foundation and policy to ensure the national unity. This creates favorable conditions for the development of ethnic areas and ethnic minorities in the context of the current Russian Federation.

It is crucial to enact a federal law on the protection of ethnic minority and immigrant communities. This law should stipulate the rights of indigenous people in preserving the living environment and traditional economic forms as well as the responsibilities of business entities and the state when implementing programs and projects that may have a negative impact on the living and cultural conditions of indigenous communities (not just for ethnic minorities).

Lesson in dealing with the negative impacts of non-traditional ethnic minority security from the Russian Federation

Firstly, it is required to overcome the consequences of national policies from the Soviet period. On April 26, 1991, the Russian Federation enacted Law No. 1107-1 «On the restoration of the honor of the oppressed peoples». On April 21, 2014, the Russian President signed Ordinance No. 268 On the honor restoration measures of the peoples of Armenia, Bulgaria, Greece, Italy, Tatar Crimea and Germany and on state support to revive and develop (revised September 12, 2015), which set out the principle of ensuring equal conditions for the development and enrichment of all cultures of the peoples.

The program of rehabilitating oppressed ethnic minorities includes many activities, including investment in developing ethnic minority areas, solving existential issues such as land issues, building memorial areas for the victims, implementing program to restore the oppressed peoples, taking measures to ensure the right to vote, standing for election, and participating in central and local state power agencies; and supporting for spiritual and religious life. In the field of culture and language, ethnic minorities are interested in preserving and developing such as organizing teaching and learning in the general education system in ethnic languages, publishing cultural and artistic publications in ethnic languages; mass media in ethnic languages, etc.

Secondly, it is crucial to invest in the socio-economic development of ethnic minority areas. The Russian Government annually spends a large amount of money to invest in socio-economic development of ethnic minority areas, republic countries and autonomous regions of ethnic minorities. The Russian Federation pays special attention to investing in infrastructure, especially transport infrastructure, railways, and motorways with the perspective that transport helps connect economic and promote economic – cultural – social exchanges, and narrowing the boundaries and gaps in development among peoples.

Every year, the Russian government also adopts many target programs with considerable budget to develop the sectors, fields and socio-economic aspects of ethnic minority areas with the goal of improving the lives, employment as well as social security for ethnic minority areas. In education and training, the Government has specific support mechanisms and policies such as recruitment, fee exemptions, subsidies, etc. or invests in renovating and upgrading education and training institutions. Also in the field of medicine and health care, besides investing in upgrading medical facilities, there are many other support policies in cash or in kind for medical examination and treatment of people.

Thirdly, it is essential to build a common value system across the Russian Federation as a foundation of national solidarity. In order to turn the multi-ethnic and multi-religious population structure into a source of development, the State of Russia is very interested in building values and common standards across the Russian Federation as a foundation for the national unity. This is the process of building unity in diversity.

The common value system of the Russian Federation as a basis for national solidarity is in the process of forming and building, but the government's interest in this process has been a favorable condition for the settlement of the relationship among peoples in the direction of harmony, stability and mutual assistance. In this direction, Russian language is an important tool. The promotion of learning and disseminating Russian language has the meaning of strengthening the links, the bonds and the mutual understanding of ethnic groups. By univer-

salizing the Russian language and promoting the process of disseminating and spreading Russian culture as a common and common value, is a point to unite the peoples living in the territory of the Russian Federation.

Fourthly, it is needed to handle non-traditional security issues with policy and law tools. Laws and policies are the main tools for the Russian government to manage non-traditional security issues in ethnic minority areas. In general, the Russian Federation is always interested in regulating independent religious activities by institutions, laws and policies. In 1997, the Russian Federation enacted a law on freedom of belief and religious organizations. In 2002, the country enacted the law against extremist activities. These are legal frameworks for managing religious activities and preventing abuse of ethnic and religious issues to incite violence, extremist religion, and terrorism. In 2016, the Russian government adopted a package of law amendments to intensify its fight against terrorism (often called the Iarova package). The revised package expands the scope of application and punishment for violations of the Law on Freedom of Belief and Religious Organizations. Accordingly, any religious activities that is not registered and not authorized by the government is illegal.

Besides issuing laws, mechanisms and policies, the Russian Federation is also particularly interested in the implementation with the involvement of authorities from the central to local levels. The Russian government attaches great importance to educational, deterrent and preventive measures. In order to do that, besides extensive propaganda, the authorities at all levels also regularly conduct the inspection, examination and supervision, thereby, taking corrective measures, reminders and warnings. Concurrently, the functional forces promptly take strong measures with opposing acts, especially terrorist plots and tricks, from investigations, prosecutions, trials to preventive measures to hinder funding sources, destroying terrorist training and training facilities.

Fifthly, it is required to strengthen international cooperation in handling non-traditional security issues. The international cooperation in handling non-traditional security issues, such as cross-border smuggling, cross-border drug trafficking, women and child trafficking with foreign elements, climate change, deals on energy, resources and transnational crime. Especially, the international cooperation in terrorism prevention is highly valued by the Russian government, including cooperation on multilateral and bilateral forums. The cooperative areas are diverse and from exchanging experience in handling, information, especially intelligence to cooperation in counterterrorism campaigns.

The Russian Federation attaches special importance to cooperation with countries in the region, especially those in the post-Soviet space to fight against terrorism. The terrorism prevention in the Russian Federation is closely linked to the inhabited areas of ethnic minorities. Therefore, the tackling and terrorism issue cannot be separated from solving problems raised in ethnic minority areas in regional and international relations.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 551 с. URL: http://static.iea.ras.ru/news/Ethnicheskoe_i_religioznoe_mnogoobrazie_Rossii.pdf
2. Батюк В. И. Мировая политика: учебник для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 256 с. URL: https://urait.ru/bcode/433675
3. Этнический состав населения. Народы России // География. URL: https://geographyofrussia.com/etnicheskij-sostav-naseleniya-narody-rossii/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova. M.: IJeA RAN, 2017. 551 s. URL: http://static.iea.ras.ru/news/Ethnicheskoe_i_religioznoe_mnogoobrazie_Rossii.pdf
2. Batjuk V. I. Mirovaja politika: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 2019. 256 s. URL: https://urait.ru/bcode/433675
3. Jetnicheskij sostav naselenija. Narody Rossii // Geografija. URL: https://geographyofrussia.com/etnicheskij-sostav-naseleniya-narody-rossii/

Поступила в редакцию 25.05.2020.
Принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования:
Nguyen Linh Khieu Coping with negative impacts of non-traditional security in ethnic minority areas in Russian Federation and experience for Vietnam // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 148-155. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/NguyenLinhKhieu.pdf

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893559
УДК 159.9.072

Боровских С.Э, Осницкий А.К.

Осницкий Алексей Константинович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования, 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9/4. E-mail: osnizak@mail.ru.
Боровских Сергей Эдуардович, аспирант, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 109316, Россия, г. Москва, Волгоградский пр-т, 32/11. E-mail: energodevil@gmail.com.

Устойчивость психологических показателей игроков, как предпосылка успешного командообразования

Аннотация. Киберспорт представляет собой спортивные соревнования по различным играм разной степени сложности. Вопрос изучения внутрикомандных взаимодействий и взаимоотношений очень важен для формирования команды и превращения пяти хороших игроков в полноценный боеспособный коллектив. Объектом исследования была выбрана успешная киберспортивная команда по дисциплине DOTA 2. Предметом изучения являются индивидуальные характеристики игроков киберспортивной команды, обеспечивающие успешность их взаимодействия в игре и влияющие на результаты игр. С помощью различных методик было проведено исследование характеристик игроков и их взаимодействия друг с другом.
Ключевые слова: киберспорт, исследование, кибергра, команда, участник, сплоченность, психологические показатели.

Borovskikh S.E., Osnitskiy A.K.

Osnitskiy Aleksey Konstantinovich, doctor of psychological Sciences, Professor, chief researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya st., 9/4. E-mail: osnizak@mail.ru.
Borovskikh Sergey Eduardovich, post-graduate, Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, 109316, Russia, Moscow, Volgogradsky Prospect, 32/11. E-mail: energodevil@gmail.com.

Stability of player’s psychological indicators as a prerequisite for successful team building

Abstract. Esports is a virtual competition of various nature and complexity. Research of player’s interaction within the team is very important for teambuilding and creating rules of its organization. The object of the research was the DOTA 2 e-sports team. Individual characteristics and qualities of the players of

the e-sports team are subjects of this research. These characteristics ensure the success of their interaction during the game and affect the result of the entire team. Several techniques were used, to explore player's characteristics and their interaction with each other.
Key words: eSport, research, cybergame, team, player, cohesion, psychological characteristics.

Данное исследование проводилось на основе игры киберспортивной команды по дисциплине DOTA 2. DOTA 2 – стратегическая командная игра жанра MOBA (Multiplayer Online Battle Arena). В данной игре принимают участие две команды по пять человек, во главе с капитаном. Целью игры является уничтожение главного здания противника. Каждый игрок управляет одним героем с уникальным набором характеристик и возможностей. У каждого игрока есть своя роль: игрок средней линии (мидер), игрок зарабатывающий больше всех денег (керри), игрок сложной линии (хардер), игроки поддержки (сапппорты) – капитан и один из игроков. Интересующая нас команда принимала участия в международном турнире. Психологические исследования проводились до и после игры. Регистрировались 2 ряда показателей: показатели до игры и после игры. Использовался комплекс методик: «Ваша команда» [1, с.116], Определение показателей сплочённости на основе методики Р.С. Немова [2, с.55], Определение агрессивности по адаптированному опроснику Басса-Дарки [3].

Методика «Ваша команда»

Участникам было необходимо оценить эффективность командной работы в баллах (от 1 до 5) по каждому из приведенных критериев: ясность целей, социально-психологическая сплочённость, гибкость общения, гибкая ролевая структура, ответственность за принимаемые решения, ценность индивидуальности, свобода в процессе деятельности, рефлексия.

Таким образом, были получены результаты, которые отображены на (Рис.1, Рис. 2).

Изменение показателей после игры можно посмотреть на (Рис. 3).

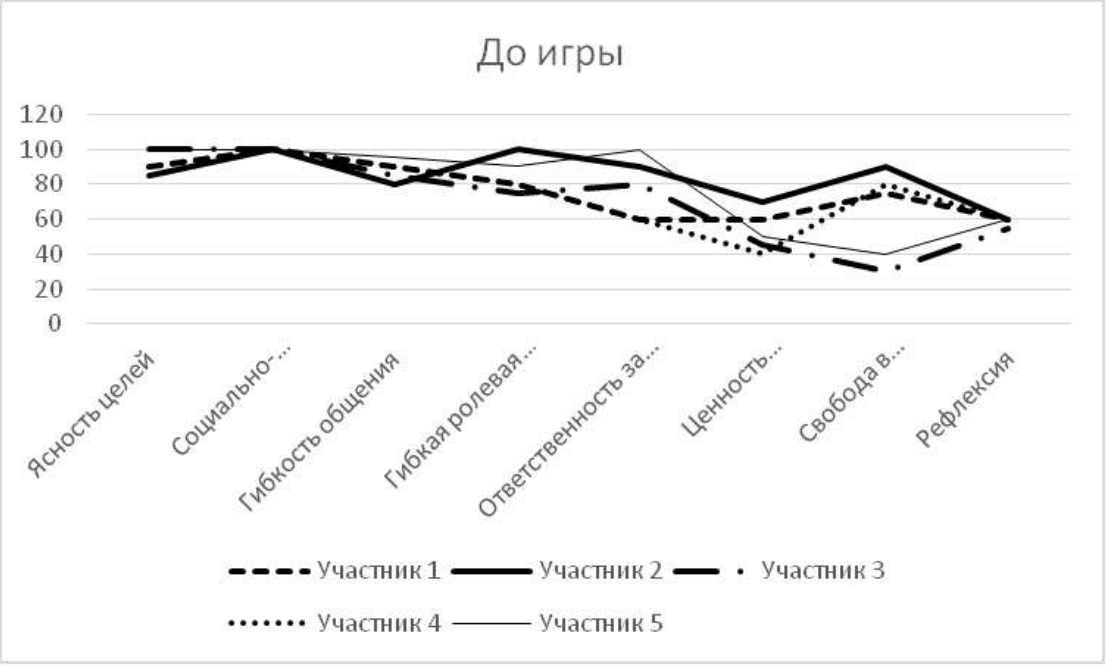

Рис. 1. Результаты опроса «До игры»

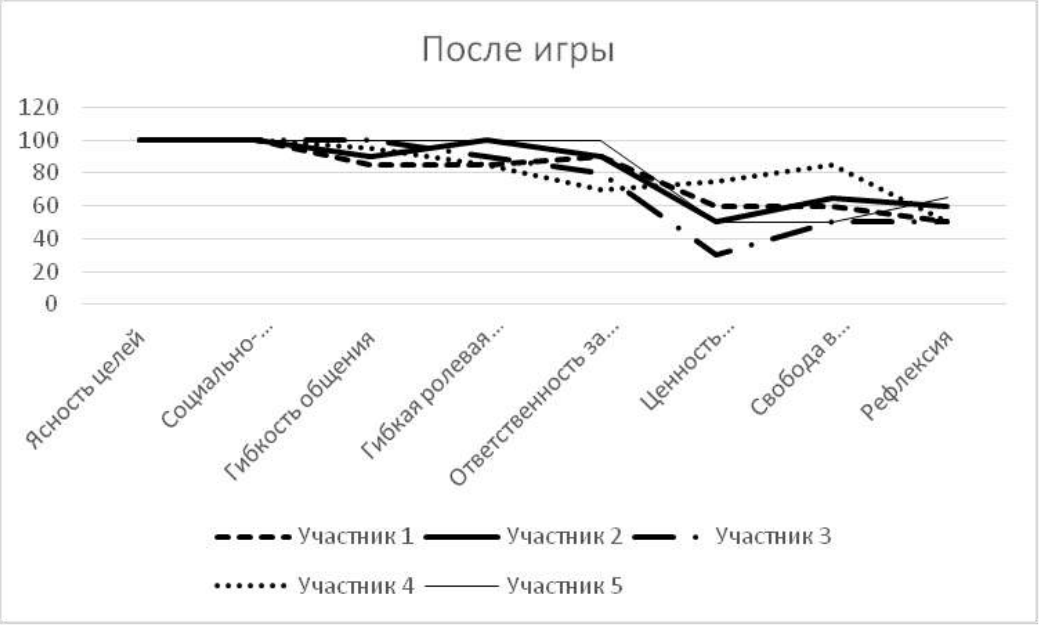

Рис. 2. Результаты опроса «После игры»

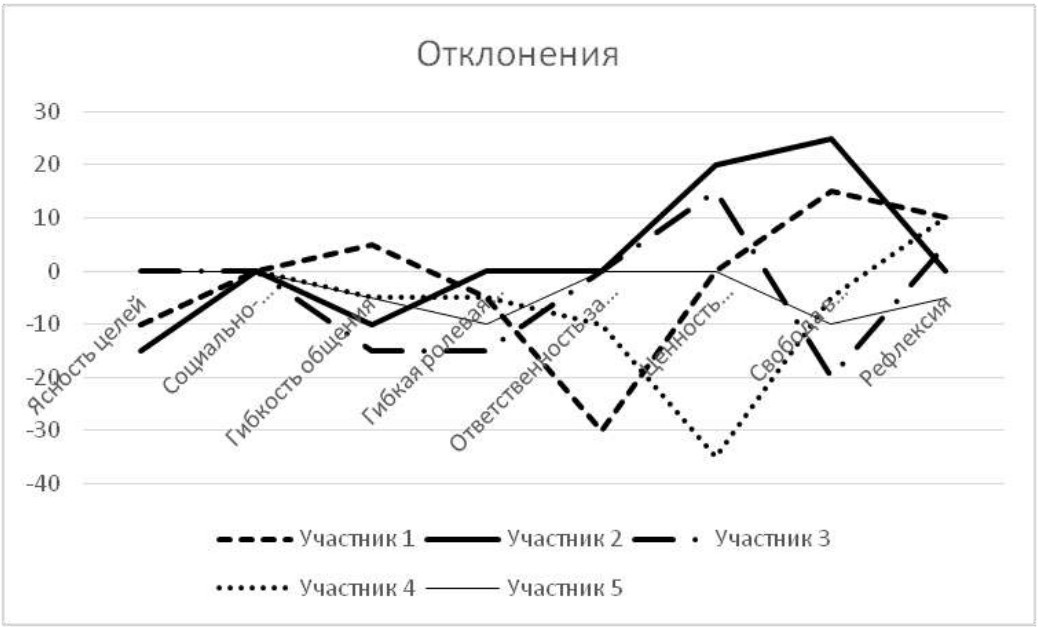

Рис. 3. Изменения показателей участников

Из графиков можно понять, что ещё до начала игры среди игроков преобладали хорошее настроение и позитивный настрой. Также по высоким показателям гибкости общения и ответственности за результат можно судить о наличии командного духа и сплочённости коллектива, прослеживается единение и наличии чёткой игровой структуры команды, это видно из низких показателей ценности индивидуальности. После игры показатели улучшились и в целом, подравнялись. Это можно объяснить итоговой победой команды в противостоянии и хорошей коммуникацией в процессе игры. Стоит обратить внимание на небольшие отклонения показателей до и после игры, это указывает на то, что команда давно играет вместе и имеет чёткую выстроенную структуру. Также это можно связать с итоговым победным результатам.

Определение показателя сплочённости

Был составлен список положительных и отрицательных характеристик для членов команды: список конструктивных

и деструктивных качеств личности, необходимых для достижения командных целей. Каждому члену команды предлагалось выбрать из данного списка по пять положительных и отрицательных характеристик, которые являются, по их мнению, наиболее и наименее ценными. Далее подсчитывалось количество выборов, приходящихся на каждую характеристику, выделялись по пять положительных и отрицательных характеристик, получивших максимальное количество выборов (Табл. 1). Кроме того, подсчитывалось общее количество выборов, сделанных членами данной группы, из каждого предложенного набора (Табл. 2).

Показатель ценностно-ориентационного единства определяется по формуле:

ЦОЕ = (n-m/N) * 100%,

где ЦОЕ – сплоченность группы в отношении данного объекта оценки, %;

n – сумма пяти характеристик, получивших наибольшее количество голосов;

m – сумма пяти характеристик, получивших минимальное количество голосов

Расчёт показателя отображён на (Рис. 4.)

Таблица 1 Результаты опроса

Параметр	Участник 1	Участник 2	Участник 3	Участник 4	Участник 5
1. Замкнутость	-	-		-	
2. Адаптивность					
3. Напряженность			-		
4. Неконфликтность	+	+	+	+	+
5. Раздражительность				-	-
6. Закрытость					-
7.Заинтересованность			+		
8. Скромность					
9. Креативность					
10.Безответственность	-	-	-	-	
11.Умение согласовывать позиции	+	+	+	+	+
12.Скрытность					
13.Самокритичность					
14.Коммуникабельность	+	+	+	+	+
15.Жесткость в общении		-			
16.Расслабленность					-
17.Рассудительность	+			+	+
18.Агрессивность	-	-	-	-	-
19.Отзывчивость					
20.Безразличие	-		-		-
21.Уверенность в себе		+		+	+
22.Консервативность					
23.Чувство ответственности	+	+	+		
24.Умение настоять на своем					
25.Доверчивость					
26.Самонадеянность	-	-	-	-	

Таблица 2 Результаты опроса

Конструктивные качества личности (способствующие достижению командных целей)	Деструктивные качества личности (препятствующие достижению командных целей)
Неконфликтность	Агрессивность
Умение согласовывать позиции	Самонадеянность
Коммуникабельность	Безответственность
Рассудительность	Замкнутость
Чувство ответственности	Безразличие
Кол-во выборов:21	Кол-во выборов:19

Показатель ценностно-ориентационного единства определялся по формуле:
ЦОЕ = (n-m/N) * 100%,
где ЦОЕ – сплоченность группы в отношении данного объекта оценки, %;
n – сумма выборов, приходящихся на пять характеристик, получивших максимальное количество выборов;
m – сумма выборов, приходящихся на пять характеристик, получивших минимальное количество выборов;
N – общее количество выборов, сделанных членами группы.
ЦОЕ=(21-19/17)*100%=12%

Рис. 4. Определение ЦОЕ

Отметим, что это очень низкий показатель для киберспортивной команды такого уровня. Это можно объяснить тем, что в команде собрано много ярких индивидуальностей, каждый из которых имеет своё видение на построение команды и создание благоприятной атмосферы в коллективе. Однако, большое кол-во совпадений указывает на то, что в команде есть обще видение и при должной работе команду ждёт успешное будущее.

Определение показателей агрессивности и сопутствующих им свойств

Участники получили специальные бланки. Они отвечали на вопросы, проставляя в ячейке бланка, соответствующей номеру вопроса, знаки «плюсы» или «минусы». После заполнения сумму «плюсов» в каждом столбце умножают на специальный коэффициент, который индивидуален для каждой характеристики. В результате мы получаем показатели агрессии и способствующих ей, проявлений психодинамических особенностей личности, присущие испытуемому. Было проведено два замера показателей агрессии: до и после игры. В результате, были получены результаты (Рис. 5, Рис. 6)

На основе этих показателей получилось определить индексы агрессивности и индексы общей враждебности для каждого участника (табл.3, табл.4). Используя полученные данные, они рассчитывались по формулам:

(Показатель физической + Вербальной + Косвенной)/3 = ИА общий индекс агрессивности. (Подозрительность + Обида)/2 = ИВ индекс враждебности.

Сравнивая эти показатели можно сделать вывод о довольно низком уровне индексов агрессивности и враждебности у большинства участников команды до игры. Показатели только улучшились после победной игры. Особенно стоит отметить низкие показатели участника 5. Он является капитаном и столь низкие показатели объясняются его большим опытом и хладнокровностью.

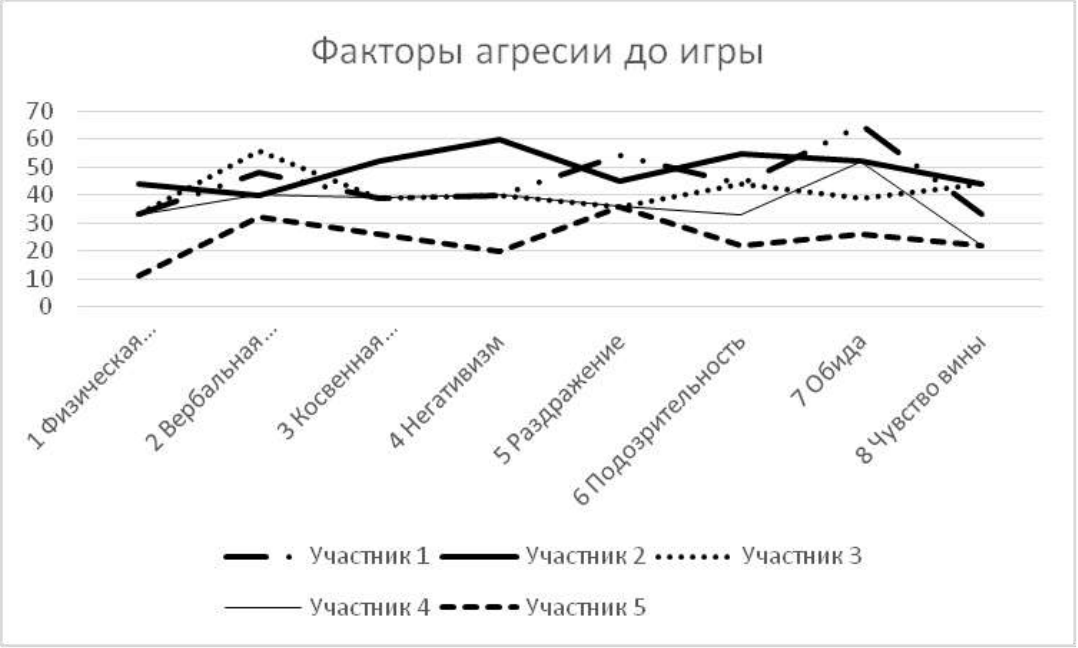

Рис. 5. Факторы агрессии до игры

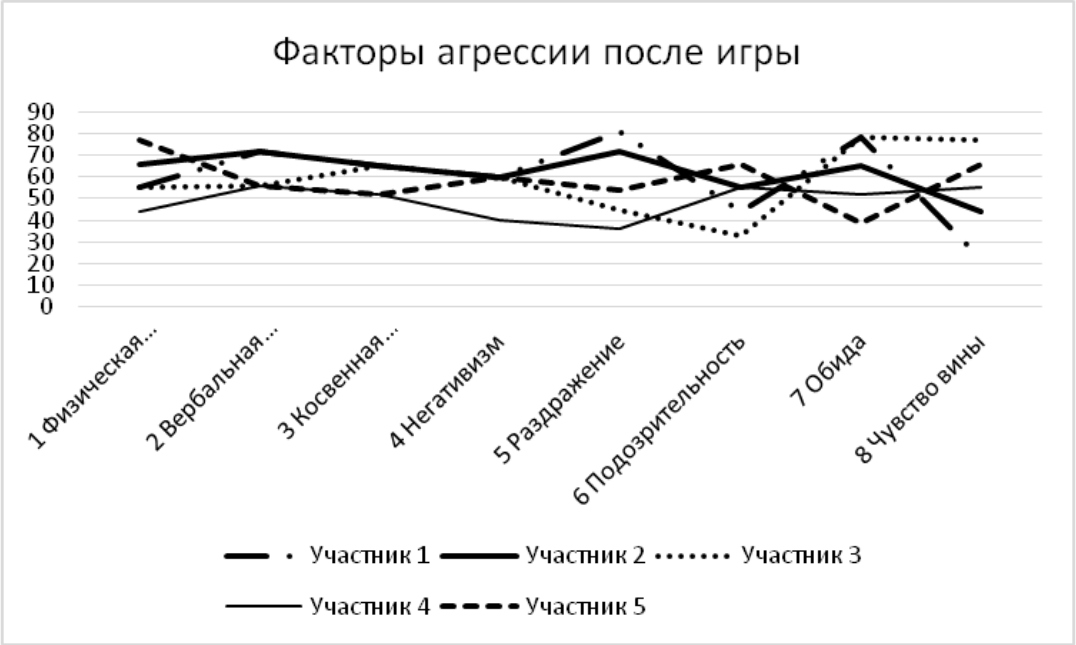

Рис. 6. Факторы агрессии после игры

Таблица 3 Определение индекса агрессивности и индекса враждебности до игры

Номер участника	ИА – общий индекс агрессивности	ИВ – Индекс враждебности
Участник 1	40	54,5
Участник 2	45,3	53,5
Участник 3	42,6	41,5
Участник 4	37,3	42,5
Участник 5	23	24

Таблица 4 Определение индекса агрессивности и индекса враждебности после игры

Номер участника	ИА - общий индекс агрессивности	ИВ – Индекс враждебности
Участник 1	29,3	53,5
Участник 2	41	29,5
Участник 3	34,6	48
Участник 4	24,6	41,5
Участник 5	19,6	29,5

Выводы

Полученные результаты показывают пользу и перспективность подобных исследований. Они помогают выделить возможность к командной работе у каждого члена коллектива, выявить степень их влияния и погружения в коллектив. Используя различные методики оценки, можно проводить исследования разнообразных характеристик и способностей игроков различных команд. С их помощью можно выделить предрасположенность игроков к той или иной роли в коллективе, а также степень их совместимости с другими членами команды. Однако это только предварительные результаты. Дальнейшие исследования требуют дополнительных средств анализа, расширения выборки и количества используемых методик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиндаш П. В, Сергиенко С. К. Социально-психологические детерминанты командообразования: Монография. Москва 2009. 121 с.
2. Немов Р. С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М.: Педагогика, 1984. 200 с.
3. Осницкий А. К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. М.-Нальчик: Психологический институт РАО; Нальчик: Эль-Фа, 1996. 124 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Filindash P. V, Sergienko S. K. Social'no-psihologicheskie determinanty komandoobrazovanija: Monografija. Moskva 2009. 121 s.
2. Nemov R. S. Social'no-psihologicheskij analiz jeffektivnoj dejatel'nosti kollektiva. M.: Pedagogika, 1984. 200 s.
3. Osnickij A. K. Psihologija samostojatel'nosti. Metody issledovanija i diagnostiki. M.-Nal'chik: Psihologicheskij institut RAO; Nal'chik: Jel'-Fa, 1996. 124 s.

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Боровских С.Э, Осницкий А.К. Устойчивость психологических показателей игроков, как предпосылка успешного командообразования // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 156-162. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/BorovskikhOsnitskiy.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893690
УДК 159.9-055.5/.7

Леденцова С.Л., Чатырбаева Н.Х.

Леденцова Светлана Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, Сургутский государственный университет, 628400, Россия, г. Сургут, просп. Ленина, 1. E-mail: Leden-Svet@yandex.ru.
Чатырбаева Написат Хасубллаевна, главный специалист отдела социального развития администрации городского поселения Федоровский, 628400, Россия, Городское поселение Федоровский, ул. Пионерная, 30. E-mail: cnapisat95@mail.ru.

Нарушения интимно-личностных отношений в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями

Аннотация. Практическая актуальность изучения нарушений интимно-личностных отношений в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями, продиктована ростом числа женщин с таким диагнозом, что ставит вопрос о сохранности репродуктивной системы женщины, а также о здоровье будущего поколения. В статье предполагается, что предпосылкой возникновения психосоматических гинекологических заболеваний являются нарушения интимно-личностных отношений в семье и описываются данные нарушения.
Ключевые слова: интимно-личностные отношения, симбиоз, супружеская пара, гинекологические заболевания, психосоматика, границы семьи, иерархия семьи, ролевая гибкость.

Ledentsova S.L., Chatyrbaeva N.H.

Ledentova Svetlana Leonidovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Surgut State University, 628400, Russia, Surgut, Lenin av., 1. E-mail: Leden-Svet@yandex.ru.
Chatyrbaeva Napisat Hasbullaevna, chief specialist of the social development department of the city settlement administration Fedorovsky, 628400, Russia, Surgut, administration Fedorovsky, Pionernaya st., 30. E-mail: cnapisat95@mail.ru.

Violations of intimate-personal relations in families with women with gynecological diseases

Abstract. The practical relevance of studying violations of intimate-personal relationships in families with women with gynecological diseases is dictated by the increase in the number of women with such a diagnosis that raises the question of the preservation of the woman's reproductive system, as well as the health of the future generation. The article assumes that the prerequisite for the occurrence of psychosomatic gynecological diseases are violations of intimate and personal relationships in the family and describes these violations.
Key words: an intimate and personal relationship, a symbiosis, a married couple, gynecological disorders, psychosomatics, beyond the family, the hierarchy of the family, role flexibility.

Актуальность психологического подхода к изучению семей женщин, болеющих гинекологическими заболеваниями, вызвана ростом заболеваемости женщин и предположением о том, что предпосылкой возникно-

вения психосоматических гинекологических заболеваний являются нарушения интимно-личностных отношений (И-ЛО) в семье [2, 3, 4, 5, 6]. В связи с этим, целью данного исследования стало изучение нарушений интимно-личностных отношений в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями. Мы предположили, что в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями будут нарушены интимно-личностные отношения, которые проявляются в критериях, отражающих кризисную ситуацию семьи, т.е. нарушении границ семьи, степени сплоченности, иерархии, гибкости и прочих параметров семейной системы [2, 3, 4, 5, 7]. Особенности семей женщин, болеющих гинекологическими заболеваниями, мы изучали в условиях проектной деятельности по сопровождению болеющей женщины и ее семьи [2, 3]. Участниками проекта стали 7 женщин, болеющих гинекологическими заболеваниями. Возраст женщин был от 23 до 52 лет (см. Табл. 1).

Таблица 1. Испытуемые программы психологического сопровождения

Испытуемые	Возраст	Диагноз	Состоит в браке (+/-)	Кол-во детей
Ольга	46	рак тела матки	+	3
Рита	30	киста яичника	-	2
Екатерина	29	эрозия шейки матки	+	2
Анастасия	23	поликистоз	+	-
Елена	52	миома матки	+	4
Марина	35	полипы в матке	+	3
Галина	25	нарушение МЦ (менструальный цикл)	-	-

Таблица 2. Критерии оценки степени нарушения интимно-личностных отношений

Критерии оценки	Степень нарушения		
	1б	2б	3б
Представления о нормах и правилах общества	Нормы и правила представлены неадекватно (эталон женственности отсутствует)	Нормы и правила указаны односторонне	Нормы и правила представлены адекватно
Образ партнера	Нарушение представления о традиционном эталоне мужчины	Нейтральное и аморфное представление о традиционном эталоне мужественности	Положительное представление о традиционном эталоне мужественности
Степень удовлетворенности сексуальными отношениями	Ригидность сексуальных отношений	Частичная удовлетворенность сексуальными отношениями	Удовлетворенность сексуальными отношениями с партнером

Внутренние границы семейной системы	Жесткие – отсутствие общения и контактов между подсистемами размытые – отсутствие интимности в супружеских отношениях	Нейтральные – жесткие границы склонны к изменению, т. е. переход к более проницаемым, есть тенденция к сближению	Оптимальные – четкие, проницаемые границы, адекватное функционирование подсистем
Сплоченность семейной системы а) супружеская	Высокая – чрезмерная эмоциональная близость и зависимость между супругами. / Низкая – супруги эмоционально крайне дистанцированы	Средняя – появляется ситуативная тенденция к балансу привязанности и эмоциональной близости	адекватный баланс эмоциональной и психологической близости
б) детско-родительская	Высокая – чрезмерная эмоциональная близость и зависимость между родителем и ребенком. / Низкая – отношения между родителем и ребенком эмоционально крайне дистанцированы	Средняя – наличие ситуативной тенденции к балансу эмоциональной и психологической близости с ребенком	Оптимальная - адекватный баланс эмоциональной и психологической близости в отношениях с ребенком
Иерархия семейной системы	Хаотическая – высокая степень непредсказуемости. Ригидная - очень низкая гибкость и адаптивность	Есть ситуативная тенденция к делегированию лидером своих обязанностей.	Умеренная – демократический стиль руководства
Ролевая структура (роль жены)	Патологизирующие роли. Негативное отношение и представление о партнерских отношениях	Патологизирующие роли присутствуют ситуативно, женщина пытается убрать их при общем фоне нарушения интимно-личностных отношений	Позитивное представление о партнерских отношениях

Для определения исходного состояния интимно-личностных отношений в семьях испытуемых, нами были выделены критерии оценки интимно-личностных отношений (Табл. 2).

Данные критерии отражают степень проблемности ситуации в семье. Каждый критерий имеет степень нарушенности, которая проявляется в соответствующих баллах: 1 балл – это кризисное состояние, 2 балла – это нейтральное, переходное состояние, 3 балла – это нормативное состояние критерия интимно-личностных отношений семьи.

Мы использовали процедуры пре- и посттеста с аналогичными заданиями, которые включали в себя следующие методики: Эссе «Современная женщина и

я» (претест); Уровень самооценки; Тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко); Методика незаконченных представлений Сакса-Сиднея; Системный семейный тест Геринга; Эссе «Мой идеал семьи и линии жизни женщины» (посттест) [1, 2, 5, 6].

По результатам претеста, которые представлены в таблице 3, мы выявили, что во всех исследуемых нами семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями, присутствуют нарушения интимно-личностных отношений.

Таблица 3. Результаты претеста исследования нарушений в семье женщин, болеющих гинекологическими заболеваниями

Критерии нарушения ИЛО	Степень нарушения интимно-личностных отношений		
	1б	2б	3б
Представления о нормах и правилах общества, задающих эталон женщины и семьи	0%	57 %	43%
Образ партнера	28,5%	51,1%	14,2%
Сексуальность	28,5%	57,1 %	14,2 %
Границы семейной системы	29 %	71 %	0%
Сплоченность супружеская Детско-родительская	28,5 % 100%	14,2% 0%	57 % 0%
Роль жены Иерархия	28 % 42%	28,5% 28.5%	42,8 % 28.5%

Было выявлено, что подопечных можно разделить на две группы по сходным характеристикам. Главным критерием для их дифференцирования стал симбиоз, который в одних семьях присутствовал у женщины с мужем, а в других – с ребенком. В первой группе, при симбиозе с ребенком, у женщин наблюдалось нарушение представления о традиционном эталоне мужчины, которое выражается в наделении мужчины чертами холодности, пренебрежении к женщине, недоверии к нему, невозможности получить от него эмоциональную поддержку, обвинение его в измене, предательстве или жестоком обращении. Внутренние границы семьи такой семьи гибкие, т. е. существует тенденция к ситуативному сближению с мужчиной в случае жестких границ между партнерами и в тенденции к автономии в случае размытых границ. В ролевой структуре наблюдѓлись ситуативные проявления патологизирующих ролей (роли спасателя – спасаемого, козла отпущения и пр.). Удовлетворенность сексуальными отношениями находилась в состоянии частичного удовлетворения, отношениям не придается важного значения.

Во второй группе при симбиозе с мужчиной у женщин также наблюдалось нарушение представления о традиционном эталоне мужественности. Представление о нормах и правилах общества носят односторонний, поверхностный характер. Сексуальные отношения неудовлетворительны. Внутренние границы се-

мьи между подсистемами (супружеской и детско-родительской) жесткие. В роли жены наблюдались ситуативные проявления принятия патологизирующих ролей.

Для нормализации интимно-личностных отношений в семьях женщин, болеющими гинекологическими заболеваниями, был проведен курс психологического сопровождения [1]. Он предполагал индивидуальные занятия (9 занятий) по 1,5 – 2 часа.

В результате проведенного психологического сопровождения обнаружилось изменение состояния интимно-личностных отношений в семьях женщин. Представление женщин о традиционном эталоне мужественности изменилось, большинство женщин стали признавать наличие проблем в интимно-личностных отношениях в семье. В связи с этим процент удовлетворенности браком значительно снизился с 72% до 28%. Ранее проблемы семьи носили латентный характер и замалчивались, что приводило к психосоматике. Признание проблем позволило начать их решать в ходе проекта. Об изменении первого критерия нарушения И-ЛО – нарушения образа партнера говорят результаты методики «Незаконченные предложения Сакса-Сиднея».

По второму критерию – степени удовлетворенности сексуальными отношениями – по результатам претеста 100 % женщин имели конфликт в отношениях с мужчинами, после прохождения курса психологического сопровождения процент снизился до 28,.5%. (таб.4). По результатам претеста отношение к сексу имело конфликтный смысл в 28,5 %, а в посттесте конфликт исчез – 0%.

Таблица 4. Сравнительные результаты степени нарушения интимно-личностных отношений в пре- и посттесте по методике «Незаконченные предложения Сакса-Сиднея»

Шкалы	Претест	Посттест
Негативное тношение к мужчинам	100%	28,5%
Негативное тношение к себе	71,4%	42,8%
Негативное отношение к матери	28,5%	14,2%
Ипохондрическое отношение к болезни	71,4%	14,2%
Страхи и опасения	42,8%	0%
Негативное отношение к прошлому	28,5%	0%
Ощущение вины	42,8%	0%
Негативное отношение к половой жизни	28,5%	0%

По критерию – оценки роли жены - уровень притязаний по результатам посттеста сдвинулся с высокого (в претесте) на адекватный в 100% случаев. Что говорит о том, что после прохождения курса психологического сопровождения, женщины реалистично оценивают себя, учитывая собственные возможности при постановке целей. При оценке «Я-реаль-ного» также произошел сдвиг в сторону адекватной оценки у всех испытуемых группы (см. Табл. 6). Данные результаты говорят о снижении невротизации и снижении завышенных требований к себе в роли жены.

В таблице 7 показаны сравнительные результаты исследования внутренних границ между подсистемами в семьях у женщин, болеющих гинекологическими

заболеваниями. Ранее, в претесте, превалировали жесткие или размытые границы (71,4%), а также присутствовало наличие нестабильных, меняющихся границ (28,5%). По результатам посттеста процент наличия нестабильных границ снизился до 0%, значительно повысилось число семей с четкими, нормативными внутренними границами (от 0% до 57,1 %).

Таблица 6. Сравнительные результаты исследования самооценки в роли жены в пре- и посттесте

Шкала	Претест			Посттест		
	Завыш. самооценка	Адекв. самооценка	Занижен. самооценка	Завыш. самооценка	Адекв. самооценка	Занижен. самооценка
Женственность	42,8%	42,8%	14,2%	0%	100%	0%
Семейное благополучие	42,8%	14,2%	42,8%	0%	100%	0%
Здоровье	28,5%	71,4%	0%	0%	100%	0%
Счастье	28,5%	71,4%	0%	0%	100%	0%

Таблица 7. Результаты пре- и посттеста исследования внутренних границ по методике «Системный семейный тест Геринга»

Жесткие, размытые		Нейтральные		Оптимальные	
Претест	Посттест	Претест	Посттест	Претест	Посттест
71,4%	42,8%	0%	57,1%	28,5%	0%

Супружеская сплоченность по результатам пре- и посттеста, представленная на таблице 8, изменилась следующим образом: высокая сплоченность, характеризующаяся симбиотическими отношениями между супругами или низкая сплоченность, отражающая крайнюю эмоциональную дистанцию – в претесте составляла 71,4%, а в посттесте всего 42,8%. Это указывает на снижение дисфункциональности данного критерия. А переходная супружеская сплоченность, которая выражается в ситуативной тенденции к балансу привязанности и эмоциональной близости, согласованном поведении значительно увеличилась – от 0% до 57,1%. Эффективной супружеской сплоченности, выражающейся в адекватном балансе эмоциональной и психологической близости между супругами, по результатам посттеста никто из подопечных не достиг.

Детско-родительская сплоченность по результатам претеста (см. Табл. 9) показывала наличие 100% нарушенных, т.е. либо симбиотических (зависимых), либо эмоционально дистанцированных отношений. После прохождения курса психологического сопровождения произошло повышение средних показателей сплоченности, которая стала составлять 57.,2%, что свидетельствует о наличии ситуативной тенденции к балансу эмоциональной и психологической близости с ребенком.

Таблица 8. Сравнительные результаты исследования супружеской сплоченности в пре- и посттесте

Высокая, низкая		Средняя		Оптимальная	
Претест	Посттест	Претест	Посттест	Претест	Посттест
71,4%	42,8%	0%	57,1%	28,5%	0%

Таблица 9. Сравнительные результаты исследования детско-родительской сплоченности в пре- и посттесте

Высокая, низкая		Средняя		Оптимальная	
Претест	Посттест	Претест	Посттест	Претест	Посттест
100%	42,8%	0%	42,8%	0%	0%

Таблица 10. Сравнительные результаты исследования иерархии семьи в пре- и посттесте

Хаотическая, ригидная		Средняя		Умеренная	
Претест	Посттест	Претест	Посттест	Претест	Посттест
42,8%	42,8%	28,5%	28,5%	28,5%	28,5%

В таблице 10 продемонстрированы показатели иерархии семьи в пре- и посттесте. Результаты остались неизменными. Осталась преобладающей дисфункциональная иерархия (42%), что свидетельствует о том, что в таких семьях главенствующая роль принадлежит мужу, поведение женщины часто приобретает черты зависимости, выученной беспомощности и психосоматического реагирования на проблемы, а это требует более длительного психологического сопровождения.

Таким образом, в результате расширения ориентировки женщины в понятиях семьи (параметры, структура, функции), в собственных ролях, в периодизации семьи, в изучении возрастной периодизации происходит рефлексивное осмысление женщиной своего настоящего, прошлого и будущего. Также появляется возможность прогнозирования кризисных состояний семьи, присвоения средств для их профилактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леденцова С. Л. Курс «Cherchez la femme» как средство развития деятельности консультирования у студентов психологов: учебное пособие по курсу «Семейное психологическое консультирование». Сургут: СурГУ, 2005. 71 с.
2. Леденцова С. Л. Психологическое консультирование как метод исследования развития личности. Сургут: Печатный мир, 2017. 234 с.
3. Леденцова С. Л. Принципы психологического консультирования соматических и психосоматических больных. Сургут: ИЦ СурГУ, 2019. 116 с.
4. Леденцова С. Л., Шарыпова О. П. Теоретические аспекты психосоматики. Феноменология психосоматических расстройств. Сургут: Изд-во СурГУ, 2008. 111 с.

5. Леденцова С. Л., Шарыпова О. П. Методы психосоматического консультирования и диагностики. Сургут: Изд-во СурГУ, 2008. 102 с.
6. Менегетти А. Психосоматика. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004. 360 с.
7. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики: учебник. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 208 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ledencova S. L. Kurs «Cherchez la femme» kak sredstvo razvitija dejatel'nosti konsul'tirovanija u studentov psihologov: uchebnoe posobie po kursu «Semej-noe psihologicheskoe konsul'tirovanie». Surgut: SurGU, 2005. 71 s.
2. Ledencova S. L. Psihologicheskoe konsul'tirovanie kak metod issledovanija razvitija lichnosti. Surgut: Pechatnyj mir, 2017. 234 s.
3. Ledencova S. L. Principy psihologicheskogo konsul'tirovanija somatiche-skih i psihosomaticheskih bol'nyh. Surgut: IC SurGU, 2019. 116 s.
4. Ledencova S. L., Sharypova O. P. Teoreticheskie aspekty psihosomatiki. Fenomenologija psihosomaticheskih rasstrojstv. Surgut: Izd-vo SurGU, 2008. 111 s.
5. Ledencova S. L., Sharypova O. P. Metody psihosomaticheskogo konsul'tirovanija i diagnostiki. Surgut: Izd-vo SurGU, 2008. 102 s.
6. Menegetti A. Psihosomatika. M.: NNBF «Ontopsihologija», 2004. 360 s.
7. Chernikov A. V. Sistemnaja semejnaja terapija: Integrativnaja model' diagno-stiki: uchebnik. M.: Nezavisimaja firma «Klass», 2001. 208 s.

Поступила в редакцию 25.05.2020.
Принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования:
Леденцова С.Л., Чатырбаева Н.Х. Нарушения интимно-личностных отношений в семьях с женщинами, болеющими гинекологическими заболеваниями // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 163-170. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Ledentsova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893755
УДК 159.9.072.432

Осницкий А.К., Калинин А.А., Шмаров В.А.

Осницкий Алексей Константинович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования, 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9/4. E-mail: osnizak@mail.ru.
Калинин Александр Анатольевич, социальный работник, Региональный благотворительный общественный фонд борьбы со СПИДом «ШАГИ»,
105043, Россия, г. Москва, Заводской пр-д, 20/40. E-mail: kalinin.aleksandr.an@gmail.com.
Шмаров Вячеслав Анатольевич, аспирант, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 109316, Россия, г. Москва, Волгоградский пр-т, 32/11. E-mail: shmarov.v.a@gmail.com.

Диагностика уровня социальной фрустрированности ВИЧ-положительных мужчин

Аннотация. ВИЧ-инфекция представляет собой хроническое иммунопатологическое состояние, которое, на сегодняшний день, поддается эффективной терапии, обеспечивающей полноценные качество и продолжительность жизни носителям ВИЧ. Однако, негативное отношение общества к ВИЧ-положительным людям способствует развитию у них ряда личностных особенностей и, в первую очередь, социальной фрустрированности – неудовлетворенности своим социальным статусом, своими достижениями в социуме, а также отношениями с окружающими людьми. По статистике, в России именно мужчины составляют большинство людей, живущих с ВИЧ. В настоящей работе представлены результаты исследования уровня социальной фрустрированности ВИЧ-положительных мужчин, контрольную группу составили ВИЧ-отрицательные мужчины. Несмотря на то, что исследование не выявило статистически значимых различий между средневыборочными характеристиками, установлено, что доля ВИЧ-отрицательных мужчин с очень низким и пониженным уровнями социальной фрустрированности почти в 1,5 раза выше в сравнении с группой ВИЧ-положительных, и, наоборот, доля ВИЧ-положительных мужчин с неопределенным (самым высоким в контексте данного исследования) уровнем социальной фрустрированности превышает в 4 раза таковую в группе ВИЧ-отрицательных. Таким образом, среди ВИЧ-положительных мужчин выше доля тех, кто в большей степени не удовлетворен социальной сферой жизни, что говорит об актуальности подобных исследований и необходимости особой психологической и психотерапевтической помощи ВИЧ-положительным мужчинам.
Ключевые слова: вирус иммунодефицита человека, психологическое исследование, диагностика, социальная фрустрированность, психическое напряжение, неудовлетворенность, U-критерий Манна-Уитни.

Osnitskiy A.K., Kalinin A.A., Shmarov V.A.

Osnitskiy Aleksey Konstantinovich, doctor of psychological Sciences, Professor, chief researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya st., 9/4. E-mail: osnizak@mail.ru.
Kalinin Alexander Anatolyevich, Social Worker, Steps Fund, 105043, Russia, Moscow, Zavodskoy proezd, 20/40. E-mail: kalinin.aleksandr.an@gmail.com.
Shmarov Viacheslav Anatolievich, post-graduate, Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, 109316, Russia, Moscow, Volgogradsky Prospect, 32/11. E-mail: shmarov.v.a@gmail.com.

Social frustration level diagnosis of HIV-positive men

Abstract. HIV infection is a chronic immunopathological condition, which, today, is susceptible to effective therapy that provides full quality and life expectancy to HIV carriers. However, the negative attitude of society towards HIV-positive people contributes to the development of a number of personal characteristics in them, and, first of all, social frustration - dissatisfaction with their social status, their achievements in society, as well as relations with people around them. According to statistics, in Russia it is men who make up the majority of people living with HIV. In this work, we examined the level of social frustration of HIV-positive men; the control group consisted of HIV-negative men. Despite the fact that we did not reveal statistically significant differences between the average sample characteristics, we showed that the proportion of HIV-negative men with very low and low levels of social frustration is almost 1.5 times higher in comparison with the group of HIV-positive ones, and, conversely, the proportion of HIV-positive men with an uncertain (highest in the context of this study) level of social frustration exceeds 4 times that in the group of HIV-negative. Thus, among HIV-positive men there is a higher proportion of those who are more dissatisfied with the social sphere of life, which indicates the relevance of such studies and the need for special psychological and psychotherapeutic help for HIV-positive men.
Key words: human immunodeficiency virus, psychological research, diagnosis, social frustration, mental stress, dissatisfaction, Mann-Whitney U-test.

ВИЧ-инфекция является хроническим, медленно прогрессирующим иммунопатологическим состоянием, которое, на сегодняшний день, поддается эффективной терапии, обеспечивающей полноценные качество и продолжительность жизни носителям ВИЧ. Статистическая информация свидетельствует о том, что эпидемия ВИЧ-инфекции «стареет», наблюдается падение роста инфицированности среди молодежи. Доказательством того, что инфекция приобрела генерализованный характер, служит тот факт, что от концентрированной в группах риска (потребители инъекционных наркотиков, лица из мест лишения свободы, секс-работники, трансгендерные лица и мужчины, практикующие секс с мужчинами) ВИЧ-инфекция перешла в социально благополучные слои общества. ВИЧ-инфекция начала распространяться среди социально адаптированного населения вне групп обычного риска, причем преимущественным путем передачи являются гетеросексуальные половые контакты [2, с. 46].

Настороженное, негативное отношение общества к ВИЧ-положительным людям способствует развитию у них ряда личностных особенностей, и, в первую очередь, социальной фрустрированности – форме психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях. Социальная фрустрированность передает в себе эмоциональное отношение человека к позициям, которые он сумел занять в обществе на данный момент своей жизни. Каждое общество в конкретный период своего существования предлагает своим членам определенные возможности социального роста и удовлетворения потребностей. Социум «вырабатывает» ступени роста и достижений, и человек, соответственно своим притязаниям и возможностям, достигает того или иного уровня. Оценивая свои достижения по разным социально заданным иерархиям, человек испытывает ту или иную степень удовлетворенности либо неудовлетворенности. При этом социальная фрустрированность в большей степени зависит от осознания недостигнутого, чем от реального положения личности. Неудовлетворенность по отдельным направлениям социально заданных иерархий накапливается, вследствие чего образуется перманентный фон эмоционального напряжения личности. Когда эмоциональное напряжение достигает критического уровня, личность прибегает к тем или иным ме-

рам психологической защиты. Она либо снижает уровень притязаний, либо игнорирует недоступные ей ступени иерархии, либо дискредитирует тех, кто их занимает [1, с. 327].

Среди ВИЧ-инфицированных в 2020 г. в России преобладают мужчины, они составляют 62,6% среди всех зарегистрированных случаев заболевания [5]. Исходя из этого, целью данной работы была диагностика уровня социальной фрустрированности ВИЧ-положительных мужчин. Объектом исследования выступали психологические особенности ВИЧ-положительных мужчин, предметом - уровень их социальной фрустрированности. Выборку испытуемых составили 26 мужчин: исследуемая группа – 13 ВИЧ-положительных мужчин в возрасте 23-43 лет, обратившихся за информационно-консультационными услугами в Региональный благотворительный общественный фонд борьбы со СПИДом «ШАГИ» (г. Москва), и контрольная группа - 13 ВИЧ-отрицательных мужчин в возрасте 26-45 лет.

Исследование уровня социальной фрустрированности проводили с помощью методики диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко). Испытуемым предлагалось ответить на 20 вопросов бланка опросника, который фиксирует степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности, проставив напротив каждого вопроса один из пяти возможных ответов: «полностью удовлетворен», «скорее удовлетворен», «затрудняюсь ответить», «скорее не удовлетворен», «полностью не удовлетворен». Помимо вопросов методики, фиксировался также возраст испытуемых. Каждому бланку был присвоен уникальный шифр, соответствующий респонденту. Личные данные не собирались в соответствии с принципом конфиденциальности и анонимным характером исследования. Время заполнения опросника не ограничивалось.

Полученные данные обрабатывались в соответствии с ключом методики [1, с. 329]. После чего для каждого респондента определялся его уровень социальной фрустрированности из семи диапазонов в следующей градации: отсутствие (почти отсутствие) фрустрированности, очень низкий, пониженный, неопределенный, умеренный, повышенный, очень высокий уровень социальной фрустрированности. Чем выше уровень в данном ряду, тем больше степень неудовлетворенности человека. Для определения характера распределения данных выборки использовали критерий Колмогорова-Смирнова, согласно которому наши данные не подчинялись нормальному закону распределения [4, с. 112]. Средневыборочные характеристики представляли в виде медианы (Me) и интерквартильного размаха (Q1; Q3). Определение достоверности различий в уровне социальной фрустрированности между исследуемой и контрольной группами производили с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок с уровнем значимости, равным 0,05 [3, с. 57]. Статистические расчеты проводились с использованием программного обеспечения PASW (Predictive Analytics SoftWare) Statistics.

Средневыборочные показатели в обеих группах соответствовали очень низкому уровню социальной фрустрированности. Достоверных различий в исследуемом показателе между группами выявлено не было: эмпирическое значение U-критерия Манна-Уитни превышало его критическое значение для численности выборки, равной 13, и при уровне значимости, равном 0,05 (табл. 1).

Затем вычислялся процентный состав респондентов исследуемой и контрольной групп по семи диапазонам уровней социальной фрустрированности. Никто из испытуемых не показал крайние значения признака: все респонденты характеризовались очень низким, пониженным либо неопределенным уровнем социальной фрустрированности (Рис. 1).

Таблица 1. Средневыборочные характеристики и достоверность различий уровней социальной фрустрированности в группах ВИЧ-положительных и ВИЧ-отрицательных мужчин

Описание выборки	Средне-выборочные характерис-тики, Me (Q1;Q3)	Уровень со-циальной фрустриро-ванности	Эмпирическое значение U-критерия Ман-на-Уитни, Uэмп (0,05), n=13	Критическое зна-чение U-критерия Манна-Уитни, Ukp (0,05), n=13
ВИЧ-положительные мужчины (ис-следуемая груп-па)	1,3 (1; 2,1)	очень низ-кий	59,5	51
ВИЧ-отрицательные мужчины (контрольная группа)	1,1 (0,7; 1,4)	очень низ-кий		

Рис. 1. Распределение ВИЧ-положительных и ВИЧ-отрицательных мужчин по диапазонам уровней социальной фрустрированности

Как видно из Рисунка 1, доля ВИЧ-отрицательных мужчин с очень низким и пониженным уровнями социальной фрустрированности почти в 1,5 раза выше в сравнении с группой ВИЧ-положительных, и, наоборот, доля ВИЧ-положительных мужчин с неопределенным (самым высоким в контексте данного исследования) уровнем социальной фрустрированности превышает в 4 раза таковую в группе ВИЧ-отрицательных.

Проведенный качественный анализ частот встречаемости ответов респондентов подтвердил, что для ВИЧ-положительных мужчин характерна большая неопределенность в своих суждениях, так, около половины испытуемых данной группы не могут дать утвердительный

ответ относительно их удовлетворенности отношениями с партнером, а также сферой услуг, бытового и медицинского обслуживания. В отношении ответов, содержащих утверждения о частичной или полной неудовлетворенности, прослеживается явная разница частот встречаемости между исследуемой и контрольной группами – ВИЧ-положительные мужчины были чаще не удовлетворены своим материальным положением, проведением досуга и отпуска, а также своим образом жизни в целом, по сравнению с ВИЧ-отрицательными.

На основании проведенного анализа мы можем предположить, что для группы ВИЧ-положительных мужчин свойственен некоторый дисфункциональный образ жизни, препятствующий гармоничному выстраиванию отношений с партнером, а также неблагоприятно сказывающийся на способности обеспечить себя и семью материально, что влечет за собой недоступность желаемой формы проведения досуга и отпуска, равно как и получения качественных услуг бытового и медицинского обслуживания. Предположенная нами дисфункциональность в образе жизни может быть связана как с врожденными конституциональными особенностями психики, так и с приобретенными деструктивными механизмами психологической защиты на фоне известия о носительстве ВИЧ либо вследствие дискриминации со стороны ВИЧ-отрицательной части социума.

Таким образом, среди ВИЧ-положительных мужчин выше доля тех, кто в большей степени не удовлетворен своими достижениями и положением в социально заданных иерархиях, что говорит об актуальности подобных исследований и необходимости особой психологической и психотерапевтической помощи ВИЧ-положительным мужчинам.

Полученные данные показывают перспективность настоящего исследования. Они могут внести вклад в формирование психологического портрета ВИЧ-положительного мужчины в современной России, выявить способы его реагирования на вызовы общества в связи с его положительным статусом, и, как следствие, выработать подходы грамотной психологической и психотерапевтический помощи данной группе лиц. Тем не менее, эти предварительные результаты требуют дополнительных средств анализа, расширения выборки и круга используемых методик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинъ, 1996. 469 с.
2. Горохов К.В., Воробьева Е. П., Корнилова О. А. Основные группы участников эпидемии ВИЧ, их психологический портрет и объективизация качества жизни // Паллиативная медицина и реабилитация. 2018. № 4. С. 46-50.
3. Гублер Е. В. Генкин А. А. Применение непараметрических критериев статистики в медико-биологических исследованиях. Л.: Медицина, 1973. 144 с.
4. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2002. 350 с.
5. Справка. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 30 апреля 2020 г. // Официальный сайт Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом. URL: http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2020/05/VICH-infektsiya-v-Rossijskoj-Federatsii-na-30.04.2020-g..pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bojko V. V. Jenergija jemocij v obshhenii: vzgljad na sebja i na drugih. M.: Filin, 1996. 469 s.
2. Gorohov K.V., Vorob'eva E. P., Kornilova O. A. Osnovnye gruppy uchastnikov jepidemii VICh, ih psihologicheskij portret i ob#ektivizacija kachestva zhizni // Palliativnaja medicina i reabilitacija. 2018. № 4. S. 46-50.

3. Gubler E. V. Genkin A. A. Primenenie neparametricheskih kriteriev statistiki v mediko-biologicheskih issledovanijah. L.: Medicina, 1973. 144 s.
4. Sidorenko E. V. Metody matematicheskoj obrabotki v psihologii. SPb.: OOO «Rech'», 2002. 350 s.
5. Spravka. VICh-infekcija v Rossijskoj Federacii na 30 aprelja 2020 g. // Oficial'nyj sajt Federal'nogo nauchno-metodicheskogo centra po profilaktike i bor'be so SPIDom. URL: http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2020/05/VICH-infektsiya-v-Rossijskoj-Federatsii-na-30.04.2020-g..pdf

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Осницкий А.К., Калинин А.А., Шмаров В.А. Диагностика уровня социальной фрустрированности ВИЧ-положительных мужчин // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 171-176. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Osnitskiy.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893871
УДК 159.9

Плюснина М.А.

Плюснина Мария Алексеевна, старший преподаватель, БУ ВО Сургутский государственный университет, 628400, Россия, Тюменская область, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. E-mail: plusmariya@yandex.ru.

Исследование феномена прокрастинации у студентов первого курса обучения

Аннотация. В статье анализируется проблема изучения феномена прокрастинации у современной молодежи входящей в студенческую пору. Представлены результаты исследования выраженности общей и академической прокрастинации у студентов первого курса обучения педагогического вуза. Подчеркивается, что выявленный у первокурсников феномен общей прокрастинации обусловлен трудностями адаптации в новых условиях: затруднения при планировании учебной деятельности, страх перед новыми задачами и в целом перед новыми требованиями, новыми методами обучения.
Ключевые слова: прокрастинация, студенчество, мотивационная недостаточность, перфекционизм, академическая прокрастинация.

Plyusnina M.A.

Plusnina Maria Alekseevna, Senior Lecturer, Surgut state University, 628400, Russia, Tyumen region, Surgut, 50 years of the Komsomol st., 10/2. E-mail: plusmariya@yandex.ru.

Research on the phenomenon of procrastination in first-year students

Abstract. The article analyzes the problem of studying the phenomenon of procrastination in modern youth entering the student period. The results of a study of the severity of General and academic procrastination in first-year students of a pedagogical University are presented. It is emphasized that the phenomenon of general procrastination revealed in first-year students is caused by difficulties in adapting to new conditions: difficulties in planning educational activities, fear of new tasks and, in general, new requirements, new teaching methods.
Key words: procrastination, students, motivational insufficiency, perfectionism, academic procrastination.

Перед молодежью, входящей в студенческую пору, всегда остро вставал вопрос адаптации к новому этапу жизненного пути. Еще вчера бывшие школьники, а сегодня студенты вошли в новую социальную ситуацию развития, где за довольно короткий срок нужно принять новую роль и освоиться в новых условиях жизнедеятельности.

Новый жизненный период обозначен высокой степенью интенсивной социализации личности, формированием и становлением субъектной позиции будущего профессионала в определенной области знаний. В современных условиях системы образования студент оказывается в ситуации непрерывного приобретения новых знаний, умений и навыков, сталкивается с новыми формами и методами организации учебного процесса, к которым он зачастую не готов, находится в постоянном напряженном состоянии от

нарастающего количества требований, темпа обучения.

В научных трудах многих исследователей период ранней юности описан достаточно подробно (Л.С. Выготский, А.В. Толстых, И.С. Кон и др.). Традиционно данный возрастной период характеризуется высокой социальной активности, инициативности, развитием самосознания, профессионального самоопределения. На этом этапе происходит большая личностная работа над своей самоорганизацией, поискам и выбором своего жизненного пути. Так, А.В. Толстых описывает, что именно в этот жизненный период у личности развиваются все необходимые личностные и функциональные качества (организаторские способности, инициативность, мужество, находчивость, четкость и аккуратность, быстрота реакций и т.д.).

Однако, все чаще мы наблюдаем, что современная молодежь страдает феноменом прокрастинации. Под термином «прокрастинация» принято подразумевать такой феномен в поведении человека, который выражается в игнорировании им выполнения обязательных задач, откладывании их, что приводит к жизненным проблемам и трудностям. При этом индивид переключает свое внимание на все что угодно и оттягивает выполнение задач на неопределенный срок, лишь бы не заниматься основным конкретным делом [2, с. 116]. Анализируя психологические источники, следует отметить, что разработкой проблемы изучения феномена прокрастинации занимались многие исследователи (Я.И. Варваричева, О.С. Виндекер, Н.Н. Карловская, М.А. Киселева, С. Лэй, Е.Л. Михайлова, П. Рингенбах, Дж. Феррари, Н.А. Шухова и др.).

М.А. Киселева в своем исследовании отмечала, что чаще всего подвержена феномену прокрастинации молодежь, которая склонна к мотивационной недостаточности и низкой волевой саморегуляции. В период юности, когда принимаются важные жизненные цели, ориентиры на будущее, именно данный феномен может выступать с серьезным сдерживающим фактором для процесса самоопределения личности [6, с. 24].

В предпринятом автором исследовании была поставлена цель выявить, как у современных молодых людей, вступающих в новый жизненный период (студенчество), где необходимо проявлять самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, уметь планировать свою учебную деятельность, проявляется феномен прокрастинации. Было проведено исследование данного феномена у студентов первого курса обучения. Количество испытуемых составило 80 человек. В качестве диагностического материала был использован опросник «Степень выраженности прокрастинации» М.А. Киселевой и методика «Шкала прокрастинации для студентов» С. Лэй.

Анализ результатов, полученных по методике М.А. Киселевой, позволил выявить следующие уровни прокрастинации у студентов первого курса: 40% испытуемых имеют средний уровень и 55% испытуемых имеют высокий уровень выраженности феномена прокрастинации, оставшиеся 5% – низкий уровень. Студенты, продемонстрировавшие высокие показатели наличия феномена прокрастинации, как правило, характеризуются высокой активностью, которая, к сожалению, не имеет никакого отношения к учебной деятельности. А именно студенты всю свою инициативность, активность направляют на малозначимые дела, несмотря на то, что при этом имеют важную, актуальную работу, которая требуют безотлагательного выполнения. У таких студентов могут быть плохо развиты механизмы саморегуляции, в частности, непосредственно целеполагание и планирование. Студенты, продемонстрировавшие низкую степень выраженности прокрастинации, наоборот, характеризуются хорошей организованностью, ответственностью, умением правильно расставлять приоритеты при решении задач, умением спланировать свою деятельность.

Согласно методике М.А. Киселевой, которая позволяет охарактеризовать дан-

ный феномен с помощью трех шкал (мотивационная недостаточность, перфекционизм и тревожность) [5], мы отдельно описали наиболее значимые результаты, полученные в ходе их применения. Таким образом, среди студентов первого курса выявлены высокие показатели по шкале «тревожность» – 45% от общего числа опрошенных, средняя степень выраженности – 37,5% и 17,5 % – низкая степень выраженности тревожности. Испытуемые с высокой степенью тревожности характеризуются проявлением беспокойства, озабоченности, напряженности, как в ситуации принятия решения, так и после реализации намеченной цели, когда не выполнили свою задачу вовремя. Данные эмоциональные реакции возникают либо по причине наличия у студента устойчивой индивидуальной характеристики – личностная тревожность как качество личности, либо в качестве ситуативной реакции на возникающую проблему в учебной деятельности. И как отмечают в своем исследовании В.М. Латушкина, С.Н. Костромина, феномен прокрастинации оказывает существенное деструктивное влияние на учебную деятельность, а все замещающие действия или выполнение второстепенных задач, которые оттягивают процесс принятия главного решения и работы над главными задачами, становятся преградой для обретения самоэффективности, совершенствования самоорганизации и становления профессионального развития личности [7].

Данные, полученные по шкале «мотивационная недостаточность», показали, что лишь 15% опрошенных первокурсников имеют высокую степень выраженности, 47% – среднюю степень. Для респондентов с высокими показателями характерно неразвитое умение в целеполагании и планировании. То есть они целенаправленно откладывают решение первостепенных задач, несмотря на то, что осознают возможность иметь из-за этого негативные последствия, не умеют расставить приоритетность в распределении времени, учебных задач и т.п. Средняя степень выраженности мотивационной достаточности подразумевает, что студенты не всегда находятся в этом состоянии. Оно возникает в наиболее стрессовых ситуация, например, таких, как период сессии, или при утрате мотивации в ходе работы с конкретным заданием или по определенному блоку дисциплин. Это значит, что здесь могут играть роль личные или ситуативные обстоятельства, а не отсутствие умения планировать свой учебный процесс.

Исследование академической прокрастинации позволило получить следующие данные: почти полное отсутствие шкалы с высоким уровнем академической прокрастинации (всего лишь 5% от общего числа респондентов) и доминирование в выборке испытуемых со средним уровнем (75%). Студенты, у которых выражен феномен академической прокрастинации, характеризуются несформированностью учебных навыков, высокой степенью стихийности в организации своего учебного процесса, неумением контролировать свой учебный процесс, поведенческой ригидностью и т.п. Студенты с низкой степенью выраженности академической прокрастинации, наоборот, отличаются полностью сформированными учебными навыками, выполняют учебные работы и задания в срок, не испытывают затруднений в планировании своего учебного процесса, полностью регулируют и контролируют его.

Таким образом, можно сделать вывод, что у большинства исследуемых студентов первого курса выявлен феномен общей прокрастинации. Это может свидетельствовать о том, что студенты первого курса с большим трудом умеют планировать свою учебную деятельность, испытывают страх перед новыми задачами и в целом перед новыми требованиями, новыми методами обучения. Отсюда и могут возникать сложности в распределении дел и обязанностей, неумение оценивать последствия своих действий и принятых решений, а потому уже после первой сессии «начинают набирать задолженности по учебе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. №3. С. 121-131.
2. Виндекер О. С. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации C.H. Lay (на примере студенческой выборки). Актуальные проблемы психологического знания // Теоретические и практические проблемы психологии. 2014. №1. С. 116-126.
3. Ивутина Е. П. Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. №4-1. С. 146-151.
4. Карловская Н. Н. Феноменологический опыт прокрастинации // Социальные проблемы современной России: возможности психологической помощи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 11-12 ноября 2010 г.) / Под ред. Л. И. Дементий. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 133-137.
5. Киселева М. А. Теоретическое обоснование опросника «Степень выраженности прокрастинации» (СВП) // Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects: materials of the III international scientific conference on March 13–14. 2015. С. 23-27.
6. Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В. Проблема влияния прокрастинации на процесс самоопределения личности на процесс самоопределения личности // Personality and social development: materials of the II international scientific conference on March 29-30. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2014. С. 22-27.
7. Латушкина В. М., Костромина С. Н. Прокрастинация и результативность в учебной и научной деятельности аспиранта // Ананьевские чтения 2010. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2010. С. 112-113.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Varvaricheva Ja. I. Fenomen prokrastinacii: problemy i perspektivy issledovanija // Voprosy psihologii. 2010. №3. S. 121-131.
2. Vindeker O. S. Formal'nyj i soderzhatel'nyj analiz shkaly obshhej prokrastinacii S.N. Lay (na primere studencheskoj vyborki). Aktual'nye problemy psihologicheskogo znanija // Teoreticheskie i prakticheskie problemy psihologii. 2014. №1. S. 116-126.
3. Ivutina E. P. Akademicheskaja prokrastinacija kak projavlenie zashhitno-sovladajushhego povedenija u studentov // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2013. №4-1. S. 146-151.
4. Karlovskaja N. N. Fenomenologicheskij opyt prokrastinacii // Social'nye problemy sovremennoj Rossii: vozmozhnosti psihologicheskoj pomoshhi. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Omsk, 11-12 nojabrja 2010 g.) / Pod red. L. I. Dementij. Omsk: Izd-vo OmGU, 2010. S. 133-137.
5. Kiseleva M. A. Teoreticheskoe obosnovanie oprosnika «Stepen' vyrazhennosti prokrastinacii» (SVP) // Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects: materials of the III international scientific conference on March 13–14. 2015. S. 23-27.
6. Kiseleva M. A., Shustova N. E., Karina O. V. Problema vlijanija prokrastinacii na process samoopredelenija lichnosti na process samoopredelenija lichnosti // Personality and social development: materials of the II international scientific conference on March 29-30. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2014. S. 22-27.

7. Latushkina V. M., Kostromina S. N. Prokrastinacija i rezul'tativnost' v uchebnoj i nauchnoj dejatel'nosti aspiranta // Anan'evskie chtenija 2010. SPb.: Izd-vo SPbGU. 2010. S. 112-113.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Плюснина М.А. Исследование феномена прокрастинации у студентов первого курса обучения // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 177-181. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Plyusnina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893890
УДК 343.974

Соснина А.А.

Соснина Анастасия Андреевна, аспирант Института психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Тюменский Государственный Университет», 625007, Россия, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5. E-mail: anastasiamaltseva72@mail.ru.

Особенности и причины экстремизма в молодежной среде

Аннотация. В статье рассматривается молодежь как социальная группа, склонная к проявлению экстремизма. Выделяются детерминанты экстремизма, связанные с социальным статусом и психолого-возрастными особенностями молодежи (экстремальность, неустойчивый переходный социальный статус, не сформировавшееся сознание, инновационная активность, аффективное восприятие действительности). На основании анализа научной литературы и данных эмпирических исследований, определены как объективные (социальные, экономические, идеологические, культурные особенности социальной действительности), так и субъективные факторы (неустоявшийся социальный статус, проблемы с социализацией, экстремальность как состояние сознания и поведения, некритичное, парадоксальное мышление и отсутствие жизненного опыта) формирования мировоззрения молодых людей, и его взаимосвязь с экстремистскими действиями.
Ключевые слова: экстремизм; молодежный экстремизм; предикторы экстремизма; особенности; молодежь; подростковый возраст.

Sosnina A.A.

Sosnina Anastasia Andreevna, post-graduate, Institute of psychology and pedagogy, Tyumen State University, 625007, Russia, Tyumen, 9 May st., 5. E-mail: anastasiamaltseva72@mail.ru.

Features and causes of extremism among young people

Abstract. The article considers youth as a social group prone to extremism, the determinants of extremism associated with the social status and psychological and age characteristics of youth (extreme, unstable transitional social status, unformed consciousness, innovative activity, affective perception of reality) are highlighted. Based on the analysis of scientific literature and empirical research data, both objective (social, economic, ideological, cultural features of social reality) and subjective factors (unsettled social status, problems with socialization, extreme as a state of consciousness and behavior, uncritical, paradoxical thinking and lack of life experience) of the formation of the worldview of young people, and its relationship with extremist actions are determined.
Key words: extremism; youth extremism; predictors of extremism; features; youth; adolescence.

В последнее десятилетие политическое и социальное напряжение в России и мире обострилось: увеличивается количество протестных акций, митингов, вызванных недовольством социальной политикой; уменьшается возраст правонарушителей, а их действия становятся все более активными. Так, с января по декабрь 2019 г. в России на 7,6% (с 1 679 до 1 806) по сравнению с предыдущим годом возросло количество преступлений террористического характера, число деяний экстремистской направленности составило 585 случаев [2]. Всплеск экстремистской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет

(73%), от 18 до 25 лет – 15 %, от 25 до 30 лет – 9,6 %, и лишь 2,5 % - это лица, старше 30 лет [6]. Это связано, в первую очередь с тем, что у молодых людей только формируется мировоззрение и гражданское сознание, жизненные ценности и ориентиры, происходит адаптация к «миру взрослых». В связи с этим особою актуальность приобретает определение особенностей молодежного экстремизма.

В юридической литературе под экстремизмом понимается деяние, направленное на насильственный захват или удержание власти, посягательство на общественную безопасность (Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г). П. Т. Коулман и А. Бартоли определяют экстремизм как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далекие от обычных, общепринятых. В.И. Красиков рассматривает экстремизм как систему взглядов на мир, особую форму сознания. В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман основным компонентом экстремизма считают практическую деятельность. Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопал определяют экстремизм как форму политической позиции индивида, характеризующейся сильным эмоциональным компонентом. В.Т. Лисовский в качестве основной причины экстремизма видит экстремальность природы человека. Об экстремальности как причине экстремистских действия говорят и В.И. Чупров и Ю.А. Зубок. Они предлагают понимать экстремальность как сущностную характеристику молодежи: различные формы проявления максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровне. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние, отказ от всего.

М.Я. Яхъев в качестве особенности экстремистской идеологии выделял оппозицию «свой – чужой», «мы - они», что является значимым фактором, объединяющим людей разных взглядов и способствующим созданию коллектива единомышленников с четкими представлениями об образе врага, с которым необходимо бороться всеми доступными средствами, в том числе - крайними. Подобное противопоставление наиболее ярко прослеживается в экстремистских действиях молодых людей в возрасте 14-30 лет, что подтверждается масштабным исследованием (более 2 тыс. опрошенных) российской молодежи, проведенном в 2005-2007 гг. Швейцарской академией развития (SAD) совместно с Левада-Центром. По результатам исследования [10, с. 22- 36], среди российской молодежи был зафиксирован высокий уровень социальной нестабильности и напряженности, который во многом основывался на оппозиции «свой-чужой», «они-мы»:

– Разрыв менталитета между поколением молодых россиян и их родителями. 43% опрошенных чувствовали, что родители их не понимают, более 40% указывали, что не будут применять к своим детям те методы воспитания, что были применены к ним (в сравнении с 27% опрошенных представителей ФРГ). В качестве основных причин исследователи выделили: большое число матерей-одиночек, домашнее насилие и проживание «под одной крышей» нескольких поколений семьи (бабушки и дедушки, родители, дети).

– Разочарование на рынке труда. Стремясь к независимости, молодые люди рано начинают трудовую деятельность, где сталкиваются с несправедливостью, неурегулированием рынка труда, безнаказанностью за неофициальное трудоустройство, неспособностью отстаивать свои права, предпочтением использования труда мигрантов и т.д.

– Неуверенность в собственном будущем. Несмотря на улучшения в экономике, молодые россияне чувствуют себя неуверенно, говоря о своем видении будущего. Только 39% респондентов уверены в будущем.

– Чувство незащищенности и несправедливости. 51% считают, что боль-

шинству в наше время нельзя доверять. 73% говорят, что люди глухи к проблемам других людей. Большинство ощущает несправедливость, отсутствие чувства безопасности (53% считает, что насилие является нормальным положением дел в стране, 75% – что межличностное насилие широко распространено).

– Недоверие к власти. Несмотря на высокое доверие к Президенту (73% поддерживали политику В.В. Путина), лишь 39% доверяли действиям правительства. Причем 65% респондентов утверждали, что полагаются только на себя и стараются избегать любого взаимодействия с властями.

– Высокий уровень нетерпимости среди российской молодежи, выражающийся в отношении к народным меньшинствам и нелегалам. 22% настаивают на «ликвидации» (депортации) незаконных иммигрантов, 21% утверждают, что нелегальные иммигранты должны быть изолированы. Учитывая, что количество нелегалов в России оценивается от 5 до 15 миллионов человек, потенциал для конфликта огромен. 55% отметили свое непринятие и враждебность по отношению к людям с Кавказа (что значительно выше уровня нетерпимости по отношению к представителям Китая, Азии, Африки).

Приведенные результаты подтверждают выдвинутое Л.С. Атаевым и В.П. Багазеевым определение экстремизма как логического следствия и отражения социальных факторов. Подобное фиксируется и в статистических данных экстремистских правонарушений и преступлений: за 2007 год в России зарегистрировано 356 случаев, за 2008 г. – 460, в то время, как за 2005 г. – всего 152 случая, 2004 г. – 130 [6].

Проблемы во взаимоотношениях с родителями и окружением, экстремальность, не сформировавшееся сознание, неустойчивый переходный социальный статус, аффективное восприятие окружающей действительности и инновационная активность – это лишь немногие особенности молодежи, вызванные высоким уровнем социальной нестабильности и напряжнности, однако именно они определяют отличительные характеристики молодежного от «взрослого» экстремизма. В этом случае для молодежи экстремальные действия, идеология, мировоззрение воспринимается как способ (зачастую неадекватный) разрешения социально-экономических противоречий в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений, что в своих работах выделял В.С. Кудрин; является реакцией индивида на неблагоприятные факторы окружающей среды, что проявляется и закрепляется в поведении, формируя маргинальность, нонконформизм и конформизм, жестокость и агрессивность, психологическую зависимость от группы, демонстративность и другие формы девиантного поведения, отмеченные О.А. Плотниковой и А.В. Барнашем.

Жестокость и агрессивность также могут выступать предикторами экстремистского поведения молодежи, что в своих работах отмечала О.Ю. Михайлова. Она связывала характерные для молодежного экстремизма резкие противопоставления «своих» и «чужих» с проявлениями насилия, жестокостью и агрессией, где под жестокостью понимается «неспособность субъекта увидеть в другом такого же человека, как он сам, «нечеловеческое» отношение к другому человеку и к миру в целом» [7, с. 1-10]. То есть, в основе жестокости лежит нарушение ценности «другого Я», другого человека, её субъективное принижение. Жестокость может выступать как признак несформированности способности к рефлексии: жестокие поступки детей не определяются еще внутренней логикой их характера, а в значительной степени обусловлены внешней ситуацией, что при отсутствие должной коррекции и оценки со стороны окружающих может «превратиться» в устойчивую характеристику личности. Также жестокость может возникнуть как результат трансформации сложившейся ранее системы отношений с миром, пере-

оценки ценностей, изменении всей ценностно-смысловой сферы. В молодежной среде (в особенности в школе) жестокость и экстремизм могут проявляться в форме «буллинга» - травли детей со стороны сверстников, издевательства над ними; или его интернет аналога – кибербулинга (травля при помощи социальных сетей, съемка и выкладывание в общий доступ оскорбительных и унижающих личное достоинство жертв фотографий и видеороликов). Данные действия сложно в должной степени отнести к действиям экстремистского характера, однако они являются прямым проявлением насилия, жестокости и отсутствия у субъекта эмоциональной реакции эмпатии, что уже может трансформироваться в совершение правонарушений большей тяжести.

Насилие в молодежной среде, являясь одним из основных источников смертности и травматизма населения, привлекло внимание экспертов ВОЗ [12]. Пик насилия приходится на поздний подростковый и ранний взрослый возраст (15-29 лет). Его появлению способствуют проблемы с психическим здоровьем, плохая успеваемость в школе, употребление психоактивных веществ в подростковом возрасте, проблемы социального окружения и многое другое.

Гиперактивность, проблемы со вниманием, плохой поведенческий контроль, импульсивность в детском и подростковом возрасте в большей степени приводят к рискам вовлечения в насильственную деятельность. Новозеландское исследование выявило, что дети с неконтролируемым поведением в возрасте 3 лет чаще вовлекались в преступления в возрасте 21 года [9, с. 1033-1039]. Исследование лиц 14-18 лет в Финляндии показало взаимосвязь между вовлечением в действия насильственного характера и психологической травмой или подавленным настроением в прошлом месяце [11, с. 617–620]. По мнению исследователей ВОЗ, склонности к насилию связаны с психологическими условиями и генетической предрасположенностью, которые, в сочетании с неблагоприятной детской средой, могли увеличить риск насильственного поведения молодого человека.

В подростковом и раннем юношеском возрасте предиктором экстремистских действий могут выступать и проблемы во взаимоотношениях с родителями, которые воспринимаются молодыми людьми также в системе «свой» - «чужой». Р. Агнью рассматривал экстремистское поведение в контексте социальных отношений людей, опирающихся на отрицательные отношения с другими единицами общества. Он выдвинул свою теорию напряжения, где в качестве его причин видел неудачи в достижении положительных целей, лишение положительно оценивающей стимуляции и преобладание отрицательных стимулов, что зачастую может проявляться при неудовлетворенности отношений с близкими людьми – в первую очередь – с родителями. Взаимосвязь экстремистских установок молодежи с особенностями их взаимоотношений с родителями были рассмотрены в рамках исследования Т.А. Коваленко (г. Комсомольск-на-Амуре, 2018 г.) [4]. С помощью методики изучения экстремистско-деструктивных установок К.В. Злоказова, психогеометрического теста С. Деллингер и проективной методики «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллер, была выявлена достоверная положительная корреляционная связь (rs=0,330) между ксенофобией и отрицательным отношением с родителями: чем хуже молодые люди относятся к своим родителям, тем больше они стремятся избегать контакта с представителями других национальностей и религий. Кроме того, при благоприятном отношении с материю и отцом и значимостью их фигур в жизни подростка, уменьшается неприязнь к другим национальностям, живущим на одной территории с ними. Эти данные согласуются с исследованием Ю.М. Антоняна [1, с. 72-74] которое показывает, что основной причиной возникновения экстремистских наклонностей считаются неблагоприятные детско-родительские отношения.

Проведенное в 2018 году С.В. Яремчук и С.М. Ситяевой исследование предикторов экстремистских установок молодежи Хабаровского края Дальнего Востока России [8, с. 13-14] (выборка – 355 человек: 148 школьников, 82 студента ссузов, 72 студента вузов и 53 рабочих) позволило выявить, что место обучения является значимым предиктором выраженности экстремистских установок в возрасте от 17 до 21 года (уровень экстремистских установок школьников, а в дальнейшем студентов вузов существенно ниже, чем у их сверстников, получающих среднее специальное образование). Кроме того, чем старше становятся юноши и девушки, тем в большей степени они разделяют дискриминирующие установки по отношению к людям иной религии, нации и социальной группы, тем в большей степени они стремятся исключить из сферы своих контактов подобных людей. Фанатические установки преимущественно предсказываются возрастом респондентов: чем старше, тем более выражен фанатизм; ксенофобические – полом (ксенофобия сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а националистические – всеми тремя объективными переменными (возрастом, полом и видом занятости), проявляясь более сильно в более старших по возрасту группах молодежи, сильнее у юношей, работающей молодежи и студентов средних специальных учебных заведений.

Согласно результатам исследования Московского городского психолого-педагогического университета [3, с. 21-39], проведенного в 2014 г., «экстремистское поведение вызвано не столько неблагополучным материальным положением семей или влиянием какой-либо идеологии, сколько потребностью молодых людей в экстремальной активности, агрессивностью и доминированием ценности власти».

Исследование Краснодарского Университета МВД России в 2017 г. [5, с. 144-158] выявило противоречивую, недостаточно эффективную роль государства в процессе вхождения молодежи во взрослую жизнь: большинство российской молодежи иногда ощущает социальную несправедливость (61,1%). Выделяется радикально настроенная группа респондентов, постоянно ощущающая на себе социальную несправедливость общества (24,8%). Здесь объясняются причины самовыражения, отмеченного московским исследованием, через экстремистский характер: молодежный экстремизм в России выступает следствием дисфункциональности молодежной политики и системных социальных противоречий российского общества, прежде всего, в духовной и социально-коммуникативной сферах.

Проанализировав перечень факторов становления молодежного экстремизма, выделенных Всемирной организацией здравоохранения, и сопоставив их с результатами приведенных выше исследований, можно выделить следующие факторы, лежащие в основе молодежного экстремизма как социальной проблемы [12]:

1) факторы, касающиеся отдельной личности (дефицит внимания, гиперактивность, расстройство поведения или другие поведенческие расстройства; вовлечение в преступную деятельность; употребление алкоголя, наркотиков и табака с раннего возраста; низкий интеллект и уровень образования; экстремальность как имманентное состояние сознания и поведения молодежи; не сформировавшееся сознание, социокультурный облик молодых людей; переходный социальный статус молодежи; эмоционально-чувственное, аффективное восприятие окружающей действительности; инновационная активность, жажда новизны, поиск способов самореализации; некритичное, парадоксальное мышление, отсутствие опыта, неумение анализировать причины и последствия социальных действий.);

2) факторы, касающиеся близких людей, в частности, членов семьи, друзей, сексуальных партнеров и ровесников (дисбаланс системы социализации, воспитания социального развития молодого поколения, слабый контроль и надзор за

детьми со стороны родителей; жесткие, слабые или непоследовательные меры воспитания со стороны родителей; отсутствие доверия между родителями и детьми; низкий уровень авторитета родителей в глазах детей; слабое участие родителей в занятиях детей; злоупотребление психоактивными веществами или криминальная деятельность родителей; низкий уровень дохода в семье; безработные члены семьи; контакты со сверстниками, занимающимися преступной деятельностью);

3) факторы, касающиеся местного сообщества и общества в целом (неравенство в получении высоких уровней доходов; неравенство при трудоустройстве; проблемы миграционной политики и трудоустройства мигрантов; бедность; качество управления в стране (законы и уровень их соблюдения, а также политика в области образования и социальной защиты, дисфункции системы СМИ, ее отказ от освещения социальных проблем).

Таким образом, молодежный экстремизм – социальное явление, свидетельствующее о дисфункциональности в обществе, нарушениях процесса социализации и социального развития молодежи. Отсутствие опыта, категоричность взглядов и неумение молодых людей в силу возрастных особенностей адаптироваться к быстро изменяющимся социальным реалиям приводит к формированию у данной группы людей экстремальности сознания и настроений, что, под воздействием определенных внешних или внутренних факторов, способно перерасти в экстремистские установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Логос, 2010. 285 с.
2. Состояние преступности России (за январь-декабрь 2019 г) // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Характеристика экстремизма в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) / Кирсанов А. И., Давыдов Д. Г., Завальский А. В., Скрибцова Н. А. // Психологическая наука и образование. М., 2014. №1. С. 21-39.
4. Коваленко Т. А. Взаимосвязь экстремистских установок молодежи с особенностями их взаимоотношений с родителями // Региональная Россия: история и современность. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19 декабря 2018г.). Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2018. С. 108-114. URL: http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/benefits/4350/47823608/?id=16
5. Лазарев Д. А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося. российского общества: проблемы профилактики и противодействия // Социальное здоровье: проблемы и решения. 2018. № 3. С. 144-158.
6. Состояние преступности // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports
7. Михайлова О. Ю., Романко О.А. Жестокость как предиктор молодежного экстремизма // Мир науки. 2016. Том 4. №5. С. 1-10.
8. Яремчук С. В., Ситяева С. М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 11-26.
9. Caspi A et al. Behavioral observations at age 3 years predict adult psychiatric disorders. Longitudinal evidence from a birth cohort // Archives of General Psychiatry, 1996. № 53. P. 1033–1039. DOI: 10.1001/archpsyc.1996.01830110071009
10. Dafflon D. Youth in Russia - The portrait of a Generation in Transition // A research report by the Swiss Academy for Development (SAD), 2009. P. 22.
11. Mattila V. M., Parkkari J. P., Rimpela A. H. Risk factors for violence and violence-related injuries among 14- to 18-year-old Finns // Journal of Adolescent Health, 2006. № 38. P. 617–620.

12. European report on preventing violence and knife crime among young people // World Health Organization cite. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Antonjan Ju.M. Jekstremizm i ego prichiny / pod red. Ju. M. Antonjana. M.: Logos, 2010. 285 s.
2. Sostojanie prestupnosti Rossii (za janvar'-dekabr' 2019 g) // General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii. Glavnoe upravlenie pravovoj statistiki i informacionnyh tehnologij. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Harakteristika jekstremizma v molodezhnoj srede i ego profilaktika v obrazovatel'noj organizacii (po rezul'tatam jekspertnogo oprosa) / Kirsanov A. I., Davydov D. G., Zaval'skij A. V., Skribcova N. A. // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. M., 2014. №1. S. 21-39.
4. Kovalenko T. A. Vzaimosvjaz' jekstremistskih ustanovok molodezhi s osobennostjami ih vzaimootnoshenij s roditeljami // Regional'naja Rossija: istorija i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Komsomol'sk-na-Amure, 19 dekabrja 2018g.). Komsomol'sk-na-Amure: AmGPGU, 2018. S. 108-114. URL: http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/benefits/4350/47823608/?id=16
5. Lazarev D. A. Molodezhnyj jekstremizm v uslovijah transformirujushhegosja. rossijskogo obshhestva: problemy profilaktiki i protivodejstvija // Social'noe zdorov'e: problemy i reshenija. 2018. № 3. S. 144-158.
6. Sostojanie prestupnosti // Sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: https://mvd.rf/reports
7. Mihajlova O. Ju., Romanko O.A. Zhestokost' kak prediktor molodezhnogo jekstremizma // Mir nauki. 2016. Tom 4. №5. S. 1-10.
8. Jaremchuk S. V., Sitjaeva S. M. Pol, vozrast i vid zanjatosti kak ob#ektivnye prediktory jekstremistskih ustanovok molodezhi // Psihologicheskie issledovanija. 2018. T. 11, № 58. S. 11-26.
9. Caspi A et al. Behavioral observations at age 3 years predict adult psychiatric disorders. Longitudinal evidence from a birth cohort // Archives of General Psychiatry, 1996. № 53. P. 1033–1039. DOI: 10.1001/archpsyc.1996.01830110071009
10. Dafflon D. Youth in Russia - The portrait of a Generation in Transition // A research report by the Swiss Academy for Development (SAD), 2009. P. 22.
11. Mattila V. M., Parkkari J. P., Rimpela A. H. Risk factors for violence and violence-related injuries among 14- to 18-year-old Finns // Journal of Adolescent Health, 2006. № 38. P. 617–620.
12. European report on preventing violence and knife crime among young people // World Health Organization cite. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf

Поступила в редакцию 16.05.2020.
Принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования:
Соснина А.А. Особенности и причины экстремизма в молодежной среде // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 182-188. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Sosnina.pdf

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893907
УДК 327

Гермашева Т.М., Гречишная В.В.

Гермашева Татьяна Мартиросовна, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69. E-mail: tani-germasheva@mail.ru.
Гречишная Валерия Владимировна, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69. E-mail: grechishnaya@gmail.com.

Особенности взаимосвязи экономики и политики в международной деятельности КНР

Аннотация. В статье рассматриваются особенности соотношения политики и экономики в международной деятельности Китайской Народной Республики. Дается характеристика действия Китая на международной арене, анализируются отношения КНР со странами ЕС. Определены особенности политики КНР в области прав человека и ее роль в экономических отношениях с другими странами. В статье делается вывод о том, что экономическое развитие КНР привело к тому, что с этой страной вынуждены считаться страны-партнеры, несмотря на различия в политических ориентациях. Модель сочетания экономики и политики КНР становится залогом развития двусторонних политических и экономических отношений с другими странами.
Ключевые слова: Китай, права человека, глобализация, глобальная экономика, мирное развитие, геоэкономика, план Юнкера.

Germasheva T.M., Grechishnaya V.V.

Germasheva Tatyana Martirosovna, Associate Professor of the Department of foreign languages for Humanities, Rostov state University of Economics (RINH), 344002, Russia, Rostov-on-don, Bolshaya Sadovaya st., 69. E-mail: tani-germasheva@mail.ru.
Grechishnaya Valeria Vladimirovna, Rostov state University of Economics (RINH), 344002, Russia, Rostov-on-don, Bolshaya Sadovaya st., 69. E-mail: grechishnaya@gmail.com.

Features of the relationship between Economics and Politics in China's international activities

Abstract. The article examines the features of Politics and Economics correlation in the international activities of China. The article describes China's actions in the international arena and analyzes China's relations with the EU countries. The features of the PRC's policy in the field of human rights and its role in

economic relations with other countries are defined. The article concludes that the economic development of the PRC has led to the fact that partner countries have to reckon with this country, despite differences in political orientations. The model of combining the economy and politics of the PRC becomes the key to the development of bilateral political and economic relations with other countries.
Key words: China, human rights, globalization, global economy, peaceful development, geo-Economics, the Juncker plan.

За последние 30-40 лет Китайская Народная Республика (КНР) продемонстрировала ряд существенных достижений в различных сферах деятельности и, прежде всего, в экономике. На сегодняшний день по совокупному ВВП китайская экономика занимает второе место в мире после США. Модель развития китайской экономики и роль Китая в мире существенно изменились за последние десятилетия. С конца 1970-х годов, когда начались реформы, экономика страны росла в среднем на 10% в год. После вступления Китая во Всемирную торговую организацию в начале 2000-х годов его роль в мировой экономике стала более значительной и заметной, он стал крупнейшим участником международной торговли [1, 24]. В последнее время возросла доля Китая в международном финансировании и инвестиционной деятельности. Этого Китай достиг, главным образом, за счет займов и финансовой помощи развивающимся странам.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, каково соотношение экономического и политического влияния Китая в мире. С запуском таких проектов, как «Один пояс, один путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций все большее значение приобретает определение взаимосвязи между экономическими и политическими аспектами внешней политики Китая, в частности между вопросами экономического развития и международной безопасности.

С одной стороны, Китай обладает всеми атрибутами мировой державы: постоянный член Совета Безопасности ООН, член «Большой двадцатки», участник всех крупных международных саммитов и т.д. С другой стороны, за исключением центральной роли в шестисторонних переговорах по Северной Корее, Китай не проявляет должной активности. Он не выражает стремления принять участия в решении какую-либо насущной глобальной проблемы, не формирует международную дипломатию, не вторгается в политику других стран. По ряду вопросов международных отношений КНР использует нейтральные или смягченные формулировки в публичных документах. Создается впечатление, что сегодня Китай является международным игроком, не обладающим мощной дипломатической силой или же не желающей ее демонстрировать.

Внешнеполитическая риторика Китая демонстрирует приверженность модели глобального экономического развития. Эта модель позиционируется как способствующая мирному решению вопросов международной политики и безопасности, а также внутренней стабильности самого Китая. Опубликованная в 2011 году стратегия мирного развития некоторыми экспертами расценивается как модернизация идей Дэн Сяопина, согласно которой Китай должен выжидать и скрывать свои возможности во внешней политике, а потому воспринимается, прежде всего, как оправдание пассивности [1, с. 24].

Согласно китайской стратегии мирного развития, экономическое процветание зависит от мира и стабильности в регионе, от отношений с соседними странами. В свою очередь, успешная экономика способствует укреплению стабильности внутри страны. А внутриполитическая стабильность является фактором экономического развития.

Логике данной модели отвечает внешнеэкономическая деятельность Китая, который представляет проекты «Один пояс, один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, прежде всего,

как инициативы экономического развития, призванные связать КНР с ближними и дальними странами посредством финансирования и строительства транспортной инфраструктуры и других проектов, укрепляющих международные связи [1, с. 24].

Поэтому при продвижении этих инициатив китайские власти, ученые и аналитики акцентируют внимание на роли Китая как движущей силы экономического развития в регионе и во всем мире. Китайские лидеры прилагают все усилия, чтобы подчеркнуть, что их страна, в отличие от США и европейских держав, никогда не будет претендовать на доминирующее положение в мире. Исследователи предполагают, что масштабные китайские проекты, в частности, миротворческие миссии в Африке, в качестве концептуальной основы имеют полноценную теорию мирного развития [2, с. 42].

Для описания такого подхода к построению отношений между политикой и экономикой, к выстраиванию внешнеполитической деятельности некоторые эксперты из американских и европейских аналитических центров используют термин «геоэкономика». Товарооборот КНР занимает наибольшую долю на мировом рынке, кроме того огромное количество иностранных предприятий работают в Китае. Интенсивное развитие экономики КНР говорит о том, что страна стремиться расширять свои возможности не только в АТР, но и по всему миру. На данный момент, Китай в той или иной мере сотрудничает с большинством стран ЕС, обеспечивая себе партнерские отношения на мировом рынке товаров и услуг. Китай проявляет готовность сотрудничать с Францией во франкоязычной Африке, с Испанией в испаноязычных странах Латинской Америки и с Португалией в португалоязычных странах Африки и Бразилии.

Отдельно стоит рассмотреть концепцию «Один пояс – один путь». Инициатива по созданию «Шелкового пути» была выдвинута с учетом принципа взаимного дополнения экономик, с учетом различий между Китаем и соседними странами, а также с учетом всех существующих недостатков в инфраструктуре предполагаемых участников данного экономического проекта. Такая взаимодополняемость обеспечивает важную основу для долгосрочного делового сотрудничества Китая с соседними странами, ведь только в процессе совместных усилий по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» открываются возможности преодолеть неразвитость инфраструктуры в этом регионе.

Китайское правительство подчеркивает, что инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), «дополняет» существующие национальные и европейские планы (например, так называемый «план Юнкера» или планы, продвигаемые отдельными странами-членами ЕС), расширяет экономические возможности ЕС. Большинство послов в Европейских странах отмечают важность ОПОП и его значимость для развития отношений между КНР и странами Европы [2, с. 42]. Китайские компании и китайские англоязычные СМИ, говоря об ОПОП, нередко обращаются к европейской аудитории.

Хотя воздействие ОПОП сильно варьируется в странах-членах ЕС, эта инициатива постепенно набирает силу по всей Европе, формируя двусторонние политические отношения и создает основу для последующего стратегического взаимодействия Китая и ЕС. Европейские органы власти, операторы транспортных узлов и компании в секторе логистики во многих странах стремятся присоединиться к ОПОП, чтобы воспользоваться новыми возможностями для бизнеса.

Несмотря на то, что ОПОП на европейской территории все еще ограничен, новые транспортные коридоры уже появляются, и частота их использования быстро растет. Одно из них – железнодорожное сообщение между Китаем и Западной Европой через Польшу в Германию и далее. Другой – это коридор между севером и севером между Грецией и Балтийским регионом через Центральную Европу, а Пирей как быстрорастущий центр в Средиземноморье.

ОПОП вносит изменения в политические отношения между странами Европы

и Китаем. Например, значительные изменения претерпели двусторонние отношения Чешской Республики с Китайской Народной Республикой. Повышение статуса Чешской Республики для Китая во многом обусловлено открытием коридора инвестиционных возможностей. Чешская Республика в настоящее время является крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на душу населения в посткоммунистической Европе. Динамичное развитие чешско-китайских отношений указывает на изменение стратегии Пекина в сторону более дифференцированного взгляда на европейскую региональную структуру.

Одним из факторов, препятствующих развитию двусторонних экономических связей между Китаем и другими странами, прежде всего, ЕС и США, является проблема прав человека. В 1991 г. китайским правительством была опубликована книга «Права человека в Китае», из которой представители других стран узнали об основной позиции и практике Китая в области прав человека.

Спорные вопросы прав человека в Китае включают политику смертной казни, политику «одна семья – один ребенок», политику культурной интеграции этнических китайцев в Тибете и Восточном Туркестане, а также отсутствие защиты свободы печати и религии. Также стало известно, что в Китае последователи духовной практики Фалуньгун подвергаются принудительному удалению органов. 12 декабря 2013 года по этому вопросу была принята «резолюция Европейского парламента о принудительном изъятии органов в Китае».

Непросто обстоит дело со свободой слова в КНР. Так, в 2007 году власти Китая издали закон, запрещающий любую негативную информацию в китайских СМИ. Страна сохраняет монополию на средства массовой информации, зарубежные радиопрограммы глушатся оригинальным способом – сверхсильными передатчиками с китайской этномузыкой.

Несмотря на существующие проблемы, Китай стремится к улучшению положения дел в сфере прав и свобод. На 2-й сессии ВСНП 10-го созыва, состоявшейся в марте 2004 года, подавляющим большинством голосов были приняты поправки к Конституции Китайской Народной Республики и впервые в нее были вписаны статьи о «правах человека», в которых четко говорится, что «государство уважает и гарантирует права человека». В 2019 году в Китае издана Белая книга о прогрессе страны в области прав человека за последние 70 лет. В качестве основного права выдвигается право на счастливую жизнь. Китайское правительство заявляет, что концепция прав человека должна включать экономические показатели уровня жизни, здоровья и экономического процветания. Такое улучшение свидетельствует о соответствии правовых реформ интересам китайского общества и постепенном изменении мнения мировой общественности о ситуации в данной сфере в КНР.

Следует отметить, что изменение политики Китая в сфере прав человека имеет под собой экономические основания. Расширение экономического влияния и возможностей сотрудничества Китая со странами ЕС и США не в последнюю очередь зависит от позиции демократических государств по вопросу соблюдения прав человека. А ситуация с правами человека в КНР рассматривается многими государствами и правозащитными организациями как весьма проблематичная. Несколько источников, включая Государственный департамент США, публикуют ежегодные доклады о правах человека в Китайской Народной Республике. Наряду с исследованиями таких организаций, как «Amnesty International» и «Human Rights Watch», эти доклады документируют нарушения признанных на международном уровне норм в области прав человека в КНР. Так, в 2018 году в Европе подверглась критике отмена сроков президентского правления на Китайском народном конгрессе.

Несмотря на это, Китай продолжает наращивать взаимодействие с другими странами. Тем более, что на современном

этапе многие страны ЕС готовы поступиться своими политическими принципами ради экономической выгоды. Рост товарооборота и инвестиционной активности свидетельствует о том, что, несмотря на разногласия и противоречия, Китай и ЕС превращаются в стратегических партнеров, а роль Китая усиливается. В мировом рейтинге лидерства действия КНР получила поддержку 34%, в то время как США – 31%, а России – 30% [4]. Это свидетельствует о том, что развитие китайской экономики делает КНР еще и конкурентом странах ЕС и США. В таких условиях некоторые страны готовы занизить роль политико-правовых принципов и ценностей. Эксперты отмечают, что, например, в Португалии под воздействием экономических вливания Китая приверженность традиционным европейским политическим ценностям снижается.

Таким образом, за последние 40 лет развитие КНР привело к изменению конфигурации на глобальном экономическом рынке, стало фактором трансформации политико-правовых ориентаций партнеров Китая. Причиной этого является сочетание экономики и политики КНР, предполагающее выстраивание стабильных отношений внутри страны и на международной арене, что становится залогом развития двусторонних политических и экономических отношений с другими странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берзин О. А. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в Китае // Российский юридический журнал. 2018. №3 (120). С. 24-35.
2. Занегин Б. Н. Китайская политика администрации Рейгана // МЭИМО. 1983. №12. С. 42-51.
3. Мызник Ю. А. Внешнеторговая политика США и Китая // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 6 частях. 2017. С. 7-12.
4. Нежданов В. Китай и Евросоюз: партнеры или конкуренты? // Рамблер новости. URL: https://news.rambler.ru/asia/42047317/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Berzin O. A. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti v Kitae // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2018. №3 (120). S. 24-35.
2. Zanegin B. N. Kitajskaja politika administracii Rejgana // MJeIMO. 1983. №12. S. 42-51.
3. Myznik Ju. A. Vneshnetorgovaja politika SShA i Kitaja // Koncepcii ustojchivogo razvitija nauki v sovremennyh uslovijah: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 6 chastjah. 2017. S. 7-12.
4. Nezhdanov V. Kitaj i Evrosojuz: partnery ili konkurenty? // Rambler novosti. URL: https://news.rambler.ru/asia/42047317/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Поступила в редакцию 19.05.2020.
Принята к публикации 22.05.2020.

Для цитирования:
Гермашева Т.М., Гречишная В.В. Особенности взаимосвязи экономики и политики в международной деятельности КНР // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 189-193. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Germasheva.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3893911
УДК 336

Goya B.

Goya Bezhan, Financial University under the Government of the Russian Federation, 125167, Russia, Moscow, Leningradsky pr., 49. E-mail: bezhangoya@yahoo.com.

Pricing on the Global Gold Market

Abstract. The financial and other factors affecting the formation of the gold price in the international gold market is given in this article. In this article, the author divides the factors affecting the gold prices into groups and describes their specifics in detail. The author explores the interaction of gold supply and gold demand in the global gold market and how gold prices influence on changes in the foreign exchange market. In the article author provides analysis of the current trends in fluctuation of gold prices, as well as describes the political and economic aspects that affect them.
Key words: international gold market, consumption of gold, gold price, gold import and export, gold production, Central Bank reserves, International Monetary Fund reserves.

The market in modern conditions is an important form of organization of public relations, providing interaction between sellers and buyers. Thus, it is theoretically justified to define the gold market as a sphere of social relations regulating the movement of gold or the right to gold between different owners. The gold market is divided into two interconnected parts: the international market; national market. The international market includes a freely convertible currency. The national market is where the gold transaction is carried out in national currency.

A specific category that determines the activity of the gold market is its price. The price of gold is a monetary expression of the value of this metal. The price of gold, as well as the price of any product, is formed under the influence of numerous factors of supply and demand. They act to raise and lower prices. They quickly replace each other, and sometimes manifest simultaneously and are difficult to predict. Gold price is influenced by the level of gold production and consumption in all industries, central banks decisions and investor behavior, change in stock prices and bank interest rates, inflation and currency rates. Let's consider the mechanism of pricing for gold under the influence of 2 groups of factors (Table 1).

Table 1. Financial factors affecting the price of gold

№	Factor	Description	Effect on the price of gold
1.	Political and economic situation in the world (mainly the USA and European countries)	Gold is a reliable tool in times of crisis, which encourages investors to invest in this financial asset.	Price increase
2.	High Inflation Rate	Money becomes cheaper	
3.	Political decisions made by governments that plays big role in the global economy and central banks' activity	Gold reserves increase its share of gold	
4.	US Dollar Rate	Dollar becomes cheaper	

The first group is determined by the supply and demand for gold. The second is determined by investors' interest in gold. The first group includes non-financial factors - the demand for gold in the jewelry industry, mining and supply of precious metals. At the same time, gold is considered a metal, without taking into account its investment opportunities. Next group includes the financial factors.

At the latest stage, gold prices affected by activity of central banks of economically developed countries. This includes the United States Federal Reserve and other leading central banks in Europe. In the international gold market central banks of some countries appear to be very large wholesale sellers. Thus, the gold policy plays ruling role in determining the price of gold. At the exchange, the price of goods is formed by the ratio of supply and demand, as well as the cost of production of goods recognized or not recognized by the market. In global financial crisis situation many people tend to associate the significant growth of its market value with increased demand for precious metals. In recent years, significant changes in the conditions of gold mining have been observed, which also affects the increased demand for yellow metal. The main consumers of gold are: jewelry industry; electronic and other sectors of the economy; dental industry and medicine; private thesaurus and investors.

The formation of the market price of gold is a multifactorial process: it fluctuates depending on economic, speculative factors. Among them: economic situation, volume of industrial gold consumption and investment demand, inflation, fluctuations in leading currencies and interest rates, the spread of alternative to gold financial instruments used to insure risks. The prospects of the gold market are evaluated positively, but recently, we can conclude that there is a noticeable decrease in interest in precious metals. The growing risk appetite of investors and the growing stock indices have significantly reduced investment demand for gold, which is currently one of the main factors determining the dynamics of yellow metal quotes. Thus, the peculiarities of the gold market are manifested in the fact that, firstly, the precious metal is actually implemented by most countries as insurance fund and a reserve fund. The recorded state reserves of yellow metal, concentrated in Central Bank and IMF reserves, are more than 31,000 tons.

Secondly, the population has even greater volumes of this metal. Some of this gold goes to the market. The leading consumer of cash precious metal is the jewelry industry, the demand in which is largely determined by the price of the metal: lower price, higher demand. That works when there is global economic recovery or recession, demand in the jewelry industry decreases even at relatively low prices. In general, the development of the gold mining industry is cyclical. The total level of gold mined in the world does not change significantly.

Before puzzling over how yellow metal prices affect some of the world's leading gold mining countries, let's look at the currency market, as it is the market that these countries trade. The foreign exchange market, also known as forex, forex or currency market, is the largest financial market in the world and is a decisive factor in the exchange rate for global currencies. Those who trade on the currency market have the opportunity to buy, sell, exchange and speculate on currencies. The foreign exchange market consists of banks, currency market dealers, commercial companies, central banks, investment management firms, hedge funds, retail currency dealers and investors. In addition, the currency market allows conversion of currency for settlements in international trade and investments.

Due to the fact that the country's currency is strongly linked to the value of import and export of gold, the nation cannot avoid the influence of yellow metal price dynamics. Because of this, a country that exports gold or has access to gold reserves will experience a jump in the strength of its currency when the price of metal rises as it increases the value of the country's entire exports. This means that when the price of

gold rises, it creates a trade surplus or inevitably helps these countries to compensate for the trade deficit. However, countries that import large quantities of yellow metal tend to have a weaker currency when the price of gold rises. Countries that specialize in gold production, but do not have their own stocks, will be large importers of gold. In response, these regions are particularly susceptible to rising gold prices. Moreover, when central banks buy gold, it affects supply and demand for domestic currency, which can turn into inflation. This is mainly due to the fact that banks rely on printing more money to buy gold, and thus create an oversupply of currency.

Why does the price of gold fluctuate and why is the precious metal so volatile in recent months? In times of expansion and strong economy, investors tend to choose more risky assets with higher yield potential. In times of market volatility and economic downturn, gold becomes a safe haven for investment as investors look for more stable returns and lower risk for their portfolios.

More money, higher gold price. The recent drop in emerging market assets and continued unrest in Hong Kong added a shiny metal of strong side winds. Last but not least, the US Federal Reserve has set course for a likely cycle of interest rate cuts. Since the Fed usually does not overbend policy on a short-term basis, we may only be at the beginning of a long-term weakening that will flood the financial system with dollars to help prevent a recession. In fact, the more money the Fed prints or "creates", the higher the gold price goes in the long run.

Lower bond yield, lower dollar. Recently, we have seen the 10-year Treasury yield fall below 1.5%, stock sell-off and the dollar fall to its 2019 low against the yen. Declining bond yields and weakening dollar are usually bullish against gold. Gold usually wins in periods of ultra-low interest rates, as it offers investors a better alternative to bonds and savings accounts with little or no yield. And perhaps, if the Fed continues to weaken, the dollar will fall below. Other central banks, such as European Central Bank and Bank of Japan, are at zero or negative base rate, and the Fed has much more room for the dollar to slide down compared to these other central banks.

Reflects economic conditions. According to many investors, changes in the price of gold may have an impact on the economy, but it is more typical to see that gold prices reflect economic conditions, rather than causing them. Let us look at the many ways gold prices tend to respond to changes in the economy. A low dollar makes gold more attractive for investment in other currencies. A strong dollar means that even if the price of gold remains constant in dollar terms, gold becomes more expensive in other currencies that have fallen in value relative to the dollar. With strong assets, economies other than gold tend to be ahead of the others. Share prices are rising, making alternative ownership costs of gold and other commodities less attractive as they do not generate any income. However, as the economy weakens, demand for equities and other assets weakens, leading to more stable investments such as cash and gold.

Tensions in the Middle East, Brexit, Hong Kong. Due to geopolitical instability, there has been a spike in gold, and it does not seem to disappear anytime soon. Rising tensions in the Middle East, Brexit and the aforementioned riots in Hong Kong are all reasons investors flock to safe havens such as gold. If an investor wishes to hedge a portion of his portfolio against inflation, declining returns or any of the above factors, he may use multiple gold futures contracts, including E-mini or E-micro. As gold prices react quickly to political and economic events, these instruments provide market users with valuable risk management tools. In fact, COMEX gold options at the end of August reached several record days in a row of open interest rates. Since the open interest is the number of unfulfilled contracts, it is a good indicator of how many traders and investors follow the gold prices. As long as Fed policy, trade wars and the US dollar remain in their current cycles, this trend may well continue.

REFERENCES

1. Kristoufek L. and Vosvrda M. Gold, Currencies and Market Efficiency // Physica A, 2016. Vol. 449. P. 27-34.
2. Wang Y. S. and Chueh Y.L., Dynamic Transmission Effects Between the Interest Rate, the US Dollar, and Gold and Crude Oil Prices // Economic Modelling, 2013. Vol. 30. P. 792-798.
3. Speck D. The Strange Behaviour of Gold during Crises. The Gold Cartel. Palgrave Macmillan, UK. P. 8-15.
4. Mironov D. I. Factors Affecting the Price of Gold [in Russian] // Problems of Economical and Juridical practice. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-vliyayuschie-na-tsenu-zolota/viewer
5. Rashotte N. The effect of gold on currencies, 09.10.2019 // Investing news network. Gold: investing news. URL: https://investingnews.com/daily/resource-investing/precious-metals-investing/gold-investing/effect-gold-currencies/

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Goya B. Pricing on the Global Gold Market // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 194-197. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Goya.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894184
УДК 330.88

Калянова Г.С.

Калянова Галина Сергеевна, аспирант, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: riv58@yandex.ru.

Особенности рациональности экономического человека (на примере отдельного административно-экономического района)

Аннотация. В статье представлены результаты проверки гипотезы соответствия теоретически обоснованной модели современного экономического человека и соответствующего ему типа рациональности поведения характеристикам экономического человека, реально функционирующего в условиях отдельно взятого субъекта РФ (на примере Томской области). Использованы материалы исследования, проведённого при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта 18-410-700004 р_а «Креативный средний класс как драйвер устойчивого развития региона и повышения качества жизни (на примере Томской области)». В результате анализа основных форм рациональности современного экономического человека на примере Томской области было выявлено, что они не в полной мере соответствуют тем, которые выделены на основе теоретических концептуальных представлений и некоторых прикладных исследований.
Ключевые слова: экономический человек, российская Модель экономического человека, рациональность, типы рациональности, органическая рациональность, экономическая активность, социальная активность.

Kalyanova G.S.

Kalyanova Galina Sergeevna, post-graduate, Tomsk state University, 634050, Russia, Tomsk, Lenin Ave., 36. E-mail: riv58@yandex.ru.

Features of rationality of an economic man on the example of a separate administrative and economic district

Abstract. The article presents the results of testing the hypothesis of compliance of the theoretically derived ideas about the Model of modern economic man and the corresponding type of rationality of behavior with the characteristics of an economic man who actually functions in a separate subject of the Russian Federation (for example, the Tomsk region). We used the materials of the research conducted with the financial support of the RFBR in the framework of the research project 18-410-700004 r_a «Creative middle class as a driver of sustainable development of the region and improving the quality of life (on the example of the Tomsk region)». As a result of the analysis of the main forms of rationality of modern economic man on the example of the Tomsk region, it was revealed that they do not fully correspond to those that are identified on the basis of theoretical conceptual representations and some applied research.
Key words: economic man, Russian Model of economic man, rationality, types of rationality, organic rationality, economic activity, social activity.

Функционирование сложной искусственной системы осуществляется при условии согласования индивидуальных и коллективных интересов, что, естественно, отражается и на рациональности. По мнению Новгородцева

Д.Я. и Пыжева И.С., «…рационализм индивидов замещается коллективным рационализмом. Индивид перестает быть индивидуалистом – действующим лицом, которое на каждом шагу преследует исключительно свой интерес. …человек …согласен ориентироваться и на коллективный интерес…, в том случае, если это послужит более эффективному достижению его индивидуальных целей» [8, с. 83]. Более того, при формировании представлений о российской Модели экономического человека необходимо учитывать экономические и «внеэкономические» факторы, рациональные и иррациональные проявления сущностных характеристик человека. При этом также важно учитывать, что экономика, рассматриваемая как сложная многоуровневая «человекоразмерная» система, через усиление социальной направленности постепенно переходит в новое качественное состояние (социальную экономику). Человек как личность становится целью социальной ориентации экономики и общества, а экономика превращается в реальную антропоцентрическую систему.

Принципы классической научной рациональности не могут быть формально распространены на сложные социальные, экономические и социотехнические системы, при изучении процессов их функционирования важно учитывать присущие им особенности:

1) человек выступает в роли активного, а не статичного внешнего наблюдателя;

2) изменения распространяются как на сами системы, так и на человека.

Органическая рациональность, характерная для современной экономики, по мере общественного развития может иметь две разновидности (органическая социально-гуманитарная рациональность; органическая консенсуальная рациональность), появление которых обусловлено определёнными трасформационными процессами [2-4; 7]. С одной стороны, сохраняются сущностные признаки, присущие для предшествующих моделей человека и соответствующих им типов рациональности, с другой стороны, они наполняются новым содержанием и новыми акцентами. По мнению Дж. Хиршлейфера, рациональность может быть сведена к максимизации индивидуальной целевой функции, поскольку экономический человек характеризуется целями, основанными на собственном интересе [9, с. 54]. Однако, для человека особую значимость приобретает не пассивное восприятие целей, а активное участие в их постановке и выборе средств достижения. Человек становится не только средством, но и целью функционирования и развития экономики, общества. Усиление влияния гуманитарной составляющей экономического человека проявляется в междисциплинарной характеристике (философский, психологический, социологический, культурологический и др. подходы) процесса максимизации полезности в современной экономической теории. Консенсуальная рациональность предполагает соответствие интересов (мотивов) разных индивидуумов и результатов для обеспечения консенсуса и недопущения конфликтов, как поддающихся, так и не поддающихся строгой количественной оценке. Возможности для «массового» (а не разового проявления) формирования условий развития консенсуальной составляющей рациональности обусловлены тем, что «компромисс как способность поступиться частью своих интересов также требует моральной зрелости и опыта компромисса» [6, с. 192-193].

При формировании представлений о российской Модели экономического человека и его рациональности наряду с экономическими факторами необходимо учитывать и «внеэкономические», с рациональными и иррациональные проявления сущностных характеристик человека. Невозможность корректной количественной оценки рациональности поведения обусловлена не только недостатком информации, но и действием внеэкономических факторов, оцениваемых преимущественно лишь качественными методами. Кроме того, существование формальной и неформальной экономик при-

водит к формированию системы двойных ценностных стандартов, двойных представлений о рациональности поведения отдельного человека и социальных групп.

С точки зрения адаптивного поведения рациональность следует рассматриваться не только через целесообразность, но и с учётом целеполагания. «В процессе принятия решения приходится обращаться не к процедуре объяснения, а к пониманию», что позволяет постичь и истолковать мысли и переживания других индивидуумов, осознать каждому индивидууму его роль в проблемной ситуации, рассматриваемой как система [1, с. 28].

В. Ильин рассматривает рациональное поведение через целерациональность, а в основе иррационального поведения, по его мнению, лежат психологические механизмы, косвенно определяемые трезвым расчётом [5]. Однако с точки зрения рациональности поведение может быть целесообразным по отношению к цели, но иррациональным по отношению к средствам и возможным последствиям. В результате применительно к одной и той же конкретной ситуации возможно сочетание рациональности и иррациональности.

Таким образом, рассмотренные особенности экономического человека и сложных искусственных систем (прежде всего, экономики) необходимо учитывать при формировании представлений о типе рациональности, соответствующем российской Модели экономического человека.

В рамках данной статьи будут представлены отдельные результаты проверки гипотезы соответствия теоретически выведенных представлений о российской Модели экономического человека и соответствующего типа рациональности его поведения характеристикам экономического человека, реально функционирующего в условиях отдельно взятого субъекта РФ (на примере Томской области).

Объектом исследования является человек в системе социально-экономических отношений, основные характеристики которого трансформируются в процессе общественного развития.

Предмет исследования – экономический человек, осуществляющий экономическую и социальную активность в отдельном административно-экономичес-ком районе РФ (на примере Томской области).

Население Томской области моложе, чем в среднем по России. По данным Росстата, средний возраст жителей Томской области по состоянию на 1 января 2018 г. составляет 38,22 лет, что приблизительно на 1,6 лет меньше среднего по России. Среди занятых доля лиц в возрасте 20-29 лет составляет более 23%.

С точки зрения характеристики рациональности поведения экономического человека через целеполагание и целерациональность, по результатам исследования, проведённого при поддержке РФФИ, было выявлено, что самостоятельность в достижении личных целей характерна почти для 70% среди самоидентифицирующих себя с представителями среднего класса в Томской области. При этом почти 60% среди отнёсших себя к среднему классу признают, что «личные интересы – это главное для человека» и лишь каждый четвёртый считает, что «следует ограничить личные интересы во имя общественных».

Наиболее распространёнными адаптационными стратегиями в Томской области за последние годы являются:

1. Стратегия привлечения внешних ресурсов (займы, кредиты и пр.) (группы населения с наибольшей концентрацией рисков снижения уровня жизни).

2. Инвестиционно-сберегательная стратегия (наибольшее распространение).

3. Стратегия повышения трудовых нагрузок за счёт сверхурочной или дополнительной работы (специалисты высшей квалификации, а также рядовые работники торговли и бытового обслуживания).

4. Стратегия изменений в профессиональной сфере (смена работы и/или профессионального статуса (население в возрасте до 40 лет).

5. Миграционная стратегия (представители наиболее квалифицированных и обеспеченных групп населения с высшим образованием, высоким адаптационным

потенциалом, занимающие руководящие позиции).

6. Стратегия ведения личного подсобного хозяйства (жители сельской местности и малых городов).

Анализ рациональности поведения через экономическую активность и занятость, позволил выявить следующее. В условиях существенного увеличения демографической нагрузки на молодёжь (в 2018 г. она составила почти 170% от уровня 2012 г.), в 2017 г. практически каждый четвёртый безработный был в возрасте от 25 до 29 лет. К особенностям портрета безработных в Томской области следует также отнести средний возраст (чуть более 35 лет); наличие опыта трудовой деятельности у подавляющей части безработных (около 78%) и наличие высшего образования у каждого пятого (почти 22%). Всё это говорит о своеобразии российской Модели экономического человека и присущему ей типу рациональности поведения.

Проблема социальной рациональности в идеале может быть сведена к выявлению общего интереса (общей цели) и средств достижения, а не просто к согласованию различных и многочисленных частных интересов. Однако в обычных условиях (одновременной реализации разнообразных частных интересов/целей) вероятность подчинения поведения всех индивидуумов общей цели или интересу ничтожно мала, поэтому для обеспечения условий устойчивого развития экономики и общества можно вести речь только об одобряемой большинством общества какой-то общей цели/интереса, в качестве которой могут рассматриваться цели, представленные в Стратегии социально-экономического развития конкретной территории. По результатам проведённого при поддержке РФФИ исследования на примере Томской области нельзя не указать на явное противоречие с точки зрения исследования рациональности поведения экономического человека. С одной стороны, предпочтительными сферами занятости почти для половины опрошенных являются сферы, относящиеся к стратегически приоритетным для развития Томской области: разработка и производство наукоёмкой продукции, предпринимательство, сельское хозяйство. С другой стороны, более 60% среди опрошенных не известны стратегические цели развития Томской области, особенно это характерно для молодёжи.

Таким образом, в результате проведённого исследования на примере Томской области были выявлены следующие особенности рациональности, присущие формирующейся и развивающейся российской модели экономического человека:

1. Недостаточная экономическая активность и неэффективное использование трудового потенциала в условиях непрерывно возрастающей демографической нагрузки.

2. Низкий уровень социальной активности в сочетании с низким адаптационным потенциалом.

3. Недостаточная активность в формировании системы общественно значимых целей и в выборе средств их достижения в условиях декларируемой инновационной направленности развития экономики региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виттих В. А. Парадигма ограниченной рациональности принятия решений – 1 // Вестник Самарского государственного технического университета (серия «Технические науки»). 2009. № 3 (25). С. 22-31.
2. Воробьёва Г. С. Рациональность и иррациональность как неотъемлемые составляющие представления о модели «нового экономического человека» // Общество и непрерывное благополучие человека: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / под ред. Г. А. Барышевой, Л. М. Борисовой. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. С. 183-192.

3. Воробьёва Г. С. Рациональность экономического поведения человека с точки зрения междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 159-169.
4. Воробьёва Г. С., Лисовская Е. Г. Тенденции формирования современных представлений о рациональности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (146). С. 152-157.
5. Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000. 232 с.
6. Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А.Лекторский. Т.1. М.: ИФ РАН, 1995. 350 с.
7. Калянова Г. С. Рациональность как неотъемлемая составляющая процесса управления // Вестник Томского государственного университета. Экономика 2014. №4 (28). С. 52-62.
8. Новгородцев Д. Я., Пыжев И. С. К вопросу о концепции сетевой социально-экономической организации // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 6. С. 83-87.
9. Hirshleifer J. The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. Vol. 75. № 6. December 1985. P. 53-68.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vittih V. A. Paradigma ogranichennoj racional'nosti prinjatija reshenij – 1 // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta (serija «Tehnicheskie nauki»). 2009. № 3 (25). S. 22-31.
2. Vorob'jova G. S. Racional'nost' i irracional'nost' kak neot#emlemye sostavljajushhie predstavlenija o modeli «novogo jekonomicheskogo cheloveka» // Obshhestvo i nepreryvnoe blagopoluchie cheloveka: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma / pod red. G. A. Baryshevoj, L. M. Borisovoj. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politehnicheskogo universiteta, 2014. S. 183-192.
3. Vorob'jova G. S. Racional'nost' jekonomicheskogo povedenija cheloveka s tochki zrenija mezhdisciplinarnogo podhoda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 383. S. 159-169.
4. Vorob'jova G. S., Lisovskaja E. G. Tendencii formirovanija sovremennyh predstavlenij o racional'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5 (146). S. 152-157.
5. Il'in V. I. Povedenie potrebitelej. SPb.: Piter, 2000. 232 s.
6. Istoricheskie tipy racional'nosti / Otv. red. V.A.Lektorskij. T.1. M.: IF RAN, 1995. 350 s.
7. Kaljanova G. S. Racional'nost' kak neot#emlemaja sostavljajushhaja processa upravlenija // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika 2014. №4 (28). S. 52-62.
8. Novgorodcev D. Ja., Pyzhev I. S. K voprosu o koncepcii setevoj social'no-jekonomicheskoj organizacii // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 6. S. 83-87.
9. Hirshleifer J. The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. Vol. 75. № 6. December 1985. P. 53-68.

Поступила в редакцию 16.05.2020.
Принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования:
Калянова Г.С. Особенности рациональности экономического человека (на примере отдельного административно-экономического района) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 198-202. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Kalyanova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894254
УДК 331.108.26

Михайлова Е.М.

Михайлова Елена Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56. E-mail: michiylova@rambler.ru.

Категоризация информационных источников HR-аналитики в контексте управления эффективностью персонала

Аннотация. В статье определяется место HR-аналитики в системе управления эффективностью персонала как инструмента, позволяющего обосновывать управленческие решения. Рассматривается структура информационного обеспечения HR-аналитики, его основные подсистемы и модули. Также особое внимание уделяется систематизации источников информации HR-аналитики в контексте выделенных модулей.
Ключевые слова: HR-аналитика, управление эффективностью персонала, информационная обеспеченность HR-аналитики, информационная система управления персоналом, социально-психологическая подсистема управления персоналом, коммерческая информация.

Mikhailova E.M.

Mikhailova Elena Mikhailovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya st., 56. E-mail: michiylova@rambler.ru.

Categorization of HR Analytics information sources in the context of personnel performance management

Abstract. The article defines the place of HR-analytics in the personnel performance management system as a tool that allows you to justify management decisions. The structure of HR-analytics information support, its main subsystems and modules are considered. Special attention is also paid to systematization of sources of HR-analytics information in the context of dedicated modules.
Key words: HR-analytics, personnel Performance Management, information security of HR-analytics, information system of personnel management, socio-psychological subsystem of personnel management, commercial information.

Сотрудники представляет собой не только ценный ресурс, обеспечивающий стратегическое развитие бизнеса, но и формируют основную статью затрат, определяющую, в конечном счете, его жизнеспособность. Следовательно, способности руководителя рационально использовать такой ресурс сегодня приобретают особое значение. Наилучшим образом они реализуются в рамках системной модели управления эффективностью персонала, где HR-аналитика является ведущим элементом.

Сегодня HR-аналитика является ключевым инструментом обоснования и принятия управленческих решений в области кадрового менеджмента. Она оперирует большим объемом данных, что позволяет

получить реальную статистику по персоналу, находить эффективные и экономичные модели воздействия на сотрудников, выявлять закономерности в их развитии, прогнозировать сбои и узкие места в функционировании системы управления человеческими ресурсами в целом. Все вышеперечисленное, в конечном счете, позволяет воздействовать на эффективность персонала, доводя ее до уровня, соответствующего стратегическим бизнес-целям.

HR-аналитика позволяет аккумулировать большой массив информационных источников различных типов. В результате бизнес получает возможность реализовать эффективное управленческое воздействие на персонал, позволяющее интегрировать все управленческие подсистемы, повысить результативность операционных процессов и обеспечить достижение стратегических целей.

Управление эффективностью персонала предъявляет высокие требования к процессу поиска, анализа, статистики и обработки данных о состоянии человеческих ресурсов организации. Только достоверная и репрезентативная информация позволяет выявить управленческие подходы воздействия на результативность персонала [1]. В этой связи информационная обеспеченность HR-аналитики, создание базы оптимальных информационных источников как с точки зрения полноты собираемых данных, так и затрат на их создание и использование, приобретает решающее значение в контексте влияния на эффективность персонала.

Информационные источники данных HR-аналитики с нашей точки зрения можно разделить на три категории глобальные категории (рис. 1) [2].

1. Данные из информационной системы управления персоналом организации или HRIS, которая включает в себя преимущественно количественную информацию о состоянии сотрудников, их результативности, степени участия в операционных бизнес-процессах организации. Здесь учитывается та информация, которая имеет постоянный характер, документальное основание и поддается автоматизации.

2. Данные социально-психологической подсистемы управления персоналом организации, которая включает результаты опросов, интервью и других методов измерения уровня мотивации и вовлеченности персонала. Такая информация важна с точки зрения принятия решений по управлению эффективностью персонала.

3. Коммерческая информация, которая включает в себя всю совокупность информационных источников, характеризующих эффективность протекания операционных бизнес-процессов. Данные, входящие в эту категорию, позволяют оценить влияние персонала на результативность организации.

Рассмотрим состав данных информационных источников более подробно.

Информационной системы управления персоналом (HRIS) организации содержит данные о наиболее распространенных функциях управления персоналом, включая его набор, управление результативностью и управление талантами.

Можно выделить следующие основные модули, формирующие информационную составляющую обозначенной выше системы:

1. Рекруитинг. Данные о наборе персонала, полученные из системы отслеживания кандидатов, являются первым общим источником данных в HRIS. Данная подсистема включает в себя количество подавших заявки кандидатов, их резюме и другие характеристики, а также информацию о воронке набора, источниках набора, отборе и так далее. Полученная в результате информационная база является наиболее распространенным входом для набора метрик HR-аналитики.

2. Демографические данные. Другим ключевым источником данных являются записи в HRIS о сотрудниках организации. Данная информация включает в себя: идентификацию сотрудника, его имя, пол, дату рождения, место жительства, должность, структурное подразделение, уровень образования, особые профессио-

нальные навыки, состояние здоровья, заработную плата, срок окончания действия трудового договора и так далее. Указанная выше демографическая информация часто используется при оценке качества управляющего воздействия на персонал.

3. Управление обучением. Еще одним источником информации о кадрах является автоматизированная система управления обучением, которую, в современных условиях создают большинство организаций. В данной подсистеме должны регистрироваться программы повышения квалификации сотрудников, их переподготовки и переобучения. Здесь содержится информация, идентифицирующая обучающие курсы, сотрудники, закрепленные за ними, прогресс в обучении данных сотрудников, стоимость программ, расходы на привлекаемых преподавателей и тренеров, методический материал, техническое оснащение образовательного процесса.

Рис. 1. Категоризация информационных источников HR-аналитики

4. Управление производительностью. Система управления производительностью является частью HRIS и содержит информацию о результативности персонала, количестве отработанного времени, полученного объема продукции, выполненных заданий, особых профессиональных достижениях. Особое внимание следует уделять выявлению влияния производительности персонала на общие результаты операционной деятельности организации, степень участия каждого сотрудника в нем.

5. Управление талантами. Важным информационным источником HRIS является программы развития талантов, применяемые в системе управления эффективностью персонала. Данная информация может в отдельных аспектах пересекаться с данными модуля по управлению обучением. Однако данные, выделяемые по развитию HiPo сотрудников, часто становятся ключевыми информационными источниками, влияющими на принятие управленческих решений по кадровой политике организации. Здесь необходимо учитывать информацию по модели компетенций должностей, выявлению и отбору талантов, применяемых к ним инструментов стимулирования, индивидуальные планы развития HiPo сотрудников и так далее.

6. Управление преемственности. Подходы, используемые в организации в отношении планирования преемственности, также являются частью HRIS. В данную подсистему включается информация по численности и составу кадрового резерва, порядку его формирования, кадровому перемещению, должностной ротации и так далее. Объем данных зависит от степени зрелости практики управления преемственности в организации.

7. Балансирование рабочих мест. Данная подсистема HRIS определяет в целом архитектуру рабочих мест и содержит информацию по ранжированию или выравниванию рабочих мест, требованиям к ним через систему оценки. В результате использования созданной информационной базы возможно создание оптимальной шкалы вознаграждения сотрудников, ориентируясь на должностные обязанности и особенности занимаемого рабочего места.

8. Компенсация и льготы. Даная подсистема HRIS содержит информацию о компенсационной и стимулирующей частях системы оплаты труда, социальных пособиях, льготах и других обязательствах работодателя перед сотрудниками с точки зрения материального стимулирования. Указанные здесь данные позволяют руководству четко понять стоимость используемой в организации концепции управления эффективностью сотрудников.

9. Выход из системы управления персоналом. В рамках системы управления эффективностью персонала важно понимать причины ухода сотрудников из организации, отказа приступать к должностным обязанностям по результатам собеседования при приеме на работу. Поэтому в данной подсистеме HRIS содержится информация об уровне текучести персонала, причинах увольнения, проценте выхода из собеседования и так далее.

Социально-психологическая подсистема управления персоналом организации аккумулирует данные, которые, стандартно, не хранятся в информационной системе. Ее создание связано, прежде всего, с необходимостью использования в управлении эффективностью персонала информации, которые нельзя собрать обычными статистическими методами.

В рамках данной подсистемы можно выделить следующие основные информационные модули:

1. Наставничество. Наставничество является важнейшим инструментом адаптации и развития сотрудников, создания благоприятного морально-психологического климата. Создаваемая в рамках данного модуля, информация является частью информационной подсистемы управления талантами, управления обучением, управления преемственностью, определяет программы развития лидерства. Наставничество активно используется

в управлении эффективностью персонала, повышая его результативность и создавая предпосылки для карьерного роста.

2. Вовлеченность персонала. Данный модуль имеет существенное значение в HR-аналитике, так как позволяет оценить результаты внедрения концепции управления эффективности персонала в бизнес-процессы. Он формируется как банк данных опроса сотрудников об уровне мотивации персонала, степени удовлетворенности трудом, доминирующих потребностях, лояльности к бизнесу, личной заинтересованности в получаемых на рабочем месте результатах.

3. Обучение. В отличие от информации, содержащейся в модуле по управлению обучение в HRIS, здесь хранятся данные по оценке результативности применяемых в организации программ обучения, которые часто носят субъективный характер и зависят от удовлетворенности сотрудников своим участием в данных программах.

4. Опросы по различным направлениям. В целях управления эффективностью персонала для HR-аналитики необходимо формировать базу данных по результатам опросов всех категорий сотрудников по всем сторонам их трудовой деятельности. В данном модуле может отражаться информация, собранная в ходе обследования качества обслуживания в кафетерии, отношений сотрудников друг к другу, условий труда, отношения к изменениям и так далее. Так как большинство организаций проводит такие опросы децентрализовано, то это приводит к рассредоточению полученной информации и потери фокуса внимания руководителя к проблемным зонам эффективности персонала. Поэтому сбор такой информации в одном месте позволяет работодателю лучше понять отношение сотрудников к трудовым процессам и сформировать управленческое воздействие необходимой направленности.

5. Поведение в социальных сетях. В современных условиях социальные медиа как информационный источник приобретает все большее значение. Исследование способа участия в них персонала в рамках HR-аналитики называют сетевым анализом. Сегодня он приобретает все большую актуальность и становится важнейшим основанием для принятия управленческих решений в области развития сотрудников, их продвижения, формирования кадрового резерва, формирования программ поощрений.

Система коммерческой информации обеспечивает интеграцию всей системы управления персоналом организации, включая управления его эффективностью, с другими глобальными управленческими системами, определяющими развитие бизнеса в целом. Объем данного информационного блока потенциально бесконечен и в него может быть включены любые данные по всем аспектам функционирования финансовых, материальных, технических, маркетинговых и других подсистем.

Выделим основные модули, формирующие информационную составляющую обозначенной выше системы:

1. Объемы продаж. Данные по продажам являются важнейшим измерителем результативности персонала. Информационная база по продажам позволяет оценить эффективность системы мотивации и стимулирования персонала, найма и отбора персонала, развития сотрудников и кадровой политики в целом.

2. Контакты с клиентами. Система управления взаимоотношениями с клиентами организации должна содержать полную информационную базу по взаимодействию сотрудников с реальными и потенциальными потребителями, точек контакта с ними. Эти данные могут быть критически важными для измерения влияние кадровой политики на персонал, работающий с клиентами.

3. Финансовые данные. Данный модуль также является одним из ключевых в системе коммерческой информации. Здесь учитываются данные по операционным расходом, включая затраты на персонал, показатели рентабельности, платежеспособности и ликвидности, результаты инвестиционного анализа и ряд

других. Блок финансовой информации в HR-аналитике, таким образом, имеет существенное влияние на принятие решений в рамках управления эффективностью персонала.

4. Управление операционной деятельностью. Модуль управления операционными деятельностью позволяет аккумулировать разностороннюю информацию о состоянии бизнес-процессов, включая данные производственной программы, технической оснащенности, материальной обеспеченности, соблюдения графиков операций, организации труда, скорости доставки, системы менеджмента качества и многих других. Перечисленная выше информация может использоваться в качестве измерителя влияния кадровой политики на эффективность сотрудников, напрямую участвующих в операционной деятельности.

Таким образом, информационная обеспеченность HR-аналитики определяет ее качество и обосновывает участие в системе управления эффективностью персонала. Она формируется составом информационных систем, подсистем и модулей, который зависит от конкретных условий функционирования бизнеса.

Информационная база HR-аналитики предоставляет дополнительные возможности в области управления эффективностью персонала, позволяет по-новому взглянуть на все кадровые процессы и технологии. В конечном счете, она становится единственным истинным источником получения достоверных данных о состоянии сотрудников в контексте текущего развития операционной деятельности.

Информационная база HR-аналитики позволяет также отслеживать данные, необходимые для продвижения кадровой и бизнес-стратегии. Она обеспечивает экономию ресурсов по поиску и обработке данных, что напрямую влияет на эффективность функционирования систему управления персоналом в целом и, в конечном счете, повышает его конкурентоспособность.

Таким образом, HR-аналитика во многом формирует особый управленческий взгляд на вопросы управления конкурентоспособностью и эффективностью персонала, который реализуется через создание полноценного и всеобъемлющего информационного обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивасенко А. Г., Михайлова Е. М., Пепеляева Л. В. Пути выхода предприятия из состояния банкротства. Новосибирск: СГГА, 2000. 201 с.
2. Mills J. Culture of Analytics: Good for people, essential for business // VentureBeat. URL: https://venturebeat.com/2016/10/27/culture-of-analytics-good-for-people-essential-for-business/.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ivasenko A. G., Mihajlova E. M., Pepeljaeva L. V. Puti vyhoda predprijatija iz sostojanija bankrotstva. Novosibirsk: SGGA, 2000. 201 s.
2. Mills J. Culture of Analytics: Good for people, essential for business // VentureBeat. URL: https://venturebeat.com/2016/10/27/culture-of-analytics-good-for-people-essential-for-business/.

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Михайлова Е.М. Категоризация информационных источников HR-аналитики в контексте управления эффективностью персонала // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 203-208. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Mikhailova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894404
УДК 008.2

Найденко И.С., Величко О.А.

Найденко Инна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Южный Федеральный университет, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, 347928, Россия, г. Таганрог, ул. Чехова, 22. E-mail: inna_bogomolova@mail.ru.
Величко Оксана Александровна, Южный Федеральный университет, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, 347928, Россия, г. Таганрог, ул. Чехова, 22. E-mail: ocksana87@mail.ru.

Проблемы и перспективы развития внедрения цифровых технологий в высшем образовании

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальных проблем – внедрение цифровых технологий в систему высшего образования. Цель исследования заключается в рассмотрении современного состояния процесса внедрения цифровых технологий в вузах. Исследуемые вопросы особенно актуальны в связи с эпидемиологической обстановкой в мире, а также с тем, что российские университеты уже активно стремятся к внедрению цифровых технологий в образовательный процесс, поскольку именно внедрение данных технологий является основным фактором, обуславливающим ускорение инновационных изменений при оказании образовательных услуг, а сами цифровые технологии становятся одним из ключевых механизмов создания конкурентных преимуществ образовательных учреждений. В результате проведенного исследования сформулированы выводы о современных тенденциях и перспективах трансформации современного образования в контексте цифровизации.
Ключевые слова: цифровые технологии, высшее образование, трансформация, образовательный процесс.

Naydenko I.S., Velichko O.A.

Naydenko Inna Sergeevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Institute of management in economic, environmental and social systems, 347928, Russia, Taganrog, Chekhov street, 22. E-mail: inna_bogomolova@mail.ru.
Velichko Oksana Aleksandrovna, Southern Federal University, Institute of management in economic, environmental and social systems, 347928, Russia, Taganrog, Chekhov street, 22. E-mail: ocksana87@mail.ru.

Problems and prospects for the development of the introduction of digital technologies in higher education

Abstract. The article discusses one of the pressing problems - the introduction of digital technology in the higher education system. The purpose of the study is to consider the current state of the process of implementing digital technologies in universities. The issues under study are especially relevant in connection with the epidemiological situation in the world, as well as the fact that Russian universities are already actively striving to introduce digital technologies into the educational process, since the introduction of these technologies is the main factor determining the acceleration of innovative changes in the provision of educational services, and Digital technologies themselves are becoming one of the key mechanisms for creating competitive advantages for educational institutions. As a result of the study,

conclusions are drawn on current trends and prospects for the transformation of modern education in the context of digitalization.
Key words: digital technologies, higher education, transformation, educational process.

Современные социальные, экономические и культурные условия вынуждают ВУЗы соответствовать новым требованиям, основанным на следующей идее: университеты должны оставаться конкурентоспособными в изменяющихся условиях образовательного рынка, что возможно только в том случае, если инновации активно и эффективно внедряются в образовательный процесс.

Необходимость институциональных инноваций в высшем образовании указана в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [6]. Стратегическое значение инновационного развития университетов подчеркивается также целым рядом работ российских и зарубежных исследователей, таких как Кузьминов Ю., Садовничий В., Кристенсен С., Хентшке Г. и др.

Однако на сегодняшний день только четыре российских университета включены в Академический рейтинг университетов мира (ARWU, 500 лучших университетов мира), и только один университет включен в список высших учебных заведений Times (THE, 200 лучших университетов мира) и QS World University Rankings (World Top 200 университетов) [5, 9, 10]. Все это придает особую актуальность дальнейшей работе по раскрытию инновационного потенциала российских вузов.

Главной движущей силой, способствующей ускорению инновационных изменений в образовательном процессе, является внедрение цифровых технологий в ВУЗах. Данные технологии являются ключевым механизмом создания конкурентных преимуществ учебных заведений в свете формирования нового образа жизни и появления «цифровых аборигенов», которые знакомы с компьютерами с ранних лет и хотят использовать смартфоны, ноутбуки и Интернет в своем обучении [2, с. 105]. Поэтому, чтобы оставаться конкурентоспособным, современный ВУЗ должен быть готов внедрять инновационные формы, методы и технологии обучения для того чтобы предложить их новому поколению студентов. Смешанное обучение, виртуальный лабораторный комплекс (AR/VR – технологии в образовании), массовые открытые онлайн-курсы (платформы Coursera, Национальная платформа открытого образования, edX и др.), система сбора и анализа ЦС обучающихся, цифровой кампус в университете - все эти и другие технологии должны представлять интерес для экспертов и преподавателей, а их использование в образовательном процессе должно основываться на надежной организации, педагогической и технологической методологии.

Цифровые технологии становятся одним из главных приоритетов в плане развития высшего образования, и использование технологий в обучении может послужить привлекательным фактором для университетов для привлечения потенциальных студентов [1, с. 52].

Существует комплекс внешних факторов, оказывающих влияние на внедрение цифровых технологий в деятельность университетов: мировые глобализационные процессы, демографическая ситуация, новое поколение студентов, проводимые реформы в сфере высшего образования, продиктованные в том числе сложившейся эпидемиологической ситуацией. Формирование и внедрение университетской информационной среды должно проходить с учетом влияния данных факторов.

Необходимо отметить, что информационные технологии в развитии высшего образования позволяют [3, с. 207]:

- повысить эффективность самостоятельной работы студентов при комбинировании традиционных и электронных

ресурсов с помощью информационных систем для самоконтроля и поддержки обратной связи с преподавателями;

- внедрить новые образовательные технологии и перейти от пассивного к активному обучению - деловые игры, визуализация, проектная деятельность, имитационное моделирование, видеоконференцсвязь и онлайн курсы;

- изменить корпоративную культуру и снизить зависимость студентов от преподавателей;

- информационная поддержка для интеграции различных видов деятельности (теория, исследования и практика), с целью формирования необходимых навыков;

- способствовать оптимизации учебного процесса за счет его индивидуализации и интенсификации.

В России одним из признанных лидеров по использованию цифрового обучения является Томский политехнический университет (ТПУ). В 2015 году Институт электронного обучения при ТПУ опубликовал результаты исследования отношения студентов и преподавателей к цифровому обучению [7].

В опросе приняли участие 225 профессоров и 814 студентов. Согласно результатам, около 95% учителей и 97% учеников считают электронное обучение подходящим для учебного процесса. Большинство преподавателей университетов считают, что цифровые технологии дают им дополнительную возможность вовлекать студентов в процесс обучения (87,6%), позволяют им эффективно управлять индивидуальной работой студентов (90%) и оказывают положительное влияние на результаты обучения (81%). Учащиеся выделяют следующие преимущества электронного обучения: регулярный доступ к учебным материалам (97,4%), онлайн-тесты и домашние задания в Интернете (85,4%), а также возможность проконсультироваться с преподавателем в любое время (77,6%). Авторы данного исследования отмечают рост показателей в 2015 году по сравнению с 2014 годом.

В современных условиях российский университеты уделяют особое внимание цифровизации различных областей своей деятельности, в частности, оказанию образовательных услуг с использованием различных информационных платформам, развивая онлайн-обучение. Наряду с этим, возникает ряд проблем, таких как недостаточное обеспечение преподавателей необходимым оборудованием; сложности у научно-педагогических работников, связанные с разработкой онлайн-курсов в виду отсутствия конкретной методики для подготовки такого рода курсов; отсутствие обратной связи со студентами в процессе обучения; недостаточная подготовка преподавателей в части работы с цифровыми ресурсами, на что также влияет большое количество имеющихся у вуза информационных платформ и работа в них по разным направлениям подготовки.

В качестве основных угроз с позиции преподавателей, связанных с возможностью полного перехода на дистанционный формат обучения, можно назвать следующие: спад мотивации студентов к обучению; нехватку у студентов навыков и умений для поддержания дисциплины и усердия в дистанционном обучении; эмоциональные срывы как студентов, так и преподавателей; рост нагрузки на преподавателей; отсутствие в системе образования индивидуального подхода, обезличенность; невозможность контролировать уровень знаний; ограничение в ряде направлений (прежде всего, технических, математических) на дистанционную передачу знаний; формализация процессов образования, склонность к шаблонным, унифицированным решениям.

В таблице 1 представлены различные технологические решения, которые используются в учебном процессе, сформированные в зависимости от имеющегося информационно-инновационного потенциала вузов.

Таблица 1. Технологические решения, используемые университетами в образовательном процессе

Группа	Технологические решения
1	Использование компьютеров, оснащенных прикладными программами и объединены локальной сетью; предоставляются ограниченные информационные услуги (электронная почта, файловые службы); доступ в интернет для студентов и преподавателей; в некоторых аудиториях присутствует проекционное оборудование.
2	Все компьютеры объединены в корпоративную сеть с авторизацией при входе. Территория кампуса частично покрыта Wi-Fi. Центр обработки данных предоставляет информационные услуги, необходимые для процесса обучения: корпоративная электронная почта и файловые системы, электронная библиотека, хранилище учебных материалов, система 1С, электронное планирование, система сетевого тестирования, вебинары, и т. д. Большая часть аудиторий оснащена мультимедийным и проекционным оборудованием [3].
3	Существует высокоскоростная мультисервисная корпоративная сеть и дата-центр; применяются технологии организации самостоятельной работы студентов с использованием ЭОР; сервис БРС; видеоконференцсвязи (MCU). Весь кампус покрыт Wi-Fi 802.11ac; создана корпоративная информационная среда; Электронное обучение на основе Системы управления обучением (LMS). Все аудитории оснащены всем необходимым оборудованием (компьютерная, аудио-, презентационная техника).

Университеты, относящиеся к 1 группе технологических решений, обладают небольшим инновационным потенциалом и не совершенствуют образовательные процессы на основе цифровых технологий. Технологии 2 группы способствуют разработке цифровых учебных ресурсов и только решения 3 группы формируют инновационную инфраструктуру электронного обучения, через которую осуществляется процесс обучения «на основе информации и технологий, используемых в образовательных программах, а также информационные и телекоммуникационные сети, обеспечивающие передачу данных и, следовательно, взаимодействие между учащимися и преподавательским составом» [8].

Принимая во внимание политические и экономические проблемы, с которыми сталкивается страна, наиболее адекватным вариантом, доступным в настоящее время, является разработка моделей и методов передового обучения, а также цифровых технологий для обеспечения высокого качества преподавания в университете и придания привлекательности национальной системе высшего образования не только для российских студентов, но и для их иностранных сверстников.

Университеты стремительно трансформируются с учетом нынешней эпидемиологической ситуации. Однако, несмотря на то что, мир становится цифровым, главным остается человек – преподаватель, исследователь и студент. Именно поэтому университетам необходимо обеспечить комфортную цифровую среду для взаимодействия между сотрудниками и обучающимися.

В сложившихся условиях университеты предпочитают смешанную модель обучения, предполагающую сокращение аудиторной нагрузки, однако на самом деле она может и не сокращаться, а наполняться учебными мероприятиями с использованием технологий электронного обучения. Другими словами, обычное традиционное обучение становится «перевернутым» и более практико-ориентиро-ванным. Таким образом, появляется возможность спланировать учебную дисциплину с любым соотношением традиционной и электронной компоненты обучения и разработать курс для эффективного внедрения модели смешанного обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данлоп С., Клинг Р. Компьютеризация и противоречия: конфликт ценностей и социальный выбор // Нью-Йорк: Академическая пресса. 1996.
2. Крюков В., Шахгельдян К. Информационные технологии в вузе: стратегия, тенденции, опыт // Университетское управление. 2012. № 4. С. 101-112.
3. Крюков В. В., Горин А. А. Развитие инноваций в вузе на основе цифровых технологий // Информатизация образования и науки. № 2 (26). 2015. С. 34-51.
4. Мнение преподавателей ТПУ об использовании электронных курсов в учебном процессе // Информационно-аналитическая записка по результатам социологического исследования. Томск. 2015. URL: http://stud.lms.tpu.ru/pluginfile.php/56554/block_html/content/opros_staf_2015.pdf
5. Рейтинг университетов мира 2020 // The World University Rankings. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/locations/RU/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/424
7. Мнение студентов ТПУ очной формы обучения об использовании электронных курсов в учебном процессе // Информационно-аналитическая записка по результатам социологического исследования. Томск. 2015. URL: http://stud.lms.tpu.ru/pluginfile.php/56554/block_html/content/opros_student_2015.pdf
8. Федеральный закон от 29.12.2012. 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
9. Academic Ranking of World Universities 2019 // Academic Ranking of World Universities. URL: http://www.shanghairanking.com/ARWU2019.html
10. QS World University Rankings 2015/16 // QS Top Universities. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=193+faculty=+stars=false+search

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Danlop S., Kling R. Komp'juterizacija i protivorechija: konflikt cennostej i social'nyj vybor // N'ju-Jork: Akademicheskaja pressa. 1996.
2. Krjukov V., Shahgel'djan K. Informacionnye tehnologii v vuze: strategija, tendencii, opyt // Universitetskoe upravlenie. 2012. № 4. S. 101-112.
3. Krjukov V. V., Gorin A. A. Razvitie innovacij v vuze na osnove cifrovyh tehnologij // Informatizacija obrazovanija i nauki. № 2 (26). 2015. S. 34-51.
4. Mnenie prepodavatelej TPU ob ispol'zovanii jelektronnyh kursov v uchebnom processe // Informacionno-analiticheskaja zapiska po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija. Tomsk. 2015. URL: http://stud.lms.tpu.ru/pluginfile.php/56554/block_html/content/opros_staf_2015.pdf
5. Rejting universitetov mira 2020 // The World University Rankings. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/locations/RU/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats
6. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/424
7. Mnenie studentov TPU ochnoj formy obuchenija ob ispol'zovanii jelektronnyh kursov v uchebnom processe // Informacionno-analiticheskaja zapiska po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija. Tomsk. 2015. URL: http://stud.lms.tpu.ru/pluginfile.php/56554/block_html/content/opros_student_2015.pdf
8. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012. 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
9. Academic Ranking of World Universities 2019 // Academic Ranking of World Universities. URL: http://www.shanghairanking.com/ARWU2019.html

10. QS World University Rankings 2015/16 // QS Top Universities. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=193+faculty=+stars=false+search

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Найденко И.С., Величко О.А. Проблемы и перспективы развития внедрения цифровых технологий в высшем образовании // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 209-214. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Naydenko.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894444
УДК 316.4

Костина Е.Ю., Сивцев А.М.

Костина Елена Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: kostinaeu2000@mail.ru.
Сивцев Айал Михайлович, Дальневосточный федеральный университет, 690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: sivtcev_am@students.dvfu.ru.

Проблемы организации деятельности по обеспечению социальных проектов для молодежи в Приморском крае

Аннотация. В научной статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения социальных проектов для молодежи на территории Приморского края, анализируются особенности управления социальными проектами молодежи. Острота данной проблемы вызвана особыми запросами молодежи как социальной группы, ориентированной на социальные изменения в обществе. В статье рассматриваются региональные проблемы молодежной политики в Приморском крае. Особый акцент уделяется мероприятиям, которые проводят на территории города Владивостока Приморского края. Автор статьи предлагает возможные пути совершенствования молодежной политики в Приморском крае.
Ключевые слова: молодежная политика, социальный проект, молодежь, социальная политика, государственная поддержка, демография, управление молодежной политикой, Приморский край.

Kostina E.Yu., Sivtsev A.M.

Kostina Elena Yuryevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, 690091, Russia, Vladivostok, Sukhanova st., 8. E-mail: kostinaeu2000@mail.ru.
Sivtsev Ayal Mikhailovich, Far Eastern Federal University, 690091, Russia, Vladivostok, Sukhanova st., 8. E-mail: sivtcev_am@students.dvfu.ru.

Problems of organizing activities to ensure social projects for youth in the Primorsky Territory

Abstract. The scientific article discusses the actual problems of providing social projects for youth in the Primorsky Territory, analyzes the features of managing social projects of youth. The severity of this problem is caused by the special requests of youth as a social group focused on social changes in society. The article discusses the regional problems of youth policy in the Primorsky Territory. Particular emphasis is given to events that are held in the city of Vladivostok, Primorsky Territory. The author of the article suggests possible ways to improve youth policy in the Primorsky Territory.
Key words: youth policy, social project, youth, social policy, state support, demography, youth policy management, Primorsky Territory.

Молодежь самая активная социальная группа и является будущим всего общества. В современном постиндустриальном обществе роль молодежи все чаще проявляется в участии в реализации инноваций, совершении научных открытий, формировании доступной социальной среды для инва-

лидов, беженцев и т.д. По мнению ряда современных исследователей «для молодежи характерен больший социальный оптимизм, желание сделать жизнь более насыщенной, яркой и интересной» [2, с. 727]. Молодое поколение выступает важнейшим ресурсом государства, позволяющим ему конкурировать на мировой арене. Молодые люди практически незащищены от экстремистских настроений и идей современного мира. В связи с этим очевидна потребность и необходимость в государственной поддержке молодых людей, помощь их благоприятному развитию в обществе, формированию социальной ответственности, вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь государства. Модернизация российского общества в нынешних условиях невозможна без отлаженного взаимодействия государства и молодежи, вовлечения молодых людей в процессы формирования правового государства и функционирования гражданского общества. Формирование необходимых условий для жизни общества возможно посредством грамотной политики государства, в том числе и молодежной политики, способной создать все условия для гармоничной интеграции молодых людей в российское общество.

Исследователь проблем молодежи на постсоветском пространстве В.В. Паршина отмечает, что понятие «молодежь» в широком смысле слова определяется как совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними видов деятельности. В более узком значении «молодежь» – это социально – демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, их специфических интересов и ценностей [6, с. 116]. В целом, понимание молодежи в узком и широком смысле соответствует общему научному подходу, когда та или иная категория рассматривается с различных аспектов. В настоящем исследовании предпочтение будет отдано узкому подходу, поскольку рассмотрение молодежи происходит применительно к молодежной политике в Приморском крае. Как отмечается в специальной литературе, молодежь - социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества, современные возрастные границы от 14-16 до 25-30 лет, доля в составе населения до 20 % [1].

Из указанного выше научного определения следует, что молодежь рассматривается в рамках определенных возрастных параметров, ей присуще особое социальное положение в обществе и специфические психологические особенности как социально-демографической группы. В этом смысле молодежь выступает особой социальной группой, которая выстраивает определенные отношения с взрослыми и стремиться сама стать зрелой для построения взрослой, самостоятельной жизни. На современном этапе особое значение имеет рассмотрение актуальных практических проблем, связанных с жизнедеятельностью молодежи, ее воспитанием, развитием и успешной социализацией в обществе.

В целом анализируя ситуацию можно заключить, что российская молодежь в различных регионах испытывает одинаковые проблемы, вызванные входом во взрослую жизнь, поиске себя в профессиональной деятельности, создании семьи, решении жилищных и социально-бытовых проблем. Но конечно каждый регион имеет свои особенности, которые оказывают влияние на проживающих на его территории людей. Так специфические особенности Приморского края, который выступает центром Азиатско-тихоокеанского региона, во многом вызваны его географическим положением. На наш взгляд, особое практическое значение имеют решение проблем трудовой

миграции из стран Азии, когда иностранные молодые специалисты занимают место российских молодых людей на рынке труда. В настоящее время в России, в целом, и Приморском крае, в частности, существует ряд важнейших проблем (экстремистские и националистические взгляды, употребление наркотиков, безработица и т.д.), от решения которых зависит судьба молодежи России.

На современном этапе в Приморском крае реализация различных направлений молодежной политики осуществляется через организационное обеспечение деятельности путем поддержки социальных проектов для молодежи. В настоящем исследовании реализацию социальных проектов в Приморском крае можно представить на примере наиболее активно действующего государственного органа в области молодежной политики на территории Приморского края – Управления по делам молодежи администрации города Владивостока, осветить наиболее важные организационно-правовые мероприятия, проводимые для поддержки молодежи.

В соответствии с п. 1.1 Постановления главы г. Владивостока от 26.09.2008 N 349 «Об утверждении Положения об управлении по делам молодежи администрации города Владивостока» основными направлениями деятельности Управления по делам молодежи администрации города Владивостока являются: организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью; гражданское и патриотическое воспитание молодежи; содействие организации вторичной занятости молодежи; пропаганда здорового образа жизни в среде молодежи; поддержка талантливой и одаренной молодежи; содействие деятельности молодежных организаций и объединений [4]. На наш взгляд, закрепление в нормативно-правовой базе указанных основных направлений деятельности Управления по делам молодежи администрации города Владивостока является важнейшим организационно-правовым мероприятиям в области молодежной политики. Однако, необходимо признать, что одного формального закрепления тех или иных положений в нормативно-правовой базе недостаточно для эффективного функционирования молодежной политики. На наш взгляд, требуется комплексная работа, связанная как с проведением самих мероприятий различной направленности, так и необходимым финансированием.

Работа с молодежью должна носить прежде всего комплексный, системный характер, который позволит осуществлять воспитание и развитие молодых граждан в течение длительного периода, что даст в будущем положительный эффект. Все эти мероприятия в целом способны преодолеть существующие кризисные явления в среде российской молодежи, в том числе актуальные в настоящее время проблемы наркомании, алкоголизма и экстремистской деятельности. Это особенно важно в ситуации сильного социально-экономического расслоения общества, когда молодые люди могут не видеть законных способов изменения своего социального положения, необходимо «уделять внимание процессам декоммодификации, которые служат основой для снижения дисбаланса в восприятии человеком своего положения в обществе» [3, с. 785]. Соответственно без продуманной системы помощи и поддержки со стороны государства не обойтись в данном вопросе.

Согласно общим положением Постановления администрации г. Владивостока от 26.08.2013 N 2459 «Об утверждении Положения о порядке присуждения знака «Молодежный вектор» знак является формой поощрения граждан в возрасте от 14 до 30 лет включительно, проживающих и (или) учащихся (работающих) на территории Владивостокского городского округа. К Знаку прилагается денежное поощрение в размере 28736 рублей [5]. В соответствии с муниципальным правовым актом города Владивостока от 02.08.2013 N 54-МПА «Положение о присуждении премии молодежи города Владивостока «Есть за что!» премия присуждается гражданам (молодым людям) в

возрасте от 14 до 35 лет включительно, проживающим и (или) учащимся (работающим) на территории Владивостокского городского округа за вклад: в развитие привлекательности городской территории и сохранение исторического наследия города Владивостока; в области предпринимательства и экономического развития; в области образования, просвещения и науки; в области развития общественных связей и журналистики; в области социальных коммуникаций и благотворительности; в области искусства и культуры; в укрепление здорового образа жизни; в области охраны экологии городской среды. Указанная премия также имеет положительный характер для молодых, активных граждан города Владивостока и представляет собой хорошую финансовую поддержку их начинаний и стремлений по улучшению жизненного пространства в месте их проживания. Однако, присуждение 10 премий не может оказать существенного влияния на молодежь в целом, и потому является только разовым инструментом поддержки проектов молодежи и осуществления молодежной политики.

Безусловно, принимаемые меры по поощрению молодежи нельзя назвать ненужными. Все они в целом должны поддерживать старания молодых людей к улучшению жизни в Приморском крае. Однако такие меры должны носить, как уже было замечено, комплексный характер, затрагивать основную массу молодежи, а не только ее наиболее активную часть.

Таким образом, рассмотрение реализации проектов по поддержке молодежи в Приморском крае на примере Управления по делам молодежи администрации города Владивостока позволило выявить его основные направления деятельности. Конкретные мероприятия молодежной политики являются значимыми для развития способностей молодежи. Однако, их важнейшим недостатком является направленность на поддержание только наиболее активной части молодежи. Анализ деятельности по поддержке социальных проектов в городе Владивостоке показал, что в настоящее время проводимые мероприятия хоть и полезны для молодежи, но не обладают комплексным, системным характером, который бы позволил охватить основную массу молодых людей и показать им ценность проводимой государством политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый О. И. Определение понятия «Молодежь» // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С. 156-158.
2. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов: Серия Социология. 2018. № 18(4). С. 719-730.
3. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. №12 (6). С 795-805.
4. Об утверждении Положения об управлении по делам молодежи администрации города Владивостока: постановление главы г. Владивостока от 26.09.2008 N 349 // ИПП «Гарант». URL: http://base.garant.ru/30181024/
5. Об утверждении Положения о порядке присуждения знака «Молодежный вектор»: постановление администрации г. Владивостока от 26.08.2013 N 2459 // ИПП «Гарант». URL: http://base.garant.ru/30172404/
6. Паршина В. В. Молодежь как особая социально-демографическая группа в социальной структуре общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10(5). С. 114-117.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Belyj O. I. Opredelenie ponjatija «Molodezh'» // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. №12. S. 156-158.
2. Kostina E. Ju., Orlova N. A., Panfilova A. O. Sostojanie sistemy cennostej kak faktor anomii v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov: Serija Sociologija. 2018. № 18(4). S. 719-730.
3. Kostina E. Ju., Orlova N. A. Social'no-jekonomicheskie determinanty prestupnosti v sovremennom rossijskom obshhestve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. №12 (6). S 795-805.
4. Ob utverzhdenii Polozhenija ob upravlenii po delam molodezhi administracii goroda Vladivostoka: postanovlenie glavy g. Vladivostoka ot 26.09.2008 N 349 // IPP «Garant». URL: http://base.garant.ru/30181024/
5. Ob utverzhdenii Polozhenija o porjadke prisuzhdenija znaka «Molodezhnyj vektor»: postanovlenie administracii g. Vladivostoka ot 26.08.2013 N 2459 // IPP «Garant». URL: http://base.garant.ru/30172404/
6. Parshina V. V. Molodezh' kak osobaja social'no-demograficheskaja gruppa v social'noj strukture obshhestva // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2015. № 10(5). S. 114-117.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Костина Е.Ю., Сивцев А.М. Проблемы организации деятельности по обеспечению социальных проектов для молодежи в Приморском крае // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 215-219. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/KostinaSivtsev.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894532
УДК 316.37

Соина А.С., Ченгарь О.В., Шевченко В.И.

Соина Анастасия Сергеевна, ассистент кафедры «Теория и практика перевода», Севастопольский государственный университет, 299011, Россия, Республика Крым, Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: anastasiasoina@gmail.com.
Ченгарь Ольга Васильевна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Информационные технологии и компьютерные системы», Севастопольский государственный университет, 299011, Россия, Республика Крым, Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: OVChengar@sevsu.ru.
Шевченко Виктория Игоревна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Информационные технологии и компьютерные системы»,
Севастопольский государственный университет, 299011, Россия, Республика Крым, Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: VIShevchenko@sevsu.ru.

Общество через призму больших данных социальных сетей: современный зарубежный опыт

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые современные публикации зарубежных исследователей из Британии, Индии, Греции, Перу, Италии, Нигерии, направленные на изучение социальных сетей с помощью технологии больших данных. Сделан вывод о том, что технологию больших данных для анализа социальных сетей стали использовать относительно недавно. В настоящее время большие данные позволяют предотвращать теракты, отслеживать умонастроения людей, делать сервис более удобным для клиента. Основным источником информации является соцсеть Twitter. В качестве наиболее значимых вызовов современности исследователи указывают на ограничения в интерпретации изображений.
Ключевые слова: большие данные, социальные сети, Twitter, терроризм, уровень жизни, туризм, психология.

Soina A.S., Chengar O.V., Shevchenko V.I.

Soina Anastasiia Sergeevna, teaching assistant of «Translation Theory and Practice» Department, Sevastopol State University, 299011, Russia, Republic of Crimea, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: anastasiasoina@gmail.com.
Chengar Olga Vasilevna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the «Information Technologies and Computer Systems» Department, Sevastopol State University, 299011, Russia, Republic of Crimea, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: OVChengar@sevsu.ru.
Shevchenko Viktoriya Igorevna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the «Information Technologies and Computer Systems» Department, Sevastopol State University, 299011, Russia, Republic of Crimea, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: VIShevchenko@sevsu.ru.

Society through the perspective of big data and social networks: modern foreign experience

Abstract. This paper discusses some recent publications of foreign researchers from Britain, India, Greece, Peru, Italy, and Nigeria aimed at studying social networks using big data technology. It is con-

cluded that big data has recently been used for social network analysis. Currently, big data allows humanity to prevent terrorist attacks, follow people's way of thinking, and make service more appealing to clients. The main source of information is the social network Twitter. Also, the researchers consider limitations in the interpretation of images to be the most significant challenges of our time.
Key words: big data, social networks, Twitter, terrorism, standard of living, tourism, psychology.

Актуальность темы. В настоящее время технологии стремительно развиваются, прогресс идет все быстрее. Одной из новых технологий последних двух десятилетий стали большие данные, big data. Большие данные – это социльно-экономический феномен, связанный с новой возможностью исследовать весь мировой объем данных для выполнения целого спектра задач. За рубежом в 2010 году начали появляться исследования, направленные исключительно на различные способы обработки больших данных, а с 2013 года технологию больших данных изучают в рамках ряда вузовских дисциплин. Другой, не менее важной новой технологией, а точнее, площадкой для взаимодействия людей, стали социальные сети, число пользователей которыми только растет. Активные пользователи ежедневно генерируют огромное количество данных, а современные ученые находят все новые способы использования этих данных. Таким образом, данная работа, направленная на изучение зарубежного опыта использования технологии больших данных социальных сетей видится нам актуальной.

Постановка проблемы. Технологию больших данных можно использовать в автомобилестроении, медицине, торговле, обеспечении порядка и безопасности, маркетинге и так далее. Неотъемлемой составляющей всех этих процессов является человек, мы с вами. Именно с помощью социальных сетей мы можем узнать больше о нас самих, о том, какие услуги мы хотели бы получить, какая опасность может нам угрожать и какой товар мы, возможно, хотели бы приобрести. Цель данной статьи: проанализировать современные зарубежные научные разработки с точки зрения применения больших данных социальных сетей.

Анализ проблемы. В ходе исследования было просмотрено около 150 источников и отобрано 60, на английском, французском и немецком языках, преимущественно на таких сайтах, как https://www.academia.edu/ и https://www.researchgate.net/. Отобранные публикации можно условно разделить на три категории: публикации о развитии общества в широком смысле, проблемах общества («гуманитарный» аспект), публикации о способах анализа больших данных («технический» аспект), публикации об исследовании какого-либо общественного явления с помощью технологии больших данных и социальных сетей, либо приложений (синтез «гуманитарного» и «технического» аспектов). Примечательно, что последних исследований – немного. Однако именно на них мы остановимся в рамках данной статьи.

Итак, широко известные зарубежные соцсети – это Facebook, Twitter и Instagram. В данной работе речь в основном пойдет о них, хотя будут встречаться и альтернативные площадки. Facebook имеет максимально широкий функционал: здесь можно создавать сообщества, делиться фотографиями, видеозаписями, ссылками, писать довольно объемные посты. Twitter обычно используется для коротких сообщений, изображений, видео, преимущественно формат общения – текстовый. Основной контент Instagram, напротив, – визуальный, площадка предлагает делиться фотографиями и видео, используя минимум текста.

Начнем с наиболее острой, на наш взгляд, проблемы современности – безопасности. Значительную угрозу современному обществу представляет терроризм. Не секрет, что для вербовки терро-

ристы используют различные соцсети и мессенджеры [1]. Среди зарубежных исследователей есть те, кто видит решение с помощью технологии больших данных. Авторы из, Федерального университета в Кашере, Нигерия, в работе «Аналитика социальных сетей: незаменимая антитеррористическая система для улучшения сбора разведданных в целях борьбы с терроризмом в Нигерии», 2018 (здесь и далее транслитерация личных имен, а также перевод заголовков исследования мои. – А.С.) настаивают на изменении принципа работы спецслужб [8]. По их мнению, анализ информации из YouTube, Twitter, Istagram, Facebook позволит получить данные о деятельности террористов или террористических групп, о членстве, мотивации и оперативных методах таких групп, а также блокировать их источники финансирования и препятствовать вербовке. Исследователи рекомендуют использовать как аналитику социальных сетей с открытым исходным кодом, такую как Gephi, Igraph, NetworkX, так и коммерческую аналитику, такую как I2Analyst, Sentinel Visualizer. В своей работе они предлагают издать новые законы, позволяющие службе безопасности Нигерии предсказывать теракты на основе анализа поведения местных граждан в социальных сетях.

Коллеги из Саудовской Аравии, А. Алзахрани, К.Б. Бажва, Т. Алгхамди, Х. Алдахави в исследовании «Борьба с терроризмом в социальных сетях при использовании больших данных», 2018, показывают конкретные способы вычленения необходимых данных из общего массива [4]. Как только объем данных будет уменьшен до приемлемого размера, методы интеллектуального анализа данных, включающие классификацию, кластеризацию, ассоциацию, последовательное обнаружение закономерностей и регрессию, могут быть более эффективно использованы для выявления признаков терроризма и извлечения связанной с вербовкой информации и стратегий различных групп террористов. Дальнейшие действия подразумевают обработку естественного языка для построения и расширения набора данных. Анализ социальных сетей позволяет визуализировать членов группы в виде узлов (акторов) и их взаимосвязей. В отличие от других количественных стратегий, которые сосредоточены вокруг образа и полного исследования качеств акторов, составляющих исследуемую группу, анализ социальных сетей предполагает, что для понимания социального феномена необходимо определить и нарушить связь между акторами. Авторы считают, что это подход поможет получить информацию о принятии решений, групповой динамике и результатах коллективных действий.

Еще одной проблемой современности является изучение поведенческой психологии. В качестве примера приведем работу исследователей Кембриджского университета, М. Косински, Д. Стиллвелл и Т. Грэпп «Предсказание личностных особенностей посредством цифрового следа», 2013 [9]. Исследователи продемонстрировали, что легкодоступные цифровые записи поведения, такие как лайки в Facebook, могут быть использованы для автоматического и точного предсказания целого ряда личностных характеристик, включая сексуальную ориентацию, этническую принадлежность, религиозные и политические взгляды, личностные черты, интеллект, счастье, употребление аддиктивных веществ, разлуку родителей, возраст и пол. Представленный анализ основан на сборе данных более чем 58 000 добровольцев, которые предоставили свои лайки в Facebook, подробные демографические профили, а для проверки результатов, – прошли несколько психометрических тестов. Предложенная исследователями модель правильно различает гомосексуалистов и гетеросексуалов в 88% случаев, афроамериканцев и кавказцев – в 95% случаев, а также демократов и республиканцев в 85% случаев. Точность предсказания близка к точности стандартного личностного теста, который проходили впоследствии испытуемые. Исследовате-

ли полагают, что прогнозирование предпочтений пользователей может быть использовано для улучшения многочисленных продуктов и услуг. Например, цифровые системы и устройства (интернет-магазины или автомобили) могут быть сконструированы таким образом, чтобы их поведение наилучшим образом соответствовало предполагаемому профилю каждого пользователя. Кроме того, можно повысить релевантность маркетинговых рекомендаций за счет добавления психологических аспектов в существующие модели пользователей. Например, реклама онлайн-страхования может подчеркивать безопасность при взаимодействии с эмоционально нестабильными (невротическими) пользователями, но подчеркивать потенциальные угрозы при работе с эмоционально стабильными личностями.

Итальянским исследователям удалось измерить уровень счастья итальянских пользователей Twitter. В своей работе «Как использовать большие данные из социальных сетей: субъективный индикатор благополучия через Twitter» (2017) они утверждают, что индекс качества жизни, применяемый официальной статистикой, имеет не так много общего с действительностью, так как указанные там показатели исключительно материальны: «Этот индекс охватывает только материальное качество жизни и является эталонным показателем объективного благополучия в Италии… Он не охватывает всех людей и содержит только данные за прошедший год, из-за чего показывает уже неактуальную информацию. Это серьезный недостаток, когда лица, принимающие решения, должны основывать свой выбор на такой информации. Различия между этими двумя измерениями (объективным и субъективным) ясно вытекают из сравнения», – считают исследователи [7]. В работе они приводят расчеты и карту Италии, где действительно заметна разница между объективными показателями удовлетворения и реальным положением вещей. Таким образом им удалось создать композитный показатель благосостояния, который смешивает стабильную официальную статистику и изменчивые данные социальных сетей.

Разумеется, в медийной среде не обойтись без журналистов. Ряд исследователей университета Ньюкасл в 2019 году опубликовали работу под названием «Twitter, Трамп и изменение климата: вычисление общественного мнения в режиме онлайн с помощью больших данных» [6]. В ней ученые пытались понять, какие слова чаще всего ассоциируются с изменением климата в онлайн-дискурсе, а также как публичный дискурс в Twitter соотносится с дискурсом информированных ученых и журналистов, пишущих в блогах об изменении климата. «После того как мы собрали текстовый корпус из Twitter Stream API и четырех блогов, мы преобразовали весь текст в нижний регистр и удалили все артикли (например, a, the, and). Мы также тщательно следили за использованием терминов (например, преобразовали climate change, clichange, и climatech в одно-единственное climatechange). Наконец, мы загрузили весь предварительно обработанный текст в движок Facebook fasttext engine и сгенерировали наиболее похожие списки слов, относящиеся к сочетанию climatechange. Затем проанализировали результат и интерпретировали разницу между постами в Twitter и онлайн-блогах, которые были представлены пользователями и авторами, с точки зрения понимания явления climatechange». Исследователями было проанализировано около миллиона твитов и 4 блога за определенные промежутки времени и выполнено сопоставление.

К. Брантен и Ю. Пфеффер в работе «Контен-анализ Twitter», 2018, провели анализ настроения пользователей и классификацию текстов на основе машинного обучения [5]. Исследователи собрали необходимые твиты с помощью API Twitter – аббревиатура API расшифровывается как «интерфейс прикладного программирования», то есть прямое подключение к данным Twitter, к которым можно получить доступ с помощью программного

кода. Основная причина, по которой анализ твитов популярен во многих научных областях, заключается в том, что к данным можно легко и без затрат получить доступ через API Twitter. Авторам удалось создать облака слов с топ-100 словами из 5101 твитов, связанных с новостями, и 60168 твитов, не связанных с новостями. Более того, они сравнили настроение, показанное в твитах, связанных с новостями, с настроением, продемонстрированным твитами, не связанными с новостями. Основная концептуальная проблема, как подчеркивают исследователи, связанная с автоматизированным анализом контента, заключается в несоответствии между тем, что эти методы должны делать (анализировать настроения, находить темы) и тем, что они делают на самом деле (подсчитывают прилагательные, совпадающие слова). Автоматизированные методы анализа контента далеки от понимания текста. Вместо этого текст рассматривается как «гора слов». Написанный текст содержит в себе некий культурный пласт и обладает разной лингвистической «сложностью», и ничего из этого не может быть изучено с помощью методов, описанных в статье. Также существенной проблемой выступает то, что методы предварительной обработки текста и контент-анализа оптимизированы для текстов на английском языке. Текст на других языках с более сложными флексиями и словосочетаниями может потребовать вмешательства человека, например, для «очистки» текста и составления словаря, чтобы показать значимые результаты. Сведение сообщений пользователей к «горе слов» также игнорирует еще одну важную особенность общения в социальных сетях: изображения.

Исследователи из Колумбии и Перу в совместной работе «Метод сбора релевантных тем из Twitter с использованием больших данных», 2019, разработали способ вычленения контента путем отбора профилей пользователей, являющихся экспертами в области спорта и политики [12]. База эксперимента насчитывает 10 750 твитов, связанных со спортом, и 8758 твитов, связанных с политикой. В исследовании предлагается к рассмотрению метод, который может быть включен в любое приложение, требующее исследования по темам. После того как были выбраны начальные пользователи и темы, было замечено, что наиболее релевантные темы можно определить с помощью LDA. По словам ученых, большая часть полученных тем могла быть связана с газетными заголовками El Pais, выпущенными в те же дни, когда был применен этот метод. В перспективе ученые смогут применять индекс релевантности каждой темы и отслеживать его изменение относительно часового пояса, чтобы определить, когда тема достигла большей релевантности.

Ещё одной сферой применения больших данных является туризм. По словам молодого исследователя с острова Крит, И. Макридиса, это может принести выгоду предприятиям и местным органам власти. В своем исследовании «Аналитика больших данных и поиск знаний с помощью социальных сетей с геолокацией» автор разработал приложение для получения знаний с помощью фактического пользовательского контента в социальных сетях, основанных на данных о местоположении, например, Twitter, Foursquare, Instagram и Flickr [10]. Цель исследования заключалась в анализе данных о поведении посетителей, их впечатлениях и предпочтениях в отношении туристических направлений, а также в предложении решений для местных органов власти и бизнеса в отношении более эффективного продвижения туристических направлений, улучшения существующих объектов, а также привлечения интереса большего числа потенциальных посетителей. Исследование проводилось для городов Ираклион и Ханья на острове Крит. Результаты анализа оформлены с помощью трех круговых диаграмм, чтобы представить впечатления пользователей в двух городах (положительном, отрицательном или нейтральном), которые чаще всего упоминались в их сообщениях (например, места, люди, события, орга-

низации и т.д.). Происхождение пользователей определяли по используемому ими языку. Далее исследователь извлек хэштеги из всех сообщений (как текстовых, так и медийных), написав пользовательский алгоритм для обнаружения тем, которые чаще всего фигурируют в сообщениях пользователей. Полученную информацию он представил в виде облака слов. Чтобы определить наиболее влиятельных пользователей в двух городах, которые своими сообщениями могут влиять на мнение других людей, была создана линейная диаграмма, показывающая социальную активность в день для каждого интересующего региона. Также в работе представлен рейтинг туристических мест.

Выводы. Статья не претендует на исчерпывающее освещение направлений современных зарубежных исследований в отношении социальных сетей. Мы лишь делаем попытку поиска неких общих явлений, характерных для сферы в целом. Синопсис ряда исследований позволил выявить следующее:

1. Специалисты начали изучать социальные сети с применением технологии больших данных относительно недавно. Зарубежные исследователи обращают свое внимание в большей степени на Twitter, чем другие на сети. Возможно, это связано с меньшими способами самовыражения для пользователей, по сравнению, например, с Facebook, и это существенно упрощает задачу по скачиванию и обработке данных.

2. Наиболее популярными направлениями современных зарубежных исследований являются поиск террористов, психологические аспекты поведения людей в связи с инфоповодами, удовлетворенность жизнью, туризм. Данные социальных сетей способны давать картину происходящего в конкретный момент времени.

3. Наибольшим вызовом для современных исследователей является обработка изображений.

Перспектива исследования. В дальнейшем возможно рассмотреть причины возникновения конфликтов в обществе и применение технологии больших данных для выявления пользователей, разжигающих конфликт, что, по нашим данным, на сегодняшний момент никем не проводилось.

Отметим, что в России в 2017 году на базе Томского государственного университета был организован Университетский консорциум исследователей больших данных, куда на данный момент входят 27 университетов, в том числе и Севастопольский государственный университет [2]. Данная работа выполнена при финансовой поддержке Севастопольского государственного университета в рамках внутреннего гранта № 31/06-31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байназаров Н. Как террористы используют соцсети для вербовки // Rusbase. URL: https://rb.ru/story/isis-uses-social-media/
2. О нас // Университетский консорциум исследователей больших данных: сайт. URL: https://opendata.university/about
3. Academia: platform for academics to share research papers // Academia. URL: https://www.academia.edu/
4. Alzahrani A., Bajwa K. B., Alghamdi T., Aldahawi H. Countering Terrorism On Social Media Using Big Data // Academia. URL: https://www.academia.edu/37819783/COUNTERING_TERRORISM_ON_SOCIAL_MEDIA_USING_BIG_DATA
5. Brantner, C., Pfeffer, J. Content analysis of Twitter: Big data, big studies. In S. A. Eldridge II & B. Franklin (Eds.), The Routledge Handbook to Developments in Digital Journalism Studies. Abingdon: Routledge, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322753687_Content_analysis_of_Twitter_Big_data_big_studies_In_S_A_Eldridge_II_B_Franklin_B_Eds_The_Routledge_Handbook_to_Developments_in_Digital_Journalism_Studies_Abingdon_Routledge

6. Bush D, Xing J, Sieber R. Twitter, Trump, and Climate Change: Examining the Big Data of Public Opinion Online // American Association of Geographers, 2019. URL: https://www.academia.edu/40054449/Twitter_Trump_and_Climate_Change_Examining_the_Big_Data_of_Public_Opinion_Online
7. Iacus S.M., Porro G., Salini S., Siletti E. How to Exploit Big Data from Social Networks: a Subjective Well-being Indicator via Twitter // SIS 2017. Statistics and Data Science: new challenges, new generations: scientific article. URL: https://www.academia.edu/33994733/How_to_Exploit_Big_Data_from_Social_Networks_a_Subjective_Well-being_Indicator_via_Twitter
8. Jibril L. M., Ali G.A. Social Media Analytics: Indispensable Counterterrorism Framework to improve Intelligence Gathering towards Combating Terrorism in Nigeria // 3rd Big Data Analytics & Innovation Conference, National Defence College, Abuja. Volume: Vol. 1. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/309537533_Social_Media_Analytics_Indispensable_Counterterrorism_Framework_to_improve_Intelligence_Gathering_towards_Combating_Terrorism_in_Nigeria
9. Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, № 15. P. 5802–5805.
10. Makridis J. Big Data Analytics and Knowledge Discovery through Location Based Social Networks // Technological Educational Institute of Crete, 2018. URL: https://www.academia.edu/40223892/Big_Data_Analytics_and_Knowledge_Discovery_through_Location_Based_Social_Networks_LBSN_MSc_Thesis
11. Research Gate: platform for academics to share research papers // ResearchGate GmbH. URL: https://www.researchgate.net/
12. Silva J, Naveda A.S., Suarez R.G. Method for Collecting Relevant Topics from Twitter supported by Big Data // Journal of physics, 2020. URL: https://www.academia.edu/42689289/Method_for_Collecting_Relevant_Topics_from_Twitter_supported_by_Big_Data_Method_for_Collecting_Relevant_Topics_from_Twitter_supported_by_Big_Data

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bajnazarov N. Kak terroristy ispol'zujut socseti dlja verbovki // Rusbase. URL: https://rb.ru/story/isis-uses-social-media/
2. nas // Universitetskij konsorcium issledovatelej bol'shih dannyh: sajt. URL: https://opendata.university/about
3. Academia: platform for academics to share research papers // Academia. URL: https://www.academia.edu/
4. Alzahrani A., Bajwa K. B., Alghamdi T., Aldahawi H. Countering Terrorism On Social Media Using Big Data // Academia. URL: https://www.academia.edu/37819783/COUNTERING_TERRORISM_ON_SOCIAL_MEDIA_USING_BIG_DATA
5. Brantner, C., Pfeffer, J. Content analysis of Twitter: Big data, big studies. In S. A. Eldridge II & B. Franklin (Eds.), The Routledge Handbook to Developments in Digital Journalism Studies. Abingdon: Routledge, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322753687_Content_analysis_of_Twitter_Big_data_big_studies_In_S_A_Eldridge_II_B_Franklin_B_Eds_The_Routledge_Handbook_to_Developments_in_Digital_Journalism_Studies_Abingdon_Routledge
6. Bush D, Xing J, Sieber R. Twitter, Trump, and Climate Change: Examining the Big Data of Public Opinion Online // American Association of Geographers, 2019. URL: https://www.academia.edu/40054449/Twitter_Trump_and_Climate_Change_Examining_the_Big_Data_of_Public_Opinion_Online
7. Iacus S.M., Porro G., Salini S., Siletti E. How to Exploit Big Data from Social Networks: a Subjective Well-being Indicator via Twitter // SIS 2017. Statistics and Data Science: new challenges, new generations: scientific article. URL: https://www.academia.edu/33994733/How_to_Exploit_Big_Data_from_Social_Networks_a_Subjective_Well-being_Indicator_via_Twitter

8. Jibril L. M., Ali G.A. Social Media Analytics: Indispensable Counterterrorism Framework to improve Intelligence Gathering towards Combating Terrorism in Nigeria // 3rd Big Data Analytics & Innovation Conference, National Defence College, Abuja. Volume: Vol. 1. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/309537533_Social_Media_Analytics_Indispensable_Counterterrorism_Framework_to_improve_Intelligence_Gathering_towards_Combating_Terrorism_in_Nigeria
9. Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, № 15. P. 5802–5805.
10. Makridis J. Big Data Analytics and Knowledge Discovery through Location Based Social Networks // Technological Educational Institute of Crete, 2018. URL: https://www.academia.edu/40223892/Big_Data_Analytics_and_Knowledge_Discovery_through_Location_Based_Social_Networks_LBSN_MSc_Thesis
11. Research Gate: platform for academics to share research papers // ResearchGate GmbH. URL: https://www.researchgate.net/
12. Silva J, Naveda A.S., Suarez R.G. Method for Collecting Relevant Topics from Twitter supported by Big Data // Journal of physics, 2020. URL: https://www.academia.edu/42689289/Method_for_Collecting_Relevant_Topics_from_Twitter_supported_by_Big_Data_Method_for_Collecting_Relevant_Topics_from_Twitter_supported_by_Big_Data

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Соина А.С., Ченгарь О.В., Шевченко В.И. Общество через призму больших данных социальных сетей: современный зарубежный опыт // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 220-227. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Soina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894615
УДК 338.001.36

Тулина Т.М.

Тулина Таисия Михайловна, старший преподаватель, Вологодский государственный университет, 160000, Россия, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: tutasya@yandex.ru.

Количество среднего класса в России и Вологодской области по параметру доход в соответствии с различными методиками в 2019 г.

Аннотация. В работе сопоставляются подходы к определению численности среднего класса. В качестве оптимального критерия идентификации среднего класса выбирается наиболее спорный – уровень дохода. Определены верхняя и нижняя границы среднего класса по параметру «уровень дохода» в рамках различных методик и подходов в 2019 г. В соответствии с предложенными границами и на основе данных официальной статистики о распределении численности работников по размерам начисленной заработной платы в стране и отдельном ее регионе, Вологодской области, рассчитана численность среднего класса. Показаны преимущества и недостатки каждого из рассмотренных подходов.
Ключевые слова: средний класс, признаки среднего класса, средний класс в России, количество среднего класса, Вологодская область, уровень жизни населения, доходы среднего класс, социальная структура общества.

Tulina T.M.

Tulina Taisiya Mikhailovna, senior lecturer, Vologda state University, 160000, Russia, Vologda region, Vologda, Lenin st., 15. E-mail: tutasya@yandex.ru.

The number of the middle class in Russia and the Vologda region by the income parameter according to various methods in 2019

Abstract. The article analyzes approaches to determining the size of the middle class. The upper and lower boundaries of the middle class are defined by the parameter-the level of income within each approach in 2019. The number of the middle class is calculated in accordance with the proposed borders, based on official statistics on the distribution of the number of employees by the amount of accrued wages in the country and its separate region –the Vologda region.
Key words: he middle class, signs of the middle class, the middle class in Russia, the number of the middle class, the Vologda region, the standard of living of the population, the income of the middle class, the social structure of society.

Интерес к проблеме среднего класса в отечественной науке связан с изменениями социальной структуры общества, обусловленных социальными трансформациями, углублением имущественной дифференциации, нестабильностью и напряженностью, социокультурной поляризацией общества. Так, например, по данным Росстата, в

2019 году децильный коэффициент дифференциации доходов составил 15,6.

В таких условиях внимание к среднему классу объясняется стремлением найти ту социальную опору, которая обеспечит устойчивое функционирование и развитие российского общества. Ведь именно средний класс традиционно считается фактором социально-политической стабильности и экономического развития.

В отечественной науке заметный вклад в исследование проблемы среднего класса, в том числе критериев его выделения внесли такие ученые, как Т.И. Заславская, Г.В. Осипов, Н.М. Римашевская, Р.В. Рывкина, В.И. Ильин, М.С. Комаров, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Е.Н. Стариков, Л.А. Беляева, З.Т. Голснкова, М.К. Горшков, Ю.А. Левада, Т.М. Малев, Н.Е. Тихонова, Л.А. Хахулин и др. Несмотря на довольно большое количество научных работ, посвященных среднему классу, в современной науке нет единого мнения относительного как самого понятия «средний класс», так и критериев его выделения.

Наиболее популярными критериями идентификации среднего класса являются: образование, профессиональный статус, уровень дохода, самоидентификация [6; 7, с. 5-7]. Применительно к странам с развитой рыночной экономикой важнейшими критериями отнесения к тому или иному классу в методологии выделения среднего класса являются образование и профессиональный статус. Данных двух признаков или даже одного достаточно для отнесения человека к среднему классу общества. В России связка «образование-профессия-доход» не столь очевидна. Доход, связанный с профессией и уровнем образования, не обязательно является фактором отнесения к среднему классу. Напротив, группы, которые по профессии или образованию, можно отнести к среднему классу, по уровню дохода часто не попадают в него. Поэтому, на наш взгляд, для определения количества среднего класса в России целесообразно учитывать прежде всего такой признак, как уровень дохода.

Однако уровень дохода является одним из наиболее спорных критериев определения среднего класса в России. Проблема заключается в том, что даже в рамках даже одного подхода к пониманию сущности среднего класса нет единства мнений относительно методологии определения уровня дохода данной социальной группы.

В зарубежной и отечественной литературе встречается большое количество различных подходов к определению численности среднего класса. Мы рассмотрим возможности четырех подходов. Это методика Центра стратегических исследований компании «РОСГОССТРАХ», подходы Минэкономразвития, а также Всемирного банка и методика Всероссийского центра уровня жизни. Определим численность среднего класса в стране и Вологодской области в 2019 г. в соответствии с каждым методом, а также постараемся сравнить данные методы определения дохода представителей среднего класса.

Центр стратегических исследований видит главный критерий среднего класса в доходе на семью 20 тыс. долларов. Верхней границей среднего класса служит доход в размере 300 тыс. долл. в год [9]. Средний курс доллара в России 2019 г. составлял 64,6 руб. за 1 доллар США. Соответственно границы среднего класса в 2019 г. в соответствии с данной методикой составляют от 107666 руб./мес. до 1615 000 руб./мес. на семью, но количество членов семьи не указывается.

В прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. в п. 3.1 указано, что уровень дохода у представителей среднего класса должен быть не ниже 6 прожиточных минимумов [5]. Прожиточный минимум в регионе в 2019 г. составляет 10691 руб./мес. в России 10609 руб./мес. Поэтому нижняя граница среднего класса в Вологодской области в 2019 г. составляет 64 146 руб./мес., в России 63 654 руб./мес. (см. табл.1). Верхняя граница в данной методике не указана.

Таблица 1. Величина прожиточного минимума в 2019 г. (руб. в месяц) [3]

	На душу населения	Для трудоспособного населения	Для пенсионеров	Для детей	Документ
Россия	10 609	11 510	8 788	10 383	Приказ Минтруда России от 20.02.2020 г. №72
Вологодская область	10 691	11 659	8 910	10 490	Постановление Правительства Вологодской области от 25.02.2020 г. №148

А в п. 4.1 того же документа стратегического планирования Правительство РФ за основу для выявления среднего класса принимает уровень дохода, установленный Всемирным Банком банка в докладе «Global Economic Prospects 2007», а также выдвигает гипотезу, что на каждого работающего члена домохозяйства приходится по одному иждивенцу [5].

Всемирный банк определяет принадлежность к глобальному среднему классу человека с годовым доходом от 4 тыс. до 17 тыс. долларов США в ценах 2000 года по паритету покупательной способности (далее ППС) при сохранении этого критерия вплоть до 2030 года.

Рассчитаем уровень доходов представителей среднего класса в соответствии с методикой Всемирного Банка. По ППС рубль назван одной из самых недооцененных валют, его курс к доллару к 2019 г. составлял 19 руб. за доллар США [4]. Соответственно уровень дохода представителей среднего класса в 2019 г. существует в рамках от 6333 руб. до 26916 руб. ежемесячно на человека. Данный показатель необходимо увеличить вдвое, и мы получим ежемесячный доход представителей среднего класса, от 12666 руб. до 53833 руб. в ценах 2019 г., на что указывает Правительство в п. 4.1 прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г.

Согласно методике, предложенной руководителем Всероссийского центра уровня жизни В.Н. Бобковым, к среднему классу следует отнести социальную группу, доходы которой колеблются в диапазоне от 4,2 до 11 прожиточных минимумов [1, с. 1061-1075; 2, с. 191-220]. Величина прожиточного минимума в Вологодской области в 2019 г. составлял 10691 руб./мес. в России 10609 руб./мес. (табл.1). Таким образом, если использовать метод В.Н. Бобкова, границы среднего класса по уровню дохода в Вологодской области существуют в границах от 44902 до 117601 руб./мес. В России 44558 до 116699 руб./мес.

В целях наглядности представим в таблице 2 получившиеся границы среднего класса в соответствии с различными методиками в 2019 г., а также преимущества и недостатки данных методик.

Для того, чтобы определить количество граждан, которых мы можем отнести к среднему классу в стране и области, обратимся к данным о распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы (рис.1).

Поскольку в методике центра стратегических исследований объектом является семья (табл. 2), а не человек, предположим, что в семье на одного трудоспособного человека приходится один иждивенец. Поэтому денежную верхнюю и нижнюю границу среднего класса разделим надвое (табл. 3). Определяем количество среднего класса в стране и регионе в 2019 г. в соответствии с различными методиками и подходами определения его численности (табл. 3) и используем для этого данные о распределении численности работников по размерам начисленной заработной платы в 2019 г. (рис. 1).

Таблица 2. Границы среднего класса по критерию «уровень дохода» в месяц в 2019 г. (руб.) в соответствии с различными методиками определения

	Нижняя граница (руб./мес.)	Верхняя граница (руб./мес.)	Объект	Недостатки методики
Центр стратегических исследований	106 666	1615000	на семью	- количество членов семьи не указывается.
Всемирным Банком банка в докладе Global Economic Prospects 2007.	6333	26916	на человека	- показатель занижен и не соответствует Российским реалиям
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. в п. 3.1.	в Вологодской области: 64146	-	на человека	- отсутствует верхняя граница среднего класса по параметру доход
	в России: 63654			
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г в п. 4.1.	12666	53833	на человека	- вступает в противоречите с п. 3.1. данного документа стратегического планирования
Бобков В.Н.	в Вологодской области: 44 902	117601	на человека	
	В России: 44 558	116699		

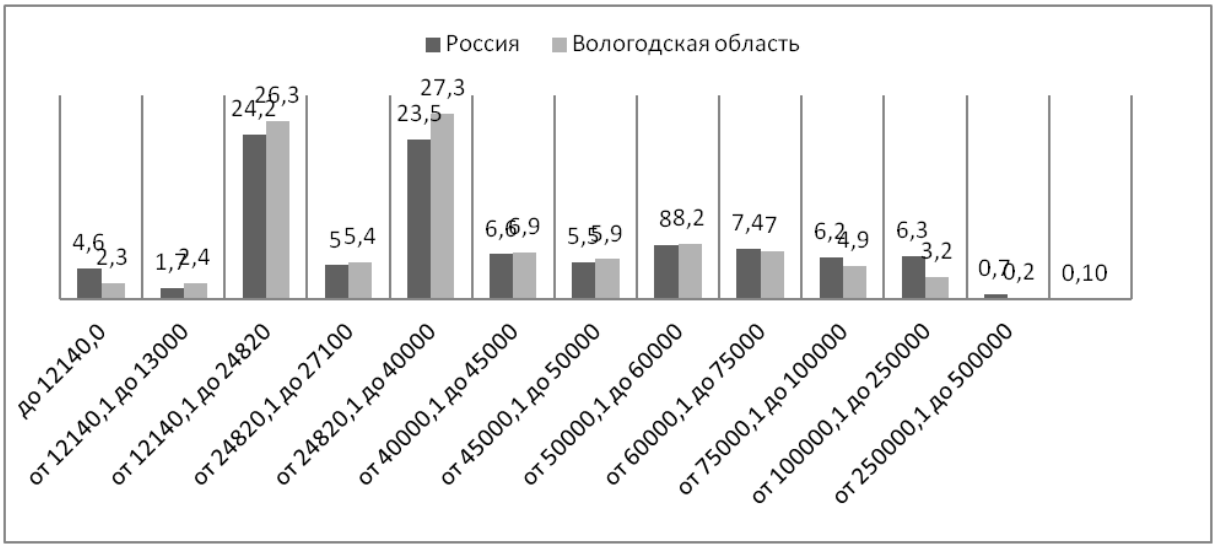

Рис. 1. Распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы в России и Вологодской области в 2019 г. (в % к общей численности работников) [3]

Таблица 3. Количество среднего класса в России и Вологодской области, в % с от общей численности занятого населения (рассчитано автором)

	Нижняя граница (руб./мес.)	Верхняя граница (руб./мес.) на человека	% среднего класса от общей численности занятых в России	% среднего класса от общей численности занятых в Вологодской области
Центр стратегических исследований	53333	807500	7,1	6,4
Всемирным Банком банка в докладе Global Economic Prospects 2007.	6333	26916	35,5	36,4
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. в п. 3.1.	в Вологодской области: 64 146	-	20,7	15,3
	в России: 63654			
Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г в п. 4.1.	12666	53833	74,5	82,4
Бобков В. Н.	в Вологодской области: 44902	117601	27,1	26
	в России: 44558	116699		

Итак, подводя итог, отметим, что количество среднего класса в 2019 г. в соответствии с различными методиками колеблется от 6,4 % в Вологодской области и 7,1 % в России, до 82% в регионе и 74% в среднем по стране. Как мы могли убедиться, причина столь сильной разницы обусловлена подходом, который применяется для составления методики определения границ среднего класса по параметру «уровень дохода».

С нашей точки зрения, наиболее оптимальным является подход, согласно которому под средним классом подразумевается социальная группа людей, имеющая устойчивые доходы, способная удовлетворить широкий круг своих материальных и социальных потребностей. В силу этого данная социальная группу способна выполнять положительные социальные, экономические, культурные функции в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков В. Н., Херрманн П., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1061-1075.
2. Бобков В. Н. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-2005 гг.). // ВЦУЖ. М., 2007. С. 191-220. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-04.pdf
3. Величина прожиточного минимума // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/vpm
4. Индекс Биг Мака: назван «справедливый» курс рубля к доллару // Эксперт Online. URL: https://expert.ru/2019/07/13/ekonomist/
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
6. Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Аналитический доклад // Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, 2014. 222 с. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html
7. Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009. 320 с.
8. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы за апрель 2019 года (статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/labour_costs?print=1
9. Численность среднего класса в 2012 году в России превысила лучшие докризисные показатели // Центр стратегических исследований «РОСГОССТРАХ». URL: https://www.rgs.ru/pr/csr/midclass/index.wbp

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bobkov V. N., Herrmann P., Kolmakov I. B., Odincova E. V. Dvuhkriterial'naja model' stratifikacii rossijskogo obshhestva po dohodam i zhilishhnoj obespechennosti // Jekonomika regiona. 2018. T. 14. Vyp. 4. S. 1061-1075.
2. Bobkov V. N. Kachestvo i uroven' zhizni naselenija v novoj Rossii (1991-2005 gg.). // VCUZh. M., 2007. S. 191-220. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-04.pdf
3. Velichina prozhitochnogo minimuma // Oficial'nyj sajt federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/vpm
4. Indeks Big Maka: nazvan «spravedlivyj» kurs rublja k dollaru // Jekspert Online. URL: https://expert.ru/2019/07/13/ekonomist/
5. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda // Oficial'nyj sajt Minjekonomrazvitija Rossii. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
6. Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spustja. Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridriha Jeberta v Rossijskoj Federacii. Analiticheskij doklad // Institut sociologii FNISC RAN. Moskva, 2014. 222 s. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html
7. Tihonova H. E., Mareeva S. V. Srednij klass: teorija i real'nost'. M.: Al'fa-M, 2009. 320 s.
8. Svedenija o raspredelenii chislennosti rabotnikov po razmeram zarabotnoj platy za aprel' 2019 goda (statisticheskij bjulleten') // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/labour_costs?print=1

9. Chislennost' srednego klassa v 2012 godu v Rossii prevysila luchshie dokrizisnye pokazateli // Centr strategicheskih issledovanij «ROSGOSSTRAH». URL: https://www.rgs.ru/pr/csr/midclass/index.wbp

Поступила в редакцию 25.05.2020.
Принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования:
Тулина Т.М. Количество среднего класса в России и Вологодской области по параметру доход в соответствии с различными методиками в 2019 г. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 228-234. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Tulina.pdf

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894629
УДК 378.147:811.111

Баранцева О.А., Кузнецова К.Э.

Баранцева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка, филологии и перевода, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614045, Россия, Пермский край, г. Пермь ул. Пушкина, 42. E-mail: barantseva@rambler.ru.
Кузнецова Кристина Эдуардовна, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614045, Россия, Пермский край, г. Пермь ул. Пушкина, 42. E-mail: kristina.kuzneczova.94@inbox.ru.

Проблема определения и систематизации академического вокабуляра

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения академического вокабуляра как важного языкового компонента академического дискурса, позволяющего осуществлять передачу знания без учета культурной, национальной специфики обучающегося. Проводится анализ существующих классификаций лексических единиц, вычленяемых в академическом дискурсе, и идентифицируется место академического вокабуляра в системе всех лексических единиц, обслуживающих академическое устное и письменное общение. В статье освещены несколько подходов к составлению списков академических слов. Рассматривается необходимость разработки специализированных академических списков для конкретных областей знания.
Ключевые слова: академический дискурс, академический вокабуляр, трехчастная модель вокабуляра, книжная лексика, частотность, дистрибуция, список академических слов.

Barantseva O.A., Kuznetsova K.E.

Barantseva Olga Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Head of the English Language, Philology and Interpretation Department, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 614045, Russia, Perm, Pushkin st., 42. E-mail: barantseva@rambler.ru.
Kuznetsova Kristina Eduardovna, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 614045, Russia, Perm, Pushkin st., 42. E-mail: kristina.kuzneczova.94@inbox.ru.

The problem of defining and systematizing academic vocabulary

Abstract. The article touches upon the issue of the academic discourse specification which enables to transfer knowledge without taking cultural as well as national particularity of the student into account. The article gives a detailed analysis of existing classifications of lexical items revealed in academic dis-

course. The position of academic vocabulary in the system of all lexical items that are exploited by academic oral and written communication is identified. The article highlights several approaches to compiling lists of academic dictionaries. The need to develop special academic lists for specific knowledge is considered.
Key words: academic discourse, academic vocabulary, three-tier vocabulary model, bookish vocabulary, frequency, distribution, academic word list.

Академический дискурс, охватывая глобальное сообщество, нуждается в средстве коммуникации, которое позволяло бы точно передавать мысль в любом академическом контексте, независимо от дисциплины и культурного контекста. Таким универсальным средством является академический вокабуляр.

Как отмечает Короткина И.Б., участники академического дискурса должны совершенствовать знания академического вокабуляра и навыки его употребления, поскольку он представляет собой стабильный и междисциплинарный слой лексики [6, с. 399].

О необходимости изучения академического вокабуляра также писали А. Коксхед и П. Нейшн, выделив четыре причины, по которым академическая лексика должна становиться объектом преподавания. Во-первых, академический вокабуляр типичен для широкого круга академических текстов. Во-вторых, количество академических слов в академических текстах достаточно большое. В-третьих, академические лексические единицы менее знакомы студентам, чем технический вокабуляр. Наконец, учитель иностранного языка может в полной мере помочь студентам усвоить академический вокабуляр, что вряд ли возможно в случае технического вокабуляра, знания которого у учителя могут быть ограничены [5, с. 253].

Что же такое академический вокабуляр? Авторы Ли и Пембертон утверждают, что академический вокабуляр – это своего рода «ярлык» группы слов, встречающихся в разных академических дисциплинах [8, с. 184]. Таунсенд и Кирнан дополняют данное определение, указывая на ряд характеристик академических слов. Они, как правило, абстрактные, технические, независимые от контекста [12, с. 113].

Ряд исследователей пытались определить место академических слов в лексической системе языка в рамках академического дискурса.

Согласно трехчастной модели вокабуляра, разработанной в 2002 году Беком, Макноуном и Куканом, лексика, используемая в академической ситуации, делится на три категории: уровень 1, уровень 2 и уровень 3 [1, с. 45].

Слова уровня 1 составляют большой процент всех слов, используемых студентами – это самые базовые слова, которые запоминаются без особых усилий. Обычно такая лексика не требует долгих объяснений и не представлена многозначными словами, например, *table, swim, cars, dog, book, girl, orange.* Уровень 1 насчитывает около 8000 групп этимологически родственных слов английского языка. Таким образом, зрительно узнаваемые слова, служебные слова и названия предметов составляют основу лексики уровня 1.

Слова уровня 2 важны для понимания текстов, говорения и используются на протяжении освоения всей учебной программы. Лексика уровня 2 расширяет описательный словарный запас студентов и позволяет им детально описывать различные концепции. Уровень 2 содержит в себе около 7000 групп этимологически родственных слов английского языка.

Уровень 3 включает слова, встречающиеся с меньшей частотностью. Данные лексические единицы обычно ограничены содержанием определенной научной области. Примерами таких единиц являются *centimeter, kilogram, deciliter,* которые актуализируются на уроках математики или естествознания, слова *abo-*

litionist, emancipation, secession, используемые на уроках истории. Часто студенты с трудом могут определить или объяснить значения слов данной группы. Следовательно, слова уровня 3 требуют тщательного и эксплицитного изучения. Уровень 3 состоит примерно из 400 000 таких слов.

В соответствии с данной классификацией академические слова относятся к уровню 2.

Нейшн П. разделил, в свою очередь, слова в академических текстах на четыре категории: высокочастотные общие слова, технические слова, академические слова и низкочастотные слова [10, с. 12].

Высокочастотные общие слова – это ключевые лексические единицы, которые используются во всех предметных сферах. Примерами таких слов являются government, *forests, production, adoption.*

Технические слова, наоборот, применяются в специализированной области. Их состав варьируется в разных предметных областях. Примерами таких слов являются *beech, podocarp.*

Академические слова обычно не идентифицируются в стилистически нейтральных текстах, но составляют большой процент слов, которые встречаются в академических текстах. Они не характеризуются узкой специализацией. Нейшн П. приводит в качестве примеров таких слов *adjusted, policy, phase.*

Низкочастотные слова – это слова, которые редко используются обучающимися, они могут включать имена собственные и технические слова из других областей. Например, *eponymous, gibbous*.

Следует отметить, что в отечественной лингвистической традиции академические слова не рассматриваются как отдельный слой лексики и, как правило, попадают в разряд книжной лексики. При этом основные сферы использования книжной лексики не ограничены академическим дискурсом, а охватывают различные жанры книжно-письменной речи, такие как научная статья, закон, деловая переписка, газета, радио- и телекорреспонденция и другие.

Богатый практический потенциал академического вокабуляра предопределил необходимость составления списков академических слов.

Первая попытка создания списка академических слов принадлежит М. Кэмпиону и У. Элли. Они отобрали 3200 слов из университетских учебников, сопроводив селективный анализ проведением опроса студентов на предмет сложности данных слов [3].

В 1998 году А. Коксхед разработала список академических слов (Academic Word List) с целью помочь студентам приобрести знания академического вокабуляра. Для того, чтобы составить AWL, она сравнивала письменные академические тексты из разных научных журналов и университетских учебников по 28 подразделам науки, например, образование, бухгалтерия, биология и пр., и 4 основным областям: искусство, коммерция, право и естественные науки. На основе 414 текстов Коксхед составила корпус, включающий 3,5 миллионов слов. При этом каждая предметная область состояла из 875 000 слов. Для того, чтобы определить какие группы этимологически родственных слов должны входить в AWL, Коксхед применила три критерия: слова должны были встречаться в корпусе не менее 100 раз; не менее 10 или более раз в каждой из 4 основных областей и в 15 или более из 28 подразделов науки. Она также исключила из AWL 2000 наиболее часто встречающиеся группы слов, включенные в список общих слов английского языка (General Service List of English Words, GSL) На следующем этапе AWL был разделен на 10 подсписков, каждый из которых состоял из 60 слов, кроме десятого, включающего в себя 30 слов. В результате исследования Коксхед составила список из 570 групп этимологически родственных слов, описанных как академическая лексика, преобладающая в академических текстах [4].

В 2010 М. Пако предложил свой вариант списка академических слов Academic Keyword List (AKL). Список охватывал 930 потенциальных академических

слов и предусматривал деление по частям речи. Источником академических слов послужили два корпуса – Micro-Concord corpus collection B (Scott and Johns 1993 и the Baby BNC Academic Corpus. Критериями отбора лексических единиц были частотность, охват, дистрибуция и ключевая позиция в тексте. Последний параметр подразумевает, что слово встречается значительно чаще в академическом тексте, чем в художественной литературе [11, с.128].

Вслед за А. Коксхед и М. Пако в 2013 К. Браун, разработал список New Academic Word List (NAWL). NAWL состоит из 963 групп слов, отобранных из 288 миллионов слов. В отличие от AWL, лексические единицы для NAWL взяты как из устных, так и из письменных материалов. Данные были отобраны из Кэмбриджского английского корпуса (CEC): академических журналов, научно-популярных статей, эссе студентов; Мичиганского корпуса академических слов (MICASE); Британского корпуса академического разговорного английского (BASE); 100 самых продаваемых учебников. Однако, большая часть данных (86,3%) взята из CEC. Критериями для отбора лексики являлись распространенность, уместность и частотность [2].

Хью и Нейшан внесли свой вклад в разработку списков академических слов, составив University Word List (UWL). UWL охватил 808 слов, часто встречающихся в академических текстах, и исключил общие слова английского языка. Список UWL составлял 8% слов, типичных для академических текстов [13].

Однако, универсальность вышеупомянутых списков подвергалась критике, поскольку такие списки не удовлетворяли нужды студентов, изучающих конкретные дисциплины.

Например, AWL покрывает только 10,07% групп слов медицинского академического списка (MAWL) и 9,06% академических слов списка по сельскому хозяйству, примерно лишь 28,42% семейств слов AWL встречалось в корпусе финансовых текстов. Охват AWL слов в области информатики составляет 16%, в области биологии – 6,2%. Исследователи прикладной лингвистики утверждают, что несмотря на то, что AWL играет важную роль, он в недостаточной мере покрывает слова, специфичные в области прикладной лингвистики. Авторы в области наук окружающей среды также приходят к выводу, что из-за узкого охвата некоторых тематических групп слов и нехватки экологических академических слов, AWL не всегда полезен для студентов в этой области специализации [9, с.70].

Данные ограничения академических списков слов вызвали необходимость создания специализированных академических списков слов для определенных предметных областей знаний.

В 2017 году был создан список Academic Article Word List for Social Sciences (AAWL-SS). Список полезен для учителей, обучающих студентов социальным наукам, студентам и исследователям, которые планируют публиковать статьи в международных журналах, а также переводчикам текстов по социальным наукам. Данные для списка получены из 122 тщательно отобранных статей журналов. Авторы анализировали 1 040 259 слов. В результате тестирования оказалось, что сформированные 350 групп этимологически родственных слов охватили больше слов, используемых в журнальных статьях, чем 570 групп AWL и 983 групп NAWL. Это связано с тем, что AAWL-SS более специфичен для одной предметной области [7].

В последнее десятилетие в контексте изучения списков академических слов анализировались различные предметные области: медицина, сельское хозяйство, прикладная лингвистика, химия, науки об окружающей среде и уход за больными. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы охватить другие дисциплины и разработать более специфичные списки академических слов.

REFERENCES

1. Beck I., McKeown M., Kucan L. Bringing words to life: Robust vocabulary instruction. New York: Guilford, 2002. 210 p.
2. Browne C., Culligan B., Phillips J. A new academic word list // New general service list. 2013. URL: http://www.newgeneralservicelist.org/nawl-new-academic-word-list
3. Campion M., Elley W. An Academic Word List. Wellington New Zealand Council for Educational Research, 1971. 198 p.
4. Coxhead A. A new Academic word list // Tesol Quarterly, 2000. Vol. 34. N 2. P. 213-238.
5. Coxhead A., Nation P. The specialized vocabulary of English for academic purposes // Flowerdew & M. Peacock (Eds.), Research perspectives on English for academic purposes Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 252–267.
6. Korotkina I. Classical elements and word-formation in academic discourse// Russian Journal of Linguistics. 22 (2). 2018. P. 389-403.
7. Kwary D. AAWL-SS. 2017. URL: http://corpus.kwary.net/freq
8. Li S.-L., Pemberton R. An investigation of students' knowledge of academic and sub-technical vocabulary // L. Flowerdew & A. K. K.Tong. Entering text. Hong Kong: The Hong Kong University of Science and Technology, 1994. P. 183-196.
9. Moini R., Islamizadech Z. Do we need discipline-specific academic word lists? Linguistics academic word list (LAWL) // Journal of teaching language skills (JTLS), 2016. №35(3). P. 65-90.
10. Nation P. Learning vocabulary in another language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 470 p.
11. Paquot M. Towards a productively-oriented academic word list // J. Walinski, K. Kredens, & S. Gozdz-Roszkowski (Eds.), Corpora and ICT in language studies. Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang, 2007. P. 127-140.
12. Townsend D., Kiernan D. Selecting academic vocabulary words worth teaching // The reading teacher. 69(1). 2015. P. 113 - 118.
13. Xue Guoyi and Nation P. A University Word List // Language Learning and Communication 3. P. 215-229.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Баранцева О.А., Кузнецова К.Э. Проблема определения и систематизации академического вокабуляра // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 235-239. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/BarantsevaKuznetsova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894738
УДК 811.111'373.74'42:321.02

Бармина Е.А., Местанко Н.А., Москаленко О.А., Скидан О.Г.

Бармина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: mar.indigo@mail.ru.
Местанко Наталья Анатольевна, старший преподаватель, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: nat.mestanko@yandex.ru.
Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: kerulen@bk.ru.
Скидан Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: skidan_ua@mail.ru.

Окказиональные преобразования фразеологизмов англоязычного политического медиадискурса как средство достижения его динамики

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию окказиональных преобразований фразеологических единиц, семантически ориентированных на политическую деятельность. Анализ проводится на материале современных американских и британских публицистических изданий, таких как The Guardian, The Independent, the Houston Chronicle, the Los Angeles Times, the Morning Star и др. Структурно-семантические изменения фразеологизмов рассматриваются в функционально-прагматическом аспекте. В ходе проведенного исследования установлено, что подобные преобразования усиливают значение фразеологических единиц, уточняют его, повышают эмоционально-экспрессивную содержательность фразеологизма и создают эффект динамичности общественно-политического дискурса.
Ключевые слова: окказиональные преобразования, фразеологическая единица, политический медиадискурс, влинивание, опущение, перестановка, транспозиция.

Barmina E.A., Mestanko N.A., Moskalenko N.A., Skidan O.G.

Barmina Evgeniia Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: mar.indigo@mail.ru.
Mestanko Nataliya Anatolyevna, Senior Lecturer, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: nat.mestanko@yandex.ru.
Moskalenko Olga Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: kerulen@bk.ru.
Skidan Olga Gennadyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: skidan_ua@mail.ru.

Promotion of English political media discourse dynamics by means of its phraseological units occasional transformations

Abstract. The focus of the article is on occasional transformations of phraseological units which are semantically oriented upon politics. The research is undertaken using the analysis of contemporary American and British periodicals including The Guardian, The Independent, the Houston Chronicle, the Los Angeles Times, the Morning Star etc. Structural semantic transformations of the phraseological units are viewed using functional pragmatic aspect. The results of the study clearly demonstrate the fact that such transformations enhance and specify the phraseological unit meaning, make the phraseological units more emotionally expressive and improve the dynamics of social – political discourse.
Key words: occasional transformations, phraseological unit, political media discourse, expansion, reduction, inversion, transposition.

Целью настоящей статьи является анализ окказиональных преобразований фразеологических единиц (ФЕ) как одного из действующих механизмов языка. Объектом исследования выбраны ФЕ, семантически ориентированные на политическую деятельность, а также ФЕ, напрямую не связанные с политической тематикой, однако употребляемые для характеристики социальных процессов и вписывающиеся в пласт публицистического стиля. Общественно-политический дискурс наиболее живо отражает развитие языка, чутко отзываясь на общественные процессы, при этом демонстрируя широчайший спектр средств речевого воздействия. Окказиональные преобразования ФЕ обладают широкими речевыми возможностями, что подтверждает актуальность исследования, отбор языкового материала для которого проводился из современных американских и британских СМИ.

Как показывает опыт изучения языковых средств, фигурирующих в англоязычном общественно-политическом дискурсе, он не только отражает социальные практики (Н. Фэркло), но и оказывает непосредственное воздействие на общественные процессы: например, показателен пример с разнополярностью предвыборной риторики Д. Трампа и интертекстом американских медиа, где именно за счет динамичности дискурс кандидата в президенты вызвал больший отзыв у реципиентов [1, с. 82-84]. Эмоционально-оценочная составляющая текста напрямую связана с формированием медиаобраза политического деятеля, поэтому «журналисты часто пользуются ресурсами фразеологии и стилистики, обладающими такими качествами, как метафоричность, экспрессивность, эмоциональность и примечательность. Следует также отметить, что при умелом использовании лексических средств выразительности, они могут играть ключевую роль в формировании общественного мнения, так как адресат сообщения не анализирует полученную информацию детально, он реагирует импульсивно и тем самым становится более восприимчивым к закодированным сигналам» [2, с. 30].

Фразеология является одной из самых интересных областей языкознания. У ее истоков стоят такие отечественные лингвисты, как Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, М. М. Покровский, А. А. Потебня, Е. Д. Поливанов и др. В своих трудах исследователи анализировали семантические и грамматические особенности устойчивых сочетаний слов, высказывали мысли о природе этой устойчивости и воспроизводимости. Большой вклад в развитие фразеологии английского языка внесли Н. Н. Амосова, А. Н. Смирницкий, А. В. Кунин.

Известно, что языковые единицы способны выходить за рамки узуса, менять форму и содержание. Окказиональность языковых единиц проявляется и во фразеологии. Окказиональ-

ные изменения фразеологизмов являются показателем раздельнооформленности, они иллюстрируют жизнь фразеологизмов в языке и их осмысление носителями данного языка. Явление окказиональности имеет широкое научное освещение, в тех или иных ракурсах попадая в проблематику научных исследований [3].

В современном англоязычном газетном политическом тексте встречаются различные типы структурных, семантических и структурно-семантических изменений ФЕ. Окказиональные стилистические изменения ФЕ в контексте политического дискурса являются чаще всего преднамеренными и служат для оживления образа, усиления экспрессивности оборота и его эмоционально-стилистического воздействия.

Самыми часто встречающимися видоизменениями ФЕ являются вклинивание, опущение, замена одного или нескольких компонентов ФЕ, изменение порядка слов в ФЕ, а также контекстуальная транспозиция.

Вклинивание (expansion) – это окказиональное изменение, при котором конкретизация образа осуществляется за счет расширения компонентного состава ФЕ: *On President Donald Trump's second trip abroad, there were fewer of the bull-in-a-diplomatic-china-shop moments that had solidified European leaders' skepticism during his maiden overseas tour* (the Houston Chronicle, July 9, 2017). С помощью вклинивания единицы *diplomatic* в состав ФЕ *bull in a china shop*, а также изменения частеречной формы ФЕ иронично подчёркивается, что во время политических переговоров в поведении Дональда Трампа стало меньше оплошностей и неловкостей, хотя ранее он часто вёл себя некорректно.

В британских газетах приём вклинивания встречается реже, чем в американских, и характеризуется меньшей степенью идиотипности и кенотипности, если воспользоваться терминологией Л. И. Белеховой. *Our NHS is in the middle of a winter crisis and Boris Johnson's solution is to return to the scene of his previous crimes and promise ever larger slices of pie in the sky* (The Independent, January 16, 2018). В данном примере в структуру фразеологической единицы *a pie in the sky* добавляются сразу два элемента: слово *large* в сравнительной степени и слово *slice* во множественном числе. С помощью этого добавления подчёркивается, что Борис Джонсон берёт на себя обязательство выполнить не просто какое-то одно заведомо неисполнимое обещание, а множество таких обещаний, которые повлекут за собой крупные негативные последствия.

President Trump is warning that U.S.-Russia relations are at a perilous nadir. But for both him and Russian President Vladimir Putin, this particular dark cloud has a distinct silver lining (the Los Angeles Times, August 3, 2017). В идиоматическое выражение *every cloud has a silver lining* вклиниваются два элемента: *dark* – «тёмный» и *distinct* – «явный, отчетливый». Слово *dark* здесь акцентирует внимание на том, что отношения с Россией не просто на низком уровне, а на максимально низком; слово *distinct* подчёркивает, что для Америки это может обернуться определёнными политическими успехами.

Опущение (reduction) – это противоположный вклиниванию приём. *It Takes a Village: And Other Lessons Children Teach Us* (The Baltimore Sun, July 27, 2017). Приведённая цитата принадлежит Хиллари Клинтон. В тексте присутствует аллюзия на пословицу *it takes a village to raise a child*, которая означает, что в воспитании ребёнка принимает участие весь социум, окружающий его. В конвергенции с антитезой достигается высокий уровень экспрессии, делается акцент на том, что не только мы влияем на детей, но и они на нас.

They shouted at me, but they weren't going to hit me. They didn't want to talk about politics, they just wanted to stop the event. I'm of the sticks-and-stones school of thought (The Guardian, February 2, 2018). *Sticks-and-stones* – это сокращённый вариант пословицы *sticks and stones may break my bones but words will never hurt me*, которую можно перевести на русский

язык дословно «палками и камнями можно поломать мне кости, но слова мне боли никогда не причинят» или с помощью аналога «хоть горшком назови». В данном примере за счёт опущения пословица превратилась в адъективный фразеологизм, а высказывание стало более компактным, ёмким и выразительным.

Прием замены компонентов фразеологического оборота также является одним из самых распространенных способов окказионального преобразования фразеологизмов. *Trump is trying to make NAFTA even worse. It's time to throw sand in the gears* (Salon, July 3, 2017). В английском языке есть фразеологизм *to throw sand in the wheels* – «ставить палки в колёса», «создавать искусственные препятствия». Замена на слово *gear,* которое ассоциируется с современностью и развитостью, вносит в значение ФЕ дополнительную сему. С помощью этой лексической замены автор выражает своё мнение и указывает, что НАФТА (Североамериканский союз свободной торговли) достаточно развитое, продуманное и хорошо функционирующее объединение, которое помогает США вести торговлю с Канадой и Мексикой. Дональд Трамп косвенно осуждается за его попытки упразднить Североамериканское соглашение.

The best war movies give us the purest looks, short of participating in war itself, at the hell that is war (Salon, July 9, 2017). В английской фразеологии есть устойчивое выражение *give someone a dirty look,* которое переводится «взглянуть на кого-либо с неприязнью, неодобрением». Замена прилагательного приводит к тому, что устойчивая единица полностью меняет своё значение.

The unions are delighted, and there's a new star on the block: 37-year-old Prime Minister Jacinda Ardern, who only became leader of Labour eight weeks before election day (the Morning Star, January 17, 2018). В английском языке существует фразеологизм *the new kid on the block,* который означает «новичка, которому нужно еще многому научиться». Используя данную замену, журналист пытается сказать, что Джасинда Ардерн достаточно опытна, ей не нужно ничему учиться, так как она чувствует себя на новом месте «как рыба в воде».

В британских газетах часто встречается изменение порядка слов ФЕ (inversion of the components), в то время как в американских газетах их почти нет. *The owners are super-wealthy, including a nasty group of right-wing racists. And black gladiators risk limb and life to fill the owners' coffers* (the Morning Star, January 16, 2018). Устойчивое выражение *to risk life and limb* – «рисковать жизнью и здоровьем», «рисковать головой» подвергается в данном случае перестановке. Интересен этот пример тем, что с помощью добавления слова «гладиаторы» автор создаёт яркую метафору, что делает высказывание запоминающимся и даже ироничным.

К окказиональным преобразованиям, затрагивающим содержательную сторону ФЕ, относится явление транспозиции (contextual transposition) или двойной актуализации. Этот приём построен на контрасте между семантикой ФЕ как таковой и как свободного сочетания слов. *It's up is down and black is white. The idea that people who have made repeated public statements that they believe, contrary to all evidence, that there is massive fraud are not biased is ludicrous* (Salon, July 6, 2017). В представленном текстовом фрагменте для создания иронии автор прибегает к окказиональным преобразованиям: *ups and downs* – «взлёты и падения» и *black and white* – «видеть что-либо только в чёрно-белым свете». С помощью окказионального изменения меняется смысл высказывания, и фраза «*it's up is down and black is white*» означает, что речь идёт о чём-то необоснованно и парадоксально глупом; подчёркивается, что у кого-то всё с точностью до наоборот.

Seismic testing is an old technology which can kill or displace marine mammals and big-game fish (N.J., July 7, 2017). Общественность серьёзно обеспокоена тем, что из-за желания Дональда Трампа добывать нефть у морских глубин близ Нью-Джерси морская фауна может поки-

нуть данную морскую среду обитания, вследствие этого пострадает не только экология, но и экономика. Фразеологическая единица *big-game* переводится «большая игра», *big-game fish* – это любая крупная рыба (тунец, марлин), добыча которой приносит большие деньги штату. Фразеологизм *big-game fish* реализует два значения: прямое и переносное: «крупная политическая игра».

Как мы видим, преобразовательный потенциал ФЕ в современном британском и американском общественно-политическом дискурсе проявляется в зависимости от прагматических целей в конкретной ситуации. Окказиональные ФЕ выступают в роли средств повышения речевой экспрессии, что оказывает целенаправленное воздействие на реципиента за счет создания новых образов, выражения нетривиального отношения к происходящему путем привлечения эмоционального опыта реципиента и построения в его сознании свежих семантических цепочек. Окказиональные ФЕ создают эффект динамичности общественно-политического дискурса, при этом, как мы убедились, речь не обязательно идет о единицах, которые принято относить к политическим фразеологизмам: ФЕ любого семантического поля успешно вписываются в манипулятивные стратегии и тактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москаленко О. А. Риторика Дональда Трампа и интертекст американских СМИ как факторы формирования общественной реальности // Гуманитарно-педагогическое образование. Т.4. №4. 2018. С. 82-88.
2. Скидан О. Г. Формирование медиаобраза в печатных СМИ: лингвокогнитивный аспект // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции. ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». 2019. С. 29-34.
3. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) автореф. дис. … доктора филол. наук. Ярославль, 2011. 51 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Moskalenko O. A. Ritorika Donal'da Trampa i intertekst amerikanskih SMI kak faktory formirovanija obshhestvennoj real'nosti // Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie. T.4. №4. 2018. S. 82-88.
2. Skidan O. G. Formirovanie mediaobraza v pechatnyh SMI: lingvokognitivnyj aspekt // Gumanitarnye chtenija «Sevastopol'skaja gavan'»: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. FGAOU VO «Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet». 2019. S. 29-34.
3. Tret'jakova I. Ju. Okkazional'naja frazeologija (strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty) avtoref. dis. … doktora filol. nauk. Jaroslavl', 2011. 51 s.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Окказиональные преобразования фразеологизмов англоязычного политического медиадискурса как средство достижения его динамики / Бармина Е.А., Местанко Н.А., Москаленко О.А., Скидан О.Г. // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 240-244. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Barmina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894871
УДК 811.111

Бутенко Е.Ю.

Бутенко Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия музыки имени Гнесиных, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 30-36. E-mail: alionab@yandex.ru.

Лексикографический аспект концепта Eeyorishness (Пессимизм) в британской лингвокультуре

Аннотация. Eeyorishness/Пессимизм – один из ключевых концептов для понимания национального менталитета англичан как специфического отношения к миру. Значимым конструктом концепта является его понятийная составляющая, которая всегда рефлектируется носителем культуры. В статье предлагается дефиниционный анализ актуализирующих концепт лексических микропарадигм (номинантов), выявляются основные содержательные характеристики, зафиксированные в словарях: *depression (*депрессивность), *emphasizing of the bad part* (акцентирование внимания на плохом), *sadness* (грусть), *gloominess* (угрюмость), *physical or mental suffering* (физическое или духовное страдание), *a constant feeling of doom* («постоянное чувство обреченности»), *anticipate undesirable outcomes* (предвкушение нежелательных последствий), *being content, gladness in depression* (удовлетворенность и радость от депрессии), *something not important to other people* (что-то неважное для других людей).
Ключевые слова: Eeyorishness, пессимизм, концепт, лингвокультурология, понятийная составляющая концепта, семы, дефиниция, национально-культурная специфика.

Butenko E.Yu.

Butenko Elena Yurievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Gnesin Russian Academy of Music, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya st., 30-36. E-mail: alionab@yandex.ru.

Lexicographic aspect of the concept Eeyorishness in the British linguistic culture

Abstract. Eeyorishness is one of the key concepts for understanding the British national mentality as a specific relation to the world. A significant construct of the concept is its notional component, which is always reflected by carriers of culture. The article proposes a definition analysis of lexical microparadigms (nominees) that designate the concept and reveals the main meaningful characteristics recorded in the dictionaries: *depression, emphasizing of the bad part, sadness, gloominess, physical or mental suffering, a constant feeling of doom, anticipate undesirable outcomes, being content, gladness in depression, something not important to other people.*
Key words: Eeyorishness, pessimism, concept, linguoculturology, conceptual component of a concept, semes, definition, national and cultural specifics.

Процессы глобализации не превращают мир в огромную монокультуру. Напротив, наблюдается возрождение интереса к этнической и культурной самобытности, ведь успешное межнациональное взаимодействие невозможно без знания особенностей других культур.

Особую актуальность в современном мире приобрели лингвокультурологические исследования, когда в фокусе наблюдения лежит взаимосвязь языка и культуры в их синхронном взаимодействии, «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [5, с. 9].

Антропологи Великобритании, анализируя характеристики национальной идентичности, основными составляющими мировоззрения англичан считают классовое сознание (Class-consciousness), приверженность к фактам (Empiricism) и коммуникативный пессимизм (Eeyorishness) [10, p. 405-406; 11].

В ряде наших предыдущих работ был представлен опыт лингвокультурологического исследования мировоззренческих концептов Class и Empiricism [1; 2, с. 253-259].

В настоящей работе обратим внимание на «Eeyorishness», специфический радостный пессимизм англичан; их национальный аналог фатализма. Известно, что в Англии для коммуникативного поведения характерно «polite moaning rule» (правило вежливых стонов), в соответствии с которым принято акцентировать внимание собеседников на тех проблемах и сложностях, которые встретились на пути (перевод здесь и далее наш – Б.Е.).

Eeyorishness как уникальный концепт британской лингвокультуры и важный источник информации о национальном менталитете представляет собой особый исследовательский интерес, вместе с тем в лингвокультурологии отсутствуют полномасштабные исследования данного феномена.

«Теория концепта, функционирующая в рамках лингвокультурологии, позволила интегрировать разноуровневые языковые единицы для выявления особенностей этнокультурного восприятия действительности» [1, с. 9].

Ранее нами были исследованы экстралингвистические аспекты концепта Eeyorishness (Пессимизм) [3, с. 64-69].

В данной статье ставятся задачи рассмотреть экспликацию концепта Eeyorishness на дефиниционном уровне, репрезентирующем понятийные характеристики, с целью выявления наиболее значимых содержательных особенностей, отраженных в сознании носителей языка, установить лингвистические средства их актуализации.

Понятийная составляющая представляет собой набор конститутивных признаков, наиболее важных смысловых доминант, формирующих содержание исследуемого концепта. Анализ понятийного элемента предполагает, в частности, рассмотрение словарных дефиниций с целью определения доминантных сем и системных отношений внутри концепта.

В качестве основного материала будут использованы толкования данного понятия, представленные в современных словарях. Й. Л. Вайсгербер считал, что «если словарь народа является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» [4, с. 177].

Кейт Фокс, известный социальный антрополог, называет Eeyorishness одной из определяющих характеристик британцев. *«Moaning is an excellent antidote to our social inhibitions; it's a highly effective facilitator of social interaction and bonding»* [9] – (Стенания – превосходное противоядие от наших социальных запретов; это чрезвычайно эффективный посредник в социальных взаимодействиях и связях).

Имя концепта в нашем случае произошло от Eeyore – имени пессимистичного ослика – персонажа в книгах А. А. Милна о Винни-Пухе. Примечательно, что сами англичане считают героев любимой сказочной повести отвечающими лучшим сторонам английского характера, включая ослика Иа.

Слово *Eeyorishness* толкуется через прилагательное *Eeyorish.* Дериват от слова *Eeyore*, согласно Оксфордскому словарю прилагательное *Eeyorish* (also *Eeyoreish*) – pessimistic or gloomy: *they were an Eeyorish bunch, always looking on the dark side of life* [13] – (пессимистич-

ный или мрачный: они были угрюмой компанией нытиков, всегда видящей темную сторону жизни).

Анализ дефиниций в других словарях показал, что лексема *eeyorish* определяется с помощью таких прилагательных, как: *pessimistic* (пессимистичный), *gloomy* (угрюмый), *negative* (негативный), *depressed* (в депрессии), *(feeling) down* (подавленный), *(overly) sad* (чрезмерно грустный) [15, 16].

От имени Eeyore произошло понятие «eeyorism», которое обозначает высказывание пессимистического толка или длительное состояние грусти и подавленности в отношении своей жизни: «*…something Eeyore would say. Something depressing, pessimistic, and completely anti-Tiggerish*», «*when someone is overly sad and down about themselves all the time*». В данных толкованиях прослеживаются семы: депрессивность (*depressing*), пессимистичность (*pessimistic*), отсутствие жизнестойкости, как противопоставление персонажу Тигре (*anti-Tiggerish*), чрезмерная грусть (*overly sad*), негативная зацикленность на себе (*down about themselves*), постоянство состояния (*all the time*) [15].

В речи англичан закрепилось выражение *eeyore syndrome*, которое детально эксплицируется в словаре Urban Dictionary, как ментальное состояние периодической или хронической депрессии (*habitually or chronically depressed*), грусти (*sad*), меланхолии (*melancholy*), угрюмости (*gloomy*) большую часть времени (*for more days than not*), трактуется как постоянное чувство обреченности (*a constant feeling of doom*), ощущение разбитости (*the feeling being broken*), постоянное чувство безучастности в любых обстоятельствах (*a constant feeling giving up in any circumstances*). Любопытно, тем не менее, что отмечается удовлетворенность (*being content*) и даже радость от этой депрессии (*gladness in that depression*) [15].

Обратимся к выявлению особенностей номинативной структуры концепта Eeyorishness. В онлайн-словаре Urban Dictionary у лексемы *eeyorish* указаны такие родственные по значению слова, как: *abysmal* (плачевный), *depressed* (подавленный), *eeyor* («иа», стоны), *sad* (грустный) [15].

Лексикографические данные об одноименных лексемах концепта – *eeyorishness* и *eeyorish* ограничены, что позволяет выразить мнение об имплицитности бытования исследуемого феномена в сознании англоязычных носителей и комплексной природе данного явления, неподдающейся объяснению в рамках наивной картины мира. В целом же вербализованный концепт «живет» не в отдельном слове, а в семантическом пространстве языка как таковом. Концепт, в отличие от понятия, может включать не только все значения слова, но и целый ряд родственных слов, выражающих какой-либо аспект концепта.

Eeyorishness для англичан не просто непрывное нытье, это их излюбленное самоутешение. Понятие «moaning» (стон, нытье), которое ведет этимологию от староанглийской лексемы *Mǣnan* (оплакивать), является одним из основных в содержании концепта Eeyorishness. Лексема *moan* является одним из 30000 наиболее часто используемых слов в словаре Коллинза [8]. Рассмотрим его семантику.

Кембриджский словарь дает следующие определения лексемы *moan*:

moan verb *(sound) – to make a long, low sound of pain, suffering, or another strong emotion* (издавать долгий тихий звук боли, страдания или другой сильной эмоции);

moan verb *(complain)* – informal disapproving *to make a complaint in an unhappy voice, usually about something that does not seem important to other people* (неформальное неодобрительно пожаловаться несчастным голосом, обычно на то, что не кажется важным для других людей).

Существительное *moan* трактуется так же, как стон (звук) и жалоба.

moan noun *(sound) – a long, low sound of pain, suffering, or another strong emotion* (длинный, тихий звук боли, страдания или другой сильной эмоции);

moan noun *(complaint)* – informal disapproving *the act of complaining about something, or a complaint* (неформальное неодобрительно акт жалобы на что-либо или жалоба) [6].

Для фиксации более детальной семантической дифференциации лексемы *moan,* мы проанализировали дефиниции и в других авторитетных словарях. Установлены следующие семы: жалостная речь (*to utter something pitifully*), несчастный голос / несчастье (*unhappy voice / unhappiness*), раздражающая манера речи (*annoying way*), боль (*pain*), горе / печаль (*grief*), физическое или духовное страдание (*physical or mental suffering*), сильная эмоция (*strong emotion*), длительность (*long, prolonged*), жалоба (*complaint*)/ акт жалобы (*act of complaining*), сетования / причитания (*lamentation* / *bemoan*), что-то неважное для других людей / тривиальное / не воспринимаемое серьезно другими (*something not important to other people / trivial / not taken seriously by others*), скорбь (*mournful*), мольба (*pleading*), ворчание (*grumble*), отсутствие оснований (*without good reason*) [7, 12, 13, 14].

Из словарных дефиниций выбирались только дифференцирующие денотат концепта признаки и исключались несущественные, необязательные.

Рассмотрим семантические признаки универсального понятия для выражения депрессивного мироощущения – «pessimism», появившегося в статусе лексемы в конце 18 века от латинского слова *pessimus* (наихудшее) по тому же паттерну, что и лексема *optimism* [13].

Статья Кембриджского словаря сообщает, что *Pessimism – emphasizing or thinking of the bad part of a situation rather than the good part, or the feeling that bad things are more likely to happen than good things* [6] – (пессимизм – это акцентирование или размышление о плохой стороне ситуации, а не о хорошей, или ощущение, что плохие события происходят чаще, чем хорошие).

Подробный дефиниционный анализ показал, что *pessimism* включает следующие семантические компоненты: размышление (*thinking*), ощущение (*feeling*), убеждение / мнение (*belief*), психологическое мироощущение (*mental attitude*), тенденция видеть или полагать (*tendency to see or believe*), акцентирование внимания на плохом (*emphasizing of the bad part* / *focus on the negatives of life/ the worst aspect of things* / *this world is as bad as it could be*), ожидание / предвкушение нежелательных последствий (*anticipate undesirable outcomes*), более высокая вероятность происхождения плохих событий, нежели хороших (*bad things are more likely to happen than good things* / *the worst will happen/ undesirable things are going to happen*), победа зла над добром (*evil will prevail over good*) [6, 13, 20].

Проанализированные дефиниции толковых и энциклопедических словарей позволили выявить следующие понятийные характеристики концепта Eeyorishness: «депрессивность» (*depression*), «акцентирование внимания на плохом» (*emphasizing of the bad part*), «грусть» (*sadness*), «угрюмость» (*gloominess*), «физическое или духовное страдание» (*physical or mental suffering*), «постоянное чувство обреченности» (*a constant feeling of doom*), «предвкушение нежелательных последствий» (*anticipate undesirable outcomes*), «удовлетворенность и радость от депрессии» (*being content, gladness in depression*), «что-то неважное для других людей» (*something not important to other people*).

Исследование лексики, служащей целям языковой репрезентации концепта Eeyorishness в британском семантическом пространстве языка показало, что Eeyorishness – это, прежде всего, константное ментальное состояние, мироощущение, убеждение, настрой.

Конститутивные понятийные признаки содержательной структуры концепта Eeyorishness сводятся к сумме значений его основных репрезентантов: «pessimism» (пессимизм), «depression» (депрессивность), «moan» (нытье), «грусть» (sadness), «complain» (жалобы), «doom» (обреченность).

Приведенные факты свидетельствуют о высокой степени важности данного феномена для британцев, следствием чего и является его детальная вербализация в языке. Англичане стремятся полнее охарактеризовать, по-новому взглянуть на знакомое явление, что привело к появлению необычной номинации – Eeyorishness – с ярко выраженной спецификой. Отметим, что лингвокультурная уникальность концепта Eeyorishness подтверждается и отсутствием устойчивых переводных эквивалентов в других языках.

Комплексное изучение концепта предполагает апелляцию к околоядерным и периферийным вербальным пластам концепта для понимания его когнитивной и ноэматической структуры, что мы намерены осуществить в следующих работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутенко Е. Ю. Британский мировоззренческий концепт «CLASS»: опыт лингвокультурологического анализа: монография. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфич. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2013. 246 с.
2. Бутенко Е. Ю. Вербальная манифестация английского концепта “EMPIRICISM” в лексикографических источниках // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: Матер. Междунар. научно-метод. конференции, 15 апреля 2011 г.: в 3 ч. / Отв. ред. О. В. Атьман, О. А. Малетина; ГОУВПО Волгоградский гос. ун-т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. Ч. 2. С. 253-259.
3. Бутенко Е. Ю. Экстралингвистические аспекты мировоззренческого концепта «Eeyorishness» (ПЕССИМИЗМ) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки: Научно-практический журнал. 2018. №9/2. С. 64-69.
4. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004. 232 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. 4-е изд. М.: «Академия», 2010. 202 с.
6. Cambridge Dictionary // Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/ moan
7. Collins English Dictionary // Glasgow: HarperCollins Publishers, 2019. URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ moaning
8. Collins English Thesaurus // Glasgow: HarperCollins Publishers, 2019. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/ english-thesaurus/moan#moan__1
9. Fox Kate Are good manners a thing of the past? // Psychologies. 2012. URL: https://www.psychologies.co.uk/self/good-manners-2.html
10. Fox Kate. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. 424 p.
11. Khor Z., Marsh P. Britain: A nation of emotion? // Oxford UK: 2007. URL: http://www.sirc.org/publik/emotion.pdf
12. Longman Dictionary of Contemporary English // Longman Dictionary of Contemporary English Online. 2020. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/moan
13. Oxford Dictionary // Oxford: Oxford University Press, 2020. URL: https://www.lexico.com/definition/eeyorish
14. Random House Unabridged Dictionary // dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/browse/moaning?r=66
15. Urban Dictionary, 2019 // dictionary.com. URL: http://www.urbandictionary.com/define.php?term=eeyorish
16. Wictionary // Wictionary. The Free Dictionary. 2019. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Eeyorish
17. Wikipedia, the free encyclopedia // wikipedia.org. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Eeyore

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Бутенко Е. Ю. Британский мировоззренческий концепт «CLASS»: опыт лингвокультурологического анализа: монография. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфич. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2013. 246 с.
2. Бутенко Е. Ю. Вербальная манифестация английского концепта “EMPIRICISM” в лексикографических источниках // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: Матер. Междунар. научно-метод. конференции, 15 апреля 2011 г.: в 3 ч. / Отв. ред. О. В. Атьман, О. А. Малетина; ГОУВПО Волгоградский гос. ун-т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. Ч. 2. С. 253-259.
3. Бутенко Е. Ю. Экстралингвистические аспекты мировоззренческого концепта «Eeyorishness» (ПЕССИМИЗМ) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки: Научно-практический журнал. 2018. №9/2. С. 64-69.
4. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004. 232 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. 4-е изд. М.: «Академия», 2010. 202 с.
6. Cambridge Dictionary // Cambridge: Cambridge University Press, 2020. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/ moan
7. Collins English Dictionary // Glasgow: HarperCollins Publishers, 2019. URL: http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ moaning
8. Collins English Thesaurus // Glasgow: HarperCollins Publishers, 2019. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/ english-thesaurus/moan#moan__1
9. Fox Kate Are good manners a thing of the past? // Psychologies. 2012. URL: https://www.psychologies.co.uk/self/good-manners-2.html
10. Fox Kate. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2005. 424 p.
11. Khor Z., Marsh P. Britain: A nation of emotion? // Oxford UK: 2007. URL: http://www.sirc.org/publik/emotion.pdf
12. Longman Dictionary of Contemporary English // Longman Dictionary of Contemporary English Online. 2020. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/moan
13. Oxford Dictionary // Oxford: Oxford University Press, 2020. URL: https://www.lexico.com/definition/eeyorish
14. Random House Unabridged Dictionary // dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/browse/moaning?r=66
15. Urban Dictionary, 2019 // dictionary.com. URL: http://www.urbandictionary.com/define.php?term=eeyorish
16. Wictionary // Wictionary. The Free Dictionary. 2019. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Eeyorish
17. Wikipedia, the free encyclopedia // wikipedia.org. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Eeyore

Поступила в редакцию 27.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Бутенко Е.Ю. Лексикографический аспект концепта Eeyorishness (Пессимизм) в британской лингвокультуре // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 245-250. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Butenko.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894906
УДК 82.01

Кабанова Н.Е., Селиверстова М.О.

Кабанова Наталья Евгеньевна, старший преподаватель, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: natalia.kabanova@gmail.com.
Селиверстова Мария Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: Mariya_HappyM@mail.ru.

К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку систематизировать основные подходы к проблеме определения жанровых особенностей фантастики и её разновидностей: научной фантастики и фэнтези. В статье приведены дефиниции термина «фантастика», определены ключевые признаки и особенности фантастической литературы, а также рассмотрены ее основные направления. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на традиционное противопоставление научной фантастики и фэнтези, данные направления обнаруживают ряд общих характеристик. Современной тенденцией развития фантастической литературы является возникновение жанровых модификаций, обладающих чертами других литературных жанров.
Ключевые слова: литература, жанр, жанровые модификации, фантастика, научная фантастика, фэнтези.

Kabanova N.E., Seliverstova M.O.

Kabanova Natalia Evgenievna, Senior Lecturer, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: natalia.kabanova@gmail.com.
Seliverstova Mariya Olegovna, PhD in Philological Science, Associate Professor, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: Mariya_HappyM@mail.ru.

To the issue of the speculative fiction genre peculiarities

Abstract. This article is an attempt to systematize the basic approaches to the problem of defining the genre features of science fiction and fantasy. The article defines the key features and peculiarities of fantastic literature, and considers its main directions. The authors conclude that despite the traditional opposition of fantasy to science fiction, these trends reveal a number of common characteristics. The modern trend in the development of fantastic literature is the emergence of genre modifications with features of other literary genres.
Key words: literature, genre, genre modifications, fantastic literature, science fiction, fantasy.

Появление новых жанровых образований и модификаций связано с изменениями, происходящими в литературном и общекультурном пространстве, и чаще всего вызвано социально-политическими, экономическими, технологическими и культурными процессами, происходящими как в глобальной, так и в национальных культурных парадигмах.

Фантастика как самостоятельное литературное явление стала объектом изучения лингвистики и литературоведения ещё в середине XX века, когда впервые были предприняты попытки систематизации художественных методов и жанровой специфики данного направления (работы Г.И. Гуревича, Е.П. Брандиса, А.Ф. Бритикова, С.Л. Кошелева и др.). Однако и в настоящее время языковые, композиционные, сюжетные особенности фантастической литературы помещают ее в центр научного интереса многих исследователей (труды Е.Н. Ковтун, И.В. Головачёвой, Е.А. Луговой, Ж.-М. Шеффера и др.). В отечественном и зарубежном литературоведении существует корпус исследований, в которых разрабатываются вопросы, касающиеся становления и развития фантастической литературы в целом и её жанровых разновидностей в частности; особое внимание уделяется научно-фантастическому и фэнтезийному направлениям.

Следует отметить, что фантастика представляет собой один из наиболее широко трактуемых терминов современного литературоведения. Данный термин включает в себя и определённый тип образности, систему изобразительно-выразительных средств (ср.: фантастическое), и вид литературы, в котором фантастика выступает в качестве ведущей темы, и жанр литературы, и её направление. Так, в словаре литературоведческих терминов Л.И. Тимофеева указывается, что «фантастика – (от греч. phantastike – искусство воображать) – это мир причудливых представлений и образов, рождённых воображением на основе усвоенных ранее фактов реальной жизни» [11, с. 432].

Согласно определению, представленному в словаре С.П. Белокуровой, «фантастика – это вид художественной литературы, основанный на особом фантастическом типе образности, для которого характерны: высокая степень условности, нарушение норм, логических связей и законов реальности, установка на вымысел, создание вымышленных, «чудесных» миров» [2, с. 301]. Этой же точки зрения придерживается И.В. Головачёва, подчёркивающая специфичность категории фантастики [4]. Ученый выделяет традиционные и синтетические жанры фантастики (например, готический хоррор, фэнтези, научная фантастика, утопия), опираясь на понимание фантастического как особого способа репрезентации нереального, чуждого, девиантного, экстремального – избыточного или, напротив, дефицитного. Смыслообразующими «генетическими признаками», наследуемыми от писателя к писателю, по её мнению, являются изобразительные возможности классических фантастических образов (призрак, двойник, монстр) [4, с. 74].

Т.А. Балашова предлагает следующее определение: «Фантастика – это разновидность литературы, созданная особым типом художественного мышления и выполняющая функцию художественного раскрытия реальности на основе трансформации эмпирического мира», т.е. фантастика (и научная в том числе) – это «некая тематическая общность ряда словесных художественных текстов различных жанров», а также «интеллектуально-художественный эксперимент, предполагающий научно-философское и игровое осмысление действительности» [1].

Е.М. Неёлов, рассматривая фантастику как литературный жанр, утверждает, что изображение человека и мира в нём подчиняется «волшебно-сказочным принципам». По мнению учёного, «волшебно-сказочная модель действительности … оказывается удивительно близка научно-фантастической, и это связано прежде всего с тем, что в научной фантастике, как и в волшебной сказке (если говорить о ее натурфилософском аспекте) оппозиция «человек (родовой) – природа» занимает центральное место» [8, с. 193].

Л.Г. Фишман в монографии «Фантастика и гражданское общество» трактует фантастику как жанр, в котором отражаются политические и социологические концепции, т.к. именно он из всех литературных жанров является наиболее идеологически и «социологически» нагруженным. По мнению учёного, фанта-

стика (научная фантастика и фэнтези), самый «знаковый» для XX века жанр, «в котором он [век] нашёл лучшее средство для своего адекватного самовыражения», в европейских обществах «фантастика фактически стала играть роль, которую ранее играли идеология и утопия, выражая господствовавшее в европейском сознании отношение к миру» [14, с. 9]. На социальную сущность фантастики обращают внимание и другие исследователи. Так, Т.В. Тимошенко отмечает: «в существе своем фантастика отражает социокультурную динамику» [12, с. 4].

В зарубежном литературоведении также наблюдается разнообразие в подходах к определению фантастики. Например, по мнению Ц. Тодорова, литературное произведение может быть отнесено к фантастическому жанру при соблюдении трёх условий:

1) «художественный текст должен заставить читателя рассматривать мир персонажей как мир живых людей и испытывать колебания в выборе между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий»;

2) такие же колебания должен испытывать и персонаж, в результате чего «колебания становятся предметом изображения, одной из тем произведения»;

3) читатель должен занять «определённую позицию по отношении к тексту: он должен отказаться как от аллегорического, так и от «поэтического» толкования» [13]. Таким образом, по мысли Ц. Тодорова, фантастическое создаётся колебаниями протагониста и читателя в отношении того, носит явление естественный или сверхъестественный характер.

Ц. Тодоров указывает, что «фантастическое – не автономный жанр, а скорее граница между двумя жанрами: чудесным и необычным», и выделяет такие жанры, как: фантастическое-необычное («законы реальности не нарушены и позволяют объяснить описанные явления»); фантастическое-чудесное (следует допустить существование иных законов природы, с помощью которых можно объяснить явление)»; чудесное в чистом виде [13].

В своей работе «Дискурсы фантастического» Р. Лахманн развивает идеи Ц. Тодорова. Исследователь выделяет следующие особенности фантастики: 1) «потрясение основ существующего порядка», «инверсия актуальных знаний о природе человека»; 2) «неизмеримость человека»; 3) оппозиция «своё – чужое»; 4) оппозиция «реальное — ирреальное», 5) парадоксальность [7, с. 5-7].

Согласимся с выводом, сделанным в диссертационном исследовании Л.А. Чехловой: «… фантастическое произведение нельзя определить по наличию какого-то одного определённого признака, поскольку фантастика характеризуется совокупностью критериев (структура, тематика, роль фантастического образа в произведении и т.д.). Понимание фантастического должно соответствовать современной эпохе и культуре и основываться на восприятии объективной реальности. Для определения фантастики необходимо учитывать время возникновения, роль и функцию фантастического в произведении, «участие» читателя. Само понятие фантастики, таким образом, характеризуется относительностью» [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что фантастика представляет собой такой способ воспроизведения действительности, при котором эта действительность переосмыслена художником настолько, что степень авторского домысла может простираться от некоторого искажения ряда элементов существующего бытия (реальности) до масштабного реконструирования реальности.

В современном литературоведении утвердилось деление фантастической литературы на два направления: научно-фантастический (научная фантастика) и фэнтези.

Специфическая особенность научно-фантастического творчества заключается в опережении событий. В самой основе научной фантастики лежит вероятностный прогноз, порождённый уникальным соединением научного анализа с образ-

ным мышлением искусства. Данный аспект отражается и в дефинициях этого термина: «Научная фантастика – вид фантастической литературы, основанный на допущении, имеющем рациональный характер, в соответствии с которой с помощью законов научных открытий, технических изобретений или природы, не противоречащим естественнонаучным воззрениям того времени, в произведении создаётся необычайное или сверхъестественное» [9, с. 621-622].

В научной фантастике находят отражение мечты человека о совершенном мире, наполненном необычными вещами и фантастическими проектами. С её помощью человек прорывается сквозь будничную реальность, моделирует, предполагает, экспериментирует, чтобы представить невозможное и спрогнозировать будущее. Этим обусловлена популярность научно-фантастических произведений у читателя, однако следует отметить, что функции научной фантастики не исчерпываются разработкой научных перспектив и методов познания мира.

А. Воздвиженская находит истоки научной фантастики в приключенческой литературе, указывая, что ей «издавна была свойственна приключенческая направленность, причем варьируемая от приключения в прямом смысле слова до приключений мысли, духа» [3, с. 206]. Т.А. Чернышёва, в свою очередь, связывает детектив и научную фантастику: движение сюжета по пути разгадывания какой-либо тайны пришло в фантастику именно из детектива [15].

Отметим, что научная фантастика своими корнями уходит в глубокую древность – мифологию, сказки, легенды, позже – готический роман, приключенческий роман и в целом романтизм. На связь научной фантастики со сказкой указывает Е.М. Неёлов: исследователь выделяет фольклорно-сказочные по своей природе структуры, характерные для научной фантастики: управление временем; управление пространством; сказочная повествовательная структура (которая определяется волшебно-сказочным образом пути-дороги), оппозиция «человек (родовой) – природа», оппозиция «своё» – «чужое» и др. [8]. На наш взгляд, сделанные Е.М. Неёловым выводы о генетической связи научной фантастики и сказки могут быть в полной мере отнесены и к произведениям жанра фэнтези.

Фэнтези – это особое направление фантастики, где границы реального, фантастического, ирреального, мистического размыты, а сюжет основан на допущениях иррационального характера. Такое допущение не имеет логической мотивации в тексте, предполагается существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики, рациональному объяснению. Заметим, что Дж. Р. Р. Толкиен называл свои произведения волшебными сказками (fairy-stories) [18]. В научной литературе указывается, что в задачи авторов произведений жанра фэнтези входит создание их собственного виртуального мира, который должен быть максимально реальным и убедительным.

Таким образом, для разграничения сфер научной фантастики и фэнтези можно обратиться к выводу, сделанному Е.Н. Ковтун: «…тем, «чего не бывает», т.е. на данный момент не наблюдается в реальности (но в перспективе или в принципе может в ней появиться), занимается научная фантастика. Тем же, чего с точки зрения современных научных представлений о мире «вообще не может быть», – фэнтези» [5, с. 7].

Большинство исследователей жанра фэнтези [7; 14] выделяет истоки, повлиявшие на формирование его основных идейно-эстетических принципов: миф, героический эпос, сказка, легенды, рыцарский роман, приключенческий роман, готический роман. На генетическую связь жанра фэнтези с мифами указывают многие литературоведы, занимающиеся данной проблемой: «Мир фэнтези – это пропущенные через современное сознание и ожившие по воле автора древние мифы, легенды, сказания» [17, с. 205].

Так, А.М. Приходько указывает, что миф как наиболее яркое проявление ме-

тафорического и утопического мышления и лежит в основе фэнтези – «жанра наиболее отстранённого и удалённого от обыденной реальности», призванного «раскрывать «глубинные структуры реальности» на мифологической основе» [10]. Таким образом, «строгое следование канонам той или иной древней мифологической системы или создание автором своего собственного мифа определяет саму структуру этого жанра» [10].

О.П. Криницына считает, что разновидности фэнтези зависят от мифологических сюжетов, пантеона богов, преданий, легенд, реалий быта. В модели мира, представленной в фэнтези, обнаруживаются свойства мифологического мышления: персонализация добра и зла, очеловечивание природных явлений, отождествление микрокосма и макрокосма, пространственно-временной синкретизм, бинарная логика [6].

А.М. Приходько, размышляя о природе фэнтези, указывает, что литература этого жанра является отражением мифотворческого процесса – процесса, связанного с утопическим мышлением: «Принцип эскапизма уводит читателя в мир, организованный по мифологическим законам. Все авторы литературы «фэнтези» будут творить миф, апеллируя при этом как к уже известным, традиционным мифологическим системам, так и разрабатывая свою собственную оригинальную мифологическую концепцию мира» [10]. Как отмечает А.М. Приходько, в основе произведения лежит формула или схема, что проявляется в известной предугаданности сюжетных действий и поступков героев, отсутствии психологизма у персонажей и т.д. В произведении фэнтези «…содержится определённый шаблон, матрица, на которую наслаиваются индивидуальные авторские конструкции» [10].

В произведениях фэнтези создаётся собственная, авторская мифологическая модель, чаще всего не связанная с научным мышлением и не оснащённая реалиями научно-технического прогресса. Основные компоненты фэнтези – воображаемый чудесный мир, полный магии, волшебства, в котором живут боги, герои и чудовища и ведётся обязательная и постоянная война между силами Добра и Зла.

Ряд исследователей [3; 14] указывает на связь фэнтези (как и научной фантастики, о чём упоминалось выше) с приключенческой литературой. Таким образом, фэнтези объединяет в себе элементы мифа, волшебной сказки и приключенческой литературы. От романтизма у фэнтези интерес к необычным ситуациям, условиям и персонажам, а от реализма – стремление к психологической достоверности, к «правдоподобности необычного».

Современное развитие научной фантастики и фэнтези (фантастики в целом) представляется многими учёными как появление новых жанровых модификаций. Так, А. Воздвиженская замечает, что, начиная со второй половины XX века, стали появляться научно-фантастические произведения, где «детективная линия становится основополагающей, где рядом с привычными научно-фантастическими атрибутами – полный набор атрибутов детективного жанра: проницательный сыщик, незадачливый полицейский, кропотливая работа по сбору улик. Иногда загадочное убийство, исчезновение или кража дают лишь толчок для развития остального действия» [3, с. 205].

Чертами приключенческой (детективной) научно-фантастической литературы, по мнению А. Воздвиженской, становятся:

- детективный принцип развития сюжета – от загадки через тайны и приключения к разгадке;
- герои, попадающие в экстремальные ситуации и находящиеся на грани смертельного риска;
- борьба со злодеем;
- динамичность действия, внезапные повороты сюжета (тайны, погони, убийства, стрельба и пр.) [3].

Т.А. Балашова, справедливо считая, что «научная фантастика берёт на вооружение готовый, уже сформировавшийся

на время её появления жанр романа и трансформирует его, приспосабливая к своим задачам», выделяет такие жанровые модификации, как: научно-фантастический роман-путешествие, научно-фантастический сатирико-юмористический роман, научно-фантастический приключенческий роман, боевик, триллер, детектив и др. [1].

В научно-фантастическом романе, отмечает Т.А. Балашова, отражена синтетическая жанровая сущность романа; «чаще всего действует герой-одиночка, через сознание которого автор подает контрфактический мир и становление которого мы наблюдаем в ходе повествования»; «запечатлеваются ситуации отчуждения героя от окружающего мира, акцентируются его неукоренённость в реальности, бездомность, житейское странничество и духовное скитальчество», что является одним из основных мотивов научной фантастики [1]. В рамки данного подхода хорошо вписывается и фантастический шпионский роман, в котором сочетаются признаки фантастической литературы в её разновидностях (научная фантастика и фэнтези) и шпионского романа.

Таким образом, анализ научной литературы позволил выделить основные признаки фантастической литературы в целом:

- генетические корни научной фантастики и фэнтези – миф, сказка, приключенческая литература;
- принцип допущения, который в научной фантастике основан на научном понимании мира и человека, а в фэнтези не имеет логической мотивации в тексте; предполагается существование фактов и явлений, не поддающихся рациональному (научному) объяснению;
- принцип моделирования, который предполагает создание выдуманного, смоделированного, ирреального мира, параллельного миру реальному. Эти миры могут накладываться друг на друга, противопоставляться, сопоставляться, находиться в разнообразных пропорциональных соотношениях и пр.;
- принцип эскапизма;
- оппозиция «реальное – ирреальное»;
- общекультурная оппозиция «своё – чужое»;
- «формульная природа» (в основе произведения лежит формула или схема; любое произведение строится по определённым правилам);
- идентификация протагониста с опорой на сверхъестественное или необычное;
- фантастический тип образности (условность, нарушение логических связей и закономерностей, пропорций и форм изображаемого предмета);
- аккумулирование творческих представлений, фантазии как писателя, так и читателя.

Выделенные нами признаки, свойственные для произведений научной фантастики и фэнтези, находят отражение в фантастических романах обоих направлений. На наш взгляд, данные особенности будут свойственны и другим современным направлениям, развивающимся на стыке нескольких жанров, например, фантастическому шпионскому роману, изучение которого представляет собой перспективу развития данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Т.А. Художественные особенности серьезно-смеховой фантастики: На материале научно-фантастического романа Великобритании: дисс. …канд. филол. наук. Балашов, 2003. 188 с.
2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.
3. Воздвиженская А. Продолжая споры о фантастике // Вопросы литературы. 1981. № 8. С. 200-212.

4. Головачёва И. В. Фантастика и фантастическое. Поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы. СПб.: Петрополис, 2013. 420 с.
5. Ковтун Е. Н. Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантастоведения // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: материалы Международной научной конференции 21-23 марта 2006 г. М.: Издательство Московского государственного университета, 2007. С. 20-38.
6. Криницына О. П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 173 с.
7. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
8. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 200 с.
9. Николютина А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. 1600 с.
10. Приходько А. М. Жанр «фэнтези» в литературе Великобритании: проблема утопического мышления: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 199 с.
11. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
12. Тимошенко Т. В. Фантастика как социокультурный феномен: дисс. …канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 143 с.
13. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу Введение в фантастическую литературу / Перев. с франц. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
14. Фишман Л. Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2002. 166 с.
15. Чернышёва Т. А. Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1984. 336 с.
16. Чехлова Л. А. Австрийский фантастический роман первой трети XX века (А. Кубин, Г. Майринк, Л. Перуц): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 184 с.
17. Эйдемиллер И. В., Лебедев А. Ю. Мир фэнтези // Звезда. 1993. № 10. С. 205-207.
18. Tolkien J.R.R. On Fairy Stories // The Heritage Podcast. A Complete Liberal Arts Education (in Podcast Form). URL: http://heritagepodcast.com/wp-content/uploads/Tolkien-On-Fairy-Stories-subcreation.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Balashova T.A. Hudozhestvennye osobennosti ser'ezno-smehovoj fantastiki: Na materiale nauchno-fantasticheskogo romana Velikobritanii: diss. …kand. filol. nauk. Balashov, 2003. 188 s.
2. Belokurova S. P. Slovar' literaturovedcheskih terminov. SPb.: Paritet, 2007. 320 s.
3. Vozdvizhenskaja A. Prodolzhaja spory o fantastike // Voprosy literatury. 1981. № 8. S. 200-212.
4. Golovachjova I. V. Fantastika i fantasticheskoe. Pojetika i pragmatika anglo-amerikanskoj fantasticheskoj literatury. SPb.: Petropolis, 2013. 420 s.
5. Kovtun E. N. Fantastika kak ob#ekt nauchnogo issledovanija: problemy i perspektivy otechestvennogo fantastovedenija // Russkaja fantastika na perekrest'e jepoh i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 21-23 marta 2006 g. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. S. 20-38.
6. Krinicyna O. P. Slavjanskie fjentezi v sovremennom literaturnom processe: pojetika, transformacija, recepcija: dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2011. 173 s.
7. Lahmann R. Diskursy fantasticheskogo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 384 s.
8. Nejolov E. M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986. 200 s.
9. Nikoljutina A. N. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. M.: Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2003. 1600 s.
10. Prihod'ko A. M. Zhanr «fjentezi» v literature Velikobritanii: problema utopicheskogo myshlenija: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2001. 199 s.

11. Timofeev L. I., Turaev S. V. Slovar' literaturovedcheskih terminov. M.: Prosveshhenie, 1974. 509 s.
12. Timoshenko T. V. Fantastika kak sociokul'turnyj fenomen: diss. …kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. 143 s.
13. Todorov C. Vvedenie v fantasticheskuju literaturu Vvedenie v fantasticheskuju literaturu / Perev. s franc. B. Narumova. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1999. 144 s.
14. Fishman L. G. Fantastika i grazhdanskoe obshhestvo. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN, 2002. 166 s.
15. Chernyshjova T. A. Priroda fantastiki. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1984. 336 s.
16. Chehlova L. A. Avstrijskij fantasticheskij roman pervoj treti XX veka (A. Kubin, G. Majrink, L. Peruc): dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2015. 184 s.
17. Jejdemiller I. V., Lebedev A. Ju. Mir fjentezi // Zvezda. 1993. № 10. S. 205-207.
18. Tolkien J.R.R. On Fairy Stories // The Heritage Podcast. A Complete Liberal Arts Education (in Podcast Form). URL: http://heritagepodcast.com/wp-content/uploads/Tolkien-On-Fairy-Stories-subcreation.pdf

Поступила в редакцию 30.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Кабанова Н.Е., Селиверстова М.О. К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 251-258. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/KabanovaSeliverstova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3894941
УДК 811.134.2

Топоркова Ю.А.

Топоркова Юлия Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: yulia.toporkova2014@yandex.ru.

Коммуникативно-прагматический аспект испаноязычных рекламных текстов

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности испаноязычных рекламных текстов. Реклама рассматривается как социально-культурный феномен и вид коммуникативной деятельности. Рассмотрена коммуникативно-прагматическая направленность рекламного текста. Исследована реализация коммуникативных функций рекламы на примере рекламных объявлений товаров испанской модной индустрии; проанализированы тексты испанских рекламных сообщений и их переводы. Выяснено, что коммуникативно-прагматический потенциал исследуемых текстов осуществляется посредством фатической, аттрактивной, суггестивной, персуазивной и эстетической коммуникативных функций. Выявлены синтаксические, лексические, фонетические, графические особенности испанских рекламных текстов; рассмотрены способы их передачи при переводе.
Ключевые слова: коммуникативный акт; фатическая функция; аттрактивная функция; суггестивная функция; персуазивная функция; эстетическая функция; иноязычные вкрапления; ассонанс; аллитерация; звукоподражание; капитализация.

Toporkova Yu.A.

Toporkova Yulia Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya st., 33. E-mail: yulia.toporkova2014@yandex.ru.

Communicative and pragmatic aspect of Spanish-language advertising texts

Abstract. The article discusses the communicative and pragmatic features of Spanish advertising texts. Advertising is considered as a socio-cultural phenomenon and a type of communicative activity; the communicative functions of a speech act are studied; the pragmatic characteristics of an advertising text are examined. The realization of publicity communicative functions on the basis of advertisements of the Spanish fashion goods is investigated; the Spanish advertising texts and their translations are analyzed. It's found out that the pragmatic potential of the examined advertisements is realized due to the phatic, attractive, suggestive, persuasive and aesthetic communicative functions. The peculiarities of the analyzed advertisements on the level of syntax, lexis, graphics and phonetics are singled out; the translation techniques are examined.
Key words: a communicative speech act; phatic function; attractive function; suggestive function; persuasive function; aesthetic function; borrowings; assonance; alliteration; onomatopoeia; capitalization.

В настоящее время реклама присутствует во всех сферах человеческой жизни. Рекламный текст представляет интерес, в первую очередь, с точки зрения его коммуникативно-прагматических особенностей. Рекламу можно рассматривать как социально-культурный феномен и вид коммуникативной деятельности. В частности, по мнению Ю.С. Бернадской, «рекламный текст – это коммуникативная единица, которая функционирует в сфере маркетинговых коммуникаций и предназначена для неличного оплаченного продвижения товара (услуги), идеи или социальной ценности» [1].

Т.Н. Лившиц считает, что рекламный текст – это «материальное свидетельство разнообразной рекламной деятельности и разновидность массовой коммуникации, которая играет ведущую роль в процессе формирования и функционирования массового сознания» [3, с. 67].

Учитывая коммуникативно-прагматическую направленность рекламных сообщений, можно утверждать, что каждый рекламный текст должен производить перлокутивный эффект, то есть реализовывать коммуникативное намерение говорящего, в данном случае рекламодателя. Прагматическая направленность рекламного текста состоит в побуждении рецептора к действию – приобретению рекламируемого продукта. Эффективность рекламного текста как коммуникативного акта определяется тем, удалось ли осуществить это воздействие [6, с. 85].

Поскольку рекламный текст представляет собой коммуникативный акт, посредством его осуществляются определенные функции, основными из которых являются: аттрактивная, фатическая, информирующая, персуазивная, суггестивная и эстетическая [4, с. 187].

При этом аттрактивная функция является первостепенной: она заключается в способности рекламного текста привлекать внимание потенциальных потребителей. Фатическая (контактоустанавливающая) функция состоит в том, что содержание рекламного объявления должно в полной мере соответствовать картине мира рецептора [Там же, с. 188].

Информирующая функция реализуется путем передачи содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Содержательно-фактуальная информация представляет собой сообщения о каких-либо фактах, событиях, процессах или явлениях и носит эксплицитный характер. Содержательно-концептуальная информация передает индивидуальное авторское осознание отношений между фактами, событиями, процессами или явлениями, описанными с помощью содержательно-фактуальной информации, и их значимости. Такая информация зачастую является имплицитной [Там же, с. 189].

Персуазивная (убеждающая) и суггестивная (внушающая) функции подразумевают воздействие на сознание и подсознание потенциального потребителя. Эстетическая функция предполагает, что рекламные тексты должны соответствовать представлениям реципиента о красоте, гармонии и визуальной привлекательности [Там же, с. 190].

Таким образом, прослеживается непосредственная связь коммуникативно-прагматических особенностей рекламного текста с необходимостью реализации его шести основных функций, поскольку рекламное сообщение должным образом воспринимается и производит желаемый эффект на аудиторию только в том случае, если может привлечь и удержать ее внимание, передать необходимую информацию, убедить и внушить определенные идеи. Рассмотрим соответствующие примеры реализации коммуникативных функций в испанских рекламных текстах и их переводах на материале рекламных объявлений товаров испанской модной индустрии, представленных на официальных испаноязычных и русскоязычных сайтах.

Прежде всего, коммуникативно-прагматическая направленность рекламного текста выражается с помощью различных средств языка, в частности, характерными чертами любого испанского реклам-

ного текста являются краткость и лаконичность, что не может не отразиться на его синтаксисе. Рассмотрим синтаксические особенности данных текстов. Так, в рекламных сообщениях зачастую можно встретить короткие, простые и даже односоставные предложения, а также эллипсис.

Анализ рекламных объявлений на официальных сайтах испанских торговых марок показал, что в испанской рекламе с целью реализации аттрактивной функции, наряду с утвердительными предложениями используются вопросительные. Они также служат для создания иллокутивного эффекта, поскольку под вопросом подразумевается утверждение. При этом, как указывает Е.С. Иванова, вопрос может помочь смягчить категоричность побудительного высказывания [2, с. 94].

Зачастую это риторические вопросы: «*¿Quién no ha soñado alguna vez en descubrir un tesoro perdido?*» (реклама коллекции украшений) [9]. – «*Кто не мечтал отыскать утерянное сокровище?*» [11].

Характерной особенностью испанского синтаксиса является то, что восклицательный и вопросительный знаки предваряют и заканчивают высказывание, тем самым сразу же подготавливая реципиента к его стилистической тональности. Наличие восклицательного знака, прежде всего, придает тексту экспрессивно-эмоциональный характер, что может потребовать дополнительных средств повышения экспрессивности высказывания при переводе. Необходимо отметить, что рекламные сообщения оказывают и значительное социально-психологическое воздействие на потребителей, то есть могут изменять социально-психологические характеристики личности, мнение, настроение, отношение к чему-либо. Проведенное исследование показало, что в качестве средства такого воздействия в испанских рекламных текстах используются именно восклицательные предложения.

Анализ текстов испанских рекламных объявлений и их переводов позволил установить, что для реализации суггестивной и персуазивной функций рекламы служат побудительные предложения, то есть употребляются глаголы повелительного наклонения, например: «*Cuanto más nos enamoren nuestros sueños, mayor capacidad tendremos de lograrlos. ¡Atrévete con los tuyos!* [9]. – «*Осмельтесь осуществить свои мечты!*» [11].

Необходимость осуществления социально-психологического и суггестивного воздействия на потенциального потребителя обуславливает и выбор лексики в рекламном объявлении. Рассмотрим лексические особенности испанских рекламных текстов.

Прежде всего, необходимо отметить, что для испанского языка в целом характерно большое количество заимствований из английского и французского языков, а также варваризмов. В испаноязычных рекламных объявлениях они встречаются повсеместно, однако, как показал проведенный анализ, в русском переводе к ним прибегают гораздо реже. Очевидно, что большие скопления данных лексических единиц в пределах одного русскоязычного текста нежелательны: это мешает восприятию информации реципиентом, вследствие чего непосредственно рекламное объявление утрачивает должный коммуникативно-прагматический эффект и не оказывает желаемое воздействие на потребителя.

Рассмотрим перевод иноязычных вкраплений на примере рекламного текста, где употребляется англицизм «look» (внешний вид, образ):

«*Este collar de perlas, oro y gemas preciosas tiene todo lo que puedas desear en una joya. Atemporal, dulce y versátil, adáptalo a todos tus looks*» [9]. – «*Это колье из золота, жемчуга и драгоценных камней соединяет в себе все, чего вы ждете от украшения. Оно бесконечно женственно, мило и подходит к любому стилю*» [11].

Как видим, при переводе английского заимствования «*look*» в русском варианте применяется нейтрализация, однако выбор сделан в пользу другого синонима «*стиль*». Примечательно, что переводчик

не стал использовать неологизм «лук», заимствованный из английского, и уже получивший широкое распространение в русском языке в сфере моды.

Анализ лексических особенностей рассматриваемых рекламных объявлений показал, что, с одной стороны, предпочтение отдается словам с конкретным понятным смыслом для усиления эффекта внушения, а с другой стороны, широко используется эмоционально-окрашенная лексика, так как рекламный текст должен апеллировать к эмоциям потребителей. Поскольку рекламное сообщение должно вызывать положительные ассоциации по отношению к конкретному товару и бренду в целом, авторы текстов часто делают выбор в пользу слов с положительной коннотацией. Также на лексическом уровне часто употребляются степени сравнения прилагательных, что помогает выделить рекламируемый товар на фоне других и сформировать у потребителей его уникальный образ [5, с. 105]. Обратимся к соответствующему примеру текста испанской рекламы, где можно наблюдать реализацию фатической функции.

«*Una piel suave y sedosa es sinónimo de una piel hidratada*» [7] – «*Нежная, шелковистая кожа – это синоним увлажненной кожи* (перевод наш. – Ю.Т.)». Так, в тексте рекламы кремов для тела присутствуют эпитеты «*suave*» («*нежная*», «*мягкая*»), «*sedosa*» («*шелковистая*»). В рассматриваемом оригинальном рекламном объявлении необходимое коммуникативное воздействие помогают осуществить и фонетические стилистические приемы, в частности аллитерация и ассонанс, поскольку они усиливают семантическое значение слов. В данном случае аллитерация основана на повторе испанского звука [s], что, помимо персуазивной и фатической, безусловно, способствует реализации и эстетической коммуникативной функции.

Что касается других фонетических приемов, в результате исследования выяснено, что для привлечения внимания читателя в текстах анализируемых рекламных объявлений также используется ономатопея, звукоподражание: «*Bohemme ha encontrado uno para ti, pero ssshhh… Es un secreto*» (реклама коллекции украшений) [8]. – «*Ювелиры Bohemme нашли для Вас одно из них, только тссс… Это секрет* (перевод наш. – Ю.Т.)».

Необходимо отметить, что звукоподражательные формы и междометия составляют особый пласт лексики, характерной для рекламного стиля. Однако при переводе рекламных текстов важно учитывать, что подобные лексические единицы в исходном языке и языке перевода могут сильно отличаться на звуковом плане и требовать адаптации при переводе, например, часто встречающаяся аттрактивная испанская форма, применяемая для описания шума падающего объекта «*zas!*», в русском будет передаваться как «*бах!*».

Осуществленное исследование позволило установить, что еще одним средством реализации аттрактивной функции рекламного текста являются графические приемы: они помогают акцентировать внимание на одном из его элементов или определенных лексических единицах. Так, например, применяется жирный шрифт: «*Una colección de joyas bohochic con un diseño original, … en armonía con la Naturaleza … para conseguir un estilo chic y natural atractivo*» [10]. – «*Коллекция украшений в стиле бохо-шик с оригинальным дизайном, в гармонии с Природой … для достижения шикарного образа и естественной привлекательности* (перевод наш. – Ю.Т.)». Мы можем наблюдать, что данный графический прием позволяет акцентировать внимание на отдельных, наиболее важных компонентах высказывания.

Анализ текстов рекламных объявлений показал достаточно высокую частотность приема капитализации, который на графическом уровне также служит для реализации аттрактивной коммуникативной функции, например:

«*El collar DE TÍA EDNA* [9]. – «*Колье тетушки ЭДНЫ* [11].

Как мы можем наблюдать, используемые в оригинальных рекламных текстах экспрессивные средства и приемы сохраняются в переводе.

Таким образом, анализ текстов испанских рекламных объявлений позволил установить, что инструментами выражения коммуникативно-прагматической направленности данных текстов служат разнообразные средства выразительности языка, а именно: синтаксические, лексические, графические, фонетические.

В результате проведенного исследования на материале текстов рекламных объявлений товаров испанской модной индустрии и их перевода установлено, что перлокутивный эффект рекламного сообщения осуществляется, главным образом, посредством реализации фатической, аттрактивной, суггестивной, персуазивной и эстетической коммуникативных функций. Установлено, что основными синтаксическими средствами передачи коммуникативно-прагматического потенциала испанских рекламных объявлений являются вопросительные (риторический вопрос) и побудительные предложения; а лексическими – заимствования, междометия, звукоподражательные формы, а также образная, эмоционально окрашенная лексика (главным образом, прилагательные). Выявлены фонетические средства коммуникативного воздействия испанского рекламного текста – ассонанс, аллитерация, звукоподражание; а также графические – применение жирного шрифта, капитализация. Установлено, что рассмотренные образные средства выражения имеют тенденцию сохраняться при переводе, за исключением иноязычных вкраплений, которые, как правило, нейтрализуются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернадская Ю. С. Основы рекламы: Учебник. М.: Наука, 2005. 281 с.
2. Иванова Е. С. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов интернет-рекламы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. №132. С. 91-98.
3. Лившиц Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. … канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 354 с.
4. Македонцева А. М. Функции рекламных текстов // Система ценностей современного общества. 2010. №10. С. 186-190.
5. Первушкина Е. А. Особенности передачи лексических особенностей рекламных видеоматериалов в сфере индустрии красоты на русский язык // Вопросы филологии и теории перевода: социокультурный аспект: сб. науч. ст. Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2015. С. 103-107.
6. Чистанова С. С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина // Гуманитарный вектор. 2017. №3. С. 85-90.
7. Cremas // Instituto Español. https://www.institutoespanol.com/cremas/
8. Joyas de plata de la colección Tesoro Marino - Bohemme Artestilo. URL: https://artestilo.com/es/207-joyas-tesoro-marino
9. Joyería Online Tous, Joyeros desde 1920. URL: https://www.tous.com/es-es/
10. Pendientes icónicos bohemian spirit - Blasco Joyero. URL: https://www.blascojoyero.com/pendientes-iconicos-bohemian-spirit-i/
11. Tous, ювелиры с 1920 года. URL: https://www.tous.ru

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bernadskaja Ju. S. Osnovy reklamy: Uchebnik. M.: Nauka, 2005. 281 s.
2. Ivanova E. S. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty tekstov internet-reklamy // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2011. №132. S. 91-98.
3. Livshic T. N. Specifika reklamy v pragmaticheskom i lingvisticheskom aspektah: dis. … kand. filol. nauk. Taganrog, 1999. 354 s.

4. Makedonceva A. M. Funkcii reklamnyh tekstov // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2010. №10. S. 186-190.
5. Pervushkina E. A. Osobennosti peredachi leksicheskih osobennostej reklamnyh videomaterialov v sfere industrii krasoty na russkij jazyk // Voprosy filologii i teorii perevoda: sociokul'turnyj aspekt: sb. nauch. st. Chuvash. gos. ped. un-t. Cheboksary, 2015. S. 103-107.
6. Chistanova S. S. Koncept illokucii v teorii rechevyh aktov Dzhona Ostina // Gumanitarnyj vektor. 2017. №3. S. 85-90.
7. Cremas // Instituto Español. https://www.institutoespanol.com/cremas/
8. Joyas de plata de la colección Tesoro Marino - Bohemme Artestilo. URL: https://artestilo.com/es/207-joyas-tesoro-marino
9. Joyería Online Tous, Joyeros desde 1920. URL: https://www.tous.com/es-es/
10. Pendientes icónicos bohemian spirit - Blasco Joyero. URL: https://www.blascojoyero.com/pendientes-iconicos-bohemian-spirit-i/
11. Tous, juveliry s 1920 goda. URL: https://www.tous.ru

Поступила в редакцию 21.05.2020.
Принята к публикации 24.05.2020.

Для цитирования:
Топоркова Ю.А. Коммуникативно-прагматический аспект испаноязычных рекламных текстов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 259-264. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Toporkova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3895025
УДК 811.161.1.06

Шевченко Т.С.

Шевченко Татьяна Сергеевна, старший преподаватель, Ставропольский государственный педагогический институт, 355029, Россия, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А». E-mail: shevchenko31569@gmail.com.

Духовный потенциал пушкинского текста как прецедентного (на примере русской эмигрантской публицистики)

Аннотация. В настоящем исследовании проведена классификация интертекстуальных вставок в сургучевской публицистике на материале 60 выявленных примеров из 24 произведений А.С. Пушкина. В статье обращение И.Д. Сургучева к наследию русской классической литературы объясняется необходимостью для автора обозначить нравственные ориентиры, выявить слагаемые стремительно меняющейся действительности «здесь и сейчас». Особо подчеркивается, что стиль И. Сургучева формировался в условиях многоязычной языковой среды на сломе эпох и на десятилетия продлил традиции дореволюционной отечественной публицистики и литературы.
Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный текст, И. Сургучев, А. Пушкин, эмигрантская публицистика, язык публицистики, имплицитная цитата, лейтмотив.

Shevchenko T.S.

Shevchenko Tatyana Sergeevna, Senior Lecturer, Stavropol State Pedagogical Institute, 355029, Russia, Stavropol, Lenin st., 417 «A». E-mail: shevchenko31569@gmail.com.

The ethical potential of the Pushkin text as a precedent (based on Russian emigrant journalism)

Abstract. In our research тhe classification of intertextual inserts in Surguchev's journalism is carried out on the material of 60 identified examples from 24 Pushkin texts. In the article, Surguchev's appeal to the heritage of Russian classical literature is explained by the need of the author to find moral guidelines, to reveal the components of the rapidly changing reality “here and now”. It is especially emphasized that the style of Surguchev was formed in the conditions of a multilingual language environment on the break of epochs and extended the traditions of pre-revolutionary national journalism and literature for decades.
Key words: intertextuality, use case text, I. Surguchev, A. Pushkin, emigrant journalism, journalism language, implicit quote, keynote.

Русская эмигрантская публицистика середины XX века хранит ценности дореволюционного периода культуры России, которые на родине, ставшей социалистической, претерпевали изменения, связанные в том числе с активностью идеологической цензуры, касающейся искусства не только настоящего, но и прошлого периода. Русская литература, искусство, вообще народная, религиозная и академическая культура были для эмигранта тем нематериальным, но необходимым багажом, который позволял выжить и сохранить в себе лич-

ность в условиях, колоссально отличающихся в худшую сторону от тех, в которых они пребывали до революции.

«Парижский дневник» Ильи Дмитриевича Сургучева является одним из значимых памятников русского эмигрантского художественного слова, он выходил в годы Второй мировой войны в Париже на русском языке отдельными статьями в газете «Парижский вестник». По жанру это художественно-публицистические произведения, посвященные как проблематике истории давно прошедших дней и разных государств, так и текущим событиям планетарного масштаба. Илья Сургучев – глубоко образованный человек, обращающийся в своих текстах к разнообразным пластам мировой культуры: светской и духовной литературе, музыке, изобразительному искусству, архитектуре, театру и уже даже кино. Аллюзии и реминисценции в его публицистике отсылают, в первую очередь, к личностной культуре российской дореволюционной интеллигенции, когда начитанные, эрудированные великосветские люди понимали друг друга по полунамекам на фразы, персонажей и ситуации из произведений мировой литературы, театра, балета и оперы, знали, помимо русского и нескольких европейских, древние языки. Темы Сургучева-полиглота и Сургучева – знатока культуры православия исследованы нами в прошлых работах [3; 4].

Настоящая статья посвящена особенностям интертекстуальности в «Парижском дневнике» Сургучева на примере одного из наиболее часто цитируемых им классиков – Александра Сергеевича Пушкина; в целом же Сургучев обращается к десяткам русских и зарубежных писателей и сотням их произведений; особенно часто – А.П. Чехов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.С. Грибоедов, И.В. Гете. Но чаще всего – к У. Шекспиру, Н.В. Гоголю и А.С. Пушкину. Из произведений А.С. Пушкина нами выявлены отсылки к следующим: поэмы «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Руслан и Людмила», «Дон Жуан», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о царе Салтане», стихотворения «Бесы», «Стансы», «Брожу ли я вдоль улиц темных…», «Поэт и толпа», «Песнь о вещем Олеге», «Вновь я посетил…», «Пробуждение», «Клеветникам России», «Я помню чудное мгновенье…», «Няне», «Поэт», «Возрождение», «Сапожник», «Полтава», «Пророк», «К морю», «Два чувства дивно близки нам…». Наиболее частотны обращения к «Евгению Онегину» и «Борису Годунову».

Публицистика Сургучева интертекстуальна насквозь. Интертекстемы пронизывают различные композиционные уровни его текста: заголовки, эпиграфы, основной текст, текст в тексте, в том числе реплики персонажей. По классификации А.Д. Васильева [1], помимо непосредственно высказываний, прецедентность у Сургучева охватывает также события и имена. Интертекстемы представлены как цитатами, так и аллюзиями и реминисценциями, соответственно могут быть эксплицитными (источник, автор указаны в самом тексте) или имплицитными (определение текста-источника возможно только при совпадении культурных кодов автора и читателя). Например, имплицитной является отсылка к строкам из стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»: *Вся молодость, всё счастье, вся первая настоящая влюбленность воскресли вновь* [здесь и далее цит. по: 2]. Пример эксплицитной интертекстемы: *А помнишь пушкинский стих: «Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит…». Картина, брат, должна быть молитвой, а разве мои теперешние картины — молитва? Нет, брат, не молитва, а товар.*

Ряд пушкинских образов играют особенно важную роль в архитектонике сургучевского текста, организуя разрозненные статьи в целостное произведение. В первую очередь, это такой сквозной образ или даже лейтмотив в публицистике И.Д. Сургучева, как пишущий летопись Пимен – центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), монах Чудова монастыря. Сургучев сравнивает себя с Пименом неоднократно. Он

считает свою миссию в своем роде пименовской: оставить для потомков летопись – «дневниковые» записи. С этим же лейтмотивом связаны повторы одних и тех же цитат: «*пыль веков от хартий отряхнув*», «*монах трудолюбивый*» и т.д. Таким образом, пушкинские герои являются примером гражданского поведения для читателя и столетия спустя.

Другой сквозной образ – пушкинский концепт «равнодушная природа», отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц темных», которое оканчивается строками:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

К нему Сургучев обращается во многих записях «Парижского дневника»: *«…природа продолжает жить своей жизнью и сияет своею равнодушною красой. Именно равнодушной — слово это с изумительной находчивостью представил поэт»*; «*И, Боже мой, как равнодушна по отношению к нам, людям, природа!»; «И только равнодушная, роскошная летняя природа продолжает сиять божественной красотой*». Таким образом, с помощью пушкинского философского концепта Сургучев осмысляет место свое и всего человечества в потоке бытия, рационализирует хаос в годы Революции и Второй мировой войны.

Не раз встречаются: «*любовь к отеческим гробам*» – концепт, приобретающий особую актуальность и переосмысление для эмигранта, *«что день грядущий нам готовит»*, «*не мудрствовать лукаво»* – общие выражения-паремии, позаимствованные из пушкинских текстов («Два чувства дивно близки нам…», «Евгений Онегин», «Борис Годунов»).

Паремизированными, но единично встречающимися в «Парижском дневнике» выражениями из Пушкина являются также такие, как *«гордый Росс»* (из стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России»), «*То мореплаватель, то плотник*» («Стансы»), «*подруга дней его суровых*» («Няне») и другие.

Только часть цитатного материала функционирует в тексте Сургучева в точном воспроизведении. Многие цитаты намеренно трансформируются для интеграции в контекст, например: «*…все флаги, прибывающие в гости по балтическим волнам»* – отсылка к строкам из поэмы «Медный всадник»:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам.

«*Человек в плюшевых штанах первое время казался человеком, который забыл все глаголы, жгущие сердца людей*» – трансформированная интертекстема-аллюзия на стихотворение «Пророк» со знаменитым: *«глаголом жечь сердца людей».*

Некоторые цитаты непреднамеренно искажаются. Так, в текст «*…он питает страсть к нумизматике и собирает медали. И тут, среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он, ибо в пылу сей страсти может пойти даже на жульничество*» включена неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт», вместо «*и меж*» написано «*среди*»:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Цитаты могут быть маркированными – выделенными либо кавычками, либо стилистически (контраст книжного стиля и нейтрального; силлабо-тонический случайный ритм в контексте прозы), иногда с указанием источника, или немаркированными. Порой в одном контексте соединяются оба способа: «*Нет, опять поднялось вьюжное кружало, опять завертелась карусель, дует, плюет на меня, вот теперь «в овраг кидает одичалого коня*» – немаркированная и маркированная цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы». Пример немаркированной цитаты из «Евгения Онегина»: *«…коту невероятно трудно расста-*

ваться с насиженными местами, у котов нет охоты к перемене мест».

Пушкинская всепроникающая мягкая ирония находит продолжение в сургучевском тексте. Многие цитаты используются для создания ироничной тональности, при характеристике героев и ситуаций: *Кругом — племя молодое, незнакомое и диковатое* (из «Вновь я посетил»); *В голове старого солдата мчатся тучи, вьются тучи. Он гордо ждет* («Бесы»); *А хозяин этой газеты был ученый малый, но педант* («Евгений Онегин»); *Начинает понемножку шуметь очередь, собирающаяся ни свет ни заря у рыбной лавки. Встает купец, идёт разносчик… Купцы теперь встают с большой прохладцей: им некуда больше спешить* («Евгений Онегин»); *Недостаток интереса у опустившейся публики. Печной горшок им важнее — в нём пищу ты себе варишь. И это понятно* («Поэт и толпа») и т.д.

Лишь некоторые интертекстемы, в том числе пушкинские, используются Сургучевым ради пафоса, а не с целью создания иронии: *Сегодня, только что, закончилась страница истории французского народа, и что день грядущий ему готовит – никто не знает*; *Всё оказалось сном – и действительность – вот эта Тузла, арестантские бараки, арестантский, короля английского, паек, – и что день грядущий мне готовит*? – сквозная цитата (из «Евгения Онегина»), играющая важную роль в обозначении проблематики произведения; *По ночам снятся (если удастся заснуть) новые сны из старых вариаций: давно почившие отцы и братья, давно умершие любимые женщины, рысаки, бравшие призы на столичных ипподромах, названия старых любимых газет <…>. Мечты, мечты, где ваша сладость?»* («Пробуждение»).

Благодаря принципиальной цитатности проза Сургучева имеет особый ритм – ритм стихотворений в прозе.

И. Сургучев считал Пушкина венцом не только русской культуры: «*Сны, встречи, музыкальные табакерочки — и рядом визжащий, как колокол раскачивающийся, знойный, в пожаре, в крови расплывающийся мир. Вдруг сорвется с оси, ахнет в межпланетное пространство, где не действуют законы притяжения — и прощай ты, Новая Деревня. Кого будет жаль? Конечно, в первую голову — Шекспира, потом — царя Соломона, потом — Джорджоне, потом — Бокаччо и, пожалуй, больше всех — Александра Сергеевича Пушкина*» [2, с. 39].

Сургучев вовсе не идеализирует дореволюционное прошлое своей страны, находит ошибки, анализирует вехи истории. Наследие А.С. Пушкина для него – опора в его размышлениях, и не только пушкинское литературное достояние, но и сам он как историческая фигура:

«*И всё-таки мы дали России Пушкина.*

Не совсем так. Вы, действительно, физически родили его, но и вы же, на тридцать седьмом году жизни, приняли все меры, чтобы убить его. … И как рассказы Чехова вы безграмотно звали статейками, так и Пушкина вы любили иронически именовать сочинителем и диву давались, что купец Смирдин платил ему по червонцу за стих.

Это и говорит об отсутствии культуры» [2, с. 120].

И. Сургучев ищет и находит опору в произведениях русской классики литературы, их образы и идеи являются для него этическим и эстетическим камертоном. В «Парижском дневнике» не обходится без субъективизма оценок истории настоящего момента, что вызывает бурную полемику в современном сургучеведении. Но Сургучев имел точкой отсчета на его этической координатной оси не Вторую мировую войну, а Октябрьскую революцию, именно после нее его благополучная жизнь драматурга со всемирно известным именем, убежденного патриота потерпела крах. И мерилом исторической и общечеловеческой правды он со скрупулезностью Пимена пытается сделать устои нравственности и культуры, почерпнутые у русских классиков. Одновременно с этим те же идеи в советской идеологии подгоняются под основу

для конструктов марксизма (например, авторы советских школьных программ по литературе отождествляют с бесами из одноименного стихотворения дореволюционную буржуазию, а для Сургучева бесы – вершители революции, поделившие его жизнь на до и после).

Таким образом, важно, но недостаточно только знать и призывать к изучению наследия великих; необходимо еще брать ответственность за интерпретацию, привязку к той или иной социальной доктрине, влияющей на ход истории и на воспитание подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М.: ФЛИНТА, 2013. 343 с.
2. Сургучев И. Д. Парижский дневник. 1940–1945. Ставрополь: Товарищ, 2016. 310 с.
3. Шевченко Т. С. Полилингвизм в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева // Научный диалог. 2017. № 8. С. 215-228.
4. Шевченко Т. С. «Ходите достойно звания вашего»: роль православной лексики и цитат в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева (1940–1945 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №1. С. 221-226.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasil'ev A. D. Intertekstual'nost': precedentnye fenomeny. M.: FLINTA, 2013. 343 s.
2. Surguchev I. D. Parizhskij dnevnik. 1940–1945. Stavropol': Tovarishh, 2016. 310 s.
3. Shevchenko T. S. Polilingvizm v jemigrantskoj publicistike Il'i Surgucheva // Nauchnyj dialog. 2017. № 8. S. 215-228.
4. Shevchenko T. S. «Hodite dostojno zvanija vashego»: rol' pravoslavnoj leksiki i citat v jemigrantskoj publicistike Il'i Surgucheva (1940–1945 gg.) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2018. №1. S. 221-226.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Шевченко Т.С. Духовный потенциал пушкинского текста как прецедентного (на примере русской эмигрантской публицистики) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 265-269. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Shevchenko.pdf

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3895744
УДК 231.01

Апухтин А.Н.

Апухтин Алексей Николаевич, Курский государственный университет, 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 33. E-mail: alexeyapukhtin@yandex.ru.

Терминологическая неопределённость понятия личности в богословии

Аннотация. В статье дается краткий анализ возникновения и эволюции термина «личность» в богословии. Рассматриваются термины «ипостась» и «лицо» как философские понятия в православном богословии, сопоставляется термин «личность» в русской языковой традиции и понятие «persona». Анализируется понятие «личность» с точки зрения логики, а также в его соотношении с святоотеческим учением о Божественных энергиях. Раскрываются особенности тезиса «Личность есть несводимость человека к природе». Делается вывод о том, что в вопросе о личности современная богословская мысль должна опираться на святоотеческое учение, которое является индикатором соответствия с Божественным Откровением.
Ключевые слова: ипостась, лицо, личность, сущность, внесущностный метафизизм, внутрисущность, психофизичность, евхаристичность.

Apukhtin A.N.

Apukhtin Alexey Nikolaevich, Kursk state University, 305000, Russia, Kursk, Radishcheva st., 33. E-mail: alexeyapukhtin@yandex.ru.

Terminological uncertainty of personality concept in theology

Abstract. The article provides a brief analysis of the origin and evolution of the term «personality» in theology. The terms «hypostasis» and «person» are considered as philosophical concepts in Orthodox theology, and the term «personality» is characterized in the Russian language tradition. The concept of «personality» is analyzed from the point of view of logic, in its relation to the patristic teaching about Divine energies. The article reveals the features of the thesis «Personality is the irreducibility of man to nature». It is concluded that in the question of personality, modern theological thought should be based on patristic teaching, which is an indicator of compliance with Divine Revelation.
Key words: hypostasis, persona, personality, essence, extrasubstantial metaphysism, intrinsicity, psychophysicality, eucharisticality.

Термины «ипостась» и «лицо» как философские понятия в православном богословии

Одной из ключевых проблем философско-теологической мысли является проблема сущности человека, его места в мире, предназначения, смысла жизни. С этой проблемой связана другая, не менее важная. Это проблема личности, истоки которой можно обнаружить в античной философии, оказавшей влияние на христианское богословие. В частности, Аристотель в трудах по метафизике и других трактатах сформулировал определение общего смысла понятия об ипостаси. Впоследствии термин «ипостась» (на греческом языке – υποστασις, на русском буквально – «под-стояние» или, можно сказать, «подлежащее», на латинском – substantia, а также – основа, подставка, проявление, актуализация и т.д.) приобрел множество значений. Уже в VI в. Леонтий Иерусалимский приводит 14 различных значений понятия «ипостась» [13].

Рассмотрим важнейшие из определений термина «ипостась». Апостол Павел в послании к Евреям использует термин «ипостась», называя Иисуса Христа образом ипостаси Отца и сиянием славы Его (χαρατηρ της υποστασεως) (Евр.1.3). На протяжении первых веков, вплоть до IV века, термины «ипостась» и «сущность» не имели принципиальной разницы. Святители Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов разработали учение о «сущности» и «ипостаси» применительно к лицам Троицы. Вместе с тем отметим, что устойчивое становление логического различия между сущностью и ипостасью в Церкви складывалось постепенно, преодолевая существовавшую в первые столетия развития православного богословия полисемию понятия «ипостась». Некоторые отцы Церкви, в частности Климент Александрийский, отождествляли термины «ипостась» и «природа». У сщмч. Иринея Лионского «ипостась» синонимична «сущности». В III веке Ориген уже отличает «ипостась» от «сущности». В трактате «Против Цельса» и в толковании на Евангелие от Иоанна он пишет: «Мы убеждены, что существуют три Ипостаси — Отец и Сын и Святой Дух».[13] Свт. Афанасий Великий также не видел разницы между сущностью и ипостасью. В 362 году в Александрийской Церкви состоялся собор, на котором решался «вопрос о возможности использования в учении о Троице выражений: «одна ипостась» и «три ипостаси». На соборе было решено, что допустимо применять к Богу как выражение «одна ипостась» (т.е. одна сущность), так и выражение «три Ипостаси» (три самостоятельных и реально существующих Лица.

Решение собора указывает на то, что определенные семантические связи обнаруживаются между понятиями «ипостась» и «лицо». Термин «лицо» (πρόσωπον) в переводе на латинский «persona», в триадологическую терминологию вошел на основании употребления апостолом Павлом этого понятия по отношению к Иисусу Христу: *«Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа (2 Кор.4,6)»*.

Святитель Василий Великий в послании «К Григорию брату» пишет: *«Итак, поелику слово наше открыло во Святой Троице и общее, и отличительное, то понятие общности возводится к «сущности», а «ипостась» есть отличительный признак каждого Лица»* [10]. То есть термин «ипостаси» и понятие «лицо» оказываются взаимозаменяемыми. В двух различных словах содержатся признаки выразимости, определенности, конкретности, единственности, особенности, характерности, свойственности, субъективности, индивидуальности, отличительности, личностности и обязательно именуемости, выраженной в узнаваемости.

В историко-богословских исследованиях высказывается мнение, что определение разницы между сущностью и ипостасью у свт. Василия Великого восходит к логико-философским схемам Аристотеля, который считал, что общее понятие

есть второе сущностное определение, а ипостась – первое, конкретно характеризующее понятие о сущности. Ибо в логическом выражении понятие – сущность, должно быть всегда определимым. Общее понятие только обозначает, но не конкретно определяет. Человек есть апостол Павел, слово человек является незаконченным понятием, так как человека вообще, по мнению Аристотеля, не существует. В связи с этим он утверждал, что понятие об «ипостаси» является субстанциональным понятием сущности. Поэтому свт. Василий применяет в своем логико-богословском рассуждении эту фундаментальную, определительную аргументацию Аристотеля.

С точки зрения логики святителя Василия, между понятием «лицо» и его ипостасными свойствами нет существенного смыслового разрыва, отличительные свойства присущи лицу, и без них нет завершенности понятия о нем. Применительно к человеку понятия «лицо» или «ипостась» конкретно, поскольку в этих терминах концентрируется определимость понятия.

Термин «личность» в русской языковой традиции

В последнее время в богословие входит новый термин – «личность», который стал синонимом «ипостаси» или «лица». Этот слово, как предполагают некоторые исследователи, в русский язык вошло в середине XVIII века. Так, в статье М.В. Калашникова «Понятие «личность» в дискурсивных практиках Н.М. Карамзина и его круга» цитируется высказывание В.В. Виноградова, который писал: «Слово личность было образовано как отвлеченное существительное к имени прилагательному *личный,* обозначавшему: «принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу» [11]. Еще в 1848 году Шевырёв С.П. писал: «Вопрос о личности, её значении и действии в нашей литературе, есть один из деятельнейших в ней вопросов. Никогда ещё так много о личности не говорили – и никогда так не вызывали её к действию. Замечательна перемена, последовавшая даже в значении этого слова относительно к его употреблению. Прежде под именем *личности* разумели оскорбление, наносимое лицу; в таком смысле говорили: - «он сказал мне *личность»* [9, с. 35]. Сопоставим данные определения с термином «persona» в латинском языке. Этот термин иногда применялся в негативном значении некой маски, или лицемерной «личины», как и в русском языке. Так, например, Тертуллиан в книге «Против Маркиона», критикуя его докетизм, употребляет термин «личность» именно в таком значении по отношению к богу Маркиона: «Итак, приступим теперь к рассмотрению самой личности бога или, скорее его тени и призрака, каковым является его Христос» [1, с. 102]. Так же в другом месте его труда Тертуллиан использует «личность» в отвлеченным значении, называя людей «прочими личностями» [1, с. 70].

«Личность» с точки зрения логики и ее соотношение с святоотеческим учением о Божественных энергиях

В философии персонализма существуют разные определения личности. В.С. Соловьев, В.Н. Лосский, свщ. Павел Флоренский и другие пытались дать определение личности, каждое из которых имело свое теоретическое обоснование, свою специфику. С точки зрения логики, термин «личность» является абстрактным, отвлеченным. Он не указывает на что-то конкретное, он согласуется с такими понятиями, как «свойственность», «характерность», «личностность». Иоанн Зизиулас отмечает в своей статье: «Зачастую высказывается мнение, что человек «обладает» личностностью, а не «есть» – личность…»[3, с. 193].

В самом деле «личность» – это характерность и отличительный признак какого-то человека. В связи с этим получается, что человек есть характерность, например, Павел есть некая особенность. Вышеуказанная логическая конструкция должна соответствовать соотношению общего и частного: если Сократ – общее понятие, то личность, которая присуща именуемому человеку, должна соотноситься с частным понятием. Но некая

личность не именуема, а значит, мнимо существует или не существует вовсе. Сократ есть человек – все ясно, но Сократ есть личность – не понятно. Здесь отсутствует логическая завершенность понятия.

Если в термине «лицо» уже есть составляющие понятия субъектности, определимости, выразимости, именуемости, узнаваемости, то в термине «личность» так же должны заключаться эти характеристики. Однако при этом интуитивно чувствуется некая размытость и неопределенность понятия личности. Человеческая личностность – это нечто привходящее в природу. Личность является не существенным признаком, но привходящим, меняющимся свойством или ипостастным состоянием природы. Например, понятия «здоровье человека» или «образованный человек» зависит от спонтанно складывающихся обстоятельств, конечно же, в отношении образованности и от личных способностей. Но это обстоятельства, которые привходят в формирование состояния личностности. Талантливый человек может и не реализовать свой талант, а менее талантливый может развить свой талант. Человеческое естество не статично, оно постоянно находится в движении тела, души, ума; меняются взгляды, как религиозные, так и политические, меняется умонастроение, тело возрастает, стареет и умирает. С сотериологической стороны, человек обретает веру и ее теряет. Сатана был наивысшиим ангелом света, Иуда был апостол!

Можно рассуждать о человеческой личностности как совокупности психофизических энергий конкретно именуемого человека по аналогии с Божественными энергиями Троицы. Бог познается через Его энергии, исходящие от Единосущной Троицы. Христологический аспект выражается в том, что Отец познается через Ипостась Сына, Которая реально, актуализируется в нашей действительности. Ипостась Сына познаваема, осязаема, изображаема и именуема «видевший Меня, видел Отца» (Ин, 14.9). Так и любое живое существо индивидуально самовыражает свою сущность через актуализирующую природную энергию. Как в Божестве Его энергия неотделима от Него, так и человеческая личностностность неотделима от природы, конкретно именуемого человека.

Тезис «Личность есть несводимость человека к природе»

В различных публикациях по проблеме личности нередко используется следующий тезис Н. Лосского: «Личность есть несводимость человека к природе» [7, с. 227]. У современных богословов можно также встретить, на наш взгляд, необоснованное утверждение о том, что якобы в учении святых Отцов содержится идея о «личности», которая мыслится вне категории природного бытия. Так, по мнению прот. В. Леонова: «*Отождествив Лицо и Ипостась, Великие Каппадокийцы ввели новое понятие – «личность», которого не знал языческий мир. Следуя их мысли, личность не является частью сущности или природы, не сводится к природному бытию, не мыслится в природных категориях*» [12]. Отметим, что здесь имеется явное противоречие с вышеуказанной цитатой святителя Василия Великого. То, что он отождествил два термина, – это правда, но никакого намека на личность там нет. В его цитате как раз содержится понятие об общей Божественной природе и ипостаси как выразимом отличительном признаке Лиц, причем между общим и частным понятиями прямая взаимосвязь. Греческий отцы никогда не вводили и не употребляли этот не соответствующий термин по отношению к Троице, они использовали (πρόσωπον) – лицо, которое и есть выражение природного бытия и мыслится только в природной категории. Подобная идея о том, что некая «абстрактная личность» не сводится к природе, встречаются также и в труде С.А. Чурсанова «Лицом к Лицу». Несмотря на то, что в своем исследовании С.А. Чурсанов приводит цитату Иоанна Зизиуласа («В греческой философии термин ипостась никогда не был связан с термином «личность»» [8, с. 89]), он пишет: *«В XX веке*

православные авторы в качестве характерной особенности богословского понимания личности выделили положение о несводимости личности к природе» [8, с. 134].

По-видимому, в понятии «несводимости личности к природе» присутствует некая антиномия, потому что внутренне выражение человеческой природы есть следствие выводимости, а не сводимости, в связи с этим, *выводить понятие о личности за пределы природы и вкладывать в него метафизический смысл является онтологической ошибкой*. Философски некая личность не именуема, не познаваема, не сводима к природе, но она все-таки внеприродно, неопределенно самосуществует. Личность, как мы указали выше, соотносится с понятиями «характерность», «особенность», но сами по себе эти понятия не относятся к фактору определенной узнаваемости, этими словами оперируют для завершенности какого-то понятия. Мы не можем сказать, что характерность узнаваема сама по себе.

«Личность» как трансцендентное выражение Образа Божия в человеке

В догматическом богословии прот. Олег Давыденков подчеркивает мысль о том, что некоторыми авторами предпринимается попытка связать понятие человеческой личности с Образом Божиим. Так, он приводит тезис священника Владимира Шмалии: «Трансцендентность образа Божия в человеке по отношению к природе подразумевает, что образ Божий не может являться частью природы или элементом природного состава» [2, с. 310]. Откровенно тревожит такое трансцендентное понимание Образа Божьего. Он как раз, имманентен. Святые Отцы разделяли понятия общего и частного, а не целостность природы. Бог – общее понятие, Ипостась Сына частное понятие – проявление непостижимой сущности Ипостаси Отца. Далее отметим, что между Ипостасями Троицы и Сущности нет существенного онтологического разделения, как и свидетельствует святитель Великий Василий: *« <…> не блуждая мыслию ни по какому промежутку между Отцем, Сыном и Святым Духом, потому что нет ничего между Ними вставного, ни чего-либо самостоятельного и отличного от Божия естества, так чтобы естество сие могло быть отделено Само от Себя вставкой постороннего, ни пустоты какого-либо ненаполняемого пространства, которая бы производила перерывы в единении Божией сущности с Самою Собою…и»* [10]. То же мы можем сказать и о человеческой общей природе и конкретной человеческой ипостаси. Таким образом, в рассуждениях современных богословов вызывает вопросы не столько термин «личность», сколько вышеуказанное понятие о «несводимости некой личности к природе».

Можно согласиться с мнением В.Н. Лосского о том, что в святоотеческом богословии нет разработанного учения о человеческой личности [2, с. 311]. Однако отметим, что в истории вселенские и поместные соборы утверждали догматы по мере возникновения тех или иных проблем. Современная ситуация по поводу богословской определенности термина «личность» также в этом смысле не является исключением.

Новое понятие «Бог есть Личность»

В книге «Основы православной антропологии» автор прот. Вадим Леонов также придерживается мысли о том, что Бог есть Личность, Его образ в человеке метафизичен и *«все проистекающие из него свойства и качества человека заприродны»* [6, с. 112]. Осмелимся возразить. Бог не есть Личность. Никто таким образом, по крайней мере, из греческих отцов не высказывался о Боге. Бог есть Сущий: «Я есмь Сущий», или в древнееврейском: «Я есть тот, Кто Я есть» (Исх.3.14). Преп. Иоанн Дамаскин говорит: «Поэтому кажется, что из всех имен, приписываемых Богу, более главное – Сый (Сущий)…» [4, с. 40]. В богословии личные взаимоотношения человека с Богом, не означают того, что Бог есть Личность, а означает, то, что Он всегда имманентен нам: «пребудьте во Мне и Я в вас » (Ин.15.4). Иудейский Всемогущий Непознаваемый Бог стал реально имманентным через вочеловечение.

Каждый человек в субъективности самовыражает свою природную необходимость быть соучастником в Божественном бытии. Если человеческая личность есть некий непостижимый Образ Божий, то он по определению присутствует в сущности человеческой природы, а не вне ее. Он не метафизичен, а внутрисущностен, психофизичен и богоподобно реализуется в нашей действительности. Психофизичен, потому что Бог стал человеком, чтобы человек стал богом по благодати. Бог сотворил человека по Образу и Подобию и, согласно мнению свящ. Иринея Лионского, по физической форме Богочеловека Иисуса Христа, в перспективе боговоплощения [5, с. 14]. Иисус Христос в нашей реальности евхаристичен, то есть плоть и кровь Богочеловека имеет важное значение в восстановлении образа и подобия в человеческой природе. Освящается как внутренне, так и внешне, поэтому психофизичность человеческой природы с сотериологической точки зрения выражается в евхаристичности.

Далее необходимо отметить, что Царство Божие внутри нашего естества, как сказал Господь наш Иисус Христос, и постигаем мы Его, прежде всего, в недрах нашей природы, где Образ Божий присутствует. Если Образ Божий в человеке метафизичен, то возникает простой вопрос – где Он? Вне природы? Тогда зачем Христос воплотился, зачем страдал, зачем воскрес? Христос спасает метафизическую внеприродную личность? Не спас ли Он своим вочеловечением и воскресением всего человека в целостной гармони души и тела! Образ Божий как раз и определяется в человеческом естестве, в его сердце, как совокупности всех духовно-телесных чувств. Ум есть Образ Божий. Умная созерцательная молитва есть высшее богословие. Видеть Бога умными очами возможно благодаря Образу Божьему и Его Подобию в нас. Ибо подобное постигается подобным. Преп. Иоанн Дамаскин говорит, что Адам упал умом, вследствие чего Образ Божий помутнел и вся человеческая природа содрогнулась и стала смертной. «Бог Слово, желая восстановить то, что было по образу Его, сделался человеком. А что есть бывшее по образу, если не ум?» [4, с. 251].

Вывод. В современном богословском понятии «личность» присутствует *внесущностный метафизизм* некой абстрактной, безобразной, неопределенной личности. Этот термин не может быть синонимом ипостаси или лица и не должен применяться в тринитарном богословии. Возможно применение его в антропологии, где личность может пониматься как совокупность психофизических энергий. Самоопределяющий ипостастный импульс человеческой сущности, есть важный фактор добровольного синергического сосуществования с Богом. Соипостизируемый с Богом человек, через таинства Церкви входит в Божественную Ипостась, достигая единения, которое в богословии называется «обожением» или причастием к Божескому естеству, где всякое индивидуальное греховное «эго» стирается и приобретает иную форму бытия, выраженную в соипостастной жизни в Боге. Как отметил апостол Павел: «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Таким образом, трансформация понятия «личность» является не совсем верным плодом философского творчества, внедрение которого, прежде всего, в тринитарное богословие может создать множество проблем. Индикатором соответствия с Божественным Откровением является святоотеческое учение. Поэтому в вопросе о личности современная богословская мысль должна опираться, прежде всего, на труды Святых Отцов Церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тертуллиан К. С. Ф. Против Маркиона: в пяти книгах / перевод с латинского языка, вступительная статья и комментарии А. Ю. Братухина. СПб.: Издательство Олега Абышко: Университетская кн., 2010. 572 с.

2. Давыденков О., прот. Догматическое богословие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 624 с.
3. Зизиулас Иоанн. Что значит быть личностью: к вопросу об онтологии личностности // Богословие личности / Под. Ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 193-209.
4. Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение Православной веры. М.: Отчий дом, 2011. 480 с.
5. Ириней Лионский. свящм //Доказательство апостольской проповеди. М.: Благовест, 2011. 64 с.
6. Основы православной антропологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство МП РПЦ, 2016. 456 с.
7. Малер А. М. Понятие личности в софиологии и неопатристики // Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития: Сборник научных статей. М. Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 225-248.
8. Чурсанов С. А. Понятие личности в православном богословии XX века. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство ПСТГУ, 2019. 264 с.
9. Шевырёв С. П. Очерки современной русской словесности // Москвитянин. 1848. № 1. С. 30-54.
10. Василий Великий свт. Письмо 38, к Григорию брату // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL.: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pisma/38
11. Калашников М. В. Понятие «личность» в дискурсивных практиках Н. М. Карамзина и его круга // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании: сборник материалов. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2016. С. 34-41.
12. Леонов В., прот. Ипостась // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/ipostas
13. Фокин А. Р. Многозначность термина «ипостась» и его важность для патристического богословия // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/ipostas-kak-bogoslovskij-termin-v-patristike.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Tertullian K. S. F. Protiv Markiona: v pjati knigah / perevod s latinskogo jazyka, vstupitel'naja stat'ja i kommentarii A. Ju. Bratuhina. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko: Universitetskaja kn., 2010. 572 s.
2. Davydenkov O., prot. Dogmaticheskoe bogoslovie. M.: Izd-vo PSTGU, 2017. 624 s.
3. Ziziulas Ioann. Chto znachit byt' lichnost'ju: k voprosu ob ontologii lichnostnosti // Bogoslovie lichnosti / Pod. Red. Alekseja Bodrova i Mihaila Tolstoluzhenko. M.: Izdatel'stvo BBI, 2013. S. 193-209.
4. Ioann Damaskin, prp. Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoj very. M.: Otchij dom, 2011. 480 s.
5. Irinej Lionskij. svjashhm //Dokazatel'stvo apostol'skoj propovedi. M.: Blagovest, 2011. 64 s.
6. Osnovy pravoslavnoj antropologii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo MP RPC, 2016. 456 s.
7. Maler A. M. Ponjatie lichnosti v sofiologii i neopatristiki // Sofiologija i neopatristicheskij sintez: bogoslovskie itogi filosofskogo razvitija: Sbornik nauchnyh statej. M. Izd-vo PSTGU, 2013. S. 225-248.
8. Chursanov S. A. Ponjatie lichnosti v pravoslavnom bogoslovii XX veka. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2019. 264 s.
9. Shevyrjov S. P. Ocherki sovremennoj russkoj slovesnosti // Moskvitjanin. 1848. № 1. S. 30-54.
10. Vasilij Velikij svt. Pis'mo 38, k Grigoriju bratu // Pravoslavnaja jenciklopedija «Azbuka very». URL.: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pisma/38
11. Kalashnikov M. V. Ponjatie «lichnost'» v diskursivnyh praktikah N. M. Karamzina i ego kruga // Karamzinskij sbornik. Karamzin i karamzinizm v sovremennom soznanii: sbornik materialov. Ul'janovsk: Izd-vo «Korporacija tehnologij prodvizhenija», 2016. S. 34-41.
12. Leonov V., prot. Ipostas' // Pravoslavnaja jenciklopedija «Azbuka very». URL: https://azbyka.ru/ipostas

13. Fokin A. R. Mnogoznachnost' termina «ipostas'» i ego vazhnost' dlja patristicheskogo bogoslovija // Pravoslavnaja jenciklopedija «Azbuka very». URL: https://azbyka.ru/ipostas-kak-bogoslovskij-termin-v-patristike.

Поступила в редакцию 26.05.2020.
Принята к публикации 29.05.2020.

Для цитирования:
Апухтин А.Н. Терминологическая неопределённость понятия личности в богословии // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 270-277. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Apukhtin.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3895819
УДК 1

Бухалова Н.А., Игнатьева Н.Н.

Бухалова Наталья Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, 606340, Россия, Нижегородская обл., г. Княгинино, ул. Октябрьская, д. 22-а. E-mail: nat.buhalova@yandex.ru.
Игнатьева Наталья Николаевна, старший преподаватель, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, 606340, Россия, Нижегородская обл., г. Княгинино, ул. Октябрьская, д. 22-а. E-mail: ngieikonkova@yandex.ru.

Современная семья: кризис или трансформация?

Аннотация. Современное состояние института семейно-брачных отношений вызывает интерес исследователей в связи с резкими изменениями, которые он претерпевает. Появляются новые формы брака, наблюдается тенденция к нуклеаризации семьи, снижается значимость и широта ее функционала для современного индивида. Это подтверждается как статистическими данными, так и обзором общественного мнения за последнее десятилетие. Наблюдается трансформационный сдвиг от традиционных семейных отношений в сторону их новых форм, что расценивается многими исследователями как кризис, требующий срочных решений в рамках государственной социальной политики. Реализуемые меры не дают позитивных результатов на качественном уровне не только в России, но и во многих развитых странах, как запада, так и востока. Кризисные явления, на взгляд авторов статьи, вызваны влиянием целого комплекса факторов, обусловленных переходом к новой формации общества в целом. Синергетический подход в анализе социальных явлений предлагает иное рассмотрение проблемы: не как кризиса, но как трансформации института семьи как неравновесной, открытой, самоорганизующейся системы, находящейся в точке бифуркации.
Ключевые слова: аттрактор, бифуркация, кризис, нуклеарная семья, семейно-брачные отношения, синергетика, трансформация.

Bukhalova N.A., Ignatyeva N.N.

Bukhalova Natalya Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod state engineering and economic university, 606340, Russia, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, Otyabrskaya st., 22-a. E-mail: nat.buhalova@yandex.ru.
Ignatyeva Natalya Nikolaevna, Senior Lecturer, Nizhny Novgorod state engineering and economic university, 606340, Russia, Nizhny Novgorod region, Knyaginino, Otyabrskaya st., 22-a. E-mail: ngieikonkova@yandex.ru.

Modern family: crisis or transformation?

Abstract. The current state of the institution of family and marriage relations interests researchers due to undergoing the drastic changes. New forms of relations are emerging, including the nuclear family. Its significance and breadth of its functionality for the modern individual is decreasing. This is confirmed by both statistical data and the surveys of public opinion over the past decade. Thus, there is a transformational shift from traditional family relations to their new forms, which is regarded by many researchers as a crisis that requires urgent solutions within the state social policy. The implemented measures do not give positive results at the qualitative level not only in Russia, but also in many developed eastern and western countries. Crisis phenomena, in the authors' opinion, are caused by the influence of a complex of factors conditioned by the transition to a new formation of society as a whole. The synergetic approach implemented within the analysis of social phenomena offers a different view of the problem: not as a cri-

sis, but as a transformation of the institution of the family as an unbalanced, open, self-organizing system located at the point of bifurcation.
Key words: attractor, bifurcation, crisis, nuclear family, family and marriage relations, synergetics, transformation.

В эпоху перехода от одной формации общества к другой некоторые социальные институты переживают качественные изменения. В настоящее время наблюдается трансформация многих общественных структур, в том числе и семейно-брачных отношений. Среди факторов влияния отмечают эмансипацию (в частности, феминистские движения, движения сексуальных меньшинств), внедрение понятия гендера как социального конструкта, усиление влияния ювенальной юстиции, повышение продолжительности жизни человека (и, как следствие, повышение срока работоспособности членов общества), экономическую, культурную и информационную глобализацию мирового сообщества – «уменьшение мира», и многие другие. Данные феномены оказывают существенное воздействие на социализацию индивида, его самосознание, мобильность и, очевидно, его ценностные ориентиры.

В связи со стремительными изменениями социума как комплекса различных систем (и семьи в их числе) исследователи озаботились их состоянием в стремлении дать происходящим процессам оценку. Для этого на вооружение берутся различные методологические парадигмы, такие, например, как аксиологический, андрагогический, системный и синергетический подходы. Несмотря на разницу подходов и взаимную критику, возможно условно разделить позиции ученых на оптимистические и пессимистические. Иными словами, семейно-брачные отношения могут рассматриваться как кризисные, или как находящиеся в процессе модернизации [5, с. 60].

О кризисе семейно-брачных отношений чаще всего говорится в контексте отречения от «идеалов» ее патриархального формата, среди основных дистинктивных признаков которого выделяют финансовое и нравственное доминирование мужчины, сосредоточенность женщины на хозяйственной функции, преемственности поколений родственников (линейные семьи) [13, с. 26]. С точки зрения ценностных ориентиров, традиционная семья определяется как оплот веры, целомудрия, заботы, благочестия, родительства, терпения, жертвенности, что плотно перекликается с исконными православными добродетелями [7, с. 86, 88]. Таким образом, кризис семейно-брачных отношений характеризуется появлением «нетрадиционных» типов семейных отношений. Речь идет о расширении понятия семьи не только в бытовом понимании, но и на законодательном уровне: признание социального партнерства или «гражданского» брака, неполной семьи, патронатной семьи, замещающей семьи и, в некоторых государствах, однополой семьи нивелирует идеалистические установки классической семьи как устойчивой ячейки общества [3, с. 27].

Данные тенденции в России подтверждаются и статистическими данными ВЦИОМ последнего десятилетия [9]. Согласно опросу от 2017 г. 60 % (в сравнении с 35 % в 2005 г.) респондентов считают, что главы семьи быть не должно, важные решения должны приниматься совместно, мужчину (мужа) главой семьи считают 29 % опрошенных. В опросе от 2015 г. наблюдается увеличение количества респондентов, не желающих вступать в брак – с 4 % до 12 % в 1989 г. и 2014 г. соответственно. Разрушение линейности семей выражается в желании граждан быть независимыми от членов семьи старшего поколения – 65 % респондентов опроса от 2012 г. выразили согласие с тем, что муж и жена должны «жить своим умом, не позволяя другим вмешиваться в их дела». Кроме того, повышается многочисленность малых се-

мейных форм, так согласно инфографике от 2014 г. 53 % респондентов считают двоих детей идеальным количеством в семье. Продолжая тематику репродуктивной и воспитательной функции семьи, стоит отметить, что лишь 16 % опрошенных в 2013 г. считают, что детей должно защищать государство, а не семья. Вместе с тем, 57 % и 47 % соответственно высказываются за создание судов для несовершеннолетних с целью профилактики правонарушений и негосударственных общественных комиссий для их наделения полномочиями государства. На вопрос о том, как респонденты представляют себе идеальную семью, в 2013 г. лишь 17 % ответили, что это «полная семья (мама, папа, дети)». Отношение российского сообщества к однополым бракам остается традиционным, хотя и смещается в сторону принятия гомосексуальных отношений как таковых. Так, в 2015 г. 12 % респондентов высказалось, что подобные пары нужно «охранять от их дискриминации», 6 % - за то, что нужно признать право «лиц нетрадиционной сексуальной ориентации» на создание полноценной семьи (из них 3 % - включая право на приемное или суррогатное родительство). Касаемо разводов, отношение к ним в современном обществе становится все более нейтральным. Опрос 2013 г. показывает, что 11 % респондентов считают, что «разводиться можно в любом случае, хуже от этого не будет» по сравнению с данными в 5 % от 1990 г.

Все эти тенденции также указывают на процесс нуклеаризации семьи, то есть уменьшение лиц, задействованных в семейно-брачных отношениях в рамках одной семьи, сужение или изменение их функционала, уменьшение связей между ними. О нуклеарной семье говорит и Т. Парсонс, определяя такие ее функции как первичную социализацию детей и стабилизацию социализации родителей, но, при этом отмечая, что данные функции становятся малозначимыми для общества в целом и более значимыми для отдельных индивидов [19, с. 14].

По мнению многих исследователей, наблюдаемые процессы являются кризисными и ведут к утрате базового функционала и значения семейно-брачных отношений. Что, в свою очередь, чревато глобальными изменениями в демографической, социальной, духовно-нравственной и целеполагающей картине развития общества. Так, А. В. Шиловцев рассуждает о ценностных трансформациях института семьи как об угрозе социальной безопасности России и указывает в качестве ее причин цивилизационные и социокультурные [14, с. 52].

В целом, есть многочисленные утверждения, что преодоление кризиса возможно с помощью проведением государством комплексной социальной политики, направленной на восстановление (или сохранение) традиционных семейных ценностей и форм брака [4, с. 200; 1, с. 217]. Речь идет также о необходимости внедрения в образовательные программы новых дисциплин, формирующих социальную зрелость школьников, мерах экономической поддержки молодым семьям [8, с. 209].

В ответ на вызовы государство предприняло ряд мер в целях повышения благополучия и стабильности институтов брака, семьи, родительства и детства. В частности, 2008 г. был объявлен годом семьи, и был разработан план основных мероприятий, включающий такие категории, как «Семья и общество», «Семья и устойчивое развитие», «Семья и культура», «Семья и здоровье», «Семейный спорт и отдых», «Семья и социально ответственный бизнес» [11]. В рамках плана проводились фестивали, конференции, социологические опросы и мониторинг общественного мнения, благотворительные акции, форумы, соревнования и пр. Кроме того, в 2014 г. была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, согласно которой брак понимается как «союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в це-

лях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [10]. Реализация концепции должна привести к улучшению ситуации в области экономической самостоятельности, государственной поддержки, семейных ценностей, культурно-образовательного потенциала, финансового благополучия семей. В целом, несмотря на предпринятые меры, основные статистические показатели, касающиеся устойчивости и благополучия семейно-брачных отношений упорно ухудшаются или, по крайней мере, не улучшаются. Так, по данным Росстата, количество браков в России падает с 2012 г., составляя 5,8 на 1000 населения, а количество разводов остается неизменным с 2014 г. (но растет для семей с двумя детьми с 7% до 12% и более), составляя примерно 3,4 на 1000 граждан в год. Средний возраст вступления в первый брачный союз у мужчин составляет 31 год, у женщин – 27 лет [12].

В итоге можно сделать двоякий вывод: либо поддержка института семьи государством недостаточна (не работает) в сегодняшнем состоянии, либо на его стабильность влияет что-то большее, нежели обеспечение субсидий и проведение культурно-спортивных мероприятий. Он может быть подкреплен также и тем фактом, что тенденции, наблюдаемые в России, можно проследить и в странах с высоким государственным благополучием (например, страны Европы, Северной Америки). Так, в США на 1000 граждан ежегодно в среднем приходится примерно 6,5 браков и 3,2 разводов [18]. Подобные тенденции можно пронаблюдать и в странах Востока (Китае, Южной Корее, Японии), то есть, в тех странах, чьи духовно-религиозные установки разительно отличаются от европейских или американских, то есть «западных» в обобщенном смысле. Следовательно, не совсем правомерными являются выводы некоторых исследователей о том, что именно экономическая нестабильность или повсеместно насаждаемая духовно-нравственная и цивилизационная концепция Запада являются «виновницами» негативных тенденций в рамках семейно-брачных отношений [1, с. 216].

Проблема, если ее считать таковой, носит глобальный характер и более ярко выражена в государствах с более высоким уровнем цивилизационного развития (то есть, экономического, социального, правового, культурного в целом). Следуя теории О. Шпенглера, подобные тренды развития государств могут пониматься как эпоха «заката» ряда цивилизаций, что представляется как вполне закономерный этап их развития. Культурологические учения последнего в некоторых аспектах коррелируют с одним из новейших подходов, практикуемых в социальных и гуманитарных науках, – синергетическим, который рассматривает любые, в том числе, и социальные, кризисные явления не как разрушение, а в качестве переходного периода существования неравновесных систем в точке бифуркации.

Семья, согласно данному подходу, является открытой, самоорганизующейся системой, имеющей несколько вариаций (аттракторов), которые до последнего времени были несущественно различимыми. Появление же в XX-XXI вв. множества категорий семейных отношений может трактоваться как нарастающее количество аттракторов под влиянием хаоса (внешних факторов), рост уровня энтропии (дезорганизации) системы, что приведет, в свою очередь, к ее качественным изменениям. В контексте семьи возможно рассматривать изменения, происходящие в экономике, технологии, культуре, демографии и пр. как хаос, привносящий в постоянно меняющуюся систему нестабильность, порождая колебания связей между ее элементами (флуктуации). Последние выражаются в сменах функциональных ролей супругов, нуклеаризации семьи, снижении фертильности как женщин, так и мужчин, росте количества

разводов, «старении» молодоженов и других изменениях. Согласно синергетике, традиционная семья в настоящее время представляет собой не что иное, как странный аттрактор, то есть, ту фазу равновесия системы, в которой поведение отдельных ее элементов крайне не стабильно. Попытка же правительств различных стран стабилизировать институт семейно-брачных отношений представляет собой стремление привнести отрицательную энтропию или негэнтропию, то есть, повысить уровень стабильности системы искусственно с целью избежать ее полного коллапса. Термин отрицательной энтропии был введен Э. Шредингером: «Он [живой организм – прим. авт.] может (…) оставаться живым, только путем постоянного извлечения из окружающей его среды отрицательной энтропии, которая представляет собой нечто весьма положительное» [15, с. 82]. Данные доводы могут подтверждаться широким опытом отечественных и зарубежных исследователей, касаемо применения синергетического подхода к социальным явлениям, например, В. В. Васильковой, А. К. Гуц и Ю. В. Фроловой, С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой, М. Гроссетти [2, 6, 16, 17] и др. В их трудах подтверждается идея авторства Г. Хакена о том, что синергетический подход позволит осуществить не только анализ современного состояния социальных институтов и изменений в них, но и спрогнозировать, используя математические методы, перспективы их развития с учетом множественных факторов. Авторы придерживаются позиции, что синергетика может являться той системой, которая, не являясь, впрочем, «новой философией всего», позволит по существу объяснить сложные процессы в социуме с помощью междисциплинарного научного инструментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтигулова Л. Б. Современная семья: трудности и надежды // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. М.: изд-во МГТУ, 2002. №3. С. 213-217. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-semya-trudnosti-i-nadezhdy
2. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации // СПб.: Лань, 1999. 480 с.
3. Галанина Ю. В. О трансформации института семьи // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. Ессентуки: изд-во Ессентукский институт управления, бизнеса и права, 2015. № 11. С. 26-29. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25955300
4. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. Омск: изд-во ОмГУ, 2015. №3. С. 193-200. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov
5. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2017. № 1. С. 59-62. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27724711
6. Гуц А. К., Фролова Ю. В. Математические методы в социологии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 216 с.
7. Дмитрийчук А. Ю. Представление о семье в русской философско-культурологической мысли // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018. №1 (25). С. 85-100. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-semie-v-russkoy-filosofsko-kulturologicheskoy-mysli
8. Иванова А. А. Основные проблемы современной семьи // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Новосибирск: изд-во ООО Центр развития научного сотрудничества, 2010. №4-1. С. 206-21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-sovremennoy-semi

9. Инфографика по теме «Семья» (№ 2062, № 2226, №2338, № 2383, № 2595, № 2807, № 2876, № 3414) // ВЦИОМ. URL: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family.html#
10. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство Российской Федерации Распоряжение от 25 августа 2014 года № 1618-р. URL: http://docs.cntd.ru/document/420217344
11. Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2008 году в Российской Федерации Года семьи (фактически утратило силу в связи с истечением срока действия) // Правительство Российской Федерации Распоряжение от 12 октября 2007 года № 1405-р. URL: http://docs.cntd.ru/document/902065952
12. Статистика браков и разводов // Росстат. Статистика и показатели региональные и федеральные. URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/
13. Урусова Е. А. Современная семья как отражение трансформации российского общества // Наука. Мысль. Волжский: изд-во ИП Подколзин М. М., 2016. Т. 6. № 11. С. 25-28. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28288906
14. Шиловцев А. В. Ценностные трансформации института семьи как угроза социальной безопасности России // Агропродовольственная политика России. Тюмень: изд-во УНИИЭИП, 2012. № 10. С. 49-53. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25593440
15. Шредингер Э. Что такое жизнь? М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. 150 с.
16. Bessin M., Bidart C., Grossetti M. Bifurcations. Les sciences sociales face aux ruptures et à l'évènement // La Découverte, coll. «recherches», 2010. 397 p.
17. Knyazeva H., Kurdyumov, S. P. Nonlinear Synthesis and Co-evolution of Complex Systems // World Futures. 2001. Vol. 57. P. 239-261.
18. National Marriage and Divorce Rate Trends // National Center for Health Statistics. URL: https://www.cdc.gov/nchs/data/dvs/national-marriage-divorce-rates-00-18.pdf
19. Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Family, Socialization and Interaction Process. Editor: Glencoe, Free Press, 1955. P. 10-26.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bahtigulova L. B. Sovremennaja sem'ja: trudnosti i nadezhdy // Vestnik MGUL – Lesnoj vestnik. M.: izd-vo MGTU, 2002. №3. S. 213-217. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-semya-trudnosti-i-nadezhdy
2. Vasil'kova V. V. Porjadok i haos v razvitii social'nyh sistem: sinergetika i teorija social'noj samoorganizacii // SPb.: Lan', 1999. 480 s.
3. Galanina Ju. V. O transformacii instituta sem'i // Vestnik Essentukskogo instituta upravlenija, biznesa i prava. Essentuki: izd-vo Essentukskij institut upravlenija, biznesa i prava, 2015. № 11. S. 26-29. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25955300
4. Galkina E. P., Kadnichanskaja M. I. Transformacija instituta sem'i v uslovijah sovremennyh modernizacionnyh processov // Vestnik OmGU. Serija: Jekonomika. Omsk: izd-vo OmGU, 2015. №3. S. 193-200. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov
5. Gurdzhijan M. V. Krizis sem'i v sovremennoj Rossii i puti ego preodolenija // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. Krasnodar: Izdatel'skij dom «HORS», 2017. № 1. S. 59-62. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27724711
6. Guc A. K., Frolova Ju. V. Matematicheskie metody v sociologii. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 216 s.
7. Dmitrijchuk A. Ju. Predstavlenie o sem'e v russkoj filosofsko-kul'turologicheskoj mysli // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. Tula: izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2018. №1 (25). S. 85-100. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-semie-v-russkoy-filosofsko-kulturologicheskoy-mysli
8. Ivanova A. A. Osnovnye problemy sovremennoj sem'i // Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznanija. Novosibirsk: izd-vo OOO Centr razvitija nauchnogo sotrudnichestva, 2010. №4-1. S. 206-21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-sovremennoy-semi

9. Infografika po teme «Sem'ja» (№ 2062, № 2226, №2338, № 2383, № 2595, № 2807, № 2876, № 3414) // VCIOM. URL: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/family.html#
10. Ob utverzhdenii Koncepcii gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda // Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii Rasporjazhenie ot 25 avgusta 2014 goda № 1618-r. URL: http://docs.cntd.ru/document/420217344
11. Ob utverzhdenii plana osnovnyh meroprijatij po provedeniju v 2008 godu v Rossijskoj Federacii Goda sem'i (fakticheski utratilo silu v svjazi s istecheniem sroka dejstvija) // Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii Rasporjazhenie ot 12 oktjabrja 2007 goda № 1405-r. URL: http://docs.cntd.ru/document/902065952
12. Statistika brakov i razvodov // Rosstat. Statistika i pokazateli regional'nye i federal'nye. URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/
13. Urusova E. A. Sovremennaja sem'ja kak otrazhenie transformacii rossijskogo obshhestva // Nauka. Mysl'. Volzhskij: izd-vo IP Podkolzin M. M., 2016. T. 6. № 11. S. 25-28. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28288906
14. Shilovcev A. V. Cennostnye transformacii instituta sem'i kak ugroza social'noj bezopasnosti Rossii // Agroprodovol'stvennaja politika Rossii. Tjumen': izd-vo UNIIJeIP, 2012. № 10. S. 49-53. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25593440
15. Shredinger Je. Chto takoe zhizn'? M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1947. 150 s.
16. Bessin M., Bidart C., Grossetti M. Bifurcations. Les sciences sociales face aux ruptures et à l'évènement // La Découverte, coll. «recherches», 2010. 397 p.
17. Knyazeva H., Kurdyumov, S. P. Nonlinear Synthesis and Co-evolution of Complex Systems // World Futures. 2001. Vol. 57. P. 239-261.
18. National Marriage and Divorce Rate Trends // National Center for Health Statistics. URL: https://www.cdc.gov/nchs/data/dvs/national-marriage-divorce-rates-00-18.pdf
19. Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Family, Socialization and Interaction Process. Editor: Glencoe, Free Press, 1955. P. 10-26.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Бухалова Н.А., Игнатьева Н.Н. Современная семья: кризис или трансформация? // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 278-284. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/BukhalovaIgnatyeva.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3895850
УДК 130.2

Гомбоева Н.Г.

Гомбоева Нина Гындуновна, доктор биологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, 672000, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, д. 129. E-mail: gomboevang@mail.ru.

Особенности духовной сферы современного общества

Аннотация. В статье отмечается, что одним из системообразующих элементов духовного бытия выступает синкрезис, проявляющийся в смешении, слиянии разнородных идей, образов, представлений на уровнях общественного, массового и индивидуального сознания. Синкретичность характеризует специфику мифологического и религиозного сознания. Однако мифологическое сознание в современном мире почти утратило свои позиции, в то время как религиозное сознание, напротив, укрепилось и получило широкое распространение. Автор анализирует трансформационные процессы в современном религиозном сознании, указывает на появление и активное распространение религиозных движений и культов синкретического характера.
Ключевые слова: синкрезис, религиозное сознание, духовная сфера, религиозный синкретизм, общество.

Gomboeva N.G.

Gomboeva Nina Gindunovna, Doctor of Biological Sciences, Associate Professor, Transbaikal State University, 672000, Russia, Chita, st. Babushkina, 129. E-mail: gomboevang@mail.ru.

Features of the spiritual sphere of modern society

Abstract. The article notes that one of the backbone elements of spiritual being is syncresis, which manifests itself in the mixing, fusion of diverse ideas, images, ideas at the levels of social, mass and individual consciousness. Syncretism characterizes the specifics of mythological and religious consciousness. However, the mythological consciousness in the modern world has almost lost its position, while the religious consciousness, on the contrary, has strengthened and gained wide circulation. The author analyzes the transformation processes in modern religious consciousness, points to the emergence and active dissemination of religious movements and cults of a syncretic nature.
Key words: syncrezis, religious consciousness, spiritual sphere, religious syncretism, society.

Духовные основания единства многонационального и поликонфессионального российского народа представляют собой матрицу интегрированных содержательных элементов общественного, массового и индивидуального сознания, ключевых точек пересечения, совпадения светских и сакральных содержательных компонентов, присущих обществу на всем протяжении его развития, либо на определенном этапе существования. В основании формирования данной матрицы находится система взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, условий и принципов различного характера. В эту систему входят: исторические условия (исторические корни и многовековое совместное проживание представителей различных этносов на определенной территории, общность пережитой череды исторических событий), политико-идеологический фактор (механизмы управления обществом и система идей, обосновывающих эти ме-

ханизмы, политические события), социокультурные факторы (общность культурных традиций, ценностей, символов, принципов совместного существования, экзистенциальных переживаний). Также в основании единения культур и религий российского народа, по замечанию М. М. Мчедловой «уникального варианта притяжения иных культурных и религиозных традиций», лежит ведущий принцип функционирования обыденного уровня сознания индивидов и масс – синкретичность [5]. В результате взаимодействий смешиваются, соединяются между собой идеи, представления, образы как религиозного, так и светского характера. Возникает синкретичность религиозных, религиозно-бытовых, религиозно-культурных, религиозно-научных, религиозно-политических учений и представлений. Безусловно, синкретичность охватывает все структурные взаимодействия в рамках обыденного уровня массового и индивидуального сознания. Она проявляется как среди религиозных учений, так и среди светских идей. Именно на основе синкретизма развивается культура, преобразуются когнитивные структуры, формируются ментальные установки жизнедеятельности общества. При этом, как пишет Ю.В. Гаврилова «синкретизму обыденного религиозного сознания индивидов во многом способствуют социальная среда и специфические для данной исторической эпохи социальные условия, предполагающие наличие определенного уровня развития экономических, политических, культурных и других составляющих социальной системы. Кроме того, психологическая индивидуальность личности, на которую накладывается получаемая индивидом информация из различных источников функционирования социальной среды, приводит к тому, что в сознании верующего формируется синкретический, «собственный» образ религии, отчасти уникальный» [4, с. 31]. Но необходимо учитывать, что синкретичность скоротечна и зависит от специфики массового сознания, от особенностей его содержания, этапов «существования» и развития. Как известно массовое сознание возникает стихийно, стремительно меняется вслед за социальными настроениями масс, также быстро распадается. В результате чего синкретичные элементы идей и представлений, приобретают качественное своеобразие, дифференцированные формы, четко очерченные смысловые границы и сохраняются в общественном сознании в виде новых учений, идеологий, верований. Этот процесс длится на протяжении всего развития духовного бытия общества и формирует особого рода духовные основания жизнедеятельности, понимание и осознание индивидами ценности и целей сосуществования.

Безусловно, религия играет здесь не последнюю роль. Во-первых, это происходит из-за «всеобщности» религии, ее так называемой всеохватности, при которой сознание человека и масс так или иначе взаимодействует со сферой религиозного характера, соприкасается с сакральными, мистифицированными представлениями. Трудно не согласиться с В.А. Тишковым в том, что «религия присуща человеческому обществу на протяжении всей его истории и охватывает до настоящего времени подавляющую часть населения земного шара. Всеобщность религии – один из самых впечатляющих феноменов всемирной истории» [7, с. 338]. Человек не может быть изолирован от влияния «других» религиозно-бытовых практик и «иных» культур, идеологий. Многовековое сосуществование на территории России практик и учений традиционных конфессий (православное христианство, ислам, буддизм) и традиционных этнических культов (шаманизм), их синкретизация на уровне обыденной религиозности формируют единое национальное самосознание, единые духовные основания бытия. И во-вторых, синкретичность перманентно присуща религии как части культуры. Религиозное сознание как база религии складывается и трансформируется под воздействием религиозного синкретизма. Прежде возникновения строго дифференцированных форм религиозного сознания, то есть са-

мостоятельных, «чистых», несинкретизированных религий, стадии и формы процессов синкретизма в мифологическом и религиозном сознании неизбежны. Религиозный синкретизм возникает и особо ярко проявляется в условиях поликонфессиональности и межрелигиозного взаимодействия, позволяющих легко находить точки соприкосновения представителям различных вер. Синкретизм указывает не на различия в верованиях, а прежде всего, на их общие основания, их схожесть.

Синкрезис общественного сознания явление, сопутствующее развитию духовной сферы общества. Однако о нем пишут мало, предпочитая говорить о ярких примерах его проявления в искусстве, литературе, религиях. В то время как синкрезис выступает одним из факторов духовного единства и его исследованию необходимо уделять несколько больше внимания.

Развитие духовной сферы бытия общества характеризуется синкрезисом содержания различных элементов в индивидуальном, массовом и общественном сознании. Наиболее ярко синкрезис сознания проявляется в периоды острых социальных, идеологических и информационных кризисов, в условиях которых общество ощущает катастрофизм своего существования, теряет ценностные ориентиры, утрачивает стратегически важные жизненные цели и общие мировоззренческие установки. У человека меняется осознание себя, смысла своего существования, формируется духовный «вакуум». Трансформация экзистенциальной идентичности способствует гибкости и легкой восприимчивости сознания к неконтролируемым потокам информации, приводит к активному поглощению и впитыванию информации без «фильтров». В итоге духовный «вакуум» заполняется новым мироощущением и миропониманием, которые сотканы из синкретических образов, идей, идеалов, убеждений, ценностей. Пройдет достаточно длительный период пока они утратят свою синкретическую сущность и займут нишу в общественном сознании. Ю.В. Гаврилова пишет: «В настоящее время синкретизм в духовной сфере приобретает общемировой масштаб и характеризуется высокой степенью интенсивности. Действием механизмов синкретизма оказались охвачены большинство религий современного мира, искусство, литература; появились и получили масштабное распространение идеи и учения синкретического характера» [2, с. 98]. На современном этапе развития общества проявляются вспышки синкрезиса массового сознания и в содержании сознания индивидов также присутствуют синкретические элементы – сознание продолжает пребывать как бы в «рыхлом», неустойчивом состоянии. В таких условиях индивиды осуществляют поиск новых смысложизненных ориентиров, их мировоззрение трансформируется, становясь фрагментарным, мозаичным. Это способствует снижению эффективности традиционных регуляторов общественных отношений, приводит к соблазну и опасности манипулятивного воздействия на индивидов и социальные группы. Тем самым, общество оказывается под угрозой возникновения и распространения опасных деструктивных учений, общественно-политических и религиозных движений, а также множества попыток их реализации.

Во всем многообразии своего проявления синкрезис можно усмотреть в процессах трансформации религий, в целом, и религиозного сознания, в частности. Так, «религиозный синкретизм представляет собой процесс взаимодействия и взаимовлияния различных религий, характеризующийся соединением, смешением, «переплетением» структурно-содержательных компонентов религиозного сознания (образов, идей, представлений, верований), культово-обрядовых практик и доктрин, входящих в область функционирования различных культурно-религиозных комплексов» [3, с. 33-34].

По своей сущности религиозное сознание как одного индивида, так и общества в целом, достаточно устойчиво к различного рода влияниям из вне и охра-

няется прочной концептуально выстроенной системой доктрин, препятствующей нарушению его целостности, «замкнутости», проникновению в его содержание инородных, в том числе, инорелигиозных элементов. Однако история религий и современное состояние религиозной ситуации в мире показывают нам череду примеров синкрезиса религиозного сознания. Так, на протяжении последних 30 лет в различных странах мира, включая Россию, возникло множество учений, движений и культов религиозно-синкретического характера. Содержание доктрин таких организаций, впрочем, как и содержание их культово-ритуальных практик, представляет яркий пример смешения элементов религиозных традиций Запада и Востока, также к ним добавляются компоненты мистицизма, эзотерики, философских, политических и научных идей. К такого рода религиозным движениям следует отнести общественно-религиозное движение Ананда Марга, именуемое исследователями специфическим вариантом синкретизма, международную общественную организацию «Радастея» и ряд других учений, объединенных названием Нью Эйдж [6, 8]. Отметим, что в последнее время все чаще наблюдаются соединение, смешение и интегрированность синкретичных религиозных учений и движений друг в друга и в традиционные религии, их развитие в собственных недрах, без формирования новых движений и организаций.

Не избежали веяний времени и традиционные религии – буддизм, христианство и ислам. В этих религиях в целом сохраняется чистота вероучения и обрядов, однако религиозное сознание их последователей, прежде всего, на индивидуальном и массовом уровнях, трансформируется. Прослеживается стремление адептов вырваться за пределы канона. Все чаще их приверженцы исповедуют свободную веру, необремененную системой институциональных ограничений и догматов. Анализируя, сложившуюся ситуацию в традиционных конфессиях, отечественный религиовед Е.Г. Балагушкин пишет, что многие верующие «…тяготятся жесткими формами традиционных религий и заявляют о своем отказе от «церковности» и даже от обычного понятия «религия» в пользу «религиозной веры», т.е. свободных религиозных убеждений, не стесненных жестким вероучением и контролем со стороны церковного института» [1, с. 120]. Причины тому все те же: переживание катастрофизма и апокалипсических страхов, утрата прежних и поиск новых экзистенциальных интенций, наличие спектра возможностей воспользоваться выбором бытийственного пути в условиях поливариативности развития.

Таким образом, в духовной сфере современного общества можно отыскать схожие черты с «пограничным состоянием» бытия о котором писал в своих работах К. Ясперс. В современном мире происходит пересмотр, переоценка всех связей и отношений в системе социального и духовного бытия, что способствует интенциональному повороту общественного сознания, реконструкции его «концептуального каркаса». Анализируя содержание и деятельность новых религиозных движений и культов, а также положение традиционных конфессий в России, ученые приходят к выводу, что сейчас: «можно с уверенностью говорить о формировании в глобальном масштабе новой ситуации в области человеческого сознания и поведения, отмеченной появлением стойких мистических настроений, концептуальных идей и социально-утопических проектов» [1, с. 122].

Таким образом, «матрица» единых духовных оснований российского народа формируется в результате сложных процессов структурных трансформаций индивидуального и массового сознания и может выполнять роль стабилизатора социума, восстанавливая нарушенное социальное равновесие в периоды социальных деформаций, напоминающих «пограничные ситуации» в которых, наблюдаются нарушения и разрушения социальных норм, отклонения от привычного «нормального» функционирования общества, отказ индивидов от ценностей, ориентиров и установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балагушкин Е. Г. Проблемы морфологического анализа религий. М.: ИФРАН. 2003. 218 с.
2. Гаврилова Ю. В. Механизмы возникновения религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. №3. С. 97-105.
3. Гаврилова Ю.В. Синкретизм как фактор формирования и эволюции социальной реальности // Гуманитарный вектор. 2015. №2 (42). С. 29-34.
4. Гаврилова Ю. В. Социальные изменения как фактор синкретизма религий // Общество: философия, история, культура. 2017. №11. С. 29-33.
5. Мчедлова М. М. Религия в современной России: социальные изменения и ценностные приоритеты // Идеалы и ценности Ислама в образовательном пространстве XXI века. Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18–20 октября 2017 г.) / Составители: Д. М. Абдрахманов, Ю. И. Малахов, Р. Р. Мухитдинова, З. Л. Сизоненко, В. С. Хазиев. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2017. С. 37-42.
6. Романова Е. Г. Маргинальность Ананда Марга как специфический вариант синкретизма новых религиозных объединений XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. №2. 2014. С. 108-114.
7. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. МиклухоМаклая РАН. М.: Наука, 2013. С. 383.
8. Элбакян Е. С. Ритмология как практика развития личности // Вестник Ленинградского государственного университета им А.С. Пушкина №3-2. 2018. С. 59-73.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Balagushkin E. G. Problemy morfologicheskogo analiza religij. M.: IFRAN. 2003. 218 s.
2. Gavrilova Ju. V. Mehanizmy vozniknovenija religioznogo sinkretizma // Gumanitarnyj vektor. 2017. T. 12. №3. S. 97-105.
3. Gavrilova Ju.V. Sinkretizm kak faktor formirovanija i jevoljucii social'noj real'nosti // Gumanitarnyj vektor. 2015. №2 (42). S. 29-34.
4. Gavrilova Ju. V. Social'nye izmenenija kak faktor sinkretizma religij // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. №11. S. 29-33.
5. Mchedlova M. M. Religija v sovremennoj Rossii: social'nye izmenenija i cennostnye prioritety // Idealy i cennosti Islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ufa, 18–20 oktjabrja 2017 g.) / Sostaviteli: D. M. Abdrahmanov, Ju. I. Malahov, R. R. Muhitdinova, Z. L. Sizonenko, V. S. Haziev. Ufa: Izd-vo «Mir pechati», 2017. S. 37-42.
6. Romanova E. G. Marginal'nost' Ananda Marga kak specificheskij variant sinkretizma novyh religioznyh ob#edinenij XX veka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 17. Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. №2. 2014. S. 108-114.
7. Tishkov V. A. Rossijskij narod: istorija i smysl nacional'nogo samosoznanija / Institut jetnologii i antropologii im. N.N. MikluhoMaklaja RAN. M.: Nauka, 2013. S. 383.
8. Jelbakjan E. S. Ritmologija kak praktika razvitija lichnosti // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im A.S. Pushkina №3-2. 2018. S. 59-73.

Поступила в редакцию 20.05.2020.
Принята к публикации 24.05.2020.

Для цитирования:
Гомбоева Н.Г. Особенности духовной сферы современного общества // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 285-289. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Gomboeva.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3896233
УДК 1(091)

Кожевникова О.Н.

Кожевникова Оксана Николаевна, преподаватель, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, 690087, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, д. 21. E-mail: ksanak1012@mail.ru.

Влияние философии Платона и Аристотеля на интерпретацию семейной проблематики представителями казанской школы духовно-академического теизма (конец XIX – начало XX веков)

Аннотация. В представленной статье анализируется влияние философских концепций Платона и Аристотеля на осмысление проблем брака, семьи, воспитания детей представителями казанской школы духовно-академического теизма. Значительную часть представленного в статье материала составили неопубликованные ранее сочинения казанских теистов, хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан. Автор приходит к выводу, что идеалистическое учение Платона оказало существенное влияние на формирование взглядов представителей казанской школы духовно-академического теизма на брак и семью. Важно заметить, что влияние платонизма проявлялось на общеметодологическом уровне, онтологии любви, сходстве подходов к задачам воспитания детей. Что касается, этических представлений Платона о сущности брака, то они не соответствовали христианскому мировоззрению теистов.
Ключевые слова: христианский платонизм, Платон, Аристотель, религиозная философия, духовно-академический теизм, философия семьи, философия брака.

Kozhevnikova O.N.

Kozhevnikova *Oksana Nikolaevna*, Teacher, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 690087, Russia, Vladivostok, Kotelnikova st., 21. E-mail: ksanak1012@mail.ru.

Influence of the philosophy of Plato and Aristotle on the interpretation of family issues by representatives of the Kazan school of spiritual and academic theism (late XIX – early XX centuries)

Abstract. The article analyzes the influence of Plato and Aristotle's philosophical concepts on the understanding of the problems of marriage, family, and child rearing by representatives of the Kazan school of spiritual and academic theism. A significant part of the material presented in the article consists of previously unpublished works of Kazan theists, which are stored in the State archive of the Republic of Tatarstan. The author concludes that Plato's idealistic teaching had a significant influence on the formation of views of representatives of the Kazan school of spiritual and academic theism on marriage and family. It is important to note that the influence of Platonism was manifested at the General methodological level, the ontology of love, and the similarity of approaches to the tasks of raising children. As for Plato's ethical ideas about the essence of marriage, they did not correspond to the Christian worldview of theists.

Key words: Christian Platonism, Plato, Aristotle, religious philosophy, spiritual and academic theism, family philosophy, philosophy of marriage.

Традиция философского осмысления брачно-семейных отношений, как в западной, так и в отечественной философии, уходит своими корнями в античность, прежде всего к концепциям Платона и Аристотеля.

Идеалистическая философия Платона делала его популярным среди православных теистов. Платонизм, наряду со «святоотеческой» традицией и сложным конгломератом западноевропейских философских и мистических представлений, являлся основным теоретическим источником русской духовно-академической теистической философии.

Известный исследователь русской духовно-академической философии А.И. Абрамов высказывал мнение о глубокой «ассимиляции» идей Платона в работах Ф.А. Голубинского, В.Н. Карпова, И.А. Чистовича, В.Д. Кудрявцева-Платонова и «традициях христианизированного платонизма духовно-академического философствования» [1, с. 85].

В.А. Поль в своем исследовании обращает внимание на сильное влияние сократо-платонической традиции понимания идеального бытия человека на представителей казанской школы духовно-академического теизма [8, с. 27-28].

Платон положил начало трактовке таких категорий, как любовь и брак в западной философии. Философия любви Платона, основанная на идее преодоления разрыва полов, восстановления гармонии «двух половинок» единого целого, получила свое развитие в работах представителей европейской и русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Я. Беме и др.). В частности, В.С. Соловьев, характеризуя теорию «чистой», лишенной физического компонента любви Платона, как «недосказанную», привносит в нее плотскую составляющую, придавая категории «любовь» бытийные, онтологические свойства [3, с. 64].

Трактуя любовь как процесс восхождения к прекрасному, Платон фактически близок к христианскому пониманию любви (остается лишь заменить «прекрасное» на «Бог»), что делало его учение популярным и среди православных теистов.

Идеи «платонической любви» (конечно же, вкупе с библейскими и святоотеческими традициями) находят свое отражение в православной философии воспитания. Так, представитель казанской школы духовно-академической философии Петр Ювалов в своей работе «Воспитание детей по книге притчей Соломоновых» указывает на любовь как основной принцип христианского воспитания: «Как религия любви, по преимуществу, христианство не могло положить и в основу воспитания другого принципа, кроме самоотверженной любви к Богу и ко всем людям. Любовь к Богу и ко всем людям без различия национальности, положения, возраста и т.д. лежит в основе христианства и христианского воспитания. … В христианстве, где самоотверженная любовь была положена в основу всевозможных отношений и педагогические приемы определены исключительно любовью между воспитателями и питомцами. Меры всепрощающей и всепобеждающей любви рекомендуются как единственное и наилучшее воспитательное средство» [9, с. 120-123].

Следует отметить также единство взглядов православных философов на цели воспитания с этическими представлениями Платона и Аристотеля о необходимости формирования у ребенка стремления стать идеальным гражданином, носителем высших социальных свойств и качеств.

Например, один из представителей казанской школы православного философского теизма Н. Изюмов, рассуждая в своей работе «Воспитание детей у древних христиан» (1905 г.) о целях и значе-

нии воспитания, отводит важное значение развитию гражданских качеств: «Человек, хорошо воспитанный и способный трезво и ясно смотреть на жизнь и мудро взвешивать все явления личной, общественной и государственной жизни, является также самым надежным и верным гражданином государства. Все добрые и взвешенные стремления, цели, задачи и начинания государства найдут в нем надежного поборника, неутомимого труженика и искреннего доброжелателя» [5, с. 3].

Отметим, что цель воспитания в ребенке гражданственности является чуждой для христианства, как универсальной религии. Однако, выступая в рассматриваемый исторический период фактически в роли составной части государственного аппарата Российской империи, выполняя, в том числе, функции носителя государственной идеологии, Русская православная церковь в лице ее представителей обращалась к античным идеалам гражданского воспитания. Отсюда не случаен интерес и положительная оценка православными теистами представлений Платона и Аристотеля о целях воспитания, их имплементация с христианской этикой и современными педагогическими теориями.

Представитель казанской школы православной философии И.Д. Нарбеков отмечал, что педагогика Платона оказала сильное влияние на последующие эпохи, заложив идеалы воспитания «не потерявшие своего значения и поучительности и теперь». Характеризуя актуальность педагогических идей Платона, И.Д. Нарбеков указывает на его видение вопроса о женском образовании: «Идеи Платона о воспитании и образовании женщин и теперь, по истечении больше двадцати веков, не утратили еще своей свежести и поучительности» [6, с. 34-35].

Ценность идей Платона проявляется, по мнению И.Д. Нарбекова, и в личностно-ориентированном характере концепции философии воспитания: жизненном самоопределении личности к определенному виду деятельности, исходя из индивидуальных способностей. «Платон разрешает задачу воспитания, пытаясь определить частное благо и достоинство каждого индивидуума, т.е. природную пригодность к известному делу» [6, с. 35-36]. Ниже нами будет показано, что данные идеи в целом положительно оценивались и были широко восприняты среди православных мыслителей казанской школы.

Между тем, несмотря на общеметодологическую приверженность православных теистов платонизму, наличие общих взглядов на гражданское воспитание детей, имелось существенное различие в этических представлениях о сущности брака и супружеской любви и статуса женщины, обусловленное тем, что понимание любви Платона никак не связано с брачными отношениями мужчины и женщины. В системе культурных ценностей древних греков, возвышавших гомосексуальные отношения, женщина рассматривалась как низшее существо, а сексуальное влечение к ней как животное чувство, обусловленное необходимостью продолжения рода («пошлая Афродита» противопоставлена «небесной Афродите», т.е. чистой любви между мужчинами [7, с. 90]).

В системе христианских ценностей любовь, в том числе, включающая чувственный половой элемент, составляет основу семейно-брачных отношений.

Казанский философ-теист Ф. Зубарев писал, что любовь, как свидетельство божественной воли, благословляющей брак, составляет объединяющую силу двух личностей противоположного пола. Любовь, предполагающая чувства самопожертвования, взаимной верности и полной самоотдачи – это естественная часть брачного союза, насколько естественна любовь человека к самому себе. Философ отмечает, что супружеская любовь немыслима без физиологического элемента, однако, последний должен занимать подчиненное духовной любви место, поскольку брак – союз духовно-телесный и первая составляющая должна в нем превалировать «так что телесное общение является только естественной основой для духовного общения» [4, с. 321-323].

С.А. Блинова замечает, что брак в христианстве понимается как стремление

к совершенству, полноте бытия, реализуемое в союзе мужчины и женщины как равносущных, соединенных любовью ипостасей. Физическая сторона брака подчиняется стремлению к духовной чистоте, постижению Божией благодати, но не отрицается [2, с. 19-21].

Насколько тесным и глубоким должно быть, по апостолу Павлу, брачное жизнеобщение супругов, видно из того, – пишет Ф. Зубарев, – что ему придается великое нравственно-очищающее влияние. Это очищающее через брак влияние признается взаимным в такой степени, что ни один из супругов не имеет преимущества перед другим [4, с. 325]. Здесь мы видим, что женщине придается равный статус с мужчиной, что также отличает православных теистов от античных представлений Платона.

Таким образом, идеалистическое учение Платона оказало существенное влияние на формирование взглядов представителей казанской школы духовно-академического теизма на брак и семью. Важно заметить, что влияние платонизма проявлялось на общеметодологическом уровне, онтологии любви, сходстве подходов к задачам воспитания детей. Что касается, этических представлений Платона о сущности брака, то они не соответствовали христианскому мировоззрению теистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А. И. Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России / Под ред. З. А. Каменского, В. А. Жучкова. М.: Наука, 1994. 271 с.
2. Блинова С. А. Проблема семьи в русской религиозной философии второй половины XIX - первой половины XX веков: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 143 с.
3. Блинова С. А. Теологический аспект осмысления проблемы семьи в русской религиозной философии второй половины XIX - первой половины XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 3. С. 62-64.
4. Зубарев Ф. Учение апостола Павла о браке и девстве. (Экзегетический анализ 7-ой главы первого послания к коринфянам) (канд. соч.). Казань, 1906. 344 л. // Нац. арх. Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1540.
5. Изюмов Н. Воспитание детей у древних христиан (канд. соч.). Казань, 1905. 112 л. // Нац. арх. Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 897.
6. Нарбеков И. Д. Идеалы воспитания и образования у древних греков по сочинениям философа Платона «Политика или Государство» и «Законы». Казань: Центральная типография, 1912. 36 с.
7. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
8. Поль В. А. Философский теизм в Казанской духовной академии (опыт системной реконструкции и интерпретации): дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2007. 178 с.
9. Ювалов П. Воспитание детей по книге притчей Соломоновых (канд. соч.). Казань, 1902. 131 л. // Нац. арх. Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 679.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abramov A. I. Kant v russkoj duhovno-akademicheskoj filosofii // Kant i filosofija v Rossii / Pod red. Z. A. Kamenskogo, V. A. Zhuchkova. M.: Nauka, 1994. 271 s.
2. Blinova S. A. Problema sem'i v russkoj religioznoj filosofii vtoroj poloviny XIX - pervoj poloviny XX vekov: istoriko-filosofskij analiz: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2013. 143 s.
3. Blinova S. A. Teologicheskij aspekt osmyslenija problemy sem'i v russkoj religioznoj filosofii vtoroj poloviny XIX - pervoj poloviny XX vv. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki. 2012. № 3. S. 62-64.

4. Zubarev F. Uchenie apostola Pavla o brake i devstve. (Jekzegeticheskij analiz 7-oj glavy pervogo poslanija k korinfjanam) (kand. soch.). Kazan', 1906. 344 l. // Nac. arh. Respubliki Tatarstan. F. 10. Op. 2. D. 1540.
5. Izjumov N. Vospitanie detej u drevnih hristian (kand. soch.). Kazan', 1905. 112 l. // Nac. arh. Respubliki Tatarstan. F. 10. Op. 2. D. 897.
6. Narbekov I. D. Idealy vospitanija i obrazovanija u drevnih grekov po sochinenijam filosofa Platona «Politika ili Gosudarstvo» i «Zakony». Kazan': Central'naja tipografija, 1912. 36 s.
7. Platon. Pir // Platon. Sobranie sochinenij v 4-h t. T. 2. M.: Mysl', 1993. 528 s.
8. Pol' V. A. Filosofskij teizm v Kazanskoj duhovnoj akademii (opyt sistemnoj rekonstrukcii i interpretacii): dis. ... kand. filos. nauk. Blagoveshhensk, 2007. 178 s.
9. Juvalov P. Vospitanie detej po knige pritchej Solomonovyh (kand. soch.). Kazan', 1902. 131 l. // Nac. arh. Respubliki Tatarstan. F. 10. Op. 2. D. 679.

Поступила в редакцию 26.05.2020.
Принята к публикации 29.05.2020.

Для цитирования:
Кожевникова О.Н. Влияние философии Платона и Аристотеля на интерпретацию семейной проблематики представителями казанской школы духовно-академического теизма (конец XIX – начало XX веков) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 290-294. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Kozhevnikova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3896367
УДК 1 (091)

Меньшикова А.А.

Меньшикова Анна Андреевна, аспирант, Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: menanna1366@yandex.ru.

«Лингвистическое кантианство»: независимость концепции

Аннотация. В статье обосновывается существование «лингвистического кантианства» как самостоятельного направления в истории философии. Доказана независимость этого направления от трансцендентальной эпистемологии, обоснована возможность использования термина «лингвистическое кантианство» для обозначения исторической традиции в философии, установлена постмодернистская онтология истории философии в отношении кантианства.
Ключевые слова: «лингвистическое кантианство», традиция, аналитическая философия, философия языка, эпистемология, трансцендентализм, влияние.

Menshikova A.A.

Menshikova Anna Andreevna, post-graduate, Tomsk state University, 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: menanna1366@yandex.ru.

The linguistic Kantian tradition: its independence

Abstract. This paper states linguistic Kantian influence in philosophy to be unique tradition. It argues the linguistic Kantian tradition as an independent one from transcendentalism in epistemology. The author substantiates the possibility of using the term "linguistic Kantianism" to refer to the historical tradition in philosophy, and establishes a postmodern ontology of the history of philosophy in relation to Kantianism.
Key words: linguistic Kantian influence, tradition, analytic philosophy, language philosophy, epistemology, transcendentalism, influence.

В связи с проблемой пересмотра границ в истории философии, связанных с развитием кантианства, проводится исследование, целью которого является обоснование существования направления «лингвистического кантианства как самостоятельной традиции в истории философии, его независимость от трансцендентальной эпистемологии.

В научных кругах имя И. канта ассоциируется прежде всего с трансцендентализмом в теории познания. Другие основания его влияния на философию языка не рассматриваются.

Задачи работы – провести сопоставительный анализ работ И. Канта и философов аналитического направления, выявить основания, позволяющие констатировать связь преемственности между традициями в области философии языка, то есть «лингвистическое кантианство».

Обоснование целесообразности установленной картины связано с тем, что мы признаем влияние кантовской традиции на аналитическую философию.

Степень влияния философии и идей, работ И. Канта на последующую традицию определяется двумя основными факторами. С одной стороны, возникает общий теоретический контекст, на основании которого устанавливается направленность исследований и формируется

общее семантическое поле понятий, которыми оперируют исследуемые авторы, благодаря чему мы узнаем общность той или иной традиции, аналогии между понятиями и категориями. С другой стороны, устанавливается необходимость установить прямое влияние, которое затрагивает ключевые системообразующие аспекты в онтологии и эпистемологии.

Признавая влияние кантовской традиции на аналитическую философию, необходимо конкретизировать сам характер этого влияния: насколько он остается внешним.

Описание возникшей проблемной ситуации заключается в том, что детерминизм кантовской философии не определен до конца, с одной стороны, сама «аналитическая философия» воспринимается как нарицательное понятие для нескольких концепций, в ней не установлено системы, присущей любой философской школе. В этой связи возникает необходимость пересмотра границ направлений в философии, локализованной в области кантианства и англо-американской «аналитики». Работы таких авторов, как П. Стросон, У. Куайн могут формировать собственные автономные исторические направления [7; 8, 9]. В то же время, неясность в отношении распределения границ в аналитической философии порождает необходимость определения степени самостоятельности работ. Возникает предположение о том, что определенные концепции некоторых авторов, относимых по традиции к представителям аналитического направления, на самом деле являются продолжателями традиции других философских школ, в первую очередь кантианства, поскольку влияние исследований немецкого философа неоднократно подчеркивалось в отношении их работ. «Аналитический» принцип, в конечном итоге, указывает на метод. Направление развития философии языка в той же аналитической традиции указывает на возможность существования нескольких позиций в онтологии. И уже на основании онтологии следует распределять границы традиций и школ. Одним из таких направлений следует признать возможность существования «лингвистического кантианства» как направления в истории философии.

С целью определить значимость влияния исторической традиции лингвистической философии, необходимо выявить принципы, указывающие на существование некоторых целостности и единства.

В качестве аргумента, обосновывающего влияние философии И. Канта на позиции философов аналитического направления, необходимо указать на то, что известный философ-аналитик П. Стросон посвятил монографию «The Bounds of Sense» (в дословном переводе – «Оковы смысла»), уточняя это понятие тем, что включил в свою монографию критический очерк об изложенных И. Кантом в «Критике чистого разума» позициям [9, с. 36-114]. П. Стросон анализирует понятие трансцендентального. Фактически система естественного языка в его работе занимает позицию трансцендентального посредника, то есть, согласно доктрине И. Канта о трансцендентальном как о препятствующем непосредственному познанию вещей, языковые структуры и значение слов становятся условием, влияющем на познание, конституирующим его. Недвусмысленная ссылка П. Стросона на положения И. Канта в этом трактате, как и в «Индивидах», указывает на то, что немецкий философ в определенной степени влиял и на его исследования [8].

Основанием, свидетельствующим о влиянии кантовской традиции на аналитическую философию, является повсеместно применяемый критический подход в методологии. Критический подход хорошо согласуется с практико-ориентированной стратегией исследований аналитиков. В определенном смысле можно сказать, что скептицизм как позиция является продолжением критического подхода. Подобно философам-аналитикам, И. Кант также применял метод практического логического доказательства [2] в качестве подтверждения общих источников направленности и методологических

подходов, объединяющих исследуемые традиции.

Оппоненты [5] не соглашаются с тем, что «лингвистическое кантианство» адекватное определение исторической традиции, мотивируя это тем, что философия языка не входила в область философских интересов И. Канта. М. А. Смирнов пишет, что основания лингвистической философии возникли задолго до работ И. Канта [5, с. 34]. По нашему мнению, такое представление о развитии истории представляется некорректным. Аргументы, приводимые М. А. Смирновым, обращены к авторам, чья научная лингвистическая деятельность не связана с философией, она возникала в культурологической, не философской парадигме. Не следует сопоставлять работы практикующих лингвистов, оперирующих концептуально-структуралистскими положениями, с концепциями и теориями философов. И основание работ, и сформировавшаяся самостоятельная область исследований как парадигма указывают на несовместимость положений такой позиции. Традиция, связанная с именем И. Канта, основывается, прежде всего, на влиянии логики, как одного из оснований его лингвистической философии, и сопутствующего концептуализма. Эта тенденция проявляется и в работах П. Стросона [8; 9], и в концепциях У. Куайна [7]. Оба автора оперируют логическими понятиями. Слово как лексико-семантическая единица в их исследованиях соотнесена с концептом. В то же время логико-семантические компоненты их эпистемологии имеют метафизическую направленность.

Признавая направление влияния кантианства философии на аналитическую в области философии языка, не ошибочно интерпретировать лингвистические аспекты в значении, которое придает им классическое языкознание, академическая лингвистика как область филологии. Язык в философских исследованиях не понимается как фонетическая по своей природе сущность. Наиболее важным аспектом здесь является значение как сфера семантики. Поэтому важным аспектом связи между работами И. Канта и философов-аналитиков является наличие общности в понимании природы языка в подтверждение непрерывности и преемственности традиции «лингвистического кантианства». Языковые элементы являются логико-семантическими сущностями. Другие аспекты языка в этом плане не представляют значимости.

Такие философы, как У. Куайн, во многом продолжают путь И. Канта. Подобно немецкому философу, он находится в состоянии постоянного поиска. Его концепции на онтологическом уровне не представляют собой законченной системы. Также при подробном текстологическом анализе «Индивидов» П. Стросона было установлено, подобно своду библейских текстов, представляет собой во многом собрание нескольких очерков [8]. Попытка объединить их общностью концепции останавливается на уровне интенции.

Главным условием влияния кантовской позиции в эпистемологии на аналитическую философию является тенденция к трансцендентализму. Следует признать, что направление работ У. Куайна является продолжением трансцендентальной философии. Попытка опровергнуть эту позицию не представляет достаточно обоснованных результатов. Сам И. Кант понимал под трансцендентальной философией не термин и метафизическое понятие, а, в первую очередь, целое направление в исследовании эпистемологии.

По влиянием эпистемологии И. Канта У. Куайн разрабатывает собственную теорию – концепцию онтологической относительности, в которой утверждается зависимость формирования образов и представлений в сознании человека от структур и содержания языка [7]. Понимание влияния языка на познание обосновывает его положение как трансцендентального посредника. К подобной же категории следует отнести кантовское понятие концептуальной схемы, которому П. Стросон посвятил собственную теорию [8]. Концептуальная схема зани-

мает опосредывающее положение в процессах познания. В этом отношении работы П. Стросона стали очередным этапом формирования комплексов исследований, посвященных изучению природы и функционирования сознания.

Дальнейшее развитие трансцендентализма на почве методов анализа привело к возникновению нового направления – философии сознания XX–XXI вв. Основной особенностью этого направления является прогресс в понимании категории трансцендентального субъекта и посредника, которым становится сознание человека. Этому направлению посвящены работы Дж. Серла и Д. Деннета [1; 6]. Философия сознания является трансцендентальной в полном смысле этого слова не случайно. В этом имеет место историческая преемственность и влияние.

Обоснование влияния И. Канта на философию языка на уровне начал обуславливает развитие представлений об онтологии этого феномена. Впервые под влиянием И. Канта раскрывается «архитектоника» языковых элементов. Им вводится представление о том, что лингвистические элементы характеризуются такими свойствами, как пропозиция и модальность. Эти характеристики языковых элементов занимают центральное место в специальных исследованиях У. Куайна. Невозможно построение теорий значения философов-аналитиков без указанных свойств. При этом, совпадение нескольких характеристик указывает на близость к кантовской традиции. Они повторяются с той же последовательностью. Выводы И. Канта о существовании априорного соответствуют положению пропозиции как свойства языковых элементов [2]. Высказывания как лингвистические категории отождествляются с суждениями. Семантические теории аналитиков имеют особенность, указывающую на необходимую связь с кантовской традицией. Она заключается в том, что значение слова в теориях производно от референциализма, потому их называют теориями референции как уточнение общего понятия «семантической теории». Референциализм и функционализм становятся основополагающими и системообразующими свойствами языка для теорий философов. Можно сказать, что в концепции И. Канта зарождаются принципы семантики как науки. Семантика же является главным направлением исследований философов аналитического направления. Важное значение этом имеет кантовская трансцендентальная логика [3]. Именно это направление является решающим для становления рефренциализма.

Можно было бы предположить, что традиция И. Канта может потерять свою актуальность в процессе исторического развития. Но этого не происходит. Позиции в системе онтологии сохраняются. Высказывание, по прежнему, остается тождественным суждению и в аналитической философии.

Помимо аспекта трансцендентального как опосредывающего познание, с «лингвистическим кантианством» связано также позиционирование языковой системы как трансцендентного. П. Стросон соотносит языковые элементы в своей теории с положениями хронотопа кантовского понимания реальности [8, с. 36].

Для обоснования традиции «лингвистического кантианства» достаточно указать на то, что никто из предшествующих философов, за исключением И. Канта, не мог создать предпосылки для формирования всех системных отношений эпистемологии работ философов-аналитиков в том виде, в котором они сохранились в теориях. Ни одна категория не претерпела достаточно кардинальных изменений, чтобы можно было говорить о разрыве с традицией. В работах философов-аналитиков не было установлено позиционных изменений. Ни одна другая концепция не вытеснила наиболее онтологически значимые аспекты эпистемологии из их работ. Все они продолжали кантовскую направленность исследований.

Если критический подход к приводимым аргументам основывается на случайности и совпадении установленных свойств, то специально проведенное изучение концепций У. Куайна и П. Стросо-

на показало, что авторы не смогли бы выработать свойства онтологии языка из практических исследований, то есть положения концепций не являются автохтонными. Поэтому между кантианством и некоторыми работами философов-аналитиков устанавливается отношение необходимой преемственности, что является достаточным основанием, свидетельствующим о существовании традиции «лингвистического кантианства». Способ формирования традиции в истории философии не определяется стандартом. При этом сопоставительный анализ и выявление специальных черт, обосновывающих принадлежность философов-аналитиков к «лингвистическому кантианству» указывает на необходимость пересмотреть представление о способе формирования традиции в истории философии. Согласно классическому представлению, историческая традиция в философии развивается непрерывно, эволюционирует, всегда характеризуется преемственностью, подобно самому ходу истории, направлена на прогресс, либо в принципе статична и не обнаруживает существенных изменений. На основании таких представлений установлена типология школ в философии. Это всегда непрерывный, ограниченный определенными онтологическими и эпистемологическими рамками процесс. Приведенные характеристики не типичны для «лингвистического кантианства». Полагаю, что именно на основании отсутствия очевидных связей возникло сомнение о существовании такого направления. Многие соответствия указывают об обратном, и именно постмодернистская онтология истории, необходимость изменения представлений о самой онтологии истории и ходе исторического процесса, показывают принцип формирования связи в кантианстве. В соответствии с постмодернистской онтологией концепции могут принадлежать нескольким направлением одновременно, что также наблюдается в отношении аналитической философии. Влияние кантовской трансцендентальной эпистемологии на функцию языковых элементов в теориях аналитиков является принципом формирования исторической традиции посредством контаминации. Связь с кантовским наследием в теории П. Стросона представляется неоднородной, распределенной по различным уровням. Тем не менее, развитие представлений о функции концептуальной схемы соответствует принципу контаминации. Следует признать, что антиномии по отношению к идеям и концепциям И. Канта также могут быть признаком развивающейся традиции и связи, что показательно характеризует диалектический принцип формирования традиций в философии.

На становление концепции «лингвистического кантианства» влияет онтология языка. При том, что в аналитической философии отсутствуют специальные работы по изучению онтологии языка на уровне концепта, ее интерпретация не выходит за рамки кантовской. Существенным аргументом, подтверждающим связь с «лингвистическим кантианством» становится логико-семантическая онтология языка, имеющая метафизическое значение. Принципы эволюционизма как отражения единства традиции «лингвистического кантианства установлены благодаря изменениям в онтологии языка. Д. Э. Мур считается основателем прагматистской интерпретации онтологии языковых элементов в аналитической философии. Его работа напрямую связана с философией И. Канта как критическое исследование понятия «вещь в себе» [4].

На формирование исторической традиции в аналитической философии влияет продолжительность эволюционистских тенденций. В «лингвистическом кантианстве» это связано с тем, что определенный автор из числа философов аналитического направления занимает достаточно авторитетную позицию для того, чтобы другие авторы внимательно относились к его теориям. В этой связи концепции У. Куайна и П. Сросона становятся историческими посредниками на пути развития аналитической традиции.

Проблема выявления «лингвистического кантианства» как самостоятельного

направления в истории философии связана с вопросом его генетических связей с трансцендентальной эпистемологией. Сомнения в целесообразности признания его самостоятельности основываются на общепринятом положении о том, что кантовская философия обозначается понятием «трансцендентализм». Вместе с тем, подтверждается первостепенное значение логико-лингвистических категорий для формирования самого направления трансцендентальной теории познания у Канта. Помимо этого, эволюция работ У. Куайна и др. обозначает переход в область собственно философии языка и полноценных лингвистических теорий. Влияние И. Канта на аналитическую философию языка не ограничивается признанием функции трансцендентального посредника.

Подводя итог исследованию, следует признать адекватность термина «лингвистическое кантианство» для обозначения исторической традиции в философии. Это направление не связано исторической преемственностью с трансцендентализмом.

Основной вывод из сложившихся условий связан с тем, что классическая онтология истории, то есть представление о ее непременно линейном прогрессивном и эволюционном развитии с последовательным детерминизмом причинно-следственных отношений не действует. Возникла необходимость признать целесообразность постмодернистских принципов онтологии истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: ДИК, 1998. С. 360-375.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 2006. Ч. 1. Т. 2. 1081 с.
3. Кант И. Логика // Сочинения. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 266-398.
4. Мур Д. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 66-84.
5. Смирнов М. А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // Кантовский сборник. Калининград: Изд-во БФУ, 2018. Т. 3. № 2. С. 32-45.
6. Серл Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151-169. URL: http://philology.ru/linguistics1/searle-86.htm.
7. Quine W. V. O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. NY: The Journal of Philosophy, Inc., 1968. Vol. 65. № 7. P. 185-212.
8. Strawson P. Individuals. New York-London: Routledge Publ., 2006. 255 p.
9. Strawson P. S. The Bounds of Sense: An Essay on Kant’s «Critique of Pure Reason». L.: Routledge, 1995. 196 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dennet D. Ontologicheskaja problema soznanija // Analiticheskaja filosofija: stanovlenie i razvitie. M.: DIK, 1998. S. 360-375.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Nauka, 2006. Ch. 1. T. 2. 1081 s.
3. Kant I. Logika // Sochinenija. M.: Choro, 1994. T. 8. S. 266-398.
4. Mur D. Je. Dokazatel'stvo vneshnego mira // Analiticheskaja filosofija: izbrannye teksty. M.: Izd-vo MGU, 1993. S. 66-84.
5. Smirnov M. A. Filosofija Kanta i «lingvisticheskoe kantianstvo» // Kantovskij sbornik. Kaliningrad: Izd-vo BFU, 2018. T. 3. № 2. S. 32-45.
6. Serl Dzh. R. Chto takoe rechevoj akt // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M., 1986. Vyp. 17. S. 151-169. URL: http://philology.ru/linguistics1/searle-86.htm.
7. Quine W. V. O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. NY: The Journal of Philosophy, Inc., 1968. Vol. 65. № 7. P. 185-212.

8. Strawson P. Individuals. New York-London: Routledge Publ., 2006. 255 p.
9. Strawson P. S. The Bounds of Sense: An Essay on Kant's «Critique of Pure Reason». L.: Routledge, 1995. 196 p.

Поступила в редакцию 28.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:
Меньшикова А.А. «Лингвистическое кантианство»: независимость концепции // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 295-301. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Menshikova.pdf

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

https://doi.org/10.5281/zenodo.3896383
УДК 342.7

Босык О.И., Куликова А.А.

Босык Ольга Игоревна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Института государства и права БУ ВО ХМАО - Югра Сургутский государственный университет, 628412, Россия, ХМАО - Югра, г. Сургут, проспект Ленина 1. Email: bosik_oi@surgu.ru.
Куликова Алёна Андреевна, Институт государства и права БУ ВО ХМАО - Югра Сургутский государственный университет, 628412, Россия, ХМАО - Югра, г. Сургут, проспект Ленина 1. Email: bosik_oi@surgu.ru.

Пути решения проблемы очередей в детские сады в субъектах Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается проблема очередей в детский сады, дается характеристика решения субъектами РФ вопросов нехватки мест в детских садах. Анализируются формы и механизмы осуществления присмотра и ухода за детьми. В качестве ключевых выделены следующие формы получения дошкольного образования: в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а также в форме семейного образования. Представлены альтернативные решения проблемы очередей в детские сады, показаны их преимущества и недостатки.
Ключевые слова: демография, детские сады, социальные проблемы, дети, дошкольное образование.

Bosyk O.I., Kulikova A.A.

Bosyk Olga Igorevna, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines and Labor Law of the Institute of State and Law, BU VO Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra Surgut State University, 628412, Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra, Surgut, Lenin av., 1. Email: bosik_oi@surgu.ru.
Kulikova Alyona Andreevna, Institute of State and Law BU VO Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra Surgut State University, 628412, Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra, Surgut, Lenin av., 1. Email: bosik_oi@surgu.ru.

Ways to solve the problem of queues in kindergartens in the regions of the Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of queues in kindergartens, describes the solution of the Russian Federation subjects of the lack of places in kindergartens. The forms and mechanisms of supervision

and care of children are analyzed. The following forms of pre-school education are identified as key: in organizations that carry out educational activities, as well as in the form of family education. Alternative solutions to the problem of queues in kindergartens are presented, their advantages and disadvantages are shown.
Key words: demography, kindergartens, social problems, children, preschool education.

Актуальность проблемы очередей в детские сады обусловлена рядом факторов. Во-первых, мамы (а иногда и папы) после рождения ребенка стремятся поскорее выйти на работу, чтобы обеспечивать семью. Немаловажным фактором возникновения данной проблемы является и желание женщин реализовать себя не только в семье, но и в профессиональной деятельности. Таким образом, возникает необходимость в дошкольном образовании и воспитании, в полноценном функционировании детских садов. Однако такая потребность наталкивается на ряд трудностей и ограничений. Это прежде всего наличие очередей в детские сады.

Согласно исследованиям Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, проведенном в 2017 г., в России только 64,6% детей посещают детские сады. В докладе Института говорится, что показатель посещаемости детских садов на данный момент не достиг уровня 1990 года. Среди причин такой ситуации – с одной стороны, начавшийся с 2000-х годов рост рождаемости, а с другой, сокращение числа детских дошкольных учреждений. В результате возникла ситуация, когда группы детских садов становятся переполненными, а качество образовательно-воспитательных услуг снизилось.

Выходом из сложившейся ситуации является развитие альтернативных форм дошкольного воспитания и образования. Важно подчеркнуть, что развитие этих механизмов присмотра и ухода за детьми осуществляется в двух формах: в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а также в форме семейного образования. Рассмотрим альтернативные варианты решения проблемы очередей в детские сады в различных регионах РФ.

Один из нестандартных путей решения проблемы существует в Ленинградской области. Это проект «Бюро бабушкиных услуг» [2, с. 23], который позиционируется и как способ поддержки работающих родителей, и как мера по трудоустройству пожилых людей. Для участия в программе данного проекта необходимо соблюдение двух условий: трудоустройство мамы и посещение бабушкой с ребенком развивающих занятий и мероприятий курирующей организации.

Инициаторы проекта поставили перед собой цель: создать и организовать работу центра по подбору гувернеров, домашних воспитателей пенсионного возраста, а ключевой задачей является повышение качества жизни представителей старшего поколения, вовлечения их в социально-активную деятельность.

«Бюро бабушкиных услуг» получило положительный отклик, что обусловлено следующими причинами: во-первых, родители смогли возобновить трудовую деятельность, не переживая за ребенка; во-вторых, ребенок получил возможность развивать социальные навыки общения и взаимодействия; в-третьих, появились рабочие места для представителей старшего возраста.

Еще одним альтернативным способом решения анализируемой проблемы является такая форма дошкольного образования, как кочевые детские сады, развивающиеся в Якутии. Министерство образования и науки Якутии совместно с ЮНЕСКО реализует проект по внедрению кочевых детских садов как вариативной формы дошкольного образования [1, с. 59]. В ряде районов региона работают четыре формы дошкольных учреждений для детей оленеводов. Целью раз-

вития данной формы дошкольного образования является не только решение проблемы очередей в детских садах, но и поддержание и культивирование традиций малочисленных народов Севера. Кочевые детские сады также решают еще одну проблему. Они позволяют развиваться детям в привычной для них среде без отрыва от родительской заботы и внимания. Данный вид садиков помогает сохранять культурную самобытность кочевых народов Крайнего Севера.

Кроме Якутии кочевые детские сады развиваются в Ненецком автономном округе, Таймырском Долгано-Ненецком и Эвенкийском муниципальных районах Красноярского края, Ханты-Мансийском автономном округе-Югре, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах. Благодаря данной форме дошкольного образования удалось охватить разные образовательные учреждения.

Однако, правовым статусом кочевого детского сада обладает не более пятидесяти учреждений по всему Северу и Сибири. Впервые правовое закрепление моделей кочевых школ произошло в специальном законе «О кочевых школах Республики Саха (Якутия). Другие северные регионы используют в основном эту же терминологию, но с некоторыми различиями. Кочевые школы можно классифицировать по следующим критериям: подвижность, образовательная ступень и сезон работы [3, с. 15]. В зависимости от природно-климатической зоны и особенностей хозяйственной деятельности выделяют также кочевой и стационарный типы.

Одним из недостатков данной формы дошкольного образования является постоянное передвижение, что сказывается на качестве образования. К тому же работа в таких условиях достаточно тяжела, из-за чего возникает проблема подбора кадров.

Необходимо выделить активно развивающиеся домашние детские сады или «взаимоняньство». Однако такие детские сады вряд ли можно назвать формой дошкольного образования. Это связано с тем, что недалеко проживающие друг от друга и имеющие сходные взгляды на воспитание детей родители объединяются по принципу «сегодня я сижу с твоим – завтра ты с моим». Кроме того, данная форма дошкольного образования юридически не существует, что несет определенные риски для родителей (законных представителей ребенка).

Следующий вариант решения проблемы рассмотрим на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, а именно, города Нижневартовска.

Сегодня в Нижневартовске проживает более 29 тысяч детей в возрасте до 7 (семи) лет. Ежегодно количество мест для малышей в детсадах увеличивается – на сегодняшний день их 5923. С начала 2019 года в детских садах Нижневартовска создано порядка 400 дополнительных мест для детей. Финансируются работы в основном из бюджетов муниципалитета и округа, также используются средства фондов депутатов думы ХМАО и Тюменской области. Несмотря на это проблема пока остается нерешенной, что обусловлено ограниченным количество помещений, которые можно перепрофилировать под детские сады.

Одной из альтернатив решения детсадовских очередей стали быстровозводимые детские сады («мобильные детсады»), которые получили распространение в Краснодарском крае. Назвать это полноценным детским садом сложно. Внутри очень просторные светлые помещения: игровая, спальня, приемная и туалет, умывальная, комната для раздачи пищи. Имеется павильон для прогулок. Малыши здесь находятся от четырех до восьми часов. Но только до тех пор, пока им не будет предоставлено место в полноценном детском саду. Главное отличие таких мобильных садов – количество детей в группе, их должно быть не больше восьми человек. Одним из факторов развития такой формы детских садов являются природные условия, которые влияют на затраты при создании мобильного детсада. Так, конструкция здания «мобильного детсада» достаточно проста и не предназначена для низких температур.

Таким образом, субъекты РФ выбирают свой путь решения проблемы очередей в детских садах с учетом национальных, географических, исторических особенностей. Несмотря на существующие недостатки, альтернативные формы дошкольного воспитания и образования выступают одним из достаточно эффективных средств решения проблемы очередей в детские сады. Безусловно, такие формы присмотра и ухода за детьми не решают проблемы полностью, однако на данный момент могут рассматриваться как приемлемый вариант решения насущной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габышева Ф.В. Образование – основа устойчивого развития. Якутск: «ДАНИ-АЛМАС», 2018. 216 с.
2. Закон Ивановской области об образовании в Ивановской области №66 от 05.07.2013 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/460161031
3. Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия) №591-З №73-IV» от 22.07.2008 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/819062058
4. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Gabysheva F.V. Obrazovanie – osnova ustojchivogo razvitija. Jakutsk: «DANI-ALMAS», 2018. 216 s.
2. Zakon Ivanovskoj oblasti ob obrazovanii v Ivanovskoj oblasti №66 ot 05.07.2013 // Kodeks. Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj dokumentacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/460161031
3. Zakon Respubliki Saha (Jakutija) «O kochevyh shkolah Respubliki Saha (Jakutija) №591-Z №73-IV» ot 22.07.2008 // Kodeks. Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj dokumentacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/819062058
4. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 №273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Поступила в редакцию 18.05.2020.
Принята к публикации 21.05.2020.

Для цитирования:
Босык О.И., Куликова А.А. Пути решения проблемы очередей в детские сады в субъектах Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 302-305. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/BosykKulikova.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3896547
УДК 347.732

Литвина В.С.

Литвина Виктория Сергеевна, Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141. E-mail: Viking_just07@mail.ru

Некоторые вопросы определения и согласования условий о вознаграждении по агентскому договору: российское право и зарубежный опыт

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы, возникающие при определении и согласовании условий агентского договора о вознаграждении: в частности, о том, является ли условие о вознаграждении существенным, о том, каким образом возможно согласование данного условия в тексте договора, а также о возможности установления зависимости агентского вознаграждения от действий третьих лиц и от положительного результата.
Ключевые слова: агентский договор, условие договора, агентское вознаграждение, законодательство об агентском договоре.

Litvina V.S.

Litvina Victoria Sergeevna, Samara State Economic University, 443090, Russia, Samara, Sovetskoi Armii st., 141. E-mail: Viking_just07@mail.ru

Some issues of determining and agreeing on terms of remuneration under an agency agreement: Russian law and foreign experience

Abstract. The article discusses some issues that arise when defining and agreeing on the terms of an agent's agreement on remuneration: in particular, on whether the condition on remuneration is significant, how it is possible to agree on this condition in the text of the agreement, and also on the possibility of establishing the dependence of the agent remuneration from the actions of third parties and from a positive result.
Key words: agency agreement, contract terms, agency fees, legislation on agency agreements.

Агентский договор, получивший распространение в англо-американском праве, является сравнительно новым для отечественной правовой системы. Формирование новых институтов и общественных отношений в постсоветский период рыночных преобразований в России потребовало и новых шагов в плане их юридического оформления. К числу таких институтов относится и институт агентирования. В настоящее время в условиях рыночной экономики модель правоотношений, строящаяся на основе договора агентирования, получила широкое распространение среди участников хозяйственного оборота.

Не удивительно, что на фоне общественно-экономических изменений и после введения Главы 52 в ГК РФ, стали появляться узкоспециальные научные исследования. В работах Шапошникова В.В., Поповой Е.В., Шаповаленко А.С. рас-

сматриваются такие вопросы, как место агентского договора в системе договоров, в системе сделок, агентский договор в сравнительно-правовом аспекте и др. Отдельные аспекты агентских правоотношений затрагивались в научных исследованиях Егорова А.В., Карпычева М.В., Свиридова К.С., Абраменковой И.Г., Степанова Д.И. За последнее десятилетие появился ряд диссертационных исследований, посвященных проблематике агентского договора. Это научные работы Евшиной Ю.А., Масловой В.А., Пак М.З., Пузыревой А.Н., Ремишевской О.В.

Анализ научной литературы по проблематике агентского договора показывает, что тема остается востребованной, она еще недостаточно раскрыта, требует более детального изучения. Этим определяется актуальность изучения различных аспектов агентского договора, в частности, вопросов, возникающих при определении и согласовании условий агентского договора о вознаграждении.

Агентирование, будучи многофункциональной договорной конструкцией, позволяет субъектам наиболее точно выразить свою волю, и при этом учесть специфику конкретной области правоотношений. Вместе с тем между сторонами агентских правоотношений – принципалом и агентом – нередко возникают споры относительно предмета их взаимодействия. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные разбирательства, инициируемые субъектами агентирования. Анализ судебной практики демонстрирует, что наибольшее количество споров связано с вопросами выплаты вознаграждения агенту за осуществленные в пользу принципала действия юридического и фактического характера. Предметом обсуждений и разногласий выступают, как правило, такие проблемы, как основание возникновения права агента на вознаграждение, порядок, размеры и сроки его выплаты.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет агентский договор как сделку, в рамках которой агент обязуется за вознаграждение совершать по поручению принципала юридические и иные (фактические) действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет последнего [3]. Буквальное толкование представленной нормы позволяет сделать вывод об установлении законодателем презумпции возмездности договора агентирования. Иными словами, за совершенные в рамках договора действия агент может рассчитывать на вознаграждение независимо от того, имеется в договоре соответствующее условие или нет. В этой связи вознаграждение агента не относится к существенным условиям договора, что находит подтверждение и в судебной практике. Так, нередко юридические и иные действия, которые должен совершить агент по поручению принципала за вознаграждение, признаются судом единственным условием агентского договора, необходимым для признания последнего заключенным [4].

Однако, встречается в судебной практике и противоположная позиция, когда условия об агентском вознаграждении и агентских отчетах признаются существенными, а договоры при отсутствии таких условий – незаключенными [5]. Отметим, что это скорее единичные случаи. Но, как известно, смысл правовой нормы в зависимости от контекста конкретных правоотношений может иметь не один вариант толкования. Кроме того, судьям предоставляется возможность принимать решение по своему внутреннему убеждению.

Учитывая данные обстоятельства, а также тот факт, что возмездный характер деятельности агента отражает предпринимательскую природу рассматриваемых отношений, полагаем, что условия о вознаграждении следует согласовывать при заключении договора. Стоит отметить, что нормы российского законодательства, регулирующие агентские правоотношения, не устанавливают каких-либо особых правил по вопросу агентского вознаграждения. В нормах о комиссии и поручении не раскрывается вопрос о том, какие именно обстоятельства могут служить основанием возникновения у агента

права на получение вознаграждения, а также ничего не упоминается о порядке его выплаты. Ст. 1006 ГК РФ и вовсе предлагает сторонам ориентироваться на условия заключенного ими договора. В случае же если условие о вознаграждении, не являясь существенным, отсутствует в договоре, законодатель предписывает сторонам исходить из рыночных цен, установленных за аналогичные товары и услуги.

Данная норма косвенно, но всё же свидетельствует о том, что условие о форме и размере вознаграждения не является существенным для агентского договора. Кроме того, следует принимать во внимание позицию высших судов, выраженную по данному вопросу, в соответствии с которой отсутствие в тексте договора упоминания о цене, о порядке и способе её определения само по себе не означает, что договор не имеет юридического действия [7]. Таким образом, отсутствие условия о форме и размере вознаграждения не лишает агентский договор его правовой природы и не может являться критерием определения его как заключенного.

Однако, субъекты агентирования, осознавая возможные риски, часто всё же считают необходимым согласовывать условия о вознаграждении. В данном вопросе законодатель ограничивает сторон агентского договора лишь тем, чтобы содержание данного условия в целом не противоречило презумпции возмездности агентского договора, установленной законом. При возникновении споров, связанных с выплатой агентского вознаграждения по договору, разрешение вопроса о правомерности согласования того или иного условия о цене в основном является прерогативой судебной власти.

Отметим, что судебная практика при разрешении данной категории дел чаще оказывается на стороне агента. Полагаем, это связано с императивным характером нормы, устанавливающей обязанность принципала выплатить агенту вознаграждение. Условия договора, формально предусматривающие агентское вознаграждение, но фактически снимающие с принципала данную обязанность и лишающие агента права на вознаграждение, соразмерное характеру его деятельности, признаются ничтожными. В качестве примера можно привести условие, предусматривающее право принципала снизить размер вознаграждения до одного рубля в месяц в случае, если агент каким-либо образом нарушит установленные договором обязательства. Во-первых, очевидно, что такая цена договора значительно ниже рыночной. Во-вторых, фактически это снимает с принципала обязанность оплачивать услуги агента, а сам агентский договор становится безвозмездным, что, безусловно, идет в разрез с действующим законодательством [10]. С данными выводами суда трудно не согласиться. Представляется, что установление в агентском договоре подобного условия изначально неправомерно, поскольку противоречит принципу добросовестности поведения участников гражданского оборота.

Проблемным при согласовании условий об агентском вознаграждении является вопрос о возможности установления зависимости права агента на получение вознаграждения от поступления принципалу денежных средств от третьих лиц по сделке, заключенной агентом от имени принципала во исполнение поручения. С одной стороны, подобное условие представляется весьма удобным и выгодным принципалу. В то же время договор, в котором право агента на вознаграждение поставлено в зависимость от действий третьих лиц, вряд ли можно считать законным. Неисполнение третьим лицом обязательств перед принципалом по договору, заключенному между ними при участии агента, не освобождает принципала от обязанности оплатить агенту посреднические услуги. Дело в том, что доподлинно неизвестно, исполнят третьи лица свои обязательства перед принципалом или нет. Невозможно однозначно утверждать, что исполнение обязательств по договору непременно осуществится. Поэтому предусмотреть в договоре такое

условие – значит допустить возможность возникновения ситуации, при которой агент, совершив во исполнение поручения принципала все необходимые действия, вовсе не получит вознаграждения [6]. Представленная позиция судов представляется справедливой и вполне обоснованной.

При этом в юридической литературе распространено мнение о том, что по природе агентского договора агент должен получать вознаграждение не только за так называемые успешные, состоявшиеся сделки, но и за отвергнутые принципалом оферты, полученные им при посредничестве агента, а также за сделки, которые прекратились не по вине агента [9]. Закрепление указанного условия в договоре способствовало бы защите интересов агента, добросовестно совершившего в рамках поручения принципала все необходимые действия, а также гарантировало бы его право на соразмерное вознаграждение за проделанную работу. В перспективе представленная позиция, на наш взгляд, в рамках модернизации правового регулирования агентских правоотношений может быть закреплена и на законодательном уровне в качестве правовой нормы.

В рамках отдельных видов агентских правоотношений, в силу их специфики, весьма затруднительной является предварительная проверка качества услуг, оказанных агентом. Показательным примером могут служить правоотношения между двумя юридическими лицами, в рамках которых осуществляется оказание юридических услуг по агентскому договору (составление агентом от имени принципала всякого рода заявлений и обращений в судебные и иные государственные органы). Объективно оценить качество оказанных юридических услуг практически невозможно, особенно учитывая тот факт, что отрицательный для принципала результат вовсе не является индикатором качества данного вида услуг.

В связи с этим не менее интересным представляется вопрос о возможности фигурирования в агентских правоотношениях так называемого «success fee» (вознаграждения за успех). Речь идет об условии договора, которое бы ставило в зависимость возникновение права агента на получение вознаграждение от достигнутого им результата.

Отметим, что Конституционный суд РФ не признает гонорары за успех законными [8]. Однако, некоторые авторы, разделяя особое мнение судьи А. Л. Кононова, указывают, что согласование условия о гонораре успеха соответствует принципу свободы договора и никак не противоречит действующему законодательству [1].

На наш взгляд, такая позиция представляется необоснованной, не учитывающей в полной мере специфику агентирования. Так, по нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения А. Н. Пузыревой, отмечающей, что сомнительность включения в агентский договор условия о гонораре успеха обусловлена не столько запретом, содержащимся в Постановлении Конституционного суда РФ, сколько самой природой агентских правоотношений [9]. Агент не оказывает принципалу услуги, которые в итоге необходимы последнему: функции агента сводятся к осуществлению посреднических действий в интересах принципала с целью получения определенного положительного результата. Необходимый принципалу конечный полезный эффект будет достигнут лишь при исполнении контрагентами своих обязательств перед принципалом по сделке, заключенной при посредничестве агента. Получается, результат зависит от действий третьих лиц, поэтому установление прямой связи между возникновением права агента на вознаграждение и неким положительным результатом допустимо лишь в том случае, если под этим самым положительным результатом в рамках агентских правоотношений понимать надлежащее совершение агентом юридических и иных действий по поручению принципала. В связи с этим в целях дополнительной защиты интересов принципала некоторые правове-

ды рекомендуют отредактировать ст. 1006 ГК РФ, предусмотреть в ней, что принципал уплачивает вознаграждение агенту лишь в том случае, если услуги агента оказаны надлежащим образом, надлежащего качества [1]. Однако, такое условие не следует отождествлять с условием о «гонораре успеха», описанным выше, поэтому очевидно, что последнее не может быть применимо к агентскому договору в общепринятом значении.

В России агентскому вознаграждению посвящена одна статья ГК РФ, самого общего характера, регулятивный смысл которой сводится по сути к установлению той самой презумпции возмездности. Более детально порядок и условия выплаты вознаграждения законодатель предлагает принципалу и агенту определить непосредственно в договоре. На наш взгляд, отсутствие нормативной конкретики, преимущественно отсылочный способ регулирования отдельных аспектов агентских правоотношений, в том числе и вопросов об агентском вознаграждении, даже при условии всесторонней доктринальной разработанности проблемы и гибкости судебной практики будут негативно влиять на правоприменение и вызывать большое количество вопросов среди субъектов агентирования. Очевидно, что российское законодательство об агентском договоре не проработано на должном уровне, и в целях определения направления его совершенствования в части регулирования отдельных аспектов договорных отношений, на наш взгляд, следует обратиться к зарубежному, в частности, европейскому опыту правового регулирования агентирования.

Стоит отметить, что в Европе само по себе незаключение агентом сделки с третьим лицом не является основанием утраты его права на вознаграждение. Агент по европейскому законодательству должен совершать сделки лишь в порядке исключения, по особому поручению. Надлежащим исполнением обязательств, а значит и основанием возникновения права агента на вознаграждение считается совершение агентом всех необходимых фактических действий. В случаях же, когда агент по договору управомочен заключать сделки, перечень оснований для выплаты агентского вознаграждения весьма детально установлен на нормативном уровне.

Представляется, что раскрытие оснований для выплаты агентского вознаграждения на законодательном уровне положительно сказывается на регулировании агентских правоотношений: таким образом не только защищаются интересы принципала, но и учитываются интересы агента, который своими действиями лично способствовал достижению результата. Принимая во внимание тот факт, что российский агентский договор априори предусматривает совершение агентом юридических действий, как правило - сделок, отсутствие в законодательстве четких оснований для возникновения права агента на вознаграждение, представляется существенным пробелом, вызывающим на практике вопросы о том, от чего вознаграждение агента должно зависеть.

Заслуживает внимания ещё одна, не присущая российскому праву позиция, отраженная в законодательстве европейских стран. Речь идет о праве агента на получение вознаграждения по истечении срока действия агентского договора или по его прекращении по обстоятельствам, не зависящим от агента. Так, если по окончании срока действия агентского договора принципал продолжает получать выгоду от сотрудничества с третьими лицами, сложившегося благодаря посреднической деятельности агента, последний имеет право на получение вознаграждения.

Аналогичное правило действует и в тех случаях, когда сделка, подготовленная агентом, заключена принципалом уже за пределами срока действия агентского договора. Таким образом здесь право агента на вознаграждение не обусловлено действием агентского договора, а прекращение последнего не влечет автоматическое прекращение права агента на вознаграждение за свою деятельность,

несмотря на то, что нужный принципалу результат наступил несколько позже.

На наш взгляд, такое положение способствует защите правового статуса агента, его интересов, и в целом, подчеркивает немаловажную роль агентской деятельности в коммерческих отношениях, не позволяя умалить её значимость в увеличении благосостояния принципала. Так, нормы европейского законодательства, регулирующие агентские правоотношения являются наиболее развитыми по сравнению с нормами Главы 52 ГК РФ. Полагаем, это обусловлено более высокой степенью сформированности и функционирования самого института агентирования в европейских странах. Безусловно, агентские правоотношения в российском правопорядке отличаются от агентирования, существующего в Европе. Тем не менее, отдельные положения европейского законодательства об агентском вознаграждении, в частности устанавливающие основания возникновения у агента права на вознаграждение и предусматривающие для агента компенсационные выплаты после прекращения действия договора, могут быть успешно заимствованы российским законодателем. Заимствование зарубежного опыта правового регулирования вопросов выплаты агентского вознаграждения, принятие во внимание предложений российских ученых, а также выводов судебной практики не только поможет в толковании норм действующего законодательства, но и позволит в значительной степени усовершенствовать правовое регулирование отношений, вытекающих из агентского договора, которое уже давно не соответствует современным экономическим реалиям и нуждается в модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильчикова Н. А., Прохоров М. Ю. Отдельные проблемы законодательного регулирования агентских правоотношений // Ленинградский юридический журнал. 2015. №1(39). С. 25-31.
2. Власова Н. В. Агентский договор в российском законодательстве и международной коммерческой практике // Журнал российского права. 2013. №3. С. 100-109.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996. № 5. ст. 410.
4. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2016 № 12-АП-12939/2015 по делу № А06-4835/2015 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/
5. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.12.2016 № 10-АП-16063/2016 по делу № А041-55502/16 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2007. №6. Ст. 828.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ №8 от 01 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 13 февраля 2013 г. № Ф06-11608/12 по делу № А72-1629/2012 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/
9. Пузырева А. Н. Агентский договор и его виды: проблемы квалификации и правового регулирования: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2014. 258 с.
10. Решение Арбитражного суда Кировской области от 9 июля 2019 г. по делу № А28-2496/2018 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasil'chikova N. A., Prohorov M. Ju. Otdel'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovanija agentskih pravootnoshenij // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2015. №1(39). S. 25-31.
2. Vlasova N. V. Agentskij dogovor v rossijskom zakonodatel'stve i mezhdunarodnoj kommercheskoj praktike // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. №3. S. 100-109.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 18.03.2019, s izm. ot 03.07.2019) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 29.01.1996. № 5. st. 410.
4. Postanovlenie Dvenadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 20.01.2016 № 12-AP-12939/2015 po delu № A06-4835/2015 // Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). URL: https://sudact.ru/
5. Postanovlenie Desjatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 08.12.2016 № 10-AP-16063/2016 po delu № A041-55502/16 // Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). URL: https://sudact.ru/
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 janvarja 2007 g. № 1-P // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. №6. St. 828.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 6, Plenuma VAS RF №8 ot 01 ijulja 1996 g. «O nekotoryh voprosah, svjazannyh s primeneniem chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS RF. 1996. № 9.
8. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 13 fevralja 2013 g. № F06-11608/12 po delu № A72-1629/2012 // Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). URL: https://sudact.ru/
9. Puzyreva A. N. Agentskij dogovor i ego vidy: problemy kvalifikacii i pravovogo regulirovanija: diss. ... kand. jur. nauk. M., 2014. 258 s.
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kirovskoj oblasti ot 9 ijulja 2019 g. po delu № A28-2496/2018 // Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). URL: https://sudact.ru/

Поступила в редакцию 18.05.2020.
Принята к публикации 21.05.2020.

Для цитирования:
Литвина В.С. Некоторые вопросы определения и согласования условий о вознаграждении по агентскому договору: российское право и зарубежный опыт // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 306-312. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Litvina.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3896787
УДК 342.41

Nguyen Trung Thanh

Nguyen Trung Thanh, Deputy Director, Environmental and Social Science Institute, Hanoi, Vietnam. E-mail: nguyentrungthanh.essi@mail.ru.

Accountability - theoretical and practical issues in Vietnam

Abstract. Completing the legal provisions on accountability of State administrative agencies has a significant implication in ensuring the requirements on publicity, transparency, democracy and improvement of the efficiency in the operations of State agencies, thereby better protecting the legal rights and benefits of organizations and individuals during the construction of the socialist rule-of-law state in Vietnam. Accordingly, accountability has been «legalized» in the Anti-Corruption Law 2005 and 2013 and formally incorporated into the Constitution of the Socialist Republic of Vietnam. In that spirit, regulations on accountability have been finalized, gradually concretizing the position, role and duties of the state apparatus. Decentralization and assignment of position - works of cadres and civil servants have clearly increased the effectiveness and efficiency in the public service performance. This is the basis and foundation for attaching accountability to cadres, civil servants and leaders at all levels, sectors and local governments. However, the practice of law enforcement on accountability of administrative agencies in Vietnam raises a lot of issues that need to be clarified.
Key words: accountability, public management, state management, public service, publicity and transparency.

The Article is a product of the state-level key scientific and technological project «Publicity, transparency and accountability in the organization and operation of state administrative agencies meeting the requirements on constructing the socialist rule-of-law state» ID No. KX 01.41/16-20.

Perspectives on accountability

According to the OECD (Organization for Economic Cooperation and Development), accountability consists of two groups: Vertical accountability and horizontal accountability. Horizontal accountability is the mechanism of restraint - counterbalance between the three branches of legislative, executive and judicial powers. Vertical accountability is the relationship between people and the public authorities - those who are empowered to make decisions, but people have the ability to influence that decision-making process [2].

The term «accountability» implies that accurate and accessible information is the basis for assessing whether a job is well done or not. Accountability also includes the right reward and punishment mechanisms to encourage the work performance [7, p. 1].

Accountability is also recognized under two levels: Accountability in the system of state agencies and accountability before society (LERES document on participation and accountability in law-making). Accountability in the state system is the responsibility to report and explain to the superior or supervisory authorities about a specific issue or their activities. Meanwhile, the implementation of accountability before the society is a responsibility carried out by cadres and civil servants who are the holders of power, representing the state to the other party, the people and shall attached to people's direct or indirect participation. Since people are involved in the activities of state agencies, there is a basis for monitoring the contents and the process of work performance, thereby creating a basis to make a request for the implementation of accountability.

When mentioning the accountability of the government, the research perspectives suggested that the accountability of the government is often viewed from two main aspects: (i) accountability on the political aspect means accountability of politicians to the people about their political responsibility to related issues; (ii) accountability on legal aspects refers to the accountability of cadres and civil servants when occurring issues that affect the correctness in implementing public tasks and works. Of which, the accountability of politicians is the accountability before the voters and the people; and the accountability of cadres and civil servants in implementing their tasks and public services is the accountability with leaders, task assignors and even related people who are affected by the decisions and actions of cadres and civil servants.

In Vietnam, accountability is understood as obligations of state agencies, organizations and cadres, civil servants and competent people to carry out their duties, public duties shall disclose, explain and clarify information in their public service activities before the people and other organizations on a regular basis or/and when required, and take responsibility when it happens to be effective. The assurance of accountability is associated with the concepts, mechanisms and legal provisions on publicity, transparency and democracy in the activities of public authorities. In recent years, ensuring the transparency of state administrative agencies is mentioned as one of the requirements of improving the efficiency of state management, ensuring democracy in the state's operations and is a requirement of the implementation of international commitments.

On a broader sense, accountability is the responsibility of ensuring the publicity and transparency of the entire state apparatus. Many legal documents of countries around the world and in Vietnam approach and regulate this responsibility. Accountability basically makes sure that the people, the state and non-state organizations have the legal basis and the ability to compel state agencies and civil servants to explain what they have done and have not done or did not do during the course of performing public services. The external accountability is expressed in various forms, in which the people and non-state stakeholders play a leading role in requesting the branches and levels to perform the accountability.

Thus, domestic and foreign researches have common perspectives when acknowledging accountability as a term related to the expectations of the people and the principal about the accountability of the authorized person. All authorizations go hand in hand with the accountability responsibility. Accountability is an acknowledgment of responsibility for every action, product, decision or policy made by an attorney in leading, managing, and performing the work, consistent with the meaning of cases of reporting, explaining and justifying the incurred consequences. The accountability obligation is understood as fulfilling the obligation of full information, the obligation to justify the actions of the authorized person in the past, present or future and to suffer punishment if causing negative consequences. Therefore, accountability in the organization and operation of state administrative agencies is understood as the obligation of agencies, organizations, officials and civil servants to provide information related to functions, tasks, powers, also the results of the assigned tasks and shall be responsible to the people, society and relevant agencies, organizations and individuals for their public service duties. Accountability is one of the basic values of the public service in most developed countries along with other values such as validity, efficiency, transparency, etc.

From the above perspectives, the accountability is understood as the obligation to provide complete and clear information about the data generated by them and shall be responsible for that activity. With that in mind, the accountability of a state agency consists of two basic contents which are the obligation to provide and explain information and shall be tied to the legal responsibilities of the accountable organization or individual.

Forms of accountability

Accountability consists of two groups: vertical accountability and horizontal ac-

countability. Horizontal accountability is the mechanism of restraint - counterbalance between the three branches of legislative, executive and judicial powers. Vertical accountability is the relationship between people and the public authorities - those who are empowered to make decisions, but people have the ability to influence that decision-making process [5].

Accountability can also be divided into upward accountability and downward accountability. In which, upward accountability focuses on compliance with rules, directives and instructions from the State apparatus. This form will pay much attention to compliance with regulations; meanwhile, downward accountability focuses on the results that an individual or agency has an obligation to perform. This form will pay more attention to service [7].

If not focusing on the form of accountability by object, but focusing on sectors, the accountability can be divided into 8 types, namely accountability for ethics, accountability for administration, accountability for politics, accountability for management, accountability for market, accountability for justice; accountability before voters and accountability for occupation [3].

Accountability can also be divided into four categories, including: political accountability; administrative accountability; professional accountability, and social accountability [6]. This classification is very close to the governance, but it seems that the author rather limits the type of state accountability but identifies it with administrative accountability, which is only one content of the state accountability, including: administrative accountability mechanism, accountability mechanism before elected bodies; judicial accountability mechanism - an important type of accountability in the state apparatus.

From the perspective of ensuring the rights of information of the people in general, the accountability is linked to the information responsibility to the beneficiaries, is managed and is expressed in two forms: active accountability and passive accountability. Active accountability is that agencies, organizations, units and individuals are proactive in information and proactively publicize their activities. Passive accountability: Is that agencies, organizations and individual provide information at the request of relevant stakeholders [4]. Meanwhile, from the perspective that the accountability is tied to the responsibility of civil servants, this author divides the accountability into accountability in the system (focusing on explaining compliance with the principles, regulations and control from top to bottom - upward accountability) and external accountability (focusing on accountability for operation, task performance and public services in front of the people).

Thus, we can see that there are many ways to implement accountability, but in the state's operation, accountability is understood on two dimensions. Firstly, it is the State's accountability in general. Secondly, it is the accountability of cadres and civil servants who are competent to carry out their duties. The state accountability is generally the accountability of the state entire system and apparatus. The accountability of officials, civil servants and authorized persons will be carried out in two directions: internal accountability (i.e. accountability of compliance with principles, regulations and top-down control) and external accountability (i.e. to explain to subjects outside the state such as people, enterprises, etc.). This accountability content may be an accountability of the performance of tasks and official duties; and can be the accountability of the origin of the assets and associated with the disclosure of assets and income. The accountability on both sides helps stop and prevent acts of abusing positions and powers for self-profit seeking and corruption; control and evaluate the performance of public services. These will help improve the efficiency of state agencies, perform well the social management work of the state, and establish people's confidence in the national political system.

In order to classify accountability, it is necessary to answer questions like who is responsible for the accountability. To whom the accountability should be implemented?

What the accountability is about? What is the tool for accountability? What are the results of accountability? What is the regime for accountability? To answer the above questions, accountability can be divided in several approaches, such as:

– Political accountability: It is the accountability of each state organization and each party member before the Communist Party of Vietnam. In order to ensure leadership, the Party has set up an inspection system from the Central Inspection Committee to the Inspection Committee of the Party Committees, the Provincial Party Committee, the grassroots Party Committees, domestic affairs agencies, etc. The political accountability is implemented through reports on the activities of agencies and units at conferences; specific inspection and supervision reports; sanctions for violations of political accountability are forms of Party's discipline such as reprimand, warning, expulsion, etc., thus leading to resignation or dismissal of positions through the official channels of elected bodies or administrative body.

Apart from evaluating the effectiveness of accountability through the above reports, there is another criterion for assessing political accountability that is the prestige and influence of civil servants and officials in the delegated field by taking votes of confidence and evaluating leading cadres.

– Administrative accountability: In the administrative accountability, there are three main directions of accountability: Accountability before elected bodies (National Assembly, People's Councils); vertical accountability (between lower level and superior level); and horizontal accountability (between individuals/organizations and other units with inspection and supervision functions). If an official violates the provisions of Administrative Accountability, he/she will be subject to administrative sanctions (such as demotion, discipline, rotation, etc.) or legal sanctions (forced dismissal, compensation for damages, recourse rescuing criminal liability, etc.)

– Accountability for occupation: In the performance of public services, cadres and civil servants shall not only meet the legal provisions, but also be bound by the effects of professional ethical rules. At present, in some industries, those ethical standards are sometimes homogeneous and integrated as standards for assessing working competence and work performance of civil servants. To promote professional accountability, it is required to enhance the autonomy and self-governance of organizations and agencies and consider accountability as one of the supporting factors for administrative accountability.

– Social accountability: In order to ensure an open politics and promote the participation of people in the state management, it is necessary to mobilize the supervision of the people, the civil society organizations and press agencies, etc. The need to exercise due accountability to the society for the people and social organizations is not only the object of state management, but also the subject of social management. Moreover, in order for public policies to be effective, it is necessary to have the consent, support and sharing of the people. The law on social accountability in fact is not as detailed as administrative accountability or political accountability, and its application in practice depends on the leadership perspectives and the situation of industries and localities. Social accountability does not lead to legal responsibility, but it has the potential to impact, spread, and pressurize the society, causing administrative agencies to recognize and address it.

Legislation on accountability in Vietnam today

The 2013 Constitution and various legal documents, such as Law on Organization of National Assembly (2014), Law on Organization of the Government (2015), Law on promulgation of legislative documents (2015), Law on supervision activities of the National Assembly and People's Councils (2015), Continued Laws access to information (2016), etc. provided for the accountability of the Government and state administrative agencies. By conducting researches, we can generalize the accountability of state administrative agencies in Vietnam through the following contents:

Firstly, on the subject and the object of accountability in the exercise of state power.

The Constitution 2013 and various legal documents have been specified. Article 94 of the Constitution 2013 states that «The Government is responsible to the National Assembly and reports its work to the National Assembly, the Standing Committee of the National Assembly and the President». Accordingly, the accountability subject is firstly the Prime Minister, who is most responsible for all activities of the Government and the state administrative system is accountable to the National Assembly for the Government's activities and the assigned tasks; report on the Government's work, etc. The Prime Minister shall submit regular reports to the people through the mass media on major issues to be settled by the Government and the Prime Minister [Clause 6, Article 98, Constitution 2013]; The Prime Minister «accounts and answers questions before the National Assembly and the Standing Committee of the National Assembly» [Clause 2, Article 29, Law on Organization of Government 2015].

Next is the Minister, Prime Minister of ministerial-level agencies are the accountability subjects under the Constitution 2013. The Ministers and Heads of ministerial-level agencies shall be personally accountable to the Prime Minister, the Government and the National Assembly for their respective fields and branches, and shall be, together with other members of the Government, collectively accountable for the activities of the Government [Clause 4, Article 95, Constitution 2013]; shall report to the Government and the Prime Minister and exercise a regime of reporting to the People on issues under their respective management [Clause 2, Article 99, Constitution 2013; Article 33 and Article 34, Law on Organization of Government 2015].

In addition, the Government is also responsible for synthesizing, researching, explaining and receiving comments from relevant agencies, organizations and individuals; publicizing information and posting accountability reports on the Government's Web Portal [Article 34, Clauses 3 and 36, Law on Promulgation of Legal Documents].

Furthermore, the State Audit Law 2005 stipulates that state administrative agencies are one of the subjects responsible for reporting accountability on matters related to revenue and expenditure under the scope of regulation of the Law on State Budget 2002, together with the order and procedures for conducting audits, as well as the rights and obligations of State auditors and the obligation to report on accountability of state administrative agencies.

The Law on Cadres and Civil Servants 2008 stipulates the obligations of cadres and civil servants as leaders shall be responsible for the activities of the agencies and units under their charge. To keep close contact with the people, listen to the people's opinions and submit to the people's supervision [Articles 8, 9, Law on Public Employees 2008].

Secondly, the provisions on the content of accountability.

The accountability subject is the Prime Minister, the content of accountability is the tasks and powers prescribed by the law for each position and title of a Government member associated with the rationality, legality and effectiveness in carrying out that task and title. The Article 27 of the Law on Governmental Organization (2015) stipulates: The Government shall be responsible to the National Assembly for performing its duties and powers, for the results, effectiveness, efficiency of management and administration of the state administrative apparatus, and for undertakings and policies that it proposes to the National Assembly. The Law also prescribes that the Prime Minister «Take responsibility to the National Assembly for the Government's performance and state administrative system at the central level through the local one; for decisions and the result of implementation of his decisions within his/her delegated duties and powers» [Clause 1, Article 29, Law on Organization of Government 2015].

For members of the Government, as heads of ministries, ministerial-level agencies, ministers, heads of ministerial-level agencies take sole responsibility for all as-

pects of work of Ministries and Ministry-level agencies; direct their affiliates to execute approved strategies, proposals, plans, programs or projects, and implement duties of Ministries and Ministry-level agencies assigned by the Government....» [Article 34, Law on Organization of Government].

For state administrative agencies in general, according to the Decree No. 90/2013/ND-CP, it is required to explain all contents under its management, except for contents such as: Content of information related to state secret; Content related to direction, organization of implementation of tasks, public missions in internal scope of state agencies; in direction and management of the superior administrative agencies with the inferior administrative agencies; Content of information belonging to private secret; Content of information belonging to business secret; Content which have been explained or accepted for settlement by competent agencies [8].

Thirdly, in terms of form and method of performing accountability

The forms and methods of government's accountability prescribed in Vietnam's legal system are quite diverse.

Objects of accountability are the Prime Minister and members of the Government: The Law on Organization of the Government (2015) stipulates that the Government's accountability is to be accountable to the National Assembly and the President on a regular and even irregular basis at the request of the National Assembly, the Standing Committee of the National Assembly and the President. In addition, according to Article 80, the Constitution 2013 and Clause 2, Article 32 of the Law on Organization of the National Assembly (2014), it also provides quite detailed provisions on the form of the National Assembly's questioning to the Government and considers answering the Government’s questions. Accordingly, the questioned persons shall answer before the National Assembly at the session or at the meeting of the Standing Committee of the National Assembly during the period between two National Assembly sessions, in case of necessity, the Standing Committee of the National Assembly may allow to answer in writing». The Law on Supervisory Activities of the National Assembly and People's Councils (2015) also stipulates that there are two types of questions of the National Assembly delegates: questions of the National Assembly delegates at the National Assembly's sessions and the questions of National Assembly delegates [Article 15 and Article 26, Law on oversight activities of the National Assembly and People's Councils (2015)].

For state administrative agencies, Article 11 of the Decree No. 90/2013/ND-CP stipulates that the request for accountability is «executed in writing or directly at the responsible state agency for accountability». Accordingly, the accountability of state administrative agencies are also carried out in two forms: written accountability and direct accountability. The officer who receives the request for accountability shall honestly present the content of the request for accountability in writing. For the implementation of the accountability, the direct accountability requests have a simple content and the presenter can explain it directly. For other accountability requests, the person conducting the accountability shall carefully study the content of the request for accountability; collect and verify relevant information; work directly with the requesters for clarification of relevant content when deemed necessary; send accountability documents to requesters for accountability; in case of necessity, publicize such explanatory documents as prescribed by the law.

Implementation of law on accountability in Vietnam

Accountability in the state system is the responsibility to report and explain to the superior or supervisory authorities about a specific issue or their activities. Meanwhile, the implementation of accountability before the society is a responsibility carried out by cadres and civil servants who are the holders of power, representing the state to the other party, the people and shall attached to people's direct or indirect participation. Since people are involved in the activities of state agencies, there is a basis for monitoring the

contents and the process of work performance, thereby creating a basis to make a request for the implementation of accountability [1].

Regarding the implementation of the accountability of the Prime Minister and members of the Government before the National Assembly, the questioning sessions take place vigorously, showing the democratic, frank and responsible spirit of the National Assembly delegates, Government members and leaders towards every pressing issue of the people. Ministers and heads of industries have been well-prepared for answering questions, basically grasping and comprehensively grasping the problems of the branches and fields under their charge, frankly accept responsibilities, and state the causes and solutions to overcome them. However, there are some answers to questions that have not yet been focused, raising issues, but having not clearly defined responsibilities.

For the authorities at all levels, given the current reality, the implementation of accountability of the authorities at all levels in our country is not high. The level of interaction between the people and the government is weak. The quality of the accountability is not high, there are still formality in the implementation and lack of clarity. Meanwhile, cadres and public servants on duty are «authoritarian». Some cadres and civil servants said that they only had the duty to report and account to their superiors, but have «no» duty to report and account to the people and organizations. From the side of the people, it seems that they are not aware of the right to request accountability from state management agencies, nor have a need for forcing state management agencies to account. Moreover, there are two important institutions for the people to participate in monitoring and demanding the accountability of the authorities to the people: the People's Inspection Board and the Community Investment Supervision Board. Nonetheless, the effectiveness of these two boards is still very low, and people do not seem to know the existence of these two institutions.

The survey results in 2014 on Vietnam's Global Governance Index included 2 out of 6 index groups (voice and quality of accountability; political stability and non-violence; government effectiveness; quality of business regulation; rule of law; and control of corruption) are close to the average score of countries in the world, which is an indicator of political stability and government's effectiveness. This is the result for the efforts of the Government and the State of Vietnam in the process of social management, showing our past efforts to improve the government's effectiveness. However, according to that assessment, there are groups of indexes with low rankings, among the top ten countries with the lowest indexes are the voice of the people and the accountability of the government. In order to improve our position in the rankings in the coming time, we need to build a more open and transparent political institution, including the need for state accountability.

Some of the bottlenecks in implementing accountability in our country have been recorded as:

– Accountability is only focused on two types of accountability: political accountability and administrative accountability while social accountability does not seem to be paid due attention. This is evidenced by the fact that there are not many methods of accountability to the people, the content of accountability to the people is still stereotypical, not close to the desired reality and requirements of the people; the time for meeting the request for accountability is still long; and there are no prescribed sanctions if they do not meet the requirements of accountability to the people, etc.

– Not only in the documents that regulate accountability, but in the reality of implementation, the accountability is weighed on passive accountability, meaning that the accountability is only implemented when being requested. Therefore, the effectiveness of the accountability is not high, it is not possible to create a «culture of accountability» or consider it as a part of public service activities.

– Current forms of accountability are still quite monotonous, lack of creativity, ineffective; are mainly written reports; and have few direct dialogues, so the accountability is often in one direction, and the interaction among accountability subjects is poor. This leads to the fact that accountability is just formal, procedural and coping.

– The mechanism for assessing the effectiveness of accountability has not been specified and has not considered the implementation of accountability properly, sufficiently and effectively was one of the factors to evaluate public service competence of civil servants.

– The participation of the people, society and the media in monitoring the State's accountability has not been really effective. This may stem from the incomplete legal mechanism, the obscured social criticism role of the media compared to other economic benefits, etc.

– The accessibility of the people and society with the results of the State accountability activities is still limited due to the way of publicizing the results of the accountability is not public and transparent; the online data storage and provision infrastructure of the public administration has not been really developed, etc.

Thus, it can be seen that the implementation of state accountability in Vietnam at present has many problems and limitations. So, what are barriers and causes for these limitations? These barriers can be identified based on three factors that determine the effectiveness of the state, namely the capacity of the state administrative apparatus; essential resources; and the participation of the people and the society.

– Regarding the capacity of the state administrative apparatus, there are two factors affecting the accountability: decentralization, awareness and qualifications of civil servants.

The decentralization and identification of functions and powers among agencies and titles are not really clear, resulting in many difficulties and obstacles when handling responsibilities if violations occur. At the same time, it is difficult to determine who is responsible for the accountability?

One of the reasons for the formality of accountability is that cadres and civil servants are still «authoritarian». Some cadres and civil servants said that they only had the duty to report and explain to their superiors, but to the people and organizations. This is due to limited awareness and legal knowledge and professional capacity.

– Essential resources:

Currently, the allocation of resources and the use of fiscal discipline to ensure the alignment between policies and the state's financial capacity in implementing accountability are not really consistent and reasonable. This has led to a reduction in the effectiveness of state accountability.

One of the essential resources affecting the government's accountability is the environment and information infrastructure. The current accountability is mainly on the traditional methods such as paper documents, meetings, etc., but has not paid attention to the accountability on the media, on the information portals of the government and state agencies, etc. Incomplete information infrastructure is not only limited, which reduces the effectiveness of the accountability from the accountability subject, but also hinders the access accountability information of the people and the society.

– People's participation: People's participation in state management activities is affirmed for «people know, people discuss, people check», but due to the lack of information access mechanism, it is difficult for people to participate in all three steps of knowing, discussing, and checking on which are mainly engaged in the issues that have been decided.

People's awareness of the right to request accountability by state agencies, as well as the lack of demand for forcing state management agencies to account. Two important institutions for people to participate in monitoring and demanding accountability of all levels of government which are the People's Inspection Board and the Community Investment Supervision Board are currently ineffective; many people even do not

even know the existence and role of these two institutions.

Perspectives and solutions to enhance the accountability of the State

To well carry out the accountability, the problem now is that state agencies; State cadres and civil servants shall be responsible for carrying out the assigned work with results and shall take responsibility for the assigned jobs. Strengthening the implementation of accountability will contribute to significantly reducing the lawsuits and questions of the people to the state agencies. Of which, organizing dialogues can be considered as an effective form of accountability. That officials at all levels have direct dialogues with the people is a form of democratic, open and highly public activities. In dialogues, the parties need to argue, question equally and show mutual respects. This is also a cultural feature in communication between officials and people. In that spirit, it is necessary to:

Firstly, perfect the system of government's accountability policies, such as: Include the position of active accountability in the rules of accountability, so that the accountability is understood in both directions: active and passive accountability. There should be agreement on legal documents about accountability, avoiding dispersal and lack of concentration.

Secondly, have a sufficiently strong mechanism for accountability violations to ensure the implementation effectiveness.

Thirdly, strengthen the coordination between state agencies together in the performance of accountability to clarify the subject and the contents of the accountability.

Fourthly, promote the participation of the people, the press, the society, etc. in the process of monitoring accountability of the state through the development of a complete legal mechanism, which clarifies the accountability to the people and the society as the responsibility of the state agencies and take measures to handle the violations of social accountability, etc.

Fifthly, propagandize and educate in order to raise the awareness of civil servants, the people and the society about the State's accountability to form a deep and unified awareness foundation.

Sixthly, implement administrative reform, build a modern electronic administration to facilitate the implementation of the accountability and access to the results of the accountability, building an electronic, open and transparent government and aim to provide more online public services to the people.

Conclusion

The reality of over 30 years of development and completion of the socialist rule-of-law state, state of the people, by the people and for the people, we have obtained a lot of important achievements, the social management role of the State is affirmed, the people trust the leadership of the Party and the Government, creating a political stability for economic, cultural and social development. However, to modernize the institution and promote the performance of the State, we need to robustly renovate, improve competency and accountability of the State, by organizing a reasonable state apparatus, ensuring the real control and balance between executive, legislative and judicial branches; promoting the civil rights by establishing a strict legal framework; and the public authorities shall be transparent and create an interactive mechanism with the people. Transparency and accountability are requirement and also standard toward a modern management institution. This is a sound pathway to develop an effective public administration and promote the roles of the whole political system, the people and the whole society.

REFERENCES

1. Bui Thi Can. Government's accountability // Journal of Political Theory. 2017. №. 5
2. Hudson and Govnet. Accountability and democratic governance: orientations and principles for development. 2009. 146 p. URL: http://www.oecd-ilibrary.org.

3. Jabbra J.G. and Dwivedi O.P. (eds.). Public Service Accountability: A Comparative Perspective. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1989.
4. Nguyen Tuan Improving the legal basis for accountability. Department of Internal Affairs. September, 3. 2013. URL: http://noichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/201309/hoan-thien-co-so-phap-ly-ve-trach-nhiem-giai-trinh-292197/
5. OECD. Modernising Government: The Way Forward. 2005. URL: https://www.oecd.org/gov/modernisinggovernmentthewayforward.htm
6. Pham Duy Nghia. Accountability: Reaching the standards of a bureaucracy for development. Booklet of the Fulbright Master of Public Policy, 2015.
7. World Bank. Vietnam development report 2010: modern institutions. 2010. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/618951468329964080/Vietnam-development-report-2010-modern-institutions
8. Government; Decree No. 90/2013/ND-CP dated August 8, 2013, providing for state agencies' accountability in performing assigned tasks and powers.

Поступила в редакцию 25.05.2020.
Принята к публикации 28.05.2020.

Для цитирования:
Nguyen Trung Thanh Accountability - theoretical and practical issues in Vietnam // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 313-322. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/NguyenTrungThanh.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3897146
УДК 34.347

Погарцев В.В.

Погарцев Виталий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: vpogarcev@yandex.ru.

Правовая и социальная природа международного консьюмеризма

Аннотация. В статье анализируется правовая и социальная природа защиты прав потребителей в международном масштабе, определяется значение и роль международных организаций, созданных для защиты прав потребителей. Выделяются и описываются конкретные программы для защиты потребителей в разных по уровню правового, экономического и социального развития регионах мира. Кроме того, затрагивается проблема потребительства и перепотребления товаров и услуг, исследуются негативные и позитивные стороны распространения консьюмеризма в современном международном обществе.
Ключевые слова: консьюмеризм, консьюмерский интернационал, потребители, потребительское законодательство, система перепотребления.

Pogartsev V.V.

Pogartsev Vitaly Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pacific state University, 680035, Russia, Khabarovsk, Tikhookeanskaya st., 136. E-mail: vpogarcev@yandex.ru.

Legislative and social nature of international consumerism

Abstract. The article analyzes the legislative and social nature of consumer protection on an international scale, defines the significance and role of international organizations created to protect consumer rights. Specific programs for consumer protection in different legal, economic and social development regions of the world are identified and described. In addition, the author touches upon the problem of consumerism and overconsumption of goods and services, analyzes the legal framework of international consumer law. The article examines the negative and positive aspects of the spread of consumerism in modern international society.
Key words: consumerism, consumer international, consumers, consumer legislation. consumerism, international, consumers, consumer legislation, the system of overconsumption.

В развитых странах движение по защите прав потребителей (консьюмеризм) приобрело довольно высокий уровень развития, гарантированный поддержкой от имени правительств этих государств, имеющими влияние в международных организациях (в первую очередь ООН), и, кроме того, национальным и международным законодательством.

На международном уровне консьюмеризм представлен несколькими организациями (UNCTAD, Европейское бюро потребителей, CI). Наиболее влиятельной из них является такая независимая, неприбыльная, неполитическая организация, как Консьюмерский Интернационал.

Consumers International – это мировая конфедерация организаций по защите прав потребителей. CI, ранее известная как Международная организация союзов потребителей (IOCU), была образована в 1960 году инициативной группой, состоящей из 5 потребительских организаций из США, Западной Европы и Австралии. В год основания CI объединял 21 национальный союз потребителей. На сегодняшний день членами организации являются почти 270 национальных, государственных, региональных и других консьюмерских организаций и групп более чем 110 государств мира [1, с. 28].

CI содействует усовершенствованию более объективного социума с точки зрения защиты прав потребителей, начиная с наиболее незащищенных социальных групп, покровительствуя членским организациям, отдавая предпочтение возникающим консьюмерским группам, и транснациональному движению потребителей в целом. Потребительский курс организации должен основываться на следующих принципах:

– право на обеспечение основных потребностей;

– право на экологически благоприятную окружающую среду (экоконсьюмеризм);

– право на безопасность;

– право на компенсацию убытков;

– право выражать свое мнение и быть услышанным;

– право на информацию;

– право на потребительское (консьюмерское) просвещение;

– право выбора [2, с. 44].

Консьюмерским Интернационалом были выработаны несколько программ, рассчитанных на конкретные регионы. Данные проекты воплощаются в жизнь на сегодняшний момент:

1. Первый проект (PRODEC) – разработан для развитых стран. Он реализуется с 1993 года, включает Западную Европу, Северную Америку и в некоторой степени – государства АТР (Япония, Гонконг, Австралия).

2. Второй проект (ROAP) – был разработан для стран Азии и Тихоокеанского региона, с руководящим центром в Куала-Лумпур (Малайзия). Программа исполняется с 1974 года. Назначение проекта – привлечение максимального внимания к нестандартным условиям, необходимым потребностям и нуждам потребителей в развивающихся государствах, а также предоставления им реальной и надлежащей помощи в развитии консюмеризма.

3. Третий проект (ROLAC) – подготовлен для южноамериканского региона, включая государства Карибского бассейна. Он реализуется с 1986 года. Главным его назначением является – координация работы и способствование возникающим молодым обществам потребителей, не обладающими еще ни достаточными ресурсами, ни подходящими технологиями.

4. Четвертый проект (PROECT) – создан для экономик промежуточного (переходного) периода с штаб-квартирой в Лондоне. Направлен он на государства Центральной и Восточной Европы, а также страны – бывшие республики СССР. Невзирая на то, что CI осуществляет свои рабочие функции в регионе, начиная с 1989 года, сама программа исполняется с 1993 года. Целью программы является регистрирование обществ потребителей, содействие и помощь в становлении консюмеризма постсоциалистических стран, налаживание между организациями региона близких связей, вовлечение их в интернациональное консьюмерское движение.

5. Пятый проект (ROAF) – был разработан для стран Африки и начал реализовываться в 1994 году, когда CI дополнил свою уже действующую африканскую программу и создал региональные штаб-квартиры в Дакаре (Сенегал) и Хараре (Зимбабве). Для региона издаются информационные бюллетени на английском и французском языках: «African Consumer» и «Consommation – Developement» [1, с. 17].

Благодаря бурно развивающейся международной деятельности CI, и посто-

янно модернизирующейся их потребительской политике, был введен механизм усовершенствования законодательства и налаживания специализированных государственных и общественных связей в защиту потребителей как в развитых, так и в развивающихся государствах.

Отдельные государства (США, Южная Корея, Япония, страны Западной Европы) быстрыми темпами двигаются в направлении осуществления концепции «абсолютной ответственности производителя» за качественные свойства выпускаемых товаров и исполняемых услуг. Например, Япония в области законодательной защиты потребителей использует около пятидесяти согласованных парламентом национальных законов. В Австрии в этой сфере задействовано около двухсот законов, в Соединенных Штатах Америки – сто пятьдесят, в Германии – около восьмидесяти законов, а также более трехсот постановлений правительства. Восполняя друг друга, все эти законы распространяются на все области жизнедеятельности индивида, как потребителя.

Нормативную основу защиты прав потребителей наиболее развитых государств составляют:

1) нормы гражданского права, регулирующие экономический оборот, в числе которых имеются специфичные нормы, применяемые при защите прав потребителей;

2) нормы административного законодательства, упорядочивающие отдельные стороны предпринимательской деятельности (введение ценовой политики, надзор за качеством продукции, рекламная деятельность и т. д.);

3) нормы гражданского и административного права, устанавливающие допустимые законодательством формы и методы деловой конкуренции.

Также в системе национального законодательства развитых стран по защите прав потребителей выделяют девять доминирующих групп законов:

Первая группа упорядочивает вопросы предупреждения физического и материального вреда потребителям.

Вторая группа охватывает правовые нормы о мерах и весах.

Третья группа содержит законы о стандартизации, сертификации и маркировке, в которых производители призываются к необходимости обеспечения соответствия продуктов питания и товаров широкого потребления национальным и международным стандартам, наличия этикеток и других информационных материалов о товаре, а также содержат штрафные санкции, касающиеся недоброкачественной рекламы.

Четвертая группа представляет собой нормативно-правовую базу из законов, предусматривающих непозволительность ограничения конкуренции.

Пятая группа рассчитывает комплекс мероприятий, направленных на укрепление положения потребителей в их контротношениях с предпринимателями.

Шестая группа включает особые правовые статьи о процедурах по улучшению базового уровня правовой компетентности потребителей.

Седьмая группа определяет процедуру урегулирования претензионной процедуры, а, кроме того, предполагает оформление сети консультативных организаций при государственных органах, специализированных консьюмерских институтах, создает возможности признания права за профсоюзами и консьюмерскими организациями представлять интересы в суде от имени потребителей.

Восьмая группа систематизирует правовое регулирование охраны природной среды, что особенно важно в условиях современных реалий, определяющих тесные связи между концепциями потребления и экологией.

Девятая группа является общеуниверсальными законами всеобщей защиты потребителя как физического или юридического лица [3, с. 64].

К сожалению, консьюмеризм как понятие в настоящий период становится синонимом перепотребления, потребительства в его негативном значении. В нашем обществе потребление становится своего рода губительной привычкой,

ониоманией (стремлением что-либо покупать, не обращая внимания на необходимость и последствия покупки).

По результатам исследования немецких врачей, наиболее часто ониомания развивается у женщин на почве отсутствия внимания, ощущения одиночества и душевного вакуума, нуждаемости в признании и любви, а также во время депрессии или стресса из-за потери партнёра. Встречаются и другие мотивы: жажда адреналина. Человек быстро свыкается с необходимостью адреналина и начинает ощущать потребности во всё больших его дозах. Как справедливо отметил автор книги «Нейромаркет в действии. Как проникнуть в мозг покупателя» американский представитель аналитической философии Дэвид Льюис, «сердце покупателя начинает биться быстрее, когда он замечает желанную вещицу, – это не просто слова, а установленный факт» [5]. Такие индивиды находят выход в занятиях экстремальными видами спорта. В торговых центрах также можно получить желаемую дозу адреналина. Таковыми являются принятие решения о покупке и возможная разочарованность, что неизбежно приводит к микрострессам.

Нередко приобретаются не столько товары для индивидуального потребления, сколько своеобразные атрибуты власти, в том числе в виде отношения продавцов к покупателю: почтительность, услужливое обращение, льстивые комплименты. У потребителя возникает иллюзия власти, независимости и контроля над собственной жизнью. Шоппинг отвлекает и снимает у шопоголика депрессию и чувство тревоги, повышает самооценку и веру в себя, позволяет человеку купить то, что сиюминутно захотелось, а не то, что просто необходимо. У индивида возникает впечатление свободы от совершения покупок, даже если они ему совсем не нужны.

Есть масса случаев, когда из-за чрезмерного долга «больного» члена семьи, потерявшего чувство меры, «шоппингомания» приводила к разрушению семьи, ее финансового благосостояния. В ситуации невозможности обеспечить эту самую «манию» у «шопоголика» формируется синдром абстиненции, который выражается в психологической разлаженности, агрессии или депрессивном поведении, заболеваниях сердечно-сосудистой системы, мигренях. Также, согласно последним научным данным, причиной подобной зависимости служит отсутствие внимания в детском возрасте со стороны родителей. Суть сводится к следующему: когда родители не в состоянии создать условия для должного внимания ребенку, они сосредотачивают его внимание на купленных игрушках, приобретаемых развлечениях, новой одежде. Со временем человек видит в свежих покупках своеобразную психологическую защиту.

Для человека, страдающего такой зависимостью, товары и услуги утрачивают собственную значительность и становятся всего лишь элементом причастности к конкретной социальной группе. Мысль о возможности достижения общественного превосходства через использование и потребление укрепляется в сознании покупателя и порождает веру в то, что процесс приобретения способен принести большее удовлетворение, чем сам продукт, который приобретается. Гуманистическое счастье сравнивается с зависимостью от степени потребления, потребление превращается в цель и смысл жизни.

Но одновременно с критиками современного консьюмеризма, есть и его страстные адепты. Они полагают, что процессы, которые неверно истолковываются как маниакальный шопинг и показуха, совсем не причисляются к названным проявлениям. Материальные вещи говорят больше, чем о достатке, они подчеркивают вкус, ментальность, принадлежность к определенной страте и прочие признаки индивида. Показательная трата, по их суждениям, считается базовым элементом доверия со стороны вероятных партнеров.

В заключение необходимо отметить, что первостепенные положения международного и национального законода-

тельства о защите прав потребителей необходимо знать каждому, так как они дают возможность и гражданину-потребителю, и продавцу, и изготовителю, и исполнителю не только приобрести статус равноправного субъекта на рынке товаров, работ, услуг, но и в случае необходимости защитить свои нарушенные права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин И. М. Маркетинг и консьюмеризм. М.: Русская ледовая литература, 2007. 219 с.
2. Власова Т. И., Скиба Э. К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна. Днепропетровск: Изд-во Маковецкий, 2011. 124 с.
3. Линдстром М. Buyology. Увлекательное путешествие в мозг современного потребителя. М.: Эксмо, 2010. 240 с.
4. Алигаджиев М. М. Маркетинг и консьюмеризм (отношение потребителей как особой социальной группы к производителям и маркетологам) // Вопросы структуризации экономики. 2006. №3. С. 38-41.
5. Международные органы по защите прав потребителей // Роспотребнадзор. Государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/organizations/global
6. Руководство по защите прав потребителей. // Конференция Организации
7. Объединенных Наций по торговле и развитию, 30 января 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditccplp2017d1_ru.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Berezin I. M. Marketing i kons'jumerizm. M.: Russkaja ledovaja literatura, 2007. 219 s.
2. Vlasova T. I., Skiba Je. K. Gender i feministskaja teorija v filosofii postmoderna. Dnepropetrovsk: Izd-vo Makoveckij, 2011. 124 s.
3. Lindstrom M. Buyology. Uvlekatel'noe puteshestvie v mozg sovremennogo potrebitelja. M.: Jeksmo, 2010. 240 s.
4. Aligadzhiev M. M. Marketing i kons'jumerizm (otnoshenie potrebitelej kak osoboj social'noj gruppy k proizvoditeljam i marketologam) // Voprosy strukturizacii jekonomiki. 2006. №3. S. 38-41.
5. Mezhdunarodnye organy po zashhite prav potrebitelej // Rospotrebnadzor. Gosudarstvennyj informacionnyj resurs v sfere zashhity prav potrebitelej. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/organizations/global
6. Rukovodstvo po zashhite prav potrebitelej. // Konferencija Organizacii
7. Obedinennyh Nacij po torgovle i razvitiju, 30 janvarja 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditccplp2017d1_ru.pdf

Поступила в редакцию 16.05.2020.
Принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования:
Погарцев В.В. Правовая и социальная природа международного консьюмеризма // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 323-327. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Pogartsev.pdf

https://doi.org/10.5281/zenodo.3897186
УДК 37.022

Саушкин С.О.

Саушкин Станислав Олегович, аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40. E-mail: Illuminat74@mail.ru.

Становление и перспективы дальнейшего развития уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации

Аннотация. В данной статье рассматриваются этапы становления уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации, включая современный этап, связанный с деятельностью Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Анализируются недостатки правового статуса Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и предлагаются возможные пути их решения в целях обеспечения функционирования на территории Российской Федерации эффективной государственной системы защиты прав персональных данных граждан.
Ключевые слова: Персональные данные, конституционные права человека и гражданина, защита прав, неприкосновенность частной жизни, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Saushkin S.O.

Saushkin Stanislav Olegovich, post-graduate, Penza State University, 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: Illuminat74@mail.ru.

Formation and prospects for the further development of authorized bodies for the protection of the rights of personal data subjects in the Russian Federation

Abstract. This article discusses the stages of the establishment of an authorized body for the protection of the rights of personal data subjects in the Russian Federation, including the modern stage related to the activities of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. The shortcomings of the legal status of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications are analyzed and possible solutions are proposed to ensure the functioning of the effective state system for protecting the rights of personal data of citizens in the Russian Federation.
Key words: Personal data, constitutional rights of a person and a citizen, protection of rights, privacy, Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Проникновение информационных технологий во многие аспекты повседневной жизни граждан, начиная от межличностного общения и заканчивая получением государственных услуг, ставит объективную задачу по обеспечению надлежащей защиты их персональных данных.

Очевидно, что эффективность такой защиты в первую очередь обеспечивается надлежащим функционированием государственных органов, уполномоченных на осуществление контрольных полномочий в соответствующей группе правоотношений. Реализация механизма защиты персональных данных зависит от содержания полномочий конкретных органов, их правового статуса.

Данную точку зрения разделяет и И.А. Вельдер, который указывает, что реалии времени, стремительное развитие информационных технологий, активный сбор и обработка персональных данных как в сфере частной жизни, так и в публичных отношениях индивида с организациями и властными структурами заметно меняют содержание правовой категории персональных данных, которая стремительно вырывается за пределы частной жизни. С учетом этого в европейском законодательстве начинается формирование самостоятельного института права на защиту персональных данных [1].

Хронологически первым уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации стала Федеральная служба по надзору в сфере связи, как орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере информационных технологий и связи. Наделение этой службы данными полномочиями произошло в связи с вступлением в законную силу 29 января 2007 года ФЗ «О персональных данных» [2]. Вместе с тем в указанный период фактически не было предпринято никаких практических шагов для становления государственной системы защиты персональных данных при автоматизированной обработке. Во многом это было связано с отсутствием внесения каких-либо изменений в подзаконные акты, которые бы установили соответствующий порядок реализации Федеральной службы по надзору в сфере связи своих полномочий в сфере защиты персональных данных.

Подобное положение дел сохранялось вплоть до создания Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, которая в соответствии с Указом Президента РФ от 12 марта 2007 г. № 320 была образована путем объединения Федеральной службы по надзору в сфере связи и Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия [3].

Важно отметить, что функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в 'области персональных данных были отнесены к компетенции вновь созданной создания Федеральной службу по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия только лишь Постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2007 г. № 878 «О некоторых вопросах деятельности Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия» [4].

Это говорит о том, что государственная система охраны персональных данных граждан при осуществлении автоматизированной обработки фактически не функционировала в течение года, несмотря на создание с вступлением в силу Федерального закона «О персональных данных» нормативной основы для построения такой системы.

Вышеприведенные факты позволяют сделать вывод о том, что на начальном этапе становления государственной защиты персональных данных было допущено нарушение статьи 45 Конституции Российской Федерации, поскольку на данном этапе гарантированная государственная защита права граждан на неприкосновенность частной жизни в контексте защиты персональных данных фактически не обеспечивалась.

С выходом Указа Президента Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 1715 «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» начался новый этап в развитии уполномоченного органа по за-

щите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации. В соответствии с названным указом Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций была преобразована в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) [5].

В соответствии со статьей 23 Федерального закона «О защите персональных данных Роскомнадзор наделен достаточно широким кругом полномочий [2]. Не останавливаясь подробно на их описании, отметим, что право привлекать к административной ответственности лиц, виновных в нарушении ФЗ «О персональных данных» Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций получила сравнительно недавно, с принятием Федерального закона от 7 февраля 2017 г. №13-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [6]. До этого момента, возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.11 КоАП РФ – «нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)», относилось к исключительной компетенции прокуроров. Фактическая передача данного полномочия Роскомнадзору явилось логичным шагом и позволило обеспечить оперативное реагирование на совершение правонарушений в данной сфере за счет исключения бюрократической волокиты, без которой взаимодействие двух крупных государственных структур в настоящее время представляется маловероятным.

Отметим, что предложения о наделении Роскомнадзора данным полномочием неоднократно высказывалось рядом отечественных исследователей [7, 8]. В целом, данная ситуации свидетельствует о стремлении отечественного законодателя к совершенствованию правового статуса уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации. Однако, на сегодняшний день сохраняются определенные законодательные пробелы, не позволяющие обеспечить эффективное функционирование Роскомнадзора в сфере защиты неприкосновенности персональных дан граждан в полном объеме.

Пп. 8 п. 3 статьи 23 Федерального закона «О персональных данных» устанавливает право вносить в Правительство Российской Федерации предложения о совершенствовании нормативного правового регулирования защиты прав субъектов персональных данных [2]. Положениями данной нормы фактически ограничиваются полномочия Роскомнадзора в сфере нормотворчества. Представляется, что подобное положение дел не отвечает в полной мере задаче создания эффективной системы защиты неприкосновенности персональных данных граждан. В этой связи предлагается рассмотреть вопрос о дополнении компетенции Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций полномочием по подготовке заключений на законопроекты, затрагивающие конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных.

Одним из полномочий Роскомнадзора является направление заявления в орган, осуществляющий лицензирование деятельности оператора, для рассмотрения вопроса о принятии мер по приостановлению действия или аннулированию соответствующей лицензии в установленном законодательством Российской Федерации порядке, если условием лицензии на осуществление такой деятельности является запрет на передачу персональных данных третьим лицам без согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Представляется, что данная мера может в перспективе расцениваться как эффективная средство защиты прав субъектов персональных данных от нарушений неприкосновенности соответствующих данных со стороны организаций, осуществляющих лицензируемые виды дея-

тельности. Вместе с тем, данная мера не получила должной реализации на территории Российской Федерации.

Установление запрета на передачу персональных данных третьим лицам в качестве лицензирующего условия является актуальным как минимум для таких видов деятельности как оказание услуг связи, осуществление частной детективной и частной охранной деятельности, медицинской деятельности и др. Вместе с тем, такое условие в соответствующие положения о лицензировании конкретных видов деятельности к настоящему моменту не внесено, что делает реализацию соответствующего полномочия Роскомнадзора фактически невозможной.

Таким образом, можно сделать вывод, что становление уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации осуществлялось не без существенных проблем. Во многом это было связано с новизной самого института защиты персональных данных для отечественного законодательства, с необходимостью поиска надлежащей организационной формой работы данного органа и определения его полномочий. В дальнейшем законодатель пошел по пути расширения прав и компетенции уполномоченного органа, Вместе с тем, необходимость создания на территории Российской Федерации эффективной системы защиты персональных данных объективно требует дальнейшего совершенствования правового статуса уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вельдер И. А. Система правовой защиты персональных данных в Европейском Союзе: дис. ... канд. юр. наук. Казань. 2006. 165 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // «Российская газета». №165. 2006.
3. Указ Президента РФ от 12.03.2007 №320 (ред. от 12.05.2008) «О Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия» // ИПП Гарант. URL: http://base.garant.ru/190790/
4. Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2007 г. №878 «О некоторых вопросах деятельности Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия» //«Собрание законодательства РФ». 2007. №52. ст. 6462.
5. Указ Президента РФ от 03.12.2008 №1715 (ред. от 21.05.2012) «О некоторых вопросах государственного управления в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82325/
6. Федеральный закон от 07.02.2017 №13-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Собрание законодательства РФ». 2017. №7. ст. 1032.
7. Телина Ю. С. Конституционное право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных в России и зарубежных странах: дисс. …канд. юр. наук. М., 2016. 267 с.
8. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации: дисс. … канд. юр. наук. Саранск, 2009. 188 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vel'der I. A. Sistema pravovoj zashhity personal'nyh dannyh v Evropejskom Sojuze: dis. ... kand. jur. nauk. Kazan'. 2006. 165 s.
2. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 N 152-FZ (red. ot 31.12.2017) «O personal'nyh dannyh» // «Rossijskaja gazeta». №165. 2006.

3. Ukaz Prezidenta RF ot 12.03.2007 №320 (red. ot 12.05.2008) «O Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere massovyh kommunikacij, svjazi i ohrany kul'turnogo nasledija» // IPP Garant. URL: http://base.garant.ru/190790/
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 dekabrja 2007 g. №878 «O nekotoryh voprosah dejatel'nosti Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere massovyh kommunikacij, svjazi i ohrany kul'turnogo nasledija» //«Sobranie zakonodatel'stva RF». 2007. №52. st. 6462.
5. Ukaz Prezidenta RF ot 03.12.2008 №1715 (red. ot 21.05.2012) «O nekotoryh voprosah gosudarstvennogo upravlenija v sfere svjazi, informacionnyh tehnologij i massovyh kommunikacij» // SPS Konsul'tantPljus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82325/
6. Federal'nyj zakon ot 07.02.2017 №13-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah» // «Sobranie zakonodatel'stva RF». 2017. №7. st. 1032.
7. Telina Ju. S. Konstitucionnoe pravo grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoj zhizni, lichnuju i semejnuju tajnu pri obrabotke personal'nyh dannyh v Rossii i zarubezhnyh stranah: diss. …kand. jur. nauk. M., 2016. 267 s.
8. Fedosin A. S. Zashhita konstitucionnogo prava cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoj zhizni pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh v Rossijskoj Federacii: diss. … kand. jur. nauk. Saransk, 2009. 188 s.

Поступила в редакцию 10.05.2020.
Принята к публикации 30.05.2020.

Для цитирования:
Саушкин С.О. Становление и перспективы дальнейшего развития уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных в Российской Федерации // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 328-332. URL: http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Saushkin.pdf